

ПЕТР III

Ольга
Елисеева

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Судьба несчастного императора Петра Федоровича, урожденного Карла Петера Ульриха, сына герцога Голштинского, давно привлекает к себе внимание историков. Обладавший с рождения правами на короны двух великих империй — Шведской и Российской, он ни в коей мере не соответствовал своему высокому предназначению и не обладал качествами, достойными политика или просто мужчины. Да и на русском престоле он сумел продержаться чуть более полугода и был свергнут собственной супругой. Но именно ему выпало стать родоначальником мужской линии династии Романовых, прямым предком всех последующих русских императоров. Или — не ему? Относительно рождения единственного сына Петра и Екатерины, будущего императора Павла I, до сих пор высказываются сомнения, но основательны ли они? И основательны ли уверения современников в том, что Петр III был убит в Ропше, а не умер там своей смертью? Об обстоятельствах жизни «третьего императора», о его поведении до восшествия на престол и его коротком правлении, равно как и о тех слухах, которыми по сей день окружено его имя, рассказывает в своей новой книге постоянный автор серии «Жизнь замечательных людей» историк и писатель Ольга Елисеева.

[Адаптировано для AlReader]

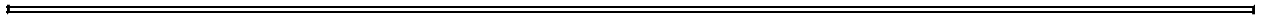

-
- [Ольга Елисеева](#)
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Глава первая](#)
 -
 - [Примечания к разделу](#)
 - [Глава вторая](#)
 -

- [Примечания к разделу](#)
- [Глава третья](#)
 -
- [Примечания к разделу](#)
- [Глава четвертая](#)
 -
- [Примечания к разделу](#)
- [Глава пятая](#)
 -
- [Примечания к разделу](#)
- [Глава шестая](#)
 -
- [Примечания к разделу](#)
- [Глава седьмая](#)
 -
- [Примечания к разделу](#)
- [Глава восьмая](#)
 -
- [Примечания к разделу](#)
- [Глава девятая](#)
 -
- [Примечания к разделу](#)
- [Глава десятая](#)
 -
- [Примечания к разделу](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
 -
- [Примечания к разделу](#)
- [Глава двенадцатая](#)
 -
- [Примечания к разделу](#)
- [Глава тринадцатая](#)
 -
- [Примечания к разделу](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
 -
- [Примечания к разделу](#)
- [ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)
 -

1. **Introduction**
 2. **Background**
 3. **Methodology**
 4. **Results**
 5. **Discussion**
 6. **Conclusion**
 7. **References**
 8. **Appendix**
 9. **Figure 1**
 10. **Figure 2**
 11. **Figure 3**
 12. **Figure 4**
 13. **Figure 5**
 14. **Figure 6**
 15. **Figure 7**
 16. **Figure 8**
 17. **Figure 9**
 18. **Figure 10**
 19. **Figure 11**
 20. **Figure 12**
 21. **Figure 13**
 22. **Figure 14**
 23. **Figure 15**
 24. **Figure 16**
 25. **Figure 17**
 26. **Figure 18**
 27. **Figure 19**
 28. **Figure 20**
 29. **Figure 21**
 30. **Figure 22**
 31. **Figure 23**
 32. **Figure 24**
 33. **Figure 25**
 34. **Figure 26**
 35. **Figure 27**
 36. **Figure 28**
 37. **Figure 29**
 38. **Figure 30**
 39. **Figure 31**
 40. **Figure 32**
 41. **Figure 33**
 42. **Figure 34**
 43. **Figure 35**
 44. **Figure 36**
 45. **Figure 37**
 46. **Figure 38**
 47. **Figure 39**
 48. **Figure 40**
 49. **Figure 41**
 50. **Figure 42**
 51. **Figure 43**
 52. **Figure 44**
 53. **Figure 45**
 54. **Figure 46**
 55. **Figure 47**
 56. **Figure 48**
 57. **Figure 49**
 58. **Figure 50**
 59. **Figure 51**
 60. **Figure 52**
 61. **Figure 53**
 62. **Figure 54**
 63. **Figure 55**
 64. **Figure 56**
 65. **Figure 57**
 66. **Figure 58**
 67. **Figure 59**
 68. **Figure 60**
 69. **Figure 61**
 70. **Figure 62**
 71. **Figure 63**
 72. **Figure 64**
 73. **Figure 65**
 74. **Figure 66**
 75. **Figure 67**
 76. **Figure 68**
 77. **Figure 69**
 78. **Figure 70**
 79. **Figure 71**
 80. **Figure 72**
 81. **Figure 73**
 82. **Figure 74**
 83. **Figure 75**
 84. **Figure 76**
 85. **Figure 77**
 86. **Figure 78**
 87. **Figure 79**
 88. **Figure 80**
 89. **Figure 81**
 90. **Figure 82**
 91. **Figure 83**
 92. **Figure 84**
 93. **Figure 85**
 94. **Figure 86**
 95. **Figure 87**
 96. **Figure 88**
 97. **Figure 89**
 98. **Figure 90**
 99. **Figure 91**
 100. **Figure 92**
 101. **Figure 93**
 102. **Figure 94**
 103. **Figure 95**
 104. **Figure 96**
 105. **Figure 97**
 106. **Figure 98**
 107. **Figure 99**
 108. **Figure 100**
 109. **Figure 101**
 110. **Figure 102**
 111. **Figure 103**
 112. **Figure 104**
 113. **Figure 105**
 114. **Figure 106**
 115. **Figure 107**
 116. **Figure 108**
 117. **Figure 109**
 118. **Figure 110**
 119. **Figure 111**
 120. **Figure 112**
 121. **Figure 113**
 122. **Figure 114**
 123. **Figure 115**
 124. **Figure 116**
 125. **Figure 117**
 126. **Figure 118**
 127. **Figure 119**
 128. **Figure 120**
 129. **Figure 121**
 130. **Figure 122**
 131. **Figure 123**
 132. **Figure 124**
 133. **Figure 125**
 134. **Figure 126**
 135. **Figure 127**
 136. **Figure 128**
 137. **Figure 129**
 138. **Figure 130**
 139. **Figure 131**
 140. **Figure 132**
 141. **Figure 133**
 142. **Figure 134**
 143. **Figure 135**
 144. **Figure 136**
 145. **Figure 137**
 146. **Figure 138**
 147. **Figure 139**
 148. **Figure 140**
 149. **Figure 141**
 150. **Figure 142**
 151. **Figure 143**
 152. **Figure 144**
 153. **Figure 145**
 154. **Figure 146**
 155. **Figure 147**
 156. **Figure 148**
 157. **Figure 149**
 158. **Figure 150**
 159. **Figure 151**
 160. **Figure 152**
 161. **Figure 153**
 162. **Figure 154**
 163. **Figure 155**
 164. **Figure 156**
 165. **Figure 157**
 166. **Figure 158**
 167. **Figure 159**
 168. **Figure 160**
 169. **Figure 161**
 170. **Figure 162**
 171. **Figure 163**
 172. **Figure 164**
 173. **Figure 165**
 174. **Figure 166**
 175. **Figure 167**
 176. **Figure 168**
 177. **Figure 169**
 178. **Figure 170**
 179. **Figure 171**
 180. **Figure 172**
 181. **Figure 173**
 182. **Figure 174**
 183. **Figure 175**
 184. **Figure 176**
 185. **Figure 177**
 186. **Figure 178**
 187. **Figure 179**
 188. **Figure 180**
 189. **Figure 181**
 190. **Figure 182**
 191. **Figure 183**
 192. **Figure 184**
 193. **Figure 185**
 194. **Figure 186**
 195. **Figure 187**
 196. **Figure 188**
 197. **Figure 189**
 198. **Figure 190**
 199. **Figure 191**
 200. **Figure 192**
 201. **Figure 193**
 202. **Figure 194**
 203. **Figure 195**
 204. **Figure 196**
 205. **Figure 197**
 206. **Figure 198**
 207. **Figure 199**
 208. **Figure 200**
 209. **Figure 201**
 210. **Figure 202**
 211. **Figure 203**
 212. **Figure 204**
 213. **Figure 205**
 214. **Figure 206**
 215. **Figure 207**
 216. **Figure 208**
 217. **Figure 209**

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1753

(1553)

Ольга Елисеева

ПЕТР III

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

*На переплете воспроизведен портрет
великого князя Петра Федоровича
работы Ф. С. Рокотова. 1758 г.*

© Елисеева О. И., 2015

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2015

ПРОЛОГ

Сквозь голые стволы лип просвечивают желтоватые руины дворца.

Скелет дома через скелет леса.

Белые колонны и лепная отделка окон давно раскрошились, крыша упала. Строительный хлам и обгоревшие балки мешают пройти по анфиладе комнат. У ног звенит по камням неглубокий ручей — всё, что осталось от водных потех Ропши. Некогда бескрайний парк рассечен шоссейными дорогами и обрезан едва не под самые ступени постройки.

Грустное, безотрадное зрелище.

Такое же, как судьба погибшего здесь в середине XVIII столетия императора Петра III. Внука Петра Великого. Мужа Великой Екатерины. Он кажется таким крошечным рядом с этими исполинами тенями, что его след почти незаметен в русской истории.

Почти.

Тем не менее он жил. Правил. Пусть недолго, но бурно. И даже создал эпоху, в которой всё было вывернуто наизнанку, поставлено с ног на голову, лишено привычного течения. Казалось, сумасшествие охватывает власть, армию, Церковь... Пьяный вихрь под звуки расстроенной скрипки государя.

Похмелье было страшным. В крови. Но многие молились, что в крови одного человека — того, кто мог потянуть за собой тысячи.

Пройдут годы, и исследователи начнут находить в чудачествах Петра многозначные символы, а в бессмысленных, на взгляд современников, поступках — зерна будущих преобразований, прославивших золотой век Екатерины II.

Некоторые даже зададутся вопросом: а не мог бы он сам совершить деяния своей «преступной» супруги? И стать таким же великим? Еще более великим, чем она?

Нет.

Для реформ нужны терпение, твердая воля, ясный ум, знание своей страны и, не в последнюю очередь, любовь к ней. Умение находить компромисс, добиваться поддержки подданных. Всего этого не хватило Петру III.

Но неужели обязательная плата за несовершенство характера — смерть?

За два с половиной века сложился негативный стереотип восприятия Петра, для чего есть все основания. Наивно утверждать, будто стереотип этот появился только под влиянием мемуаров Екатерины II и Е. Р. Дашковой, недоброжелательных к свергнутому императору и сумевших навязать свое мнение позднейшим исследователям. Конечно, названные дамы добавили темных красок к портрету побежденного врага. Однако следует учитывать, что в момент переворота их «Записки» еще не были написаны, а образ Петра III как «злодея всея Руси» уже преобладал в тогдашнем столичном обществе. Иначе не произошло бы самого мятежа.

В ситуации, когда почти все отзывы современников отрицательны, а убийственные характеристики ученых кажутся написанными под копирку, психологически понятно стремление разрушить стереотип, взорвать привычную картину и показать Петра «не таким». Однако изменение сложившихся взглядов возможно только путем привлечения неизвестных ранее источников или нового, более внимательного прочтения старых.

А документы как раз не радуют разнообразием оценок. Положительных практически нет, с огромным трудом удастся найти нейтральные, которые тонут в море неприязненных. В попытке переложить вину за вековую предвзятость на плечи Екатерины II и ее сподвижницы с бойким пером княгини Дашковой есть доля лукавства. Их тексты вычлняются из целого корпуса подобных же и объявляются ложными. Логика вроде бы безупречна: спросите предполагаемого убийцу о жертве, и он нарисует ее самыми черными тонами. Но в кругу источников о злосчастном императоре воспоминания «заинтересованных лиц» вовсе не одиноки. Хуже того, они практически не выделяются из основного потока.

Если изъять из собрания источников мемуары императрицы, картина потеряет в красках, но в целом не изменится. Вряд ли стоит исключать из поля зрения отрицательные отзывы о Петре только потому, что они исходят от Екатерины, а потом вычищать подобные же у остальных современников. Куда интереснее наблюдать, как формировался сложный характер будущего самодержца, не позволивший ему удержать корону на голове?

Можно ли было избежать драмы в Ропше? И если да, то зачем? Чтобы на престоле России оставался монарх, с трудом проводивший грань между собственными выдумками и реальностью?

Жестокие вопросы. Но нам придется ими задаваться. Потому что тайна гибели Петра Федоровича — это не только точная дата смерти. И не только

имя настоящего убийцы или имена тех, кто стоял за ним. Загадка глубже. Почему законный император, внук Петра I, не смог сохранить власть? Был признан «чужим», отвергнут и убит?

Наш рассказ о неисполненном долге. Долге государя перед страной и страны перед государем. О порванных связях. И в конечном счете — о несчастной любви.

Глава первая

«ЧЁРТУШКА»

Карл Петер Ульрих родился 10 февраля 1728 года в портовом городе Киле — временной столице небольшого Голштинского герцогства. Его отец Карл Фридрих был союзником России, скрепив альянс с могущественной соседкой женитьбой на дочери Петра I — красавице Анне Петровне.

Наставник великого князя Якоб фон Штелин (в России — Яков Яковлевич) называл царевну «прелестнейшей из женщин». Именно такое воспоминание оставила она о себе в Германии. Когда в 1727 году российский фрегат прибыл в Киль, дочь великого преобразователя встретило всё местное дворянство. Собравшихся поразила «необыкновенная красота герцогини». Была даже сочинена французская песенка «О брюнетке и блондинке», восхваляющая достоинства обеих цесаревен — Анны и Елизаветы.

Однако Голштиния не сулила очаровательной герцогине счастья. По случаю крестин новорожденного перед дворцом был устроен фейерверк. Внезапно загорелся один из пороховых ящиков, взрывом убило и покалечило несколько человек. Стоит ли говорить, что нашлись люди, увидевшие в случившемся «зловещие предзнаменования»? В тот же день молоденькая герцогиня, пожелав рассмотреть иллюминацию, поднялась с постели и встала у открытого окна на холодном сыром ветру. Фрейлины попытались удержать ее, но она ответила лишь: «Мы, русские, не так изнежены, как вы, и не знаем ничего подобного»^{1[1]}. Ослабленная родами, Анна простудилась и на десятый день после появления сына скончалась от горячки.

«Наследник героя»

Казалось, несчастье свило гнездо у колыбели мальчика. Вдовец был безутешен. На свадебном фрегате он отправил тело двадцатилетней жены в Петербург, где царевну погребли в императорской усыпальнице в Петропавловском соборе. В честь безвременно ушедшей герцог учредил голштинский орден Святой Анны с девизом: «Любящим справедливость, благочестие, веру», который после переезда Петра в Россию стал одним из

отечественных орденов.

Герцог Карл Фридрих Шлезвиг-Голштейн-Готторпский пережил супругу на 11 лет. В момент рождения сына ему исполнилось двадцать восемь и, судя по свадебному портрету, он был недурен собой². Впрочем, ни один принц ни на одном полотне не выглядит уродом. Екатерина II описывала покойного свекра в пренебрежительной манере: «Отец Петра III был принц слабый, неказистый, малорослый, хилый и бедный»³. Еще накануне свадьбы в Петербурге о Карле Фридрихе поговаривали, будто он пьяница и гуляка, а юная невеста привязана к нему больше, чем он к ней⁴. Если сведения верны, то тяга Петра III к чарке и нелестное отношение к женщинам — наследственные.

Современный немецкий этнограф К. Д. Сиверс обнаружил в Шлезвиг-Голштейнском земельном архиве 12 собственноручных рисунков герцога, изображающих пытки и убийства цыган, наводнивших тогда немецкие земли. По словам ученого, эти картинки «выглядят отталкивающими, если не сказать извращенными»⁵. Подобные пристрастия не красят родителя Карла Петера и, если вспомнить отмеченную мемуаристами склонность великого князя мучить животных, позволяют назвать жестокость, или, как выразилась Елизавета Петровна, «нечувствительность к несчастьям людей», семейной чертой будущего императора.

Биограф Петра III А. С. Мыльников отмечает множество совпадений в судьбах отца и сына: оба с малолетства сделались сиротами, оба росли под чужой опекой, умерли «почти одногодками». Вскоре после смерти Анны Петровны Карл Фридрих вступил во второй, теперь уже морганатический (неравный) брак с дочкой пастора Эвой Доротеей Петерсон, которая в 1731 году родила ему девочку Фредерику Каролину. Судя по тому, что Петр III заботился о своей «побочной» сестре — ее супруг Д. Р. Сиверс получил голштинское дворянство, стал флигель-адъютантом императора, а сразу после свадьбы в 1756 году молодые поселились в герцогском замке в Киле — он в детстве не испытал раздражения от свадьбы отца. Вероятно, Эва-Доротея отнеслась к мальчику по-доброму.

Профессор Якоб Штелин, приставленный к наследнику престола уже в России, был весьма мягок в оценках его отца, и это не случайно. Учитель появился возле царевича только в Петербурге и о происходившем в Киле знал со слов мальчика. Он видел герцога глазами Петра, а потому негативные черты скрадывались, а положительные выступали вперед. Под пером ученого герцог был мягок, образован, но, как и большинство немецких принцев, охвачен военной манией: «При дворе только и

говорили, что о службе. Сам наследный принц был назван унтер-офицером, учился ружью и маршировке... Он с малолетства так к этому пристрастился, что ни о чем другом не хотел и слышать... Добрый герцог внутренне радовался, видя в сыне такую преобладающую склонность к военному делу и, вероятно, представляя себе второго Карла XII^[2] в наследнике этого героя»⁶.

Глубоким и радостным переживанием для девятилетнего мальчика стало производство из унтер-офицеров в секунд-лейтенанты. «Тогда при дворе с возможной пышностью праздновали день рождения герцога, — писал Штелин, — и был большой обед. Маленький принц в чине сержанта стоял на часах вместе с другим взрослым сержантом у дверей в столовую залу... [и] у него часто текли слюнки... Когда подали второе блюдо, герцог... поздравил его лейтенантом и позволил ему занять место у стола. В радости от такого неожиданного повышения он почти ничего не мог есть».

Тогда же у мальчика появилась тяга к фамильярности с теми, кто стоял на социальной лестнице ниже его. Об этой черте будут часто писать сторонние наблюдатели — от Екатерины до иностранных дипломатов. Странное дело — петровская простота или елизаветинское отсутствие чванства в обращении с подданными разных рангов почти всегда встречали у современников одобрительную оценку. В Карле Петере это же качество не брало только ленивый. Даже Штелин писал о нем с едва скрываемым раздражением: «Его обхождение с пустоголовыми его товарищами стало свободнее. Он говорил им всегда «ты» и хотел, чтобы они как его братья и товарищи также говорили ему «ты». С этой особенностью восприятия Петра мы будем сталкиваться и в дальнейшем, когда у великого князя станут бранить те черты характера, которые хвалили у других. Видимо, в самой манере мальчика было нечто, не позволявшее принять «равенство» всерьез. Петера окружали молодые военные гораздо старше его. С одной стороны, они не были ему ровней по возрасту, а с другой — по происхождению. В первом случае он должен был оказывать им уважение, во втором — они ему. А двойное нарушение приличий ставило маленького герцога в ложное положение.

Вообще Штелин с неодобрением писал о маниакальном пристрастии своего воспитанника к фрунту: «Он приходил в восторг, когда рассказывал о своей службе и хвалился ее строгостью... Когда производился маленький парад перед окнами его комнаты, тогда он оставлял книги и перья и бросался к окну, от которого нельзя было его оторвать... Иногда, в

наказание за его дурное поведение, закрывали нижнюю половину его окон... чтобы его королевское высочество не имел удовольствия смотреть на горсть голштинских солдат»⁷.

Современный петербургский историк Е. В. Анисимов очень точно подметил, что шагистика, муштра «впитались в душу ребенка и — ирония судьбы! — стали отличительной чертой всех последующих Романовых, буквально терявших голову при виде плаца, вытянутых носков и ружейных приемов^[3]»⁸. Объяснить такое поведение можно только сознательным стремлением на время выйти из жестких рамок одной реальности и переместить себя в другую — менее хаотичную, ясную и строгую. Это была своего рода форма психологической разгрузки, в которой особая маршевая музыка, ритмичный шаг, движение и перестроение цветных квадратов-полков вводили участников в транс, стирая границы окружающего мира. Внутри плаца возникало иное пространство, в котором государи прятались от давящих внешних обстоятельств.

У Карла Петера имелись веские причины уходить в мир фрунтовой игры. В 1739 году мальчик потерял отца, и его жизнь круто изменилась к худшему. Карл Фридрих любил и баловал сына, хотя вряд ли мог стать для него положительным примером. В 1736 году он, вероятно, брал Петера с собой на карательные рейды против цыган, во время которых ворами, попрошайкам и гадалкам отрезали пальцы и уши, их колесовали, клеймили железом, а некоторых сжигали заживо⁹. Подобные зрелища не могли не травмировать детскую психику. Однако со смертью герцога дела пошли еще хуже.

«Тишайший принц»

Опекуном мальчика и регентом его владений стал двоюродный дядя Адольф Фридрих, позднее занявший, вместо племянника, шведский престол. Адольф Фридрих служил епископом в Любеке, жил далеко от Киля и практически не вмешивался в воспитание ребенка, получая донесения от обер-гофмаршала голштинского двора Отто фон Брюмера (Брюммера). Согласно этим докладам Петера обучали письму, счету, французскому и латинскому языкам, истории, танцам и фехтованию. Есть основания полагать, что в отчетах круг предметов показан более широким, чем он был на самом деле.

После прибытия принца в Россию императрица Елизавета Петровна

поразила его крайней неразвитости и невежеству. А ведь она сама была далеко не светочем просвещения. «Молодой герцог, кроме французского, не учился ничему — замечал Штелин, — он... имея мало упражнения, никогда не говорил хорошо на этом языке и составлял свои слова»¹⁰. Однако здесь профессор противоречил самому себе, так как ранее он рассказывал об уроках латыни, которые Карл Петер не выносил, но которые ему старательно навязывались еще отцом.

«Для обучения латинскому языку, к которому принц имел мало охоты, был приставлен высокий, длинный, худой педант Г. Юль, ректор Кильской латинской школы... Сложив крестообразно руки на животе, он с низким поклоном, глухим голосом, как оракул, произносил медленно, по складам слова: «Доброго дня тебе желаю, тишайший принц...». Когда в 1746 году из Киля была привезена в Петербург герцогская библиотека, воспитанник отдал Штелину все книги на латыни, чтобы тот «девал их, куда хотел». А позднее, уже став императором, приказал убрать из дворцовой библиотеки латинские фолианты^[4].

Впрочем, латынь была не худшим наказанием. Карлу Петеру пришлось терпеть оплеухи и затрещины до самой отправки в Россию, то есть до четырнадцати лет, когда подросток очень чувствителен к посягательству на свое человеческое достоинство. Проникнувшись доверием к Штелину, великий князь рассказывал ему, что дома, по приказу «деспотического Брюмера», он «часто по получасу стоял на коленях на горохе, отчего колени краснели и распухали»¹¹. Стремясь истребить в мальчике природное упрямство, наставники обер-гофмаршал Брюмер и обер-камергер Фридрих Вильгельм Бехгольц (Берхгольц) не смущались рукоприкладства, запугивания и площадной брани. Если ребенок вел себя плохо, его привязывали к столу и надевали на шею картинку с изображением осла. Причем делалось это публично, в присутствии придворных¹².

Зачем Брюмеру и Бехгольцу понадобилось так издеваться над сиротой? Скорее всего, они хотели сломать ребенка и полностью подчинить себе, чтобы тем легче управлять небогатым голштинским двором и фактически обкрадывать без того дырявую казну. Во всяком случае, в Петербурге, где оба горе-воспитателя остались при Петре Федоровиче, Брюмер, по свидетельству Штелина, пользовался деньгами, отпускаемыми цесаревичу, как своими собственными.

Здесь уместно привести слова русского просветителя Ивана Ивановича Бецкого, руководившего при Екатерине II Сухопутным шляхетским корпусом, Смольным монастырем и Воспитательными домами

для сирот. В конце 1760-х годов он писал о телесных наказаниях: «Единожды навсегда ввести... неподвижный закон и строго утвердить — ни откуда и ни за что не бить детей... Розга приводит воспитанников в посрамление и уныние, вселяет в них подлость и мысли рабские, приучаются они лгать, а иногда и к большим обращаются порокам. Если обходиться с ними как с рабами, то воспитаем рабов»¹³. Эту нехитрую истину знал добрый Штелин, но грубые Брюмер и Бехгольц ни о чем подобном не догадывались.

Стоит удивляться не тому, что Петр вырос «рабом» своих дурных склонностей и никогда не имел душевных сил с ними бороться, а тому, что в нем вообще проявлялись добрые человеческие качества — простодушие, прямота, искренность. Поскольку шестьдесятю годами позднее в императорской семье применялась сходная система воспитания по отношению к великим князьям Николаю и Михаилу, то нелишним будет познакомиться с их детскими впечатлениями.

Как Петера, мальчиков считали упрямыми, ленивыми и вспыльчивыми, поэтому к ним был прикомандирован очень жесткий наставник генерал-майор М. И. Ламсдорф, назначенный Павлом I в 1799 году директором Сухопутного шляхетского корпуса. «Граф Ламсдорф умел вселить в нас одно чувство — страх, и такой страх и уверение в его всемогуществе, что лицо матушки было для нас второе в степени важности понятий, — вспоминал Николай. — ...Ламсдорф и другие, ему подражая, употребляли строгость с запальчивостью, которая отнимала у нас и чувство вины своей, оставляя одну досаду за грубое обращение, а часто и незаслуженное. Одним словом — страх и искание, как избежать от наказания, более всего занимало мой ум. В учении видел я одно принуждение и учился без охоты. Меня часто, и я думаю, не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко граф Ламсдорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков». Император добавлял, что брат Константин «как будто входил в наше положение, имел графа Ламсдорфа кавалером в свое младенчество»¹⁴.

Действительно, Ламсдорф десять лет прослужил кавалером при Константине Павловиче, но никогда не смел и пальцем его тронуть. Августейшая бабушка не давала разрешения на подобные методы. Генерал только наблюдал безнаказанное хамство последнего на уроках у общего для старших великих князей наставника Цезаря Лагарпа и... копил злость. Константин действительно был несносным мальчишкой, учился трудно, с большим отставанием от Александра. И вот уже не злодей Брюмер, а

кроткий Лагарп называл подопечного «господин осел» и доведенный до отчаяния его поистине наследственным упрямством заставлял писать извинительные записки: «В 12 лет я ничего не знаю, не умею даже читать. Быть грубым, невежливым, дерзким — вот к чему я стремлюсь. Знание мое и прилежание достойны армейского барабанщика. Словом, из меня ничего не выйдет за всю мою жизнь»¹⁵.

То же самое, слово в слово, можно было сказать и о Петере. Чем это не карикатура с изображением осла, повешенная ребенку на шею? Удивительно ли, что из Петра и Константина, которым вдолбили в голову, будто они ни на что не годны, и правда не вышло ничего путного? Позднее именно просвещенный философ-республиканец Лагарп порекомендовал приставить к младшим великим князьям генерала Ламсдорфа, своего родственника, свояка (они были женаты на сестрах). Но что же заставило любящую Марию Федоровну вручить детей такому исчадию ада? «Доверие матушки» тоже зиждилось на страхе, что царевичи, если их не держать сызмальства в ежовых рукавицах, вырастут похожими на брата Константина — вылитого Петра III.

Читая «Записки» Николая, кажется, что Ламсдорф — это перевоплотившийся через полвека Брюмер. Опрокидывая впечатления великих князей в прошлое, можно представить себе, что чувствовал Карл Петер в руках подобного типа. По меткому замечанию учителя французского языка Мильда, Брюмер «подходил для дрессировки лошадей, но не для воспитания принца»¹⁶.

С результатами подобной «дрессировки» будущая невеста Петра Федоровича смогла познакомиться еще в 1739 году. В городке Эйтине, куда София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская приехала вместе с матерью и бабушкой, ей довелось увидеть своего троюродного брата. В тот момент еще никто из собравшихся на большой семейный совет не знал, какая судьба уготована обоим детям. Опекун принца дядя Адольф Фридрих решил показать его многочисленной семье. «Тогда-то я и слышала от этой собравшейся вместе семьи, — вспоминала Екатерина, — что молодой герцог склонен к пьянству, что он был упрям и вспыльчив, что он не любил окружающих... Приближенные хотели выставить этого ребенка взрослым и с этой целью стесняли и держали его в принуждении»¹⁷.

Эта зарисовка из редакции «Записок» Екатерины II 1791 года. В другой, более откровенной версии 1771 года, посвященной старой подруге графине Прасковье Александровне Брюс («которой я могу сказать о себе всё, не опасаясь последствий»), Карл Петер описан доброжелательнее: «Он

казался тогда благовоспитанным и остроумным, однако за ним уже замечали наклонность к вину и большую раздражительность из-за всего, что его стесняло»¹⁸.

Екатерина много слышала о детстве супруга как от него самого, так и от голштинского окружения. Ее мнение практически не разнится с оценкой Штелина, но существенно дополняет последнюю. «Этого принца воспитывали ввиду шведского престола, — писала она о муже. — ...Враги обер-гофмаршала Брюмера, а именно — великий канцлер граф Бестужев и покойный Никита Панин утверждали, что... Брюмер с тех пор, как увидел, что императрица (Елизавета. — О. Е.) решила объявить своего племянника наследником престола, приложил столько же старания испортить ум и сердце своего воспитанника, сколько заботился раньше сделать его достойным шведской короны»¹⁹.

За двумя коронами

В приведенном отрывке Екатерина затронула крайне болезненную для маленького герцога тему — его права на два престола — русский и шведский, которые, казалось, взаимно исключали друг друга. Многие в несчастной судьбе Петра было предопределено происхождением, актами, скреплявшими династические притязания, тяжким политическим положением, в котором оказались родовые владения отца в начале XVIII века. Не зная этой внутренней кухни, трудно понять дальнейшее развитие событий. С самого рождения голштинский принц стал заложником чужих политических интересов, а возмужав, не мог распоряжаться собой без учета рокового наследства. Еще лежа в колыбели, он вызывал надежды одних и горячую ненависть других не сам по себе, а как возможный преемник Петра I и Карла XII.

Каждый выбирает врагов по росту. Когда Россия, «мужавшая с гением Петра», вела затяжную войну со Швецией — страной, уже второе столетие претендовавшей на гегемонию в Северной Европе, — менее могущественный датский двор потихоньку откусывал кусочки от разрозненных и слабых немецких княжеств. Когда в 1702 году скончался дедушка Карла Петера, герцог Фридрих IV, Дания уже отторгла от Голштинии богатое владение — Шлезвиг — и предъявила права на остальные земли. Закрепившаяся в Копенгагене Ольденбургская династия считала, что их родственники Готторпы незаконно занимают престол. Отец

Петера Карл Фридрих оказался фактически безземельным обладателем титула. Ему удалось вернуть себе горсть Голштинских территорий с городом Килем. Но для серьезной войны за Шлезвиг нужен был сильный покровитель²⁰.

До определенного момента таковым считалась Швеция. От Стокгольма ждали помощи: ведь мать Карла Фридриха приходилась старшей сестрой королю Карлу XII. Но солнце уже закатывалось для шведского льва, новым господином на Балтике становилась Россия. Затяжная война измотала силы страны. В 1718 году король-викинг погиб при загадочных обстоятельствах при осаде крепости Фредрикстен: он наблюдал за перестрелкой, когда мушкетная пуля попала ему в левый висок. В Стокгольме сразу же заговорили, что пуля прилетела со шведских позиций. Если эти слухи и не имели оснований, они показывали, насколько общество устало от войны. Наследники Карла — сестра Ульрика Элеонора и ее муж Фредерик Гессенский — не решались ввязываться в дальнейшие авантюры.

Однако они далеко не сразу пошли на мир с «варварской» соседкой. Ништадтские переговоры оказались сложными для дипломатов Петра. Новый шведский король Фредерик I и Государственный совет поначалу вели себя в лучших традициях Карла XII — со спесью и упрямством. К лету 1721 года русский флот и сухопутная армия были готовы к вторжению в Швецию. Но Петр I не упускал и возможность морального давления на противника. Он использовал притязания герцога Карла Фридриха, обладавшего сторонниками в Стокгольме²¹. Ведь старшая сестра Карла XII и ее потомство пользовались преимуществом при занятии освободившегося трона перед младшей и ее супругом. Королева Ульрика Элеонора просто перехватила венец. Недаром муж, отправляясь на осаду Фредрикстена, приказал ей немедленно короноваться, если с королем что-то случится. Красноречивая оговорка.

Законность новой шведской монаршей четы вызывала сомнения, приправленные слухами о мрачных обстоятельствах гибели Карла XII. В этих условиях другой претендент был как нельзя кстати. Петр I начал приближать племянника своего заклятого врага за несколько лет до трагических событий под Фредрикстеном. Еще в 1713 году в Петербурге прошли переговоры о возможной женитьбе юного герцога Голштинского на одной из дочерей Петра, но настоящий интерес Карл Фридрих вызвал у будущего тестя только к весне 1721 года, когда понадобилось как следует надавить на Швецию на переговорах. В марте они встретились в Риге, а в июле герцог прибыл в Россию. Это вызвало объяснимую тревогу

Фредерика I, который понял, что может лишиться короны, если промедлит с заключением мира²².

Интрига удалась. 30 августа 1721 года Ништадтский договор был подписан. Однако Петр не отвернулся от Карла Фридриха. Император считал выгодным получить еще один прибрежный плацдарм, а с ним возможность давить на Данию, которая держала ключи от проливов Северного моря. С другой стороны, иметь под рукой «своего», всегда готового кандидата на шведский престол тоже не мешало. Помолвка царевны Анны Петровны с голштинским герцогом состоялась в 1724 году. До свадьбы великий преобразователь не дожил. Руки молодых соединила уже его супруга Екатерина I.

Она же во исполнение замысла Петра начала в конце 1725 года готовиться к экспедиции против Дании за возвращение Шлезвига²³. Однако ни тогда, ни потом войны не случилось — мешало сопротивление Англии, а позднее недоброжелательное отношение к подобной операции внутри страны. Крошка на карте Европы — Шлезвиг — как-то особенно не полюбился отечественным вельможам и руководителям армии. Сторонники войны с Данией в течение сорока лет не могли сколько-нибудь внятно объяснить, какие интересы Россия преследует так далеко от дома.

Брачный договор Анны Петровны и герцога Голштинского включал важный пункт — молодая чета за себя и за своих детей отказывалась от прав на русский престол. Однако документ оговаривал, что император может призвать в качестве наследника «одного из урожденных... из сего супружества принцев». Этим и воспользовалась впоследствии Елизавета.

В литературе можно встретить сведения о том, что вокруг постели умирающего Петра I развернулась настоящая борьба за наследство, невольной участницей которой стала его старшая и любимая дочь Анна. Именно ей он якобы предвещал корону. Творцом этой версии явился голштинский тайный советник граф Геннинг Фридерик Бассевич, находившийся в России в 1721 году в свите герцога Карла Фридриха и ведший переговоры о заключении его брака с царевной. Записки Бассевича, позднее попавшие к Вольтеру, были использованы философом как один из источников для «Истории Петра Великого». Именно там впервые появилась знаменитая фраза: «Отдайте всё...», сейчас трактуемая специалистами как чистейший вымысел²⁴, и утверждение, будто в последнюю минуту жизни император призвал к себе Анну Петровну для того, чтобы продиктовать ей свою волю. «За ней бегут; она спешит идти, но когда является к его постели, он лишился уже языка и сознания, которое

более к нему не возвращалось»²⁵.

Вопреки букве брачного договора в записках Бассевича настойчиво проводилась мысль, будто Петр I связывал со своей старшей дочерью и ее потомством судьбу российского трона. «В руки этой-то принцессы желал Петр Великий передать скипетр после себя и супруги своей»²⁶.

Воспоминания Бассевича появились на свет в год смерти Елизаветы Петровны и должны были подкрепить и без того основательные с юридической точки зрения права Петра III на престол. Через Вольтера намерения великого реформатора в отношении Анны и ее потомков становились широко известны в Европе²⁷. Отдельной книгой мемуары вышли в 1775 году, как раз в тот момент, когда остро стоял вопрос о праве на корону совершеннолетнего царевича Павла Петровича — отпрыска Голштинской династии. Изданные А. Ф. Бюшингом в Гамбурге на немецком языке, они были предназначены в первую очередь для Европы и подводили читателя к мысли, что «отдать всё» Петр Великий намеревался Анне и ее детям.

Для нас в данном случае важна не достоверность сведений тайного советника, а то, что подобными разговорами поддерживало свои притязания Голштинское семейство. Однако был еще один акт, регулировавший очередность престолонаследия. Скончавшаяся в мае 1727 года Екатерина I оставила завещание. Ее преемником назначался сын царевича Алексея, внук Петра I и полный тезка деда — Петр II. В случае его смерти права на корону переходили по старшинству к Анне Петровне и ее потомству, а затем к Елизавете²⁸. Кроме того, по завещанию Екатерины I Россия должна была оказать Карлу Фридриху поддержку в возвращении Шлезвига.

Исследователи не без оснований полагают, что завещание было во многом «продиктовано» Екатерине I зятем Карлом Фридрихом, которому она благоволила и которого ввела в состав Верховного тайного совета. После ее кончины А. Д. Меншиков, ставший фактически главой государства при малолетнем Петре II, постарался выпроводить Анну Петровну с мужем в Киль. Казалось, удача отвернулась от Голштинского дома, но пока на русском престоле оставалась петровская линия потомства, надежда сохранялась. Она угасла после смерти юного государя и избрания Верховным тайным советом на царство Анны Иоанновны. Выданная замуж в Курляндию Анна представляла другую династическую линию — она была дочерью рано скончавшегося болезненного Ивана Алексеевича, брата Петра I.

Для императрицы Анны голштинский принц, которому исполнилось всего два года, стал реальным соперником: ведь согласно завещанию Екатерины I именно ему теперь полагалось занять престол. Она не раз повторяла: «Чёртушка в Голштинии еще живет». Штелин сообщал со слов очевидцев, что «в угодность» Анне Иоанновне на Голштинию ополчился и венский двор. «В 1736 году по наущению императрицы Анны была прислана в Киль императорско-римская комиссия, чтобы побудить герцога к отречению от отнятого у него владения (то есть от Шлезвига. — *О. Е.*)... Герцог в таком стесненном положении ссылался на своего несовершеннолетнего сына, у которого он ничего не может отнять... Комиссия разошлась без успеха»²⁹.

Две могущественные державы — Россия и Священная Римская империя — давили на крошечную Голштинию, силясь лишить прав ребенка, едва вышедшего из колыбели. Штелин путал дату: совместная русско-австрийская комиссия приезжала в Киль в 1732 году — и недоговаривал о существенном моменте. За отказ от Шлезвига Дания готова была выплатить громадный по тем временам выкуп — «один миллион ефимков», то есть иоахимсталеров.

Такая сумма позволила бы поправить стесненные обстоятельства, в которых жил голштинский двор. Но Карл Фридрих предпочел оставаться бедным и гордым. Его осаждали толпы кредиторов, которым на оплату процентов «едва доставало доходов с половины государства». Часто замок в Киле «принимал печальный вид, а за герцогским столом являлись дырявые скатерти и салфетки»³⁰. Однажды, желая ободрить окружающих, отец указал на колыбель Петера со словами: «Терпение, друзья мои! Он выручит нас из нужды». Или в другой редакции: «Этот молодец отомстит за нас!»

По законам жанра мальчик — обладатель двух корон, отнятых у него недобросовестными родственниками, — должен был вырасти мстителем, Петром I и Карлом XII в одном лице, потрясти Европу, объединить престолы, завоевать полмира, словом, стать великим героем. Но в реальности он не стал никем. Это жизненное фиаско, совершившееся вопреки культурному феномену, само по себе заслуживает изучения и анализа.

«Виват Елисавет!»

Вернемся в Киль. Карл Фридрих понимал, что русская перспектива после вступления на престол Анны Иоанновны стала для сына призрачной. Сразу же после смерти герцога в 1738 году ко двору по приказанию императрицы прибыл русский посланник в Дании А. П. Бестужев-Рюмин. Он вскрыл герцогский архив и без всякого сопротивления придворных изъяс оттуда некие грамоты³¹. Что это были за бумаги? Вероятнее всего, экземпляры брачного договора и копии завещания Екатерины I, позволявшие голштинскому «чёртушке» претендовать на корону. Именно тут корни ненависти Карла Петера к будущему канцлеру Бестужеву.

Оставался шведский вариант. Здесь горизонт выглядел яснее. Королевская чета не имела детей, и, по некоторым косвенным намекам, в Киле понимали, что Карл Петер, отвергнутый на востоке, может быть провозглашен наследником на севере. Сама Ульрика Элеонора ненавидела мальчика так же горячо, как Анна Иоанновна. Когда в 1737 году голштинский посланник тайный советник фон Пелин побывал при шведском дворе, зондируя почву, ему был оказан самый холодный прием. Однако в ригсдаге думали иначе, чем в покоях королевы, — при бесплодии монархини альтернативы маленькому Готторпу не было.

Следовало круто поворачивать руль, вновь меняя покровительствующую державу и знакомя Петера со шведской частью наследства. Это должно было успокоить Петербург. Штелин утверждал, будто до воцарения Анны «принц воспитывался в греко-российском исповедании, и его учил Закону Божию иеромонах греческой придворной церкви». Практически все исследователи, комментировавшие данный пассаж, сомневаются в достоверности сведений профессора. Петеру исполнилось всего два года, когда Анна заняла престол, и его рано было учить Закону Божию³², разве что ходить с ним в придворную церковь. Кроме того, согласно договору, хотя сама герцогиня и сохраняла православие, ее наследники мужского пола становились лютеранами. Однако возможна и компромиссная трактовка. Вскоре после рождения «принц был окрещен евангелическим придворным пастором доктором Хоземаном», но в ожидании русского престола отец не препятствовал иеромонаху, приехавшему вместе с Анной Петровной, возиться с ребенком.

Как бы там ни было, теперь из Петера взялись лепить шведа. Ему преподавали шведский язык, воспитывали в строгом лютеранстве шведского образца. При Кильском дворе служило немало выходцев из Швеции, приехавших еще при бабушке. Некоторые из них остались с великим князем и в Петербурге. «Кого он любил всего более в детстве и в

первые годы своего пребывания в России, — писала Екатерина II о муже, — так это были два старых камердинера: один Крамер, ливонец, другой — Румберг, швед. Последний был ему особенно дорог. Это был человек довольно грубый и жестокий, из драгун Карла XII»³³. Настроения реванша по отношению к империи Петра Великого в Швеции были очень сильны, не даром до конца века России пришлось выдержать еще две войны с северной соседкой. В дипломатической сфере Швеция почти постоянно оставалась зоной напряжения и недоброжелательности.

Неприязнь к родине матери — одно из первых ясно осознанных чувств, которые маленький герцог впитал в своем окружении. Оно подкреплялось еще и известиями о том, как грубо императрица Анна приняла голштинских посланников, прибывших сообщить о кончине Карла Фридриха. Россия в лице самодержицы указывала сироте на дверь, и положения не мог изменить даже ласковый прием посольства царевной Елизаветой. В тот момент она была никем.

Так случилось, что даже детские развлечения, не имевшие дурных целей, символически настраивали Карла Петера на определенный лад. Члены Ольденбургской гильдии Святого Иоганна ежегодно проводили в Голштинии состязание стрелков. Мишенью служила двухголовая деревянная птица, поднятая на несколько метров над землей. Самый меткий удостоивался титула «предводителя стрелков». В 1732 году им стал Карл Фридрих (подаривший гильдии по этому случаю золотое яблоко из приданого своей жены), а пятью годами позднее — девятилетний Петер³⁴. Хорошая забава для будущего русского императора — стрелять в двуглавого орла.

К 1737 году «предводитель» ольденбургских «стрелков» уже был твердо убежден, что станет наследником Карла XII, и неприятности, могущие случиться в Петербурге, его живо интересовали. Упражняясь в шведском, маленький герцог переводил газетные статьи, из которых у Штелина сохранилась одна весьма примечательная — «о смерти императрицы Анны, о наследии ей принца Иоанна и об ожидаемых произойти оттого беспокойствах»³⁵. Беспокойства действительно произошли. Казалось, с провозглашением Иоанна Антоновича русским императором последние надежды для кильского сироты утрачены. Но история выкинула новое коленце.

В ноябре 1741 года одно за другим случились два важнейших события, которые круто изменили судьбу Петера. 24 ноября в Стокгольме скончалась королева Ульрика Элеонора — последняя представительница старой

Пфальц-Цвейбрюккенской династии. Власть перешла к ее мужу Фредерику I, бывшему кронпринцу Гессенскому. После его бездетной смерти возник бы династический кризис. Единственным выходом могло стать призвание в качестве наследника внучатого племянника Карла XII. В Стокгольме были убеждены, что именно так и произойдет. Но в ночь на 25 ноября 1741 года в результате неправдоподобно легкого, будто игрушечного, дворцового переворота корону в России захватила Елизавета. Линия Петра Великого вновь восторжествовала на русском престоле.

И Стокгольм, и Петербург мгновенно повернули головы в сторону Кили. Еще вчера забытый мальчик стал неожиданно нужен всем. И здесь кто успел первым, тот и выиграл. Русский кабинет сориентировался быстрее, чем ригсдаг. Пока депутаты раскачались, пока обсудили, пока пришли к единому мнению. А посланцы Елизаветы Петровны во главе с майором Н. А. Корфом уже примчались в Киль, буквально схватили герцога и инкогнито, под именем графа Дюкера, уволокли в Россию, опасаясь противодействия сразу Дании, Швеции и Пруссии.

Спешный отъезд Петера очень напоминал похищение. Характерно, что об исчезновении герцога при голштинском дворе узнали только через три дня. В этот момент продолжалась Русско-шведская война (1741–1743 годов), начавшаяся еще при правительнице Анне Леопольдовне, матери Ивана Антоновича. Вступление Елизаветы на престол было во многом подготовлено французской дипломатией, покровительствовавшей Швеции. Можно предположить, что со стороны Франции интрига была двухходовой. Сначала свергнуть руками «узурпаторши» маленького императора и его родителей, что, без сомнения, привело бы русскую армию в замешательство. А затем предъявить в качестве наследника шведской короны законного же претендента на русскую. Не приходится сомневаться, что такой оборот дел привел бы Россию к внутреннему кризису. Недаром пожилая и опытная Екатерина II, касаясь в «Записках» истории французского посланника Шетарди, обвиняла его в желании разжечь гражданскую войну³⁶.

Быстрые действия позволили Елизавете выскользнуть из затягивавшейся петли. Возможно, молодой императрице просто повезло. Она сорвала банк. Получила корону, наследника, мир со Швецией и исключительную стабильность своего престола на ближайшие 20 лет. «Виват Елисавет!» — как гравировали тогда на гвардейских шпагах.

Что же означали все эти перемены для юного герцога? Нереализованные планы, которые оплакивал над колыбелью сына Карл Фридрих, начинали волшебным образом сбываться. Уже 5 февраля 1742

года замерзшего Петера привезли в Северную столицу России, «к неопишуемой радости императрицы Елизаветы», как заметил Штелин, а 10-го был отпразднован его 14-й день рождения. Тетка нашла мальчика бледным, хилым, диковатым, но отслужила благодарственный молебен — приезд племянника избавлял ее от множества неприятностей с северными соседями.

А те, наконец, проснулись и затеяли процедуру избрания Карла Петера кронпринцем. В истории с голштинским наследником Петербург и Стокгольм все время бежали наперегонки. Надо признать, что шведы отставали. Когда 25 апреля Елизавета Петровна короновалась в Москве в Успенском соборе, рядом с ней стоял племянник. На всех торжествах она вела его с собой чуть ли не за руку, подчеркивая тем самым свое единство, неразрывную связь с этим мальчиком, и при всяком удобном случае называла его «внуком Петра Великого». Точно так же двадцатью годами позднее Екатерина II на коронации будет «прикрываться» Павлом. В описанном поведении был немалый смысл. Ведь по завещанию Екатерины I сын Анны Петровны имел преимущественное право занять престол по сравнению со своей теткой. Он был законным государем. Конечно, Елизавета не собиралась передавать ему корону тотчас. Но она провозгласила Карла Петера преемником и, таким образом, как бы узаконила собственное положение³⁷.

После коронации мальчик был назначен подполковником Преображенского полка (и с этого дня стал ходить в преображенском мундире), а также подполковником Лейб-кирасирского полка. Вспомним, с какой радостью девятилетний Петер принял свое назначение секунд-лейтенантом почти игрушечной голштинской гвардии. Никаких эмоций по поводу столь лестного для четырнадцатилетнего подростка производства в подполковники (полковником всех гвардейских полков была сама императрица) Штелин не зафиксировал. Хотя отметил, что «фельдмаршал Ласси как подполковник того же полка» стал подавать царевичу ежемесячные рапорты. Казалось бы, сколько удовольствия для принца, обожавшего играть в армейщину. Но нет. Петер остался глух к чужим регалиям.

17 ноября наследник Елизаветы принял православие, стал называться Петром Федоровичем и был провозглашен великим князем. Этот шаг сжигал за ним мосты. Он больше не мог претендовать на шведскую корону, да и оставаться голштинским герцогом после смены веры стало для него затруднительно. И только в середине декабря в Петербург прибыла делегация из Стокгольма объявить, что ригсдаг предлагает Карлу Петеру

шведскую корону. Какое непростительное опоздание!

Дипломатическая война между Петербургом и Стокгольмом продолжалась еще более года, одновременно с войной настоящей. 7 августа 1743 года в Або был подписан мирный договор. Кроме прочего, он решил, наконец, вопрос о наследнике. От имени Петра Федоровича русская сторона передала его права дяде-регенту Адольфу Фридриху, который и стал шведским королем. Сам великий князь подписал отказ от всяких притязаний на корону северной соседки.

Отныне он принадлежал только России. Так считали в Петербурге. Но сам мальчик думал, что принадлежит Голштинии, и именно ее называл домом. Разубедить его оказалось невозможно.

«Кильский молитвенник»

«Этот принц был крещен и воспитан по лютеранскому обряду, самому суровому и наименее терпимому, — писала Екатерина о муже, — так как с детства он был всегда неподатлив для всякого наказания. Я слышала от его приближенных, что в Киле стоило величайшего труда посылать его в церковь по воскресеньям и праздникам и побуждать его к исполнению обрядностей и что он большею частью проявлял неверие»³⁸. Мы так привыкли воспринимать Петра Федоровича убежденным лютеранином, что строки Екатерины кажутся откровением. Между тем императрице можно верить: она зафиксировала важную черту супруга, отмеченную и другими наблюдателями, — неподатливость и несклонность к переменам. Проще говоря, упрямство. Или твердость. Кому как нравится.

Раз избрав линию поведения, юноша уже не менял ее под давлением обстоятельств. Оставался верен себе. Модель отношений с наставниками в приведенной картине важнее религиозных предпочтений. На Петра нажимали, он сопротивлялся. Не важно, лютеранству на родине или православию в России. В отличие от жены великий князь не подстраивался под ситуацию, шел напролом. Екатерина сгибалась, не ломаясь, и тем самым уходила от прямого насилия над своей личностью. Царевич продолжал стоять, пока его не сминали угрозами, побоями, изоляцией. Или подкупом.

Штелин описал, как была озабочена Елизавета Петровна переходом племянника в православие, как во время обряда 17 ноября 1742 года «показывала принцу, как и когда должно креститься, и управляла всем торжеством с величайшею набожностью. Она несколько раз целовала

принца, проливая слезы, и вместе с нею все придворные»³⁹. Потом императрица отправилась в покои великого князя, велела вынести оттуда старую мебель и внести новый великолепный «туалет». В золотой бокал, стоявший на столике, государыня положила вексель на 300 тысяч рублей наличными — особый дар для новоиспеченного цесаревича. Никто почему-то не задумался о том, что чувствовал по поводу случившегося виновник торжества. Ведь молчание и подчинение — не всегда знаки согласия.

Напрасно думать, будто Петр сменил веру, как платье. Прежде всего такой переход ассоциировался для него с потерей. Петр не испытал радости, отказавшись от шведского престола: ведь когда из наших рук уходит что-то, что мы привыкли считать своим, естественно сердиться. В данном случае винить юноша мог только Елизавету. А шире — Россию. Однажды во время утреннего туалета он сказал камердинеру Румбергу: «Да, кабы шведы меня к себе наперед взяли, то я б больше вольности себе имел!»⁴⁰ И действительно, мы не раз будем говорить о стесненном положении, в котором жил великий князь.

Во-вторых, пострадала самоидентификация ребенка: религиозная, национальная, личностная. Поменялось даже имя. А для такого впечатлительного существа, каким был Петр, подобные перемены приводили к растерянности и, как следствие, к страху. Кто я? Где я? Чей я?

Мальчик едва привык видеть в себе шведа и лютеранина, как ему начали внушать, что он русский и православный. Личность ребенка лепили и стирали, лепили и стирали. Причем лепили из неподатливого материала, а стирали неумелыми руками. Единственной реакцией на подобные эксперименты могло стать желание сделаться самим собой. А потому Петр ожесточенно спорил с новым духовным наставником Симоном Тодорским «относительно каждого пункта». «Часто призывались его приближенные, чтобы решительно прервать схватку и умерить пыл, какой в нее вносили, — писала Екатерина II, — наконец с большой горечью он покорялся тому, чего желала императрица, его тетка, хотя он и не раз давал почувствовать, что предпочел бы уехать в Швецию»⁴¹.

Венценосная тетка едва ли не силой навязала племяннику наследие Петра Великого. И считала, что осчастливила мальчика. Поскольку само по себе это наследие — могущественная держава — выглядело очень завидным. Однако перемены своего положения Петр переживал без радости.

Наконец, юноша внутренне определился. Он, скорее всего, — немец, вернее голштинiec, это у него единственное свое, природное. И он не

переносит церковных церемоний, что, кстати, не мешает верить в Бога. Штелин писал, что его ученик «не был ханжою, но и не любил никаких шуток над верою и словом Божиим. Был несколько невнимателен при внешнем богослужении, часто позабывал при этом обыкновенные поклоны и кресты и разговаривал с окружающими... Чужд всяких предрассудков и суеверий. Помыслом более протестант, чем русский... Имел всегда при себе немецкую библию и кильский молитвенник, в которых знал наизусть некоторые из лучших духовных песней»⁴².

Отзывы Екатерины II куда резче, но в них иной тон, а не суть сказанного. Императрица подтверждала, что Петр не терпел показного благочестия. Незадолго до свадьбы, во время Великого поста, он с запальчивостью выговорил невесте за то, что в ее покоях служили утреню: «Стал очень меня бранить за излишнюю набожность, в которую, по его мнению, я впала»⁴³.

В 1746 году, когда великому князю исполнилось 18 лет, канцлер А. П. Бестужев-Рюмин составил инструкцию для обер-гофмаршала малого двора. Согласно этому документу следовало всячески препятствовать наследнику проявлять во время богослужения «небрежение, холодность и индифферентность (чем в церкви находящиеся явно озлоблены бывают)»⁴⁴. Тогда же бывший прусский посланник Аксель фон Мардефельд замечал о цесаревиче: «Не скрывает он отвращение, кое питает к российской нации, каковая, в свой черед, его ненавидит, и над религией греческой насмехается»⁴⁵. Его преемник Карл фон Финкенштейн через год добавлял к сказанному о Петре: «Охотно разглагольствует против обычаев российских, а порой и насчет обрядов Церкви Греческой отпускает шутки»⁴⁶.

Не изменил Петр принятой линии поведения и по прошествии пятнадцати лет. В 1761 году секретарь французского посольства Ж.-Л. Фавье сообщал о наследнике: «Иностранец по рождению, он своим слишком явным предпочтением к немцам то и дело оскорбляет самолюбие народа... Мало набожный в своих приемах, он не сумел приобрести доверия духовенства»⁴⁷.

Итак, все приведенные авторы отмечали у Петра две преобладающие черты. Ощущение себя немцем и скрытую приверженность лютеранству. За эти составляющие своей личности будущий император схватился, как за спасательные круги. Сразу по приезде в Россию они помогли его «я» не исчезнуть. Отталкиваясь от них, он построил отношения с остальным миром, которые... в один несчастный день и привели его к гибели.

Другой вопрос, в котором не сходились мнения Екатерины и Штелина, — образование Петра. Супруга с немалым раздражением писала, что к прежним голштинским приближенным прибавили «для формы» несколько учителей: «одного Исаака Веселовского, для русского языка — он (Петр. — О. Е.) изредка приходил к нему в начале, а потом и вовсе не стал ходить; другого — профессора Штелина, который должен был обучать его математике и истории, а в сущности, играл с ним и служил ему чуть ли не шутом. Самым усердным учителем был Ландэ, балетмейстер, учивший его танцам»⁴⁸.

Уничижительная и намеренно утрированная характеристика. Усердие балетмейстера только оттеняет нерадение других педагогов. Точно так же думал и Штелин: «К разным помешательствам в уроках молодого герцога с наступлением осени присоединились уроки танцевания французского танцмейстера Лоде... Принц должен был выправлять свои ноги, хотя он и не имел к тому охоты... Видеть развод солдат во время парада доставляло ему гораздо большее удовольствие, чем все балеты»⁴⁹.

Достойный профессор едва сдерживал раздражение: ведь балетмейстер отбирал драгоценное время от более серьезных занятий. Между тем танцы Петру были просто необходимы: на них угловатый, неуверенный подросток с резкими жестами учился двигаться, причем двигаться на публике, что для будущего монарха крайне важно. Только бал и парад избавляли человека того времени от стеснения и приучали не робеть при стечении зрителей. Так что Ландэ не зря ел хлеб.

Перейдем к русскому языку. Екатерина II не скрала в мемуарах истории о том, как перед принятием православия жених помог ей правильно выбрать лингвистический ориентир для подражания. «Так как у псковского епископа, с которым я твердила свое исповедание веры, было украинское произношение, Ададуров же (учитель русского языка. — О. Е.) произносил слова, как все говорят в России, то я часто подавала повод этим господам поправлять меня... Видя, что эти господа вовсе не были согласны между собою, я сказала это великому князю, который мне посоветовал слушаться Ададунова, потому что иначе, сказал он, вы насмешите всех украинским произношением»⁵⁰.

Этот эпизод показывает, что, вопреки утвердившемуся мнению, в 1744 году Петр Федорович уже более или менее освоился с русским языком и даже мог различить акценты. Петр был музыкальным мальчиком и легко

уловил разницу в звучании одних и тех же слов на коренном русском и на малороссийском наречиях. Обратим внимание, что учитель русского — Исаак Веселовский, брат видных петровских дипломатов Авраама и Федора, член Коллегии иностранных дел, — упомянут только в мемуарах Екатерины. Штелин, претендующий на постоянное пребывание при особе цесаревича «все время, до и после обеда», не проронил о нем ни слова.

Профессор был убежден, что русскому его воспитанника учил Тодорский одновременно с основами православия. Он «занимался с ним еженедельно 4 раза по утрам русским языком и Законом Божиим. Когда молодой герцог уже выучил катехизис, и пришло известие о смерти шведского короля, тогда стали спешить приготовлениями приобщению герцога православной церкви»⁵¹. Вот здесь-то, согласно Штелину, и закончилось знакомство Петра с языком нового отечества. Немного, надо сказать. С февраля по ноябрь 1742 года. Дальнейшее должна была сделать языковая среда.

Однако императрица Елизавета вовсе не была настолько беспечна, чтобы пустить дело на самотек. Это видно на примере великой княгини Екатерины, которой она дала несколько горничных, говоривших только по-русски, чтобы «облегчить» изучение языка. Да и Ададуров не покинул царевну сразу после принятия православия. Неужели в отношении племянника августейшая тетка не проявила такой же заботы? Трудно поверить, что скромной невесте были даны два учителя — один для русского языка, другой для православных догматов, а наследник престола довольствовался одним. Вероятно, Веселовский сменил Тодорского, когда мальчик принял православие.

Сохранился текст, написанный великим князем на русском языке. Это ученическая работа, исполненная, мягко говоря, без блеска. Она не дает оснований утверждать, что «довольно скоро Петр Федорович овладел русским языком»⁵². По прошествии года и трех месяцев после приезда в Россию он не мог строить самостоятельные фразы по-русски, но научился переводить с немецкого, подставляя слова. Сочинение «Краткие ведомости о путешествии Ея Императорского величества в Кронштадт. 1743. Месяца Майя»⁵³ было сначала написано по-немецки, а затем переведено. Единичность этого опыта свидетельствует не в пользу регулярности занятий.

Екатерина II полюбила язык своей новой родины. А Петр — нет. Обладая музыкальным слухом и «отличной до крайних мелочей»⁵⁴ памятью, что, несомненно, облегчает изучение языка, он просто не хотел

говорить по-русски. Видимо, воспринимал уроки Тодорского — Веселовского как насилие над собой. И противопоставлял давлению упрямство. В результате, по свидетельству практически всех писавших о Петре очевидцев, он постоянно изъяснялся на немецком и к русскому прибегал крайне неохотно. Так, Никита Иванович Панин отмечал, что великий князь «по-русски говорил редко и весьма дурно»⁵⁵.

По словам Штелина, такая же картина сложилась с французским. Великий князь «никогда не говорил хорошо на этом языке и составлял свои слова»⁵⁶. Подобное свидетельство кажется более чем странным на фоне сохранившихся собственноручных записок Петра по-французски. Даже делопроизводственную корреспонденцию с Тайным правительственным советом, руководившим от его имени Голштинией, герцог вел на французском⁵⁷. Возможно, профессор считал предметы, которые преподавал Петру Федоровичу *не он*, не такими уж важными? И преуменьшая успехи ученика в «чужих» областях, преувеличивал в своих?

Память великого князя, точно под лупой выхватывавшая самые незначительные предметы, — черта наследственная, отличавшая впоследствии Павла I и его сыновей. Они обращали внимание на тончайшие детали оружия, формы, фортификационных сооружений, платья, церемониалов и т. д. Но болезненное внимание к подробностям, порой закрывающим целое, — свойство развивающейся шизофрении. Как в басне: «Слона-то я и не приметил». Прусский посланник К. В. Финкенштейн писал о Петре в 1748 году: «Привержен он решительно делу военному, но знает из одного одни лишь мелочи»⁵⁸. Эти-то мелочи и составляли для Петра главное. Точно так же, как с войной, дело обстояло и с лингвистикой: за россыпью слов он не видел языка, народа, страны...

«Палец с руки» Петра Великого

Но самый трудный вопрос в образовании Петра Федоровича — это собственные уроки профессора. По приезде Петра в Россию императрица Елизавета озаботилась получить из-за границы планы воспитания европейских коронованных особ. На их основании были составлены проекты обучения ее племянника. Один из них принадлежал статскому советнику фон Гольдбаху, бывшему наставнику Петра II. Другой — члену Российской академии наук Якобу фон Штелину. Последний пришелся государыне больше по душе, потому что «он особенно соответствовал

именно этому, а не какому другому принцу». В скромности профессору не откажешь: еще не увидев Карла Петера, ученый муж уже знал, что тому подходит.

Впрочем, кандидатура была выбрана удачно. Уроженец Швабии и выпускник Лейпцигского университета, Штелин сам приехал в Россию в 1735 году, то есть всего за семь лет до своего ученика, и не только по происхождению, но и по всей прошлой жизни был для мальчика своим — немцем. В юности он дружил с сыновьями И. С. Баха, играл на флейте в студенческом оркестре под управлением знаменитого композитора. Увлечение музыкой также сближало наставника с принцем. Еще на родине Штелин создавал проекты иллюминаций и фейерверков, а Петр страстно любил последние. Кроме того, не мог пропустить ни один из пожаров — отличался родом пиромании. Таким образом, великому князю «особенно соответствовал» не столько план занятий, сколько сам педагог.

Если у Петра Федоровича имелись хорошие задатки, то развить их мог только такой энциклопедически образованный человек, как Яков Яковлевич. Кажется, не было области культурной жизни, которой бы не касались его труды. Он писал оды, редактировал немецкое издание «Санкт-Петербургских ведомостей», сочинял статьи по философии, истории, музыке, изобразительному искусству, нумизматике, составлял каталоги художественных коллекций. Ему принадлежит издание книги «Подлинные анекдоты о Петре Великом»^[5], для которой Штелин много лет собирал материалы⁵⁹.

Вместе с тем профессор не был и кабинетным сухарем. Напротив, он старался составить программу так, чтобы как можно больше рассказать мальчику без нажима и тупого зазубривания, развлекая и отвлекая от скучной стороны учебы. Возможно, тут Штелин переусердствовал, и именно эта черта занятий дала Екатерине повод сказать, что профессор больше играл, чем учил ее супруга. «Он прочитывал с ним книги с картинками, — писал о себе Яков Яковлевич в третьем лице, — в особенности с изображением крепостей, осадных и инженерных орудий; делал разные математические модели, устраивал из них полные опыты. Приносил по временам старинные русские монеты и рассказывал при их объяснении древнюю русскую историю, а по медалям — Петра I»⁶⁰.

Два раза в неделю педагог читал царевичу газеты и «незаметно объяснял основание истории европейских государств, при этом занимал его ландкартами этих государств и показывал их положение на глобусе... Когда принц не имел охоты сидеть, он ходил с ним по комнате взад и вперед и

занимал его полезным разговором».

Обучение строилось как бы исподволь, закрывая любопытными вещами — монетами, картами, моделями для опытов — сам предмет. Внимание мальчика фиксировалось на «мелочах», которые Петр так ценил. Нельзя отказать профессору ни в передовом стремлении к учебным пособиям, ни в понимании психологии подопечного. Недаром он «приобрел любовь и доверенность принца».

В «Экстракте из журнала учебных занятий его высочества...» Штелин отлично описал свои методы: «...При всяком разговоре напоминалось слышанное... На охоте, по вечерам для препровождения времени, просматривались все книги об охоте с картинками... При плафонах и карнизах объяснены мифологические метаморфозы и басни... При кукольных машинах объяснен механизм и все уловки фокусников... При пожаре показаны все орудия и... заказаны в малом виде подобные инструменты в артиллерии... На прогулке по городу показано устройство полиции... При министерских аудиенциях объяснено церемониальное право дворов»⁶¹.

Сама Елизавета поставила перед наставником такую задачу. «Я вижу, что его высочество часто скучает, — сказала она на первой же аудиенции, — ...и потому приставляю к нему человека, который займет его полезно и приятно».

Нужно было заполнить пустое время Петра интересными и необременительными вещами. О том, что знания далеко не всегда даются без труда, следовало пока забыть. Мальчика не приучали работать, чтобы добывать крупинки фактов. И как только мягкое, неприметное навязывание информации прекратилось, Петр забыл, чему учился.

Профессор не скрывал, что занятия шли урывками. Елизавета сразу возложила на цесаревича представительские функции, постоянно возила его с собой и предъявляла как своего наследника — гаранта собственных прав. Штелин не понимал, зачем это делается, и восставал против «разных рассеянностей».

Напрасно полагать, будто одна Екатерина II жаловалась на оловянных солдатиков супруга. Ей они мешали в постели, а Штелину — на уроках: «У принца были и другие развлечения и игры с оловянными солдатиками, которых он расставлял и командовал ими... Едва можно было спасти от них утренние и послеобеденные часы».

Апеллируя к запискам Штелина, принято утверждать, что у Петра III были способности к точным наукам. Однако педагог писал только, что его ученику нравились геометрия и фортификация: «Учение... шло

попеременно то с охотой, то без охоты, то со вниманием, то с рассеянностью. Уроки практической математики, например, фортификации, инженерных укреплений, шли еще правильнее прочих, потому что отзывались военным делом. Иногда преподавалась история, нравственность и статистика (экономическая география. — О. Е.), его высочество был гораздо невнимательнее».

Вот и всё относительно способностей Петра Федоровича к точным наукам. Они «шли правильнее прочих», не более. Дисциплины, преподававшиеся Петру, входили как бы в три большие темы: история и география, математика и физика, мораль и политика. Каждый из трех уроков бывал два раза в неделю. Итого, шесть уроков за неделю. Наследника не перегружали. Тем не менее мальчик страдал приступами слабости, которые тоже мешали продолжению занятий. Уроки могли продолжаться от получаса до часа, но иногда время указано иначе: «до обеда» и «после обеда» — что позволяет надеяться на большую продолжительность.

Оценки фиксировали не только успехи, но и отношение ученика к делу. Рисунки профилей укреплений — «неутомимо», «прекрасно». География и история — «с нуждой», «совершенно легкомысленно», «беспокойно, нагло, дерзко». Последние три замечания относились к любопытным темам. Штелин начал рассказывать Петру о Дании — старом противнике Голштинии — и едва смог заставить мальчика слушать: в такое негодование тот пришел. Потом перешел к Русской Смуте начала XVII века: «Продолжали историю самозванцев с показанием выгод, какие хотели себе извлечь из России соседние державы и частью извлекли»⁶². Петр не воспринял рассказ всерьез. Проблемы потерянных русских земель волновали его куда меньше, чем Шлезвиг.

Мальчик искренне любил фортификацию и основания артиллерии. Позднее внуки Петра разделят эту страсть: Николай станет военным инженером, Михаил — артиллеристом, даже в детстве один будет строить крепости из песка, другой их ломать, закидывая камнями. Петр Федорович охотно изучал две толстые книги — «Сила Европы» и «Сила империи», в которых рассказывалось об укреплениях главных европейских и русских крепостей. Тогда же было положено начало «фортификационному кабинету» великого князя. В нем в двадцати четырех ящиках находились «все роды и методы укреплений, начиная с древних римских до современных, в дюйм, с подземными ходами, минами и проч.; все это было сделано очень красиво по назначенному масштабу... Этот кабинет, в двух сундуках по 12 ящиков в каждом, был окончен в продолжение трех лет...

куда он после того девался, я не знаю^[6]»⁶³.

Однажды великий князь должен был мелом нарисовать на полу, обитом зеленым сукном, чертеж крепости с плана, увеличив его в размере. На это ушло несколько вечеров. Когда чертеж был почти готов, внезапно вошла императрица, застав Петра с циркулем в руках, распоряжающегося двумя лакеями, которые проводили линии. Елизавета Петровна несколько минут простояла за дверью, наблюдая за занятиями племянника. Она поцеловала царевича и со слезами в голосе сказала: «Не могу выразить словами, какое чувствую удовольствие, видя, что ваше высочество так хорошо употребляет свое время, и часто вспоминаю слова моего покойного родителя, который однажды сказал со вздохом вашей матери и мне, застав нас за ученьем: «Ах, если бы меня в юности учили так, как следует, я охотно отдал бы теперь палец с руки моей».

Как бы ни была Петру Федоровичу противна история, Штелин добился, чтобы его воспитанник к концу первого года обучения «мог перечислить по пальцам всех государей от Рюрика до Петра I». Однажды за столом «поправил он ошибку фельдмаршала Долгорукого и полицеймейстера графа Девиера касательно древнейшей русской истории. При этом императрица заплакала от радости»⁶⁴.

И вот здесь возникает вопрос: до какой степени доверять словам профессора? Быть может, он преувеличивал успехи ученика? Московский исследователь А. Б. Каменский приводит слова видного историка XIX века М. П. Погодина, работавшего с архивом Штелина: «Перебрав многие сотни всяких его бумаг, я пришел к убеждению, что это была воплощенная немецкая точность, даже относительно ничтожнейших безделиц»⁶⁵. Такая характеристика заставляет с доверием отнестись к сведениям «Записок».

Но Штелин известен отечественной историографии и с другой стороны. Перед публикацией «Анекдотов о Петре Великом» он показал их крупному историку М. М. Щербатову и, опираясь на его авторитет, утверждал, будто знаменитое «Прутское письмо» Петра I — подлинно. В то время как сам Щербатов выразился об этом документе очень осторожно: «Вид истины имеет». В 1711 году, находясь в лагере на реке Прут, где русские войска были окружены турками и ждали поражения, Петр написал в Сенат послание, предоставляя сенаторам право в случае его смерти избрать «между собою достойнейшего мне в наследники». Это письмо вызвало жаркие дискуссии специалистов. Современные исследователи считают его апокрифом, сочиненным самим Штелином на основании письма А. А. Нартова^[7], сына известного царского механика⁶⁶.

Зная эти подробности, следует с осторожностью относиться к сведениям Штелина. Его мемуары совсем не так просты для исследования, как может показаться. Да и с «немецкой точностью» дело обстоит не вполне благополучно. Профессор неверно указал время прибытия Карла Петера в Россию (декабрь 1741 года вместо февраля 1742-го), привел известие о воспитании маленького голштинского герцога в православных традициях, допустил путаницу с учителями русского языка. А его сведения о французском языке великого князя не подтверждаются сохранившимися источниками. Наконец, он утверждал, что во время болезни Петра оспой его невеста Екатерина находилась вместе с Елизаветой в Хотилове, в то время как Екатерину не пустили к хворому жениху. Из таких «ничтожнейших безделиц» создается репутация текста.

Приведем один пример. Штелин писал о страсти великого князя к книгам: «У него была довольно большая библиотека лучших и новейших немецких и французских книг». В другом месте замечено, что Петр «охотно читал описания путешествий и военные книги»⁶⁷. Кому как не библиотекарю (а с 1745 года Штелин стал библиотекарем царевича) знать круг чтения своего господина? Екатерина же со всегдашним раздражением бросает, что ее муж увлекался бульварной литературой. На кого опереться? Всегда нужны дополнительные источники для проверки. Инструкция А. П. Бестужева обер-гофмаршалу 1746 года требовала «всячески препятствовать чтению романов»⁶⁸. О вкусах не спорят: кому-то дорог Вольтер, кому-то Лакло. Однако вряд ли канцлер стал бы запрещать «описания путешествий и военные книги», столь приличествующие наследнику престола.

Значит, кое о чем профессор умалчивал. Причину его снисходительного отношения к Петру понял прусский министр Финкинштейн. «Те, кто к нему приставлен, — писал он о преподавателях великого князя, — надеются, что с возрастом проникнется он идеями более основательными, однако кажется мне, что слишком долго надеждами себя обольщают»⁶⁹.

Примечания к разделу

¹ Штелин Я. Записки о Петре III // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 11.

² Старк В. П. Портреты и лица. СПб., 1995. С. 16–19.

³ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 253.

⁴ Мыльников А. С. Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2002 (серия «ЖЗЛ»). С. 51.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Штелин Я. Указ. соч. С. 12–13.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»). С. 380.

⁹ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 54–55.

¹⁰ Штелин Я. Указ. соч. С. 16.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Мыльников А. С. Указ. соч. С. 58.

¹³ Полное собрание законов (далее — ПСЗ). Т. XVI. С. 345.

¹⁴ Николай I. Записки // Николай Первый и его время. Документы. Мемуары. Т. I. М., 2002. С. 82–83.

¹⁵ Кучерская М. А. Константин Павлович. М., 2005 (серия «ЖЗЛ»). С. 42.

¹⁶ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 58.

¹⁷ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 253.

¹⁸ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 8. С. 82.

¹⁹ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 252–253.

²⁰ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 49.

²¹ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 401.

²² Там же. С. 426.

²³ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 50–51.

²⁴ Павленко Н. И. Три так называемых завещания Петра I // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 139–142.

²⁵ Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича. М., 1866. С. 168.

²⁶ Там же. С. 172.

- ²⁷ Козлов В. П. Тайны фальсификации. М., 1994. С. 45–50.
- ²⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1956. Кн. X. Т. 19. С. 315.
- ²⁹ Штелин Я. Указ. соч. С. 12.
- ³⁰ Там же. С. 14.
- ³¹ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 54.
- ³² Каменский А. Б. От Петра III к Екатерине II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 309.
- ³³ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 252.
- ³⁴ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 55–56.
- ³⁵ Штелин Я. Указ. соч. С. 15.
- ³⁶ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 9. С. 79.
- ³⁷ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 101–102.
- ³⁸ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 254.
- ³⁹ Штелин Я. Указ. соч. С. 19.
- ⁴⁰ Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 175.
- ⁴¹ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 254.
- ⁴² Штелин Я. Указ. соч. С. 44.
- ⁴³ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 273–274.
- ⁴⁴ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 265–266.
- ⁴⁵ Мардефельд А. фон. Записка о важнейших персонах при русском дворе // Лиштенау Ф.-Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 274.
- ⁴⁶ Финкенштейн К. фон. Общий отчет о русском дворе. 1748 // Там же. С. 296–297.
- ⁴⁷ Фавье Ж.-Л. Русский двор в 1761 году // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 198.
- ⁴⁸ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 254.
- ⁴⁹ Штелин Я. Указ. соч. С. 17–18.
- ⁵⁰ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 9. С. 79.
- ⁵¹ Штелин Я. Указ. соч. С. 19.
- ⁵² Мыльников А. С. Указ. соч. С. 61.
- ⁵³ Петр III. Краткие ведомости о путешествии Ея имп. величества в Кронштадт. 1743 г. // Исторический вестник. 1888. Т. XXXI. С. 251–252.

- ⁵⁴ Штелин Я. Указ. соч. С. 43.
- ⁵⁵ Майков Л. Рассказ графа Н. И. Панина о восшествии императрицы Екатерины II на престол // Русский архив. 1879. Кн. I. Вып. 3. С. 364.
- ⁵⁶ Штелин Я. Указ. соч. С. 16.
- ⁵⁷ Мыльников А. И. Указ. соч. С. 110.
- ⁵⁸ Финкеништейн К., фон. Указ. соч. С. 295.
- ⁵⁹ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 307–308.
- ⁶⁰ Штелин Я. Указ. соч. С. 17.
- ⁶¹ Там же. С. 47.
- ⁶² Там же. С. 24.
- ⁶³ Там же. С. 20.
- ⁶⁴ Там же. С. 20–21.
- ⁶⁵ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 308.
- ⁶⁶ Козлов В. П. Указ. соч. С. 51–62.
- ⁶⁷ Штелин Я. Указ. соч. С. 14, 43.
- ⁶⁸ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. С. 265.
- ⁶⁹ Финкеништейн К. фон. Указ. соч. С. 295.

Глава вторая

СЕСТРА-НЕВЕСТА

Петру Федоровичу еще не исполнилось и четырнадцати лет, когда заговорили о его будущем обручении с одной из европейских принцесс. Императрица Елизавета спешила: необходимо было закрепить престол за ветвью Петра I, то есть как можно скорее получить потомство от цесаревича. Рассматривались разные кандидатуры.

Еще в 1742 году английский посол Сирил Вейч (Вич) сделал Елизавете предложение о браке наследника с одной из дочерей Георга II. Портрет принцессы был привезен в Петербург и, по слухам, очень понравился Петру. Вставал вопрос и о сватовстве к одной из французских принцесс, дочерей Людовика XV, но отвергнутая в юности этим монархом Елизавета слышать не хотела о подобном союзе. Лично ей импонировала сестра прусского короля Фридриха II Луиза Ульрика, но последнюю августейший брат предпочел пока оставить при себе. Рассматривалась и кандидатура датский принцессы, однако императрица опасалась, что такой выбор нарушит европейское равновесие. Наконец, канцлер Алексей Петрович Бестужев проталкивал идею женитьбы наследника на саксонской принцессе Марианне (Марии Анне), дочери польского короля Августа III, поскольку этот альянс символизировал бы союз России, Австрии и Саксонии для сдерживания Франции и Пруссии. Чтобы подкрепить позиции Марианны, отец даже обещал за ней в приданое Курляндию¹.

Желчный Фридрих II писал о Бестужеве, что его «подкупность доходила до того, что он продал бы свою повелительницу с аукциона, если б он мог найти на нее достаточно богатого покупателя». Однако король не на шутку беспокоился о будущем брачном союзе русского наследника: «Было крайне опасным для государственного блага Пруссии допустить семейный союз между Саксонией и Россией, а с другой стороны, казалось возмутительным пожертвовать принцессой королевской крови для устранения саксонки... Из всех немецких принцесс, которые по возрасту своему могли вступить в брак, наиболее пригодной для России и для интересов Пруссии была принцесса Цербстская»².

Речь шла о Софии Фредерике Августе Ангальт-Цербстской, будущей Екатерине II. На фоне богатых и влиятельных невест Фикхен выглядела весьма скромно. Однако именно она подходила больше других. Невеста должна была отвечать двум требованиям: во-первых, иметь хорошую родословную, поскольку саму императрицу часто попрекали низким происхождением матери, а во-вторых, принадлежать к небогатому и невлиятельному семейству, которое бы согласилось на ее переход в православие и не могло в дальнейшем вмешиваться в дела русского императорского дома. Елизавета сказала Бестужеву, что невеста должна происходить «из знатного, но столь маленького дома, чтобы ни иноземные связи его, ни свита, которую она привезет или привлечет с собою, не произвели в русском народе ни шума, ни зависти. Эти условия не соединяет в себе ни одна принцесса в такой степени, как Цербстская»³.

Некогда дядя Софии по матери, Карл, принц-епископ Любекский, считался женихом юной Елизаветы Петровны, но скончался от оспы накануне свадьбы. Государыня сохраняла о нем романтические воспоминания. По случаю своего восшествия на престол она обменялась письмами с матерью Софии принцессой Иоганной Елизаветой и послала ей в подарок свой портрет, осыпанный бриллиантами, стоимостью в 25 тысяч рублей. Возможно, деньги, вырученные от продажи камней, помогли семье Екатерины II свести концы с концами.

Поначалу Елизавета Петровна тепло отнеслась к принцессе Иоганне Елизавете: лицом та напоминала покойного брата, и при первой встрече в Москве императрица расплакалась, глядя на живую постаревшую копию потерянного жениха. Она даже преподнесла ей перстень с крупным бриллиантом, который предназначался епископу Любекскому, но так и не был надет ему на руку во время обручения. Долгие годы эта реликвия лежала у императрицы, «а теперь, — передавал Штелин слова государыни, — она дарит его сестре, чтоб еще раз скрепить их союз». Судя по портрету Иоганны Елизаветы, мать и дочь внешне были похожи до чрезвычайности: один и тот же овал лица, удлиненный подбородок, разрез глаз, форма бровей и носа. Если бы не платье по моде 1740-х годов, в котором представлена зрелая дама, изображение можно было бы принять за один из поздних портретов Екатерины II. Причина расположения Елизаветы Петровны к будущей великой княгине таилась, кроме прочего, еще и в том, что девушка будила в душе царицы воспоминания о принце-епископе.

Со своей стороны, Фридрих II тоже постарался переключить внимание Елизаветы Петровны с Ульрики на Софию Августу Фредерику. Чтобы повысить статус ее отца, принца Христиана Августа, король даже произвел

его в фельдмаршалы. Позднее он писал, что никогда всерьез не задумывался об отправке собственной сестры в Россию. К этому имелись серьезные препятствия. С одной стороны, принцесса прусского королевского дома не могла сменить веру без ущерба для достоинства своего рода. С другой — выбор невесты означал выбор политического направления, а Елизавета не собиралась раз и навсегда связывать себе руки союзом с Фридрихом и увеличивать прусское влияние при дворе. Ей нужна была кандидатка, которой, в случае чего, можно пренебречь. София подходила идеально. Родовита и бедна. Отец на прусской службе, но сама вовсе не подданная Фридриха II. В каком-то смысле на девочке из Штеттина свет сошелся клином.

Так пятнадцатилетняя Фикхен стала невестой Петра Федоровича. Она была приглашена в Россию. Ее прибытие в Петербург укрепляло «прусскую партию» в окружении императрицы Елизаветы. «Великая княгиня русская, воспитанная и вскормленная в прусских владениях, обязанная королю своим возвышением, не могла вредить ему без неблагодарности, — рассуждал Фридрих II. — Из всех соседей Пруссии Российская империя заслуживает преимущественного внимания как соседка наиболее опасная»⁴.

Иметь вес в русских делах значило для Фридриха приобрести союзника на случай общеевропейского конфликта. А таковой был не за горами. Другом или врагом станет Петербург? Это во многом зависело от приближенных молодой императрицы. Уже сам факт выбора ею в качестве наследника маленького герцога Голштинского много обещал на будущее. Приезд Ангальт-Цербстского семейства усиливал на севере «друзей» Пруссии. Поэтому мать юной принцессы Цербстской Иогана Елизавета получила инструкции, как действовать в Петербурге.

Екатерина поместила в мемуарах многозначительный эпизод. Когда они с матерью наконец прибыли в Россию, секретарь прусского посольства некто Шривер «бросил в карету записку, которую мы с любопытством прочли». Она «заключала характеристику всех самых значительных особ двора и... указывала степень фавора разных фаворитов»⁵.

Девушка уже знала, что ее приезд в Россию — результат победы одной из группировок в окружении Елизаветы Петровны. «Русский двор был разделен на два больших лагеря или партии, — вспоминала она. — Во главе первой был вице-канцлер граф Бестужев-Рюмин; его несравненно больше боялись, чем любили; это был чрезвычайный пройдоха, подозрительный, твердый и неустрашимый... властный, враг

непримиримый, но друг своих друзей, которых оставлял лишь тогда, когда они повертывались к нему спиной, впрочем, неуживчивый и часто мелочный... Враждебная Бестужеву партия держалась Франции, Швеции и короля Прусского; маркиз де-ла-Шетарди (французский посланник. — О. Е.) был ее душою, а двор, прибывший из Голштинии, — матадорами; они привлекли графа Лестока, одного из главных деятелей переворота... у него не было недостатка ни в уме, ни в уловках, ни в пронырстве, но он был зол и сердцем черен и гадок. Все эти иностранцы поддерживали друг друга и выдвигали вперед»⁶.

Вице-канцлер (с 1744 года канцлер) Алексей Петрович Бестужев-Рюмин принадлежал к младшим современникам Петра Великого. Он родился в 1693 году и был сыном русского резидента при курляндском дворе П. М. Бестужева. Его отец долгие годы оставался фактическим правителем герцогства при вдовой Анне Иоанновне, которой на первых порах заменил мужа. Сыновья дипломата Михаил и Алексей учились в Берлине. Будущий канцлер показал блестящие успехи, особенно в иностранных языках. В 1712 году он с согласия Петра I поступил на службу к ганноверскому курфюрсту (ставшему в 1714 году английским королем Георгом II)⁷.

Дипломатическая карьера Алексея Петровича складывалась успешно. Он служил резидентом в Дании, затем герцог Бирон, многим обязанный отцу Бестужева, взял его под покровительство. Тем не менее будущий канцлер знал взлеты и падения, он едва не попал под следствие по делу царевича Алексея в 1718 году, к нему не благоволил А. Д. Меншиков, и после смерти Петра I до середины 1730-х годов талантливый царедворец оставался в тени. После свержения Бирона Бестужев, как самый близкий сотрудник временщика, был посажен в Шлиссельбургскую крепость, дал показания на своего благодетеля, от которых открестился при первом удобном случае.

У пришедшей к власти Елизаветы Петровны не было оснований доверять «человеку Бирона». Однако ум, опыт, европейское образование и удивительная работоспособность сделали Бестужева необходимым молодой монархине. Он сумел внушить ей, что предложенный им внешнеполитический курс основан на «системе Петра Великого». Стало быть, и отступление от него есть не что иное, как отказ от петровских принципов. А Елизавета широко декларировала возвращение России к наследию реформатора. Таким образом, Бестужеву удалось поймать государыню в ловушку ее собственной риторики. Могущество канцлера

долгие годы жидилось именно на убеждении самодержицы, что, уступая Бестужеву, она идет на международной арене стопами отца.

Однако в 1744 году в схватке за обручальное кольцо сторонники сближения с Австрией потерпели поражение от «друзей прусского короля». Бестужев был глубоко уязвлен и повел непримиримую борьбу со своими врагами. Штеттинская бесприданница застряла у него как кость в горле.

Новая семья

В Москве София, наконец, увидела императрицу Елизавету — самую красивую коронованную даму своего времени. 9 февраля гости прибыли в Анненгофский дворец на берегу Яузы. «Она пошла к нам навстречу с порога своей парадной опочивальни. Поистине нельзя было тогда видеть ее в первый раз и не поразиться ее красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокого роста, хотя очень полная, но ничуть от этого не терявшая и не испытывавшая ни малейшего стеснения во всех своих движениях»⁸.

Однако красота физическая редко соединяется с душевными совершенствами. В специальной записке «Характеры современников», вынесенной за скобки воспоминаний, Екатерина писала: «Императрица Елизавета имела от природы много ума, она была очень весела и до крайности любила удовольствия; я думаю, что у нее было от природы доброе сердце, у нее были возвышенные чувства и много тщеславия; она вообще хотела блистать во всем и служить предметом удивления... Ленъ помешала ей заняться образованием ума... Лъстецы и сплетницы довершили дело, внеся столько мелких интересов в частную жизнь этой государыни, что ее каждодневные занятия сделались сплошной цепью капризов, ханжества и распущенности, а так как она не имела ни одного твердого принципа и не была занята ни одним серьезным и солидным делом, то при ее большом уме она впала в такую скуку, что в последние годы своей жизни она не могла найти лучшего средства, чтобы развлечься, как спать, сколько могла; остальное время женщина, специально для этого приставленная, рассказывала ей сказки»⁹.

Безжалостная характеристика. Справедливости ради надо сказать, что Елизавета обладала добрым сердцем и много сделала для смягчения нравов в России. Накануне переворота она дала обет перед образом Спасителя никого не казнить и сдержала слово. За ее царствование не был подписан

ни один смертный приговор. Искренне православная и русская по складу характера Елизавета была любима подданными. Тем не менее в повседневной жизни государыня нередко вела себя как домашний деспот.

Сравним слова Екатерины с отзывами иностранных дипломатов. Прусский посланник Аксель фон Мардефельд, вернувшись в конце 1746 года в Берлин после 22-летнего пребывания в России, писал Фридриху II: «Императрица есть средоточие совершенств телесных и умственных, она проникательна, весела, любима народом, манеры имеет любезные». Но «набожна до суеверности... ничем, однако же, не поступаясь из удовольствий самых чувственных... В довершение всего двулична, легкомысленна и слова не держит. Нерадивость ее и отвращение от труда вообразить невозможно»¹⁰. Преемник Мардефельда Карл Вильгельм Финк фон Финкинштейн годом позже высказался в том же ключе: «Сладострастие всецело ею владеет... Лень, обычная спутница сладострастия, также в характере сей государыни, отчего малое ее усердие к делам и отвращение от трудов проистекают... Гордости и тщеславия в ней много... Обвиняют ее в скрытности... и глядит она с улыбкою радости на тех, кто более всего ей противен»¹¹.

А вот секретарь французского посольства Клод де Рюльер, служивший в Петербурге в последние годы царствования Елизаветы, подчеркивал у нее иные качества: «Зная, как легко производится революция в России, она никогда не полагалась на безопасность носимую ей короны. Она не смела ложиться до рассвета, ибо заговор возвел ее самую на престол во время ночи [\[8\]](#)»¹².

Будущей великокняжеской чете еще только предстояло познать все глубины психологии царственной тетушки и разгадать некоторые из ее секретов. Важнейшим из них был тайный брак с Алексеем Григорьевичем Разумовским. Это негласное событие делало официального фаворита как бы членом августейшей семьи и требовало весьма щепетильного отношения к его персоне.

Екатерина назвала его «одним из красивейших мужчин, которых видела на своем веку»¹³. Положение Разумовского при дворе было в тот момент незыблемым. Он никогда не проявлял открытой враждебности по отношению к Ангальт-Цербстским принцессам, но как покровитель Бестужева мог считаться их сильным противником.

За 13 лет до описываемых событий, в январе 1731 года, полковник Ф. С. Вишневский привез с собой из Малороссии 22-летнего певчего для пополнения придворной капеллы. Во время одного из богослужений

цесаревна Елизавета Петровна обратила внимание на его чудный голос и приказала привести молодого человека к себе. Тогда будущего графа звали просто Алексей Розум. Высокий, стройный, смуглый, с черными как уголь глазами и черными же дугообразными бровями, он покорила великую княжну своей непривычной для нее южно-русской красотой. Не сказав ему ни слова, Елизавета попросила обер-гофмаршала графа Р. Левенвольде «уступить» ей певчего. Вскоре Алексей Григорьевич был зачислен ко двору Елизаветы, а его фамилия приобрела польское звучание — Разумовский.

Подобно своему великому отцу, Елизавета Петровна была очень проста в обращении. Она пела и плясала с московскими девушками, сочиняла для них хороводные песни, крестила солдатских детей и, случалось, пила допьяна. Цесаревна сама оказалась в Москве как бы в полуопале, императрица Анна Ивановна ревниво следила за ее действиями, денег для ее двора почти не выделяли. Впрочем, любимая дочь Петра не унывала и вела веселую, но крайне беспорядочную жизнь. Со свойственной ему простонародной деловитостью Разумовский взялся за изрядно расстроенное хозяйство Елизаветы, из певчего превратился в управляющего имений, а затем сосредоточил у себя в руках ведение всем недвижимым имуществом великой княжны.

Разумовский подарил ей то, чего у цесаревны никогда не было, — дом. И Елизавета по достоинству оценила этот подарок. Человек, о котором она еще недавно торговалась, не спрашивая его мнения на этот счет, стал для нее настолько дорог, что в критический момент подготовки переворота великая княжна отказалась привлечь его в число заговорщиков, хотя все нити управления ее двором оставались у него в руках. Алексей Григорьевич узнал о деле только вечером накануне переворота. В последний момент цесаревна заколебалась, и в собрании кавалеров двора Елизаветы Алексей Григорьевич обратился к ней, поддержав немедленные действия. Его слова убедили великую княжну, она в сопровождении виднейших заговорщиков уехала к полкам, но Разумовского... оставила дома.

После восшествия Елизаветы Петровны на престол Разумовский был пожалован в действительные камергеры и поручики Лейб-кампании в чине генерал-лейтенанта. Почти не получив никакого воспитания, Алексей Григорьевич обладал врожденным тактом и совестью. Он, с одной стороны, не стеснялся своих простонародных родственников, немедленно привез в столицу мать, которую сам встретил за несколько станций до города, и представил неграмотную старушку Елизавете. С другой — не позволил многочисленной малороссийской родне «обсесть» трон.

При дворе Алексей Григорьевич держался с нарочитой простотой. Крупным политиком он не был, из-за отсутствия образования то и дело попадал впросак. К чести Разумовского, он хорошо это понимал и постарался окружить себя умными советниками. Истинным поводырем в лабиринте придворных интриг стал для него Бестужев-Рюмин.

В то время Елизавете едва минуло тридцать, и она была чудо как хороша. Ничего удивительного, что руки незамужней государыни искали многие женихи. Среди них были инфант Португальский, принц де Конти, принцы Гессен-Гомбургские, граф Мориц Саксонский — претенденты с именем, имевшие определенный вес в европейской политике того времени. Появление при дворе в качестве законного супруга императрицы иностранного принца могло вернуть едва отступившее влияние иностранцев. В создавшихся обстоятельствах московские церковные круги через духовника Елизаветы протоиерея Ф. Я. Дубянского и архиепископа Новгородского Амвросия, совершавшего коронацию, склонили императрицу к тайному браку с Разумовским. Духовенство было готово скорее благословить союз государыни со вчерашним казаком, чем отдать руку благоверной императрицы лютеранину или католику. Брак с иноверцем являлся как бы духовным мезальянсом.

Семейные предания рода Разумовских, записанные в позапрошлом веке историком А. А. Васильчиковым, гласят, что венчание состоялось осенью 1742 года в подмосковном селе Перове¹⁴. Обряд совершил духовник императрицы Дубянский, после чего молодые поспешили покинуть храм, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. На обратной дороге карета императрицы поравнялась с храмом Воскресения в Барашах на улице Покровке. Здесь Елизавета, уже никого не смущаясь, приказала остановиться и отстояла с Разумовским молебен. Никто из прихожан, с любопытством глядевших на императрицу и ее фаворита, не знал, что для них это богослужение — продолжение свадебного обряда. После молебна Елизавета даже зашла к приходскому священнику выпить чаю.

В 1744 году, по случаю бракосочетания наследника, императрица подарила Перово Разумовскому. Елизавета любила посещать это село и оставалась в нем надолго. Алексей Григорьевич подготавливал здесь для своей августейшей супруги великолепные соколиные и псовые охоты.

Замужество Елизаветы не было при дворе секретом. Императрица слишком по-семейному вела себя с Разумовским, часто посещала Алексея Григорьевича в его покоях, обедала там, на людях застегивала ему шубу и

поправляла шапку при выходе из театра¹⁵. Бестужев «неоднократно настаивал на том, чтобы Елизавета объявила публично о своем тайном браке с Разумовским — империи нужен был наследник по прямой линии»¹⁶. Однако этого русской партии добиться не удалось. Елизавета ясно понимала, что дети от подобного союза получат слишком сильных соперников за границей в лице законных наследников Петра I по линии его старшей дочери Анны Петровны. Это и заставило императрицу избрать цесаревичем своего немецкого племянника Карла Петера Ульриха.

«Русская» партия потерпела поражение и при выборе невесты великого князя. Обстоятельства делали сторонников Бестужева врагами великокняжеской четы. Для молодых людей было бы естественно во всем идти на поводу у временных союзников — группировки Шетарди. Но если они хотели стать фигурами на придворной шахматной доске, им следовало искать сближения как раз с «врагами» и усиленно избегать «друзей».

«Я молчала и слушала»

Вот тут наши герои повели себя совершенно по-разному. Петр никогда не смог даже улыбнуться Разумовскому. София же сделала шаги навстречу «русской» партии. В июне 1744 года она не без внутренней борьбы приняла православие и сменила имя. На следующее утро великую княгиню обручили с суженым. 29 июня — день тезоименитства Петра Федоровича — стал для будущего императора роковым. Если 18 лет спустя Екатерина обрела корону как подарок на годовщину перехода в православие, то Петр III потерял власть на собственные именины. Нельзя не усмотреть в этом усмешку судьбы.

Но пока никто не мог заглянуть в грядущее. Казалось, последнее препятствие на пути брака устранено. Правда, до свадьбы оставалось чуть более года: по традиции между обручением и венчанием проходил немалый срок. За оставшиеся месяцы невеста должна была освоиться.

Однако отношения нареченной с великим князем складывались не гладко. Петр выразил радость по поводу приезда Ангальт-Цербстских принцесс и сделал попытку подружиться с Софией. Но вскоре оказалось, что его приязнь чисто родственная. «В течение первых десяти дней он был очень занят мною, — вспоминала Екатерина. — ...Я молчала и слушала, чем снискала его доверие; помню, он мне сказал, между прочим, что ему больше всего нравится во мне то, что я его троюродная сестра и что в

качестве родственника он может говорить со мной по душе».

Юношу легко понять. Он рано лишился отца и матери, был окружен грубыми, придиричивыми гувернерами, а попав в Россию, оказался под бдительным надзором соглядатаев тетки. Соблазн принять невесту и тещу за свою семью был велик.

Нельзя сказать, что София отвергла дружбу брата-жениха. Напротив, воспитанная в покорности, она была готова стать для Петра и товарищем по играм, и наперсником его тайных признаний. Хотя сами эти признания порой коробили ее. «Он... сказал, что влюблен в одну из фрейлин императрицы, которая была удалена тогда от двора ввиду несчастья ее матери, некоей Лопухиной, сосланной в Сибирь; что ему хотелось бы на ней жениться, но что он покоряется необходимости жениться на мне». Речь шла о деле Натальи Федоровны Лопухиной, которую в 1743 году после битья кнутом и урезания языка отправили в ссылку. Ее дочь от первого брака — Прасковья Павловна Ягужинская — действительно получила временное запрещение появляться при дворе, а затем вышла за князя С. В. Гагарина.

Подобные истории не могли обрадовать Софию. «Я слушала, краснея, эти родственные разговоры, благодаря его за скорое доверие, но в глубине души я взидала с удивлением на его неразумие и недостаток суждений о многих вещах»¹⁷. Фикхен видела в себе «невесту» и считала, что любовные откровения жениха относительно других дам неуместны. Петр же потянулся к ней именно как к единственному человеку, с которым мог быть чистосердечен.

«Не могу сказать, чтобы он мне нравился или не нравился, — признавалась Екатерина в «Записках», адресованных Брюс. — ...Ему было тогда шестнадцать лет, он был довольно красив до оспы, но очень мал и совсем ребенок... Никогда мы не говорили между собою на языке любви: не мне было начинать этот разговор... что же его касается, то он и не помышлял об этом»¹⁸. В другом варианте «Записок» робкие шаги Екатерины и Петра друг к другу описаны иначе. После первой встречи с невестой мальчик пришел в крайнее волнение: «Я ему так понравилась, что он целую ночь от этого не спал, и Брюмер велел ему сказать вслух, что он не хочет никого другого, кроме меня»¹⁹.

Положим, впечатлительный юноша мог не сомкнуть глаз не столько от любовного томления, сколько от наплыва эмоций. Однако показательное поведение обер-гофмаршала Брюмера: он фактически приказывает воспитаннику гласно заявить, что выбор сделан. Ведь Ангальт-Цербстские

принцессы укрепляли собой голштинскую группировку. Но вскоре невеста подтвердила свой первый вывод: «Великий князь любил меня страстно, и всё содействовало тому, чтобы мне надеяться на счастливое будущее»²⁰.

Что до самой невесты, то она вполне сформировалась и нравственно, и физически. Уже к тринадцати, по собственному признанию Екатерины, она была «больше ростом и более развита, чем это бывает обыкновенно в такие годы». Поэтому вскоре после первой встречи с женихом принцесса «привыкла считать себя предназначенной ему... Он был красив, и я так часто слышала о том, что он много обещает, что я долго этому верила»²¹.

Как выглядел в тот момент Петр? Штелин записал позднее свои впечатления от только что прибывшего в Россию мальчика: «Очень бледный, слабый и нежного сложения. Его бело-русые волосы причесаны на итальянский манер»²². Тем не менее невесте он понравился.

Однако вскоре произошел случай, показавший Екатерине пределы «страстных» чувств жениха. Ее мать, принцесса Иоганна Елизавета, слишком сблизилась с группировкой Шетарди и позволила себе нелестные высказывания об императрице. Ее письма были перлюстрированы Бестужевым и предъявлены императрице. Разразился скандал. Нетрудно догадаться, что вице-канцлер метил не столько в мать, сколько в дочь, ведь разоблачение должно было закончиться высылкой «цербст-ских побирушек».

«Как-то после обеда, когда великий князь был у нас в комнате, — вспоминала Екатерина, — императрица вошла внезапно и велела матери идти за ней в другую комнату. Граф Лесток тоже вошел туда; мы с великим князем сели на окно, выжидая. Разговор этот продолжался очень долго, и мы видели, как вышел Лесток... он подошел к великому князю и ко мне — а мы смеялись — и сказал нам: «этому шумному веселью сейчас конец»; потом, повернувшись ко мне, он сказал: «вам остается только укладываться, вы тотчас отправитесь, чтобы вернуться к себе домой». Жених с невестой пустились в размышления об увиденном. «Первый рассуждал вслух, я — про себя. Он сказал: «но если ваша мать и виновата, то вы невиновны», я ему ответила: «долг мой — следовать за матерью и делать то, что она прикажет». Я увидела ясно, что он покинул бы меня без сожаленья»²³.

Между последней фразой и остальной сценой явно что-то пропущено, поскольку слова Петра вполне доброжелательны и вывод, который сделала из них Екатерина, не основан на предыдущем тексте. Вероятно, юноша показал, что и он будет покорен воле императрицы. В любовные дела

вторглась политика, и Петр, как не раз случится в дальнейшем, спасовал. Отступился от девушки, которая ему, «по-видимому, нравилась». Великий князь, мы с этим еще столкнемся, был трусоват и очень боялся своей тетки.

Произошедшее обидело Екатерину. «Ввиду его настроения он был для меня почти безразличен», — писала она. Иными словами, если бы Петр приложил хоть малейшее старание привязать к себе принцессу, за ней бы дело не стало. «Признаюсь, этот недостаток внимания и эта холодность с его стороны, так сказать, накануне нашей свадьбы не располагали меня в его пользу, и чем больше приближалось время, тем меньше я скрывала от себя, что, может быть, вступаю в очень неудачный брак... Впрочем, великий князь позволял себе некоторые вольные поступки и разговоры с фрейлинами императрицы, что мне не нравилось, но я отнюдь об этом не говорила, и никто даже не замечал тех душевных волнений, какие я испытывала»²⁴.

Много позже, в письме Г. А. Потемкину под красноречивым названием «Чистосердечная исповедь», Екатерина скажет: «Если бы я смолоду в участь получила мужа, которого любить могла, я бы никогда к нему не переменилась»²⁵. В редакции мемуаров для графини Брюс та же мысль звучит по-иному: «Я очень бы любила своего нового супруга, если бы только он захотел или мог быть любезным». При внешнем тождестве смысл различен: или Петра невозможно было любить, или он стал бы любим, только пожелай этого.

Екатерине пришлось предпринять усилие, чтобы пресечь нежность к жениху, которая уже начала вить гнездо в ее сердце. «Я сказала себе: если ты полюбишь этого человека, ты будешь несчастнейшим созданием на земле... этот человек на тебя почти не смотрит, он... обращает больше внимания на всякую другую женщину, чем на тебя;...следовательно, обуздывай себя, пожалуйста, на счет нежностей к этому господину; думай о самой себе, сударыня... Но по закалу, какой имело мое сердце, оно принадлежало бы без остатка мужу, который любил бы только меня... От мужа зависит быть любимым своей женой, если у последней доброе сердце и мягкий нрав»²⁶.

Неожиданная картина, не правда ли? Екатерина влюбилась в Петра, а он не отвечал взаимностью.

После случая с Шетарди Елизавета Петровна стала относиться к принцессе Цербстской с едва скрываемым презрением. Ждали только свадьбы, чтобы после праздников отправить Иоганну домой. Екатерина вспоминала, что весной 1744 года, когда великий князь приходил к ней обедать или ужинать, «его приближенные беседовали с матерью, у которой бывало много народу, и шли всевозможные пересуды, которые не нравились... графу Бестужеву, коего враги все собирались у нас». В покоях Иоганны Елизаветы сложилось нечто вроде политического салона, где проводили время сторонники одной придворной партии, в то время как представители второй туда не допускались.

Главным лицом импровизированного салона стал бывший французский посланник маркиз Жоашен Жак Тротти де Ла Шетарди, заклятый враг Бестужева. Некогда Франция через него снабдила Елизавету Петровну деньгами на переворот, надеясь подчинить себе русскую внешнюю политику. Посланник ненадолго уехал, чтобы доложить в Париже об успехе. Он покинул елизаветинский двор, осыпанный милостями и уверенный в том, что по возвращении станет руководить делами в Петербурге. «Во время его отсутствия... императрица увидела, что интересы империи отличались от тех, какие в течение недолгого времени имела цесаревна Елизавета, — не без ехидства рассуждала уже зрелая и опытная Екатерина. — Де-ла-Шетарди нашел двери, которые ему были открыты ранее, запертыми; он разобиделся и писал об этом своему двору, не стесняясь ни относительно выражений, ни относительно лиц... он говорил в этом духе и с моей матерью... она смеялась, сама острила и поверяла ему те поводы к неудовольствию, которые она имела... де-ла-Шетарди обратил их в сюжеты для депеш своему двору... их вскрыли и разобрали шифр... разговоры насчет императрицы заключали выражения мало осторожные»²⁷.

Бестужев без стеснения использовал перлюстрацию дипломатической почты. Под его началом в Коллегии иностранных дел служил статский советник Христиан Гольдбах, знаток языков и одаренный математик. Еще в 1742 году он сумел раскрыть шифр, которым пользовался Шетарди²⁸. Однако сразу компрометирующие посланника бумаги в дело не пошли: вице-канцлер годами копил материалы для своих досье и умел выжидать наиболее удачный момент, чтобы нанести удар.

Были и другие каналы. «У графа Бестужева проживают в доме трое секретарей императрицы, Симолин, Иванов и Юберкампф, — доносил Мардефельд. — Последний совместно с почт-директором Ашем все

письма, в Петербург прибывающие и из Петербурга отбывающие, распечатывает»²⁹.

Что же так оскорбило Елизавету? Галантный Шетарди, всегда умевший выглядеть не только другом, но и поклонником, писал на родину о «сладострастной летаргии и плотских утехах», в которые погружена императрица, о ее непостоянстве и «нетвердости мысли», о «ненависти к делам». «Какой благодарности и внимания можно ожидать от такой легкомысленной и рассеянной государыни?»³⁰

Еще оскорбительнее были высказывания Иоганны Елизаветы, которая позволяла себе обсуждать частную жизнь императрицы. О том, что примерно она говорила, можно узнать из донесений прусского посланника Мардефельда к берлинскому двору. 26 мая 1744 года дипломат писал явно со слов информатора при дворе: «Жена камер-юнкера Лялина... ее величеству донесла, что архимандрит Троицкого монастыря — истинный Геркулес в делах любовных, что ликом схож он с соловьем из Аркадии, да и тайные достоинства красоте не уступят, так что государыня пожелала сама испробовать и нашла, что наперсница рассудила верно»³¹. Мардефельд вообще считал, что паломничества Елизаветы Петровны по святым местам имели не столько благочестивые, сколько эротические цели, и священнослужители, особенно угодившие государыне на амурном поприще, получали богатые подарки³².

Такие сплетни служили темой бесед между Шетарди и Ангелът-Цербстской принцессой, а далее передавались в Париж и Берлин. Методичный Бестужев собрал 69 посланий неосторожного француза и, чтобы скандал невозможно было замять, предъявил их не лично Елизавете Петровне, а на заседании Совета в присутствии императрицы. Оскорбление было нанесено публично. Конечно, вице-канцлер рисковал, но, азартный игрок, он готовился погибнуть сам, увлекая за собой врагов.

Императрица была «доведена до страшного гнева». Шетарди в 24 часа выслали из России. А принцессе Иоганне пришлось дорого заплатить за колкий язык. Если бы она была русской подданной, Елизавета отправила бы ее вслед за Лопухиной. Но с владетельной княгиней приходилось церемониться. Императрица отчитала неблагодарную гостью и лишила ее расположения. Если раньше комендантша писала мужу, что ее «обслуживают, как королеву»³³, то теперь царица не всегда допускала Иоганну к руке и обходила приглашениями.

Осторожная София старалась держаться от знакомых матери подальше и выказывать всяческую лояльность императрице. Однако, как бы

осмотрительно она ни вела себя, избежать нагоняев от Елизаветы не получалось. Роскошный образ жизни при дворе заставлял великую княгиню делать долги, о последних же доносили государыне. «Однажды, когда мы, моя мать, я и великий князь, были в театре...я заметила, что императрица говорит с графом Лестоком с большим жаром и гневом. Когда она кончила, Лесток ее оставил и пришел к нам в ложу; он подошел ко мне и... сказал: «она очень на вас сердита». На меня? За что же? был мой ответ. — «Потому что у вас много долгов»... У меня навернулись на глаза слезы... Великий князь, который был рядом со мной и приблизительно слышал этот разговор, дал мне понять игрой лица больше, чем словами, что он разделяет мысли своей тетушки и что он доволен, что меня выбрали. Это был обычный его прием, и в таких случаях он думал угодить императрице, улавливая ее настроения, когда она на кого-нибудь сердилась».

Между тем часть расходов принцесса Иоганна и цесаревич могли бы приписать себе. «Великий князь мне стоил много, потому что был жаден до подарков; дурное настроение матери также легко умиротворялось какой-нибудь вещью, которая ей нравилась»³⁴.

Бедная девочка! Покупать добрые чувства матери и жениха подарками! Какой бы расчетливой умницей София ни представляла в «Записках», ее гордость невыносимо страдала от таких отношений.

«Он стал ужасен»

Казалось, Екатерина прошла уже добрую половину пути до брачного венца. Но тут неприятный сюрприз преподнес великий князь. Он сильно заболел — сначала корью, а затем, едва оправившись, оспой. В те времена такие недуги часто сводили в могилу.

Первый из них мальчик перенес без осложнений. «Осенью великий князь захворал корью, что очень насторожило императрицу и всех, — вспоминала Екатерина. — Эта болезнь значительно способствовала его телесному росту; но ум его был все еще ребяческий; он забавлялся в своей комнате тем, что обучал военному делу своих камердинеров (кажется, и у меня был чин)... Насколько возможно, это делалось без ведома его гувернеров, которые, правду сказать, с одной стороны, очень небрежно к нему относились, а с другой — обходились с ним грубо и неумело и оставляли его очень часто в руках лакеев, особенно когда не могли с ним справиться. Было ли то следствием дурного воспитания или врожденных

наклонностей, но он был неукротим в своих желаниях и страстях»³⁵.

В декабре 1744 года двор отправился из Петербурга в Москву, но на полдороге, в селе Хотилове, Петр захворал. «В этом месте остановились на сутки. На следующий день около полудня я вошла с матерью в комнату великого князя и приблизилась к его кровати; тогда доктора великого князя отвели мать в сторону, и минуту спустя она меня позвала, вывела из комнаты, велела запрячь лошадей в карету и уехала со мной... Она мне сказала, что у великого князя оспа»³⁶. Диагноз страшный. По поведению принцессы Иоганны видно, как та испугалась за дочь.

И было чего бояться. В России оспа не переводилась среди простонародья. Доктор Томас Димсдейл, приглашенный в Петербург в 1768 году уже Екатериной II для того, чтобы положить начало отечественному оспопрививанию, писал: «О смертельности оспы бесполезно приводить новые доказательства, после рокового опыта, который был сделан Россией, особенно же Санкт-Петербургом, где, несмотря на все возможные предосторожности, никогда почти не прекращается эта болезнь, так как зараза постоянно туда заносится посредством кораблей, прибывающих из всех частей света». Рассказав об одном несчастном случае, когда жертвой сделалась «дочь богатого вельможи, красавица собою», врач продолжал: «Было бы невозможно определить положительно, каким образом зараза проникла ко двору... но это плачевное событие доказало, что императрица и великий князь легко могли подвергнуться той же опасности каждый раз, как они показывались народу»³⁷.

Эти слова были в силе и за 24 года до прибытия английского хирурга в Россию. Елизавета Петровна, брезгливая по натуре, страшилась заразы и приказывала увозить больных из царских резиденций при малейшем подозрении на нездоровье. С Петром было иначе: расправив крылья, государыня кинулась к племяннику и проводила у его постели дни и ночи. В этом раскрылись и нерастраченные материнские чувства, и жалость к бедному мальчику-сироте, и... политический страх потерять наследника.

«Ночью после нашего отъезда из Хотилово, — вспоминала Екатерина, — мы встретили императрицу, которая во весь дух ехала из Петербурга к великому князю. Она велела остановить свои сани на большой дороге возле наших и спросила у матери, в каком состоянии великий князь; та ей это сказала, и минуту спустя она поехала в Хотилово, а мы в Петербург. Императрица оставалась с великим князем во всё время его болезни и вернулась с ним только по истечении шести недель»³⁸.

Весьма примечательная подробность. Женщина, более всего

боявшаяся потери красоты, ринулась к несчастному мальчику и сама ухаживала за ним, пока он не поправился. Это был поступок. Для него следовало обладать душевной силой.

Если бы принцесса Иоганна хотела вернуть расположение царицы, ей стоило самой остаться с больным, а дочь отослать в Петербург. Однако штеттинская комендантша так и не поняла, чем завоевывают симпатии в России. А вот София, похоже, вскоре спохватилась. Принцесса Цербстская писала мужу, что их дочь была в отчаянии, ее с трудом уговорили уехать из Хотилова, она сама хотела ухаживать за больным³⁹.

Великая княгиня писала императрице в Хотиловский Ям трогательные письма по-русски, справляясь о здоровье Петра. «По правде сказать, они были сочинены Ададуриным, но я их собственноручно переписала», — признавалась Екатерина.

Елизавета не ответила ни на одно, пока наследник не пошел на поправку. Очень характерная деталь. Зачем тратить на Софию время, если еще неизвестно, пригодится ли она в будущем? Зато когда опасность миновала, императрица известила невесту о счастливом окончании болезни очень ласковым посланием⁴⁰.

Болезнь оставила страшные следы. И не только внешне: лицо юноши было обезображено. Имелись и скрытые осложнения. Некоторые исследователи склонны видеть в этой хвори причину импотенции Петра: ведь даже ветряная оспа может иметь печальные последствия для половой системы⁴¹. Во всяком случае, лейб-медики в один голос советовали отложить свадьбу: кто на год, а кто и до 25-летия великого князя. Елизавета не прислушалась к ним.

«Я чуть не испугалась при виде великого князя, который очень вырос, но лицом был неузнаваем, — вспоминала Екатерина, — все черты его лица огрубели, лицо всё еще было распухшее, и несомненно было видно, что он останется с очень заметными следами оспы... Он подошел и спросил, с трудом ли я его узнала. Я пробормотала ему свое приветствие по случаю выздоровления, но в самом деле он стал ужасен»⁴².

Мальчик пытался пошутить с невестой по поводу своего уродства. Возобладай в Екатерине жалость, и она бы приголубила бедного жениха. Но девушка испугалась. Это должно было задеть Петра, хотя в другой редакции «Записок» Екатерина и уверяла, что мальчик не заметил ее отвращения: «Вся кровь моя застыла при виде его, и если бы он был немного более чуток, он не был бы доволен теми чувствами, которые мне внушил»⁴³.

10 февраля 1745 года праздновали день рождения наследника, ему пошел семнадцатый год. В другое время торжество было бы пышным, но теперь не решились показывать цесаревича публике. Елизавета задумала тихий «семейный ужин». Екатерина вспоминала: «Она обедала одна со мной на троне». Надо полагать, что великий князь должен был оказаться третьим за этим столом. Но он не вышел: стеснялся и прятался.

«Простыни из камердука»

С весны 1745 года начались приготовления к пышной великокняжеской свадьбе. Торжества должны были превзойти все прежние события подобного уровня. Елизавета Петровна особенно заботилась о том, чтобы церемониал по роскоши не уступал версальскому, а по утонченности этикета — венскому. Она специально послала за описаниями королевских бракосочетаний в разные страны и особым указом повелела вельможам приобретать новые экипажи и шить великолепные наряды. Чиновники первых четырех классов получили жалованье авансом, чтобы иметь случай потратить его на туалеты и подарки молодым⁴⁴.

Все эти новости бурно обсуждались в тесном дамском мире елизаветинского двора. Всех умиляло, что невеста откровенно испугана: «Я с отвращением слышала, как упоминали этот день, и мне не доставляли удовольствия, говоря о нем»⁴⁵. После болезни Петра великая княгиня начала испытывать род брезгливости по отношению к жениху. Свадьба отталкивала ее, хотя о физической стороне жизни супругов она в тот момент еще ничего не знала. Только накануне венчания, 21 августа, принцесса Иоганна поговорила с дочерью о ее «будущих обязанностях».

А вот Петру не с кем было доверительно побеседовать. Старых наставников — Брюмера и Бехгольца — он ненавидел и не принял бы от них советов. Елизавета Петровна не позаботилась поручить столь щекотливое дело, как просвещение великого князя, хотя бы лейб-медику. Оставались только слуги да лакеи, которые наговорили юноше кучу грубостей, дерзостей и сальностей о том, как нужно вести себя с женой, чтобы прослыть настоящим мужчиной. Простодушный жених при первой же встрече вывалил всё это невесте. Нетрудно угадать ее реакцию.

«Старые камердинеры, любимцы великого князя... часто говорили ему о том, как надо обходиться со своею женою, — вспоминала Екатерина. — Румберг, старый шведский драгун, говорил ему, что его жена не смеет

дохнуть при нем, ни вмешиваться в его дела, и что если она только захочет открыть рот, он приказывает ей замолчать, что он хозяин в доме, и что стыдно мужу позволять жене руководить собою, как дурачком. Великий князь по природе умел скрывать свои тайны, как пушка свой выстрел... а потому... сам рассказал мне с места все эти разговоры при первом случае»⁴⁶.

Наступило утро 21 августа. Невеста была очень напряжена: недаром она запомнила малейшие заминки и несоответствия в день, когда счастливые люди стараются закрыть глаза на неизбежные шероховатости. Как чувствовал себя жених, мы не знаем, но из его дальнейшего поведения видно, что и он был не в своей тарелке. Около трех под пушечную пальбу императрица с новобрачными в открытой карете поехала в церковь Казанской Божьей Матери. Там состоялось венчание. «Во время проповеди... графиня Авдотья Ивановна Чернышева, которая стояла позади нас... подошла к великому князю и сказала ему что-то на ухо; я услышала, как он ей сказал: «Убирайтесь, какой вздор», и после этого он подошел ко мне и рассказал, что она его просила не поворачивать головы, пока он будет стоять перед священником, потому что тот, кто из нас двоих первый повернет голову, умрет первый... Я нашла этот комплимент не особенно вежливым в день свадьбы, но не подала виду». Заметно, что Петр попытался перекинуть мостик между собой и новобрачной и тут же сморозил бестактность. В ответ Екатерина сжалась еще сильнее.

Торжественный обед начался около шести в старом Зимнем дворце. Под балдахинном восседала императрица, по правую руку от нее — жених, по левую — невеста. От увесистых камней великокняжеской короны у Екатерины разболелась голова, и новобрачная попросила разрешения снять ее. Это также сочли дурным знаком: молодая, не вынеся тяжести венца, хотела расстаться с ним. Елизавета разрешила, но с крайним неудовольствием.

Бал, на котором танцевали только полонезы — торжественные танцы-шествия, занял всего час. Дальше императрица сама проводила молодых в их покои. Дамы раздели Екатерину, уложили в постель и удалились между девятью и десятью часами. Наступил роковой момент. «Я оставалась одна больше двух часов, не зная, что мне следует делать. Нужно ли встать или следовало оставаться в постели? Наконец Крузе, моя новая камер-фрау, вошла и сказала мне очень весело, что великий князь ждет своего ужина, который скоро подадут. Его императорское высочество, хорошо поужинав, пришел спать, и когда он лег, он завел со мной разговор о том, какое удовольствие испытал бы один из его камердинеров, если бы увидел нас

вдвоем в постели».

Оскорбительная сцена. Но рассмотрим ее внимательнее. Петр всячески оттягивал свой выход на сцену. Заказал ужин, долго сидел внизу. Вероятно, кто-то из камердинеров подбадривал его и уговаривал отправиться к жене. А когда молодой супруг все-таки решился войти в спальню и попытался заигрывать с новобрачной, он сделал это, как всегда, неловко и грубо. Так как Екатерина ничего не отвечала, юноша смутился и предпочел не продолжать осаду.

«После этого он заснул и проспал очень спокойно до следующего дня». И через четверть века голос императрицы звучит обиженно. Как и следовало ожидать, она дурно провела ночь. Нервы были напряжены, белье взмокло. «Простыни из камердука, на которых я лежала, показались мне летом столь неудобны, что я очень плохо спала... Когда рассвело, дневной свет мне показался очень неприятным в постели без занавесок, поставленной против окна».

Когда на следующее утро молодую захотели расспросить о событиях брачной ночи, ей нечем было похвастаться. «И в этом положении дело оставалось в течение девяти лет без малейшего изменения»⁴⁷, — заключала она рассказ. Петр пренебрег женой или побоялся оплошать. В сущности, он был еще слишком юн, чтобы испытывать уверенность, приближаясь к свадебному ложу. Брак остался «незавершенным».

Смена декораций

Праздники продолжались десять дней, но коль скоро они не принесли радости, молодые чувствовали себя как на иголках. А сразу за торжествами для новобрачной настало время расстаться с матерью. Иоганна Елизавета оставляла дочери все свои прежние политические связи и обязательства. До сих пор она аккумулировала их вокруг собственной персоны, принимая на себя недовольство императрицы. Дочь могла держаться в стороне. Теперь положение менялось. Екатерина не имела больше возможности прятаться за спиной матери; она, как умела, должна была заменить ее в группе противников Бестужева. А это неизбежно вызывало на голову великой княгини гнев императрицы. Из «интересного ребенка» царевна превращалась в политическую фигуру, и очень скоро ощутила на себе перемену отношения чуткой и подозрительной Елизаветы Петровны.

Внешним знаком для отъезда принцессы Иоганны стала присылка ей 60 тысяч рублей на оплату долгов. Назойливой гостье указывали на дверь.

«Мать уехала, задаренная, как и вся ее свита, — вспоминала Екатерина. — Мы с великим князем проводили ее до Красного Села, я много плакала».

По возвращении в город декорации сменились столь стремительно, что у великокняжеской четы захватило дыхание. Екатерина не нашла в своих комнатах особенно полюбившейся ей горничной Марии Петровны Жуковой. «Шептались, что она сослана...подозревали, что это потому что я к ней была привязана и ее отличала... Я открылась великому князю, он тоже пожалел об этой девушке, которая была весела и умнее других».

Великокняжеская чета выступала единым фронтом. Оба были заинтересованы в преданной горничной. Елизавета Петровна сама посчитала нужным поставить точки над «i». На следующий день Петр и Екатерина переехали из Летнего дворца в Зимний, где встретились с тетушкой. Буквально с порога парадной опочивальни «она стала поносить Жукову, говоря, что у нее было две любовные истории». Екатерина не поверила. «Опыт меня научил, — с горечью писала она, — что единственным преступлением этой девушки было мое расположение к ней... Все, кого только могли заподозрить в том же, подвергались ссылке или отставке в течение восемнадцати лет, а число их было немалое»⁴⁸.

Екатерина охотно одаривала Жукову, рассчитывая на ее услуги. После ареста горничной у царевны потребовали список вещей, которые она отдала любимице. Реестр впечатлял. 33 предмета дамского гардероба: юбки, корсеты, белье, шлафроки, кофты. А кроме них два позолоченных образа с драгоценными камнями, два золотых перстня и одно золотое кольцо⁴⁹. Жукову взяли под стражу, да не одну, а с матерью и сестрой. Позднее их выслали в Москву, а брата спешно перевели из гвардии в один из армейских пехотных полков. Опале подверглось всё семейство. Так выкорчевывали сразу кружок людей, к которым великокняжеская чета в случае надобности могла обратиться.

Ласковое отношение императрицы к самим племянникам не меняло сути происходящего: каждый их шаг должен был контролироваться. То, что не все действия государыни диктуются сердцем, Екатерина поняла зимой 1746 года, когда в столицу пришло известие о смерти свергнутой правительницы Анны Леопольдовны, «скончавшейся в Холмогорах от горячки, вслед за последними родами». «Императрица очень плакала, узнав эту новость, — вспоминала Екатерина. — Она приказала, чтобы тело было перевезено в Петербург для торжественных похорон. Приблизительно на второй неделе Великого поста тело прибыло и было поставлено в Александро-Невской лавре. Императрица поехала туда и взяла меня с собой

в карету; она много плакала во время всей церемонии»⁵⁰.

О чем плакала Елизавета? По некоторым свидетельствам, она любила и свою племянницу правительницу Анну Леопольдовну, и ее годовалого сына Ивана Антоновича, которого свергла с престола. Но родственная любовь одно, а логика развития политических событий — другое. Претендуя на корону, кузины стали противницами. Дочь Петра победила.

Этот пример должен был на многое открыть Екатерине глаза: в царской семье невозможны ни бескорыстная любовь, ни безграничное доверие. Наличие наследника — тем более женатого, а стало быть, совершеннолетнего в полном смысле слова — с одной стороны, стабилизировало власть императрицы, с другой — служило источником постоянной угрозы. Отсюда то всплески доброго, человеческого чувства Елизаветы, то резкие, порой грубые действия, державшие великокняжескую чету в постоянном напряжении.

В течение нескольких недель от Петра и Екатерины удалили практически всех, кто перед тем близко общался с ними. И назначили других лиц. Завоевывать расположение, искать друзей, покупать преданность надо было заново.

Примечания к разделу

- ¹ Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. Т. I. СПб., 1885. С. 34.
- ² Фридрих II. Из записок о России в первой половине XVIII в. // Русский архив. 1877. Т. 15. Кн. I. С. 19–20.
- ³ Грот Я. К. Воспитание Екатерины II // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 1. С. 10.
- ⁴ Фридрих II. Указ. соч. С. 19.
- ⁵ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 9. С. 77.
- ⁶ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 26–28.
- ⁷ Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»). С. 167–172.
- ⁸ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 9. С. 77.
- ⁹ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 486–487.
- ¹⁰ Мардефельд А. фон. Записка о важнейших персонах при русском дворе // Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 269–270.
- ¹¹ Финкенштейн К. фон. Общий отчет о русском дворе. 1748 // Там же. С. 290.
- ¹² Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 51–52.
- ¹³ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 9. С. 77.
- ¹⁴ Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 1. СПб., 1880. С. 280.
- ¹⁵ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 195.
- ¹⁶ Понятовский С. А. Мемуары. М., 1995. С. 109.
- ¹⁷ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 256.
- ¹⁸ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 9. С. 78–79.
- ¹⁹ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 476.
- ²⁰ Там же. С. 482.
- ²¹ Там же. С. 469, 470, 476.
- ²² Штелин Я. Записки о Петре III // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 4.
- ²³ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 260.
- ²⁴ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 10. С. 84.
- ²⁵ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 501.

- ²⁶ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 10. С. 86.
- ²⁷ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 260.
- ²⁸ Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 44.
- ²⁹ Мардефельд А. фон. Указ. соч. С. 280.
- ³⁰ Черкасов П. П. Указ. соч. С. 44, 45.
- ³¹ Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 126.
- ³² Там же. С. 161.
- ³³ Штелин Я. Указ. соч. С. 26.
- ³⁴ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 259–264.
- ³⁵ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 9. С. 81; № 10. С. 82.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Димсдейл Т. Записки о пребывании в России // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 67.
- ³⁸ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 9. С. 81; № 10. С. 82.
- ³⁹ Иванов О. А. Павел — Петров сын? // Загадки русской истории. XVIII в. М., 2000. С. 162.
- ⁴⁰ Труайя А. Екатерина Великая. М., 1997. С. 43–44.
- ⁴¹ Иванов О. А. Указ. соч. С. 157–159.
- ⁴² Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 269.
- ⁴³ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 483.
- ⁴⁴ Там же. С. 31.
- ⁴⁵ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 10. С. 84.
- ⁴⁶ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 271.
- ⁴⁷ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 10. С. 84–85.
- ⁴⁸ Там же. С. 87.
- ⁴⁹ Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 815.
- ⁵⁰ Там же. С. 88.

Глава третья

В ТЕСНОТЕ И В ОБИДЕ

Оказавшись в изоляции, великокняжеская чета неизбежно должна была сблизиться. Ведь суровая слежка и общие политические интересы превращали их в союзников или, по крайней мере, в товарищей по несчастью. Но сближения не произошло. Горькая народная мудрость стерпится — слюбится не подтвердилась в случае Петра и Екатерины. Чем больше молодых заставляли терпеть, тем меньше они любили. Совместная жизнь и постоянное пребывание рядом — в одной комнате, за одним столом, на одной кровати — только еще больше оттолкнули их друг от друга. И в конечном счете сделали врагами.

Правда, это случилось далеко не сразу. Обоим пришлось пройти длинную дорогу до финального столкновения. Екатерина годами бережно сохраняла доверие Петра, хотя при его нервном, непостоянном характере и трудностях интимной жизни это было нелегко. А Петр, в свою очередь, не питая к супруге нежных чувств, тем не менее нуждался в откровенности с ней.

«Дядя Адольф» и «дядя Август»

В 1745 году Петру Федоровичу предстояло принять свое первое самостоятельное решение. Касалось оно будущего Голштинии и остро волновало юного герцога, который с нетерпением ожидал собственного совершеннолетия, чтобы формально вступить в права суверена. В те времена человек считался взрослым не только по достижении определенного возраста, но и по вступлении в брак. Поэтому венчание с Екатериной делало великого князя свободным как от опеки со стороны ненавистных воспитателей, так и от регентства дяди Адольфа Фридриха, получившего шведскую корону.

Последний изрядно попортил кровь Елизавете Петровне, сразу же открыв дружеские объятия Франции. А его быстро сладившаяся женитьба на сестре прусского короля Ульрике — той самой, которая была, по мнению Фридриха II, слишком хороша для русского великого князя, — еще больше задела императрицу. Теперь шведский монарх, обязанный короной России,

находился в положении сателлита Парижа и Берлина, а не Петербурга, как надеялись русские дипломаты при подписании мира в Або.

Исправить эту ошибку было уже нельзя. Оставалось только устраивать северному соседу пакости, всячески унижая его самолюбие на международной арене. Ставший с 1744 года канцлером Бестужев-Рюмин считался признанным мастером подобных дел. Он приготовил голштинской партии реванш в вопросе о штатгальтере — должностном лице, которое правило герцогством от имени Петра Федоровича.

Сам Адольф Фридрих уже не мог сидеть на двух стульях, вернее, на двух тронах — в Стокгольме и в Киле. Так же как и его племянник не имел возможности одновременно находиться в Петербурге в качестве наследника и непосредственно заниматься делами немецких владений. Регент надеялся провести на пост наместника своего ставленника и многолетнего союзника — обер-гофмаршала Брюмера. Тем более что последний сделался фактическим главой голштинской партии в Петербурге — ведь по малолетству Петр Федорович не мог пока сплотить вокруг себя сторонников.

До высылки Шетарди Брюмер действовал заодно с французским послом. Он поддерживал оживленную, в том числе и зашифрованную переписку со Стокгольмом и активно интриговал в пользу своего патрона. Профессор Штелин вспоминал, что в те дни, когда к обер-гофмаршалу приходили письма из Швеции, тот запирался у себя, забывая даже вывести великого князя на прогулку. Дело о штатгальтере казалось Адольфу Фридриху решенным — кого порекомендует он, регент, тот и займет пост. И тут Бестужев подготовил своим противникам каскад неприятных сюрпризов.

Сначала, еще до свадьбы великого князя, в столицу России прибыл другой дядя царевича — Фридрих Август, младший брат регента. Именно ему по завещанию герцога Карла Фридриха, отца Петра, должна была достаться опека над мальчиком. Но в многочисленной семье решили, что правильнее будет передать бразды правления старшему, более опытному и надежному из дядьев¹. Не важно, что Август и Карл дружили. Главное, младший брат — гуляка и выпивоха — какой из него регент?

Поскольку оба — и Адольф Фридрих, и Фридрих Август — приходились не только дядями Петру, но и родными братьями Иоганне Елизавете, то в Петербурге продолжился тот же семейный скандал, который начался еще дома, на благословенных немецких землях. Принцесса Цербстская сразу почувствовала угрозу. Она была частью голштинской партии, блокировалась с Брюмером и отстаивала интересы

уехавшего в Швецию родственника — их связывала общая политическая игра, нити которой тянулись из Парижа и Берлина.

Бестужев попытался прервать эти контакты. Он пригласил служившего в голландской армии полковником принца Августа в Россию. Предварительно тот написал сестре, предупреждая ее о приезде и вовсе не ожидая получить резкую отповедь. Но Иоганна Елизавета всегда рубила сплеча. «Мать знала, что эта поездка имела единственную для него цель получить при совершеннолетию великого князя управление Голштинией, иначе говоря, желание отнять опеку у старшего брата», — писала Екатерина. Принцесса ответила, что самое лучшее для Августа — «не поддаваться интригам», а «возвращаться служить в Голландию» и «дать себя убить с честью в бою». Канцлер, как водится, перехватил письмо и вручил его императрице. Та уже и так негодовала на шведского кронпринца. Иоганну Елизавету обвинили «в недостатке нежности к младшему брату» за то, что она употребила столь жестокое выражение. Между тем сама принцесса считала его «твердым и звонким» и хвасталась им в кругу друзей.

Когда Август все-таки прибыл в Петербург 5 февраля 1745 года, сестра встретила его дурно. Но это уже не имело значения, ибо ласковый прием возможному штатгальтеру был оказан Елизаветой. А Петр Федорович, чтобы насолить будущей теще и Брюмеру, тут же подружился с дядей Августом. Мальчика не смущало, что принц мал ростом, крайне нескладен, вспыльчив и даже глуп. Зато Август — настоящий полковник — мог как очевидец многое порассказать юному герцогу о шедшей тогда войне за Австрийское наследство (1740–1748), в которой участвовала и Голландия.

Екатерина характеризовала дядю как человека непорядочного, считала, что он вкрался в доверие к ее жениху и «тот стал сам просить тетку и графа Бестужева, чтобы постарались ускорить его совершеннолетие»².

Казалось, великая княгиня должна была остаться в стороне от развивающейся интриги. Но на нее давила мать, которой, в свою очередь, посылал из Стокгольма инструкции старший брат. 20 августа он писал: «Признавая охлаждение между мною и великим князем чрезвычайно опасным для нашего дома, считаю необходимым предупреждать все внушения, которые сделаны... ему против меня. Я уверен... что вы приложите к тому все свои старания. Я требовал того же и у великой княгини по вашему совету»³.

Ключевое слово: «требовал». Так, во многом помимо воли, просто из повиновения матери и дяде, великая княгиня вовлеклась в чужую и ей

лично невыгодную игру. Никакой пользы от того, что штатгальтером станет Брюмер, она не получила бы. Напротив, только лишний раз разозлила бы жениха. И Екатерина очень скоро это поняла.

Однако принц Август уже восстановил ее против себя. Он понимал, что на девушку давит мать, и попытался внушить племяннику, что мужчина должен уметь поставить женщину на место. Мемуары Екатерины так и дышат раздражением: «Принц Август и старые камердинеры, любимцы великого князя, боясь, вероятно, моего будущего влияния, часто говорили ему о том, как надо обходиться со своею женою»⁴. Под руководством родственника жених стал вести себя «как грубый мужлан».

Будь великая княгиня уверена в привязанности царевича, она бы непременно попробовала отвлечь его от кандидатуры дяди Августа. Скорее всего, именно об этом и просил ее Брюмер в разговоре, который выглядит как чисто воспитательный, поскольку суть опущена: «Помню, что гофмаршал Брюмер обращался ко мне в это время несколько раз, жалуясь на своего воспитанника, и хотел воспользоваться мною, чтобы исправить и образумить великого князя; но я сказала ему, что это для меня невозможно и что я этим только стану ему столь же ненавистна, как уже были ненавистны его приближенные»⁵.

В борьбе за пост штатгальтера жених и невеста чуть не оказались по разные стороны политических редутов. Но царевна вовремя отступила — ей незачем было рисковать ради Брюмера и ссориться с Петром накануне свадьбы. А вот сам юноша не без помощи Бестужева устроил настоящий фейерверк. Даже мысль назначить злодея-гофмаршала правителем Голштинии казалась ему противна. Как бы ни был забит и запуган великий князь, он, что называется, уперся в землю всеми четырьмя лапами. В постоянных стычках с Брюмером Петр, по словам Штелина, «привык к искусству ловко возражать и к вспыльчивости, от которой совершенно похудел». В то же время мальчик боялся кулаков и, когда на него нападали, не сразу вспоминал, что он принц и дворянин. Профессор описал отталкивающий случай, произошедший в Петергофе в 1745 году, незадолго до совершеннолетия наследника. Автор не говорил, из-за чего случилась очередная ссора, однако главной темой разногласий в тот момент было штатгальтерство. Вероятно, обер-гофмаршал требовал от воспитанника исполнения воли регента, а тот огрызался.

«Брюмер вскочил и сжал кулаки, бросился к великому князю, чтобы его ударить. Профессор Штелин бросился между ними с простертыми руками и отстранил удар, а великий князь упал на софу, но тотчас опять

вскочил и побежал к окну, чтобы позвать на помощь гренадеров гвардии». Штелин сумел удержать ученика, ведь стань происшествие известным, в первую очередь пострадала бы честь самого мальчика. А Брюмеру сказал: «Поздравляю, что вы не нанесли удара его высочеству и что крик его не раздался из окна. Я не желал бы быть свидетелем, как бьют великого князя, объявленного наследником российского престола». Эти слова, как видно, пробудили в Петре если не смелость, то сознание поруганной чести. Он побежал в спальню, вернулся оттуда со шпагой и обратился к обер-гофмаршалу: «Эта ваша выходка должна быть последней: в первый раз, как только вы осмелитесь поднять на меня руку, я вас проколю насквозь»⁶.

После описанной стычки Петр окончательно отдалился от старых наставников. «С этого времени великий князь ни с одним из этих обоих своих наблюдателей не говорил ласкового слова и обходился с ними с большой холодностью»⁷, — отмечал Штелин. Его слова полностью подтверждала Екатерина: «Мне тут стало ясно, как день, что все приближенные великого князя... утратили над ним всякое влияние... Граф Брюмер и старший воспитатель видели его только в публике, находясь в его свите»⁸.

Наследник наглядно демонстрировал, что не собирается оставлять обер-гофмаршала при себе. В разговоре со слугами он как-то обронил: «Маршал Брюмер — человек нравной (то есть с норовом, дурным характером. — О. Е.). Только он не столько будет иметь власти, когда я возьму сочетание брака. Может, тогда всемилостивейшая государыня изволит его от двора уволить»⁹.

Сколь веревочке ни виться... настанет время дать отчет. Для Брюмера, да и для дяди-регента оно пробило немного раньше срока. В январе 1745 года скончался император Священной Римской империи Карл VII. Этот монарх обладал по отношению к многочисленным немецким княжествам важной функцией: вводил их суверенов в наследственные права. До избрания нового «цесаря» его полномочия исполнял так называемый викарий — курфюрст Саксонский и король Польский Август III. В конце марта Елизавета Петровна поручила канцлеру обратиться в Дрезден за грамотой на майоратство для ее племянника. Документ признавал за несовершеннолетним юридическую дееспособность. Конечно, Петр был рад получить статус правящего герцога на год раньше срока. 17 июня «прибыл в Петергоф императорский посланник барон Герсдорф с секретарем своим фон Пецольдом и на особенной аудиенции у ее императорского величества представил великому князю диплом на...

майоратство»¹⁰. Дело было сделано.

Бестужев хотел отпраздновать полный триумф над голштинской партией и потому предлагал Елизавете, чтобы вручение грамоты было соединено с провозглашением принца Августа штатгальтером. Но императрица предпочла растянуть удовольствие, лишние несколько месяцев помучив кронпринца Адольфа и позволив племяннику насладиться унижением Брюмера. Государыню часто называли нерешительной; действительно для ее политического стиля были характерны долгие паузы, которые Елизавета, как хорошая актриса, брала в самые ответственные моменты и тянула, сколько могла. Что они давали? Пока ее величество молчала, ситуация успевала несколько раз измениться. Каждая из сторон получала время подумать и предложить новые выгодные условия. Держать в напряжении «врагов» и «друзей» значило не позволять чрезмерно усиливаться ни тем ни другим. Бестужев не должен был чувствовать абсолютной победы — это укрепило бы его власть, а не власть Елизаветы.

Таким образом, вопрос о штатгальтере повис в воздухе, хотя казался решенным. Петр не упустил возможности показать бывшему наставнику его место. После получения грамоты он вернулся в свои покои, громко прочел ее текст Брюмеру и Бехгольцу и заявил: «Вот, видите ли, господа, наконец исполнилось то, чего я давно желал: я владетельный герцог, ваш государь; теперь моя очередь повелевать. Прощайте! Вы мне более не нужны».

13 ноября Петр «декларировал» принца Августа штатгальтером Голштинии. А 16 декабря герцог подписал рескрипт о назначении наместника в «герцогства Шлезвиг и Голштейн».

Не беда, что основная часть земли оставалась в руках датчан. Петр, а вернее подготавливавшие за него документ русские дипломаты во главе с Бестужевым, демонстрировали претензии великого князя на наследственные права в полном объеме. Еще через месяц, в январе 1746 года, великий князь затребовал у Адольфа Фридриха из Стокгольма подлинник завещания своего отца. Этот документ неоспоримо свидетельствовал о том, что регент семь лет занимал свой пост незаконно. Поэтому кронпринц ответил не сразу, понадобилось давление со стороны русского кабинета¹¹.

Для нас этот сюжет важен потому, что он показывает, как из-за клочка земли на севере Европы, из-за сугубо династического дела, напряглись все русско-шведско-пруско-французские связи. В этот список следовало бы

добавить еще и Данию, кровно заинтересованную в сохранении Шлезвига. Маленький Гол штейн постоянно нужно было иметь в виду, выстраивая союзы и выбирая друзей. А это оказалось крайне неудобно для большой империи, имевшей свои интересы.

Фридрих Август задержался в Петербурге до 1747 года, фактически заменив собой Брюмера. Женатый великий князь официально не нуждался в воспитателе. Но неофициально проявлял к дяде большое доверие. Тот служил связующим звеном между наследником и Бестужевым. На время отношения Петра и канцлера наладились. Иностранные резиденты отмечали между ними «великую», «истинную» и «нелицемерную» дружбу, возникшую «стараниями принца Августа и его шайки»¹².

Брюмер и Бехгольц получили увольнение осенью 1745 года. Им были предложены должности в Голштинии, однако, опасаясь мести молодого герцога, они поселились на покое в Висмаре, где получали порядочный пенсион от Елизаветы Петровны: Брюмер — три тысячи рублей, Бехгольц — две. Чтобы буквально вытолкнуть Брюмера из России, ему пришлось подарить перед отъездом девять тысяч рублей. Между тем положение обоих в Петербурге было двойственно, а Бехгольца даже невыносимо. Мардефельд сообщал в Берлин: «Камер-юнкер Берхгольц экспедицией Голштинской канцелярии заведует, а Его императорское высочество забавы ради его пощечинами жалует да щипками»¹³. Пришло время Петра распускать руки.

«Он читал тоже»

Императрица Елизавета поручила Штелину непосредственно перед свадьбой «каждое утро присутствовать при вставании и одевании великого князя, чтоб удержать дерзких камердинеров и лакеев от непристойных разговоров с его высочеством. Некоторые из них были вдруг отосланы, между прочими камердинер Румберг сослан в крепость, а потом в Оренбург». Трудно не заметить связь между присутствием Штелина в спальне наследника и исчезновением старых слуг. Есть основания полагать, что преподаватель, как и любое из приставленных к великокняжеской чете лиц, сочетал официальные функции с негласным наблюдением. Если верить словам профессора, все наставления он получал лично от императрицы. Однако Елизавета не так уж часто удостоивала беседой даже приближенных дам. Вероятно, существовал посредник пониже. Всё

окружение Петра и Екатерины, за исключением голштинцев, состояло из людей Бестужева, и не будет большой натяжкой предположить в добром профессоре еще одну креатуру канцлера.

Впрочем, наш мемуарист оставался весьма независим в суждениях, и принц Август — протеже Бестужева — радовал его не больше Брюмера. «Он выписал для великого князя модель города Киля, которая забавляет его более, чем всё русское государство, к немалому огорчению императрицы. Штелин показывает ему (Петру. — О. Е.) различие между обоими. Императрица отсылает всех голштинцев». Высылка прежних слуг наследника — как раз то, к чему стремился канцлер. Из приведенного пассажа видно, что профессора раздражали люди, пользовавшиеся доверием ученика. Видимо, Штелин рассчитывал на единоличное место конфидента. И тут помехой становились уже не Брюмер и не принц Август. Главным претендентом на доверие Петра была Екатерина.

Есть старинная научная премудрость — из того, о чем говорит источник, следует узнать, о чем он умалчивает. Поразительно, но в мемуарах Штелин и Екатерина II умалчивали друг о друге. Императрица лишь раз назвала имя учителя своего мужа, презрительно окрестив его «шутом». Сам профессор, конечно, не смог вовсе обойтись без упоминаний о супруге великого князя. Но это именно упоминания — краткие и безличные — приезд принцессы, бракосочетание наследника, рождение царевича Павла. Образ Екатерины совершенно закрыт, точно ее не существовало. Видимо, ничего хорошего автор сказать не мог, а от дурного воздержался.

Это и понятно. «Записки» Штелина появились в 1770 году¹⁴ и были фактором той же политической борьбы, что и «Прутское письмо Петра I» или мемуары Бассевича. Следует согласиться с А. Б. Каменским: в царствование Екатерины имя Петра III было фактически под запретом, и чтобы написать воспоминания о свергнутом императоре, требовалось известное мужество¹⁵. Добавим: отсутствие в тексте традиционных славословий в адрес ныне правящей монархини выглядело как вызов. Штелин шел на него сознательно.

После свадьбы наследник уже не нуждался в преподавателях. Его образование считалось законченным. Но профессор остался при Петре в качестве библиотекаря с 1745 по 1747 год, а затем, после долгого промежутка, вернулся по просьбе великого князя к нему на службу в 1754-м и уже оставался рядом со своим воспитанником до рокового дня его свержения.

Хлопот по библиотеке хватало. В 1746 году из Киля доставили герцогское книжное собрание, для которого профессор заказал «красивые шкафы» и по приказу великого князя поставил их «в особенных комнатах дворца». Штелин свидетельствовал, что у его ученика «была довольно большая библиотека лучших и новейших немецких и французских книг». Тут мемуарист противоречит сам себе, ведь прежде он утверждал, будто Петр плохо знал французский. Однако «как только выходил каталог новых книг», великий князь «его прочитывал и отмечал для себя множество» изданий. Кроме того, наследник «купил за тысячу рублей инженерную и военную библиотеку» одного из немецких собирателей — Меллинга. После восшествия Петра III на престол «должно было устроить полную библиотеку в мезонине нового Зимнего дворца... для чего император назначил ежегодную сумму в несколько тысяч рублей»¹⁶. Эта библиотека в мезонине занимала четыре «большие комнаты», рядом с которыми располагались две комнаты для библиотекаря.

Согласно описям Штелина библиотека насчитывала 829 томов. Она включала сочинения по военному делу, истории, искусству, а также беллетристику на французском, немецком, итальянском и английском языках. Двумя последними Петр не владел, но множество книг были наследственными. Имелось всего одно издание на русском языке — «Краткое описание комментариев Академии наук» 1729 года¹⁷ — но это не должно смущать читателя, в тот момент отечественных книг выпускалось очень немного.

Странно, что о литературных пристрастиях великой княгини, которая постоянно читала, Штелин не говорил ни слова. Ведь она должна была получать книги из того же собрания. Но нет, известно, что царевна сама посылала в лавки за новыми поступлениями, заказывала каталог Академии наук и пользовалась ее библиотекой. Это свидетельствует о затрудненных контактах с библиотекарем мужа. Крайне внимательная ко всему происходящему вокруг и рано почувствовавшая в окружающих шпионов, Екатерина, возможно, не хотела, чтобы Штелин знал, какие именно издания она выбирает. «Целый год я читала одни романы, — писала императрица о своем состоянии после свадьбы, — но когда они стали мне надоедать, я случайно напала на письма г-жи де Севинье... Когда я их проглотила, мне попались под руку произведения Вольтера; после этого чтения я искала книг с большим разбором»¹⁸. Начав с романов, Екатерина очень быстро перешла к «Истории Генриха Великого» Ардуэна де Бомон де Перефикса, «Истории Германской империи» отца Барре и «Церковным анналам»

Барониуса⁹, откуда уже совсем недалеко было до первых трудов Монтескье, Дидро и Гельвеция.

Получается, что оба — и Екатерина, и Петр — читали с увлечением. Но почему между ними не возникало столь естественных разговоров по поводу прочитанного? Разный круг предпочтений — не оправдание. У кого из супругов он совпадает на сто процентов? Напротив, интерес к коллекционированию книг, покупке новинок должен был стать полем для сближения. Что хочешь приобрести ты? А ты? Но не стал. «Я любила чтение, он тоже читал, — признавала Екатерина, — но что читал он? Рассказы про разбойников или романы, которые мне были не по вкусу. Никогда умы не были менее сходны, чем наши; не было ничего общего между нашими вкусами, и наш образ мыслей, и наши взгляды были до того различны, что мы никогда ни в чем не были согласны»²⁰.

Рассказы про разбойников, книги о путешествиях и войнах — естественный круг чтения для мальчика. Но речь идет о 1749 году, когда Петру уже перевалило за двадцать, а сама великая княгиня давно рассталась с романами. Инфантилизм, или как тогда говорили, ребячливость, наследника, явное отставание от роста не только физически, но и эмоционально проявились и в выборе литературы. А вот Екатерина умственно развивалась быстрее сверстников, шла дальше, отсюда и отсутствие согласия. Они обсуждали книги слишком по-разному и испытывали скуку от бесед друг с другом. Жена казалась наследнику заумной, он ей — маленьким.

«Пилить на скрипке»

Если о литературных пристрастиях великой княгини мы знаем из множества источников, то информация о круге чтения Петра Федоровича встречается только у Штелина. Она уникальна. Больше никто из современников не называл наследника книголюбом. Напротив, на стороннего наблюдателя царевич производил впечатление человека, относившегося к литературе презрительно. «Он полагал, в частности, что ошибаются те, кто утверждает, будто король (Фридрих II. — О. Е.) предпочитает трубке книги»²¹, — вспоминал С. А. Понятовский.

Молодой поляк, влюбленный в Екатерину, мог утрировать, ведь и из ее мемуаров вовсе не предстает образ супруга с книжкой в руках. Иное дело — со скрипкой. О музыкальных занятиях Петра упоминали все — от

недоброжелательной жены до немецких дипломатов. И здесь рассказ Штелина легко вписывается в круг других источников.

Сама Екатерина не любила музыки: у нее был дефект слухового аппарата, благодаря которому правое ухо слышало звуки в одном тембре, а левое — в другом. Неудивительно, что любой концерт императрица воспринимала как шум и именно так относилась к упражнениям мужа: «Он принимался пилить на скрипке; он не знал ни одной ноты, но имел отличный слух, и для него красота музыки заключалась в силе и страстности»²². Не раз Екатерина упоминала концерты, которые устраивал ее супруг: «В них он сам играл на скрипке... Я обыкновенно скучала»²³. Штелин указывал, что зимой концерты в покоях великого князя происходили каждый день и длились с четырех часов до девяти вечера.

Профессор, который позднее участвовал в придворных оркестрах Петра, с неудовольствием отмечал, что в 1745 году егерь Бастиан, развлекая юношу, «играл ему на скрипке и учил его играть кое-как»²⁴. Этот отзыв очень близок к екатерининскому: «...не зная ни одной ноты». Впрочем, возможно, Штелин вновь ревновал. Ведь он-то, ученик Баха, мог показать великому князю куда больше, чем егерь, игравший, как тогда говорили, по навыку, то есть без нот. А. Т. Болотов, слышавший исполнение наследника, замечал, что тот играл «довольно хорошо и бегло». Но был ли Болотов знатоком дела — вот вопрос.

Штелин писал, что его воспитанник «научился у нескольких итальянцев игре на скрипке» и мог при исполнении симфоний «выступать в качестве партнера. И хотя порой он фальшивил и пропускал трудные места, его итальянцы имели обыкновение кричать ему: «Браво, ваше высочество!» Отчего в конце концов он и сам, несмотря на пронзительные удары смычком, уверовал, что играет верно и красиво». Снова штелинские оценки: «фальшивил» и «пронзительные удары смычком» совпадают с отзывом Екатерины о том, что красота музыки заключалась для великого князя «в силе и страстности».

Уже после восшествия ученика на престол Штелин записал: «Благоволит итальянцам и особенно музыкантам: своего бывшего учителя на скрипке, Пиери, назначает капельмейстером и отказывает прежнему (Шварцу из Вены). Сам играет при дворе первую скрипку под управлением Пиери и желает, чтобы все знатные дилетанты, которые некогда играли в его концерте, участвовали и в придворных концертах. Имеет запас отличных скрипок, из которых иные стоят от 400 до 500 рублей. Хочет выписать из Падуи в Петербург старика Тистини, к школе которого он

причисляет себя. Возвращает из Болонин капельмейстера Гайя»²⁵.

Петр коллекционировал музыкальные инструменты: «Едва он слышал что-либо о хорошей скрипке, как тотчас желал ее заполучить, независимо от цены. В результате он стал обладателем ценного собрания скрипок... знаменитых мастеров»²⁶.

Эти сведения Штелина подтверждаются другими источниками. «Сколько известно мне, — писал новый прусский посол Финкенштейн, — единственная разумная забава, коей он (Петр Федорович. — О. Е.) предается, — музыка». И тут же: «...каждый день по несколько часов играет с куклами и марионетками»²⁷. В инструкции для обер-гофмаршала великого князя юноше запрещались занятия музыкой. Надлежало «всемерно препятствовать... игранию на инструментах». Трудно понять, какой логикой руководствовались при этом Елизавета и Бестужев. Но Петр действительно учился «пилить на скрипке» тайком, а потому неудивительно, что он не знал нот. Удивительно другое — получив, наконец, свободу от надзора, он не удосужился познакомиться с ними.

«В одной комнате»

В результате царевич упражнялся ночью, так же как и возился с игрушками. «Как только мы были в постели, Крузе (камер-фрау молодого двора. — О. Е.) запирала дверь, — писала Екатерина, — и тогда великий князь играл до часу или двух ночи... Вся кровать была покрыта и полна куклами и игрушками, иногда очень тяжелыми. Не знаю, проведала ли Чоглокова (гофмейстерина малого двора. — О. Е.) об этих ночных забавах, но однажды, около полуночи, она постучалась к нам в дверь спальни; ей не сразу открыли, потому что великий князь, Крузе и я спешили спрятать и снять с постели игрушки, чему помогло одеяло... Чоглокова стала нам ужасно выговаривать за то, что мы заставили ее ждать».

Поражают стесненные условия, в которых жила великокняжеская чета. Не только в смысле отсутствия личной свободы — гофмейстерина ночью врывается в спальню Петра и Екатерины, — но и в смысле отсутствия площади. Глядя на дворцы того времени, кажется, что в них очень просторно. Но из описаний жизни елизаветинского двора создается впечатление, что помещений не хватало. В те времена люди не так нуждались в личном пространстве, как сейчас; потребность уединения была развита куда меньше. Когда императрица переезжала в Царское Село,

за ней следовали кавалеры и дамы. «Эти дамы помещались по четыре и больше в одной комнате, — писала Екатерина, — их горничные и всё то, что они привезли с собой, находилось тут же. Эти дамы были большей частью в сильной ссоре между собою, что делало их житье не особенно приятным»²⁸.

Екатерина и Петр были буквально сжаты на очень маленьком пространстве. Для прибывшей из Киля библиотеки не хватило места во дворце, и принц приказал перевезти ее в Ораниенбаум. Нужны были всего четыре комнаты, но сам наследник со слугами теснился в двух. Когда ему захотелось иметь псарню, ее пришлось устроить в спальне жены. «Зимой великий князь выписал из деревни восемь или девять охотничьих собак и поместил их за деревянной перегородкой, которая отделяла альков моей спальни от огромной прихожей... Так как альков был только из досок, то запах псарни проникал к нам, и мы должны были оба спать в этой вонючке. Когда я жаловалась на это, он мне говорил, что нет возможности сделать иначе, так как псарня была большим секретом».

Неудивительно, что молодая женщина схватила в таких условиях лихорадку с сыпью. Поскольку на Масленицу 1748 года при дворе развлечений не было, великий князь устраивал маскарады в комнате выздоравливавшей жены: «Он заставлял рядиться своих и моих слуг и моих женщин и заставлял их плясать в моей спальне; он сам играл на скрипке и тоже подплясывал. Это продолжалось до поздней ночи... под предлогом головной боли или усталости я ложилась на канапе, но всегда ряженая, и до смерти скучала от нелепости этих маскарадов»²⁹.

Возможно, Петр со своими скрипками, собаками и куклами свел бы с ума ангела. Но возможно также и то, что Екатерина проще отнеслась бы ко многим поступкам мужа, не происходи они буквально у нее на голове. Ей нерадостно было от его веселья, хотелось спать, когда у Петра ноги шли в пляс. В тех же комнатах, где и двоим казалось тесно, неотлучно находились чужие, порой неприятные молодым люди. На глазах у недоброжелательных наблюдателей великой княгине постоянно было стыдно за ребячества супруга. Недаром Понятовский заметил: «Ей приходилось либо страдать, либо краснеть за него»³⁰. И всё это публично.

«Я, право, больше не могу»

Круже запиралась в спальне с молодыми, конечно, для помощи в иных

играх, чем марионетки и солдатики. Возможно, Петра и Екатерину стоило оставить наедине, а не устраивать из их интимной жизни театр для кумушек. Но Елизавете Петровне нужен был наследник, наследник, наследник... Сменявшие друг друга камер-фрау, гофмейстерины и другие комнатные женщины втолковывали нерадивым супругам, как его сделать. Всё, что происходило в великокняжеских покоях, немедленно становилось известным при дворе и перемалывалось сотней языков. Простыни супружеской четы оказались выставлены на всеобщее обозрение, а их затянувшаяся чистота ставилась молодым в вину.

Что могло подорвать реноме цесаревича больше? Должно быть, нравственно Петр страдал, потому что близкий к нему Штелин не простил Екатерине ночных фиаско своего слабого, болезненного и абсолютно не готового к семейной жизни питомца. Вероятно, отношения между профессором и великой княгиней с самого начала не сложились. Есть основания полагать, что Яков Яковлевич знал ее отзыв о себе, потому что дополнение мемуаров он написал под псевдонимом «статского советника Мизере». У этого имени, как тонко отметил А. Б. Каменский, «говорящий» корень: «*miser*» по-латыни — ничтожный, низкий, подлый. А вот чин статского советника носил сам Штелин. Мнимый Мизере не только продемонстрировал прекрасное знакомство с делами Академии наук и Академии художеств, но и проговорился, что занимал пост библиотекаря Петра III³¹.

Перед читателем «Дневника статского советника Мизере» явная мистификация — текст создан человеком, укрывшимся под маской «жалкого шута». Таким видела профессора Екатерина, и теперь смешной человечек рассказывал свою правду о жизни ученика. Более того, он рассказал о корнях семейной драмы Петра. Причем сделал это очень искусно.

В мемуарах есть отрывок о болезни великого князя, который на первый взгляд трудно локализовать во времени. Однажды Штелин заметил у ученика необыкновенную расслабленность. Расспросив его, он узнал, что Петр «не имеет сна и почти аппетита и чувствует часто наклонность к обмороку». Пульс был неровен. Капли, прописанные голштинским медиком Струве, не помогли, и через несколько дней Петр «совершенно ослабел и почти без чувств упал у стола» на руки профессору со словами: «Я, право, больше не могу».

Императрица прислала лейб-медика Германа Бургава. «Великий князь должен был лечь, и тогда доселе скрытая лихорадка обратилась в изнурительную». Петр не подавал надежды на выздоровление. Штелин по

приказу императрицы почти неотлучно находился при мальчике. «Он ослабел до крайности и потерял охоту ко всему... даже к музыке. Когда однажды после обеда в передней его высочества играла придворная музыка и кастрат пел его любимую арию, то он сказал мне едва слышным голосом: «Скоро ли перестанут играть?» Это нас испугало». Когда Бургаву сообщили слова больного, он воскликнул: «Ах, Господи! Это дурной знак!» К вечеру того же дня последняя надежда растаяла.

«Великий князь лежал с полугасшими глазами и едва хрипел. Ее величество... скорее прибежала, чем пришла к нему при этом известии. Она так испугалась... что не могла произнести ни слова и залилась слезами. Ее с трудом оттащили от постели великого князя». Около полуночи, «когда больше нечего было делать и надеяться», Штелин отправился на квартиру к Бургаву, который просил профессора остаться у него, «пока к утру придет известие о кризисе или о смерти». «Мы сидели перед камином, курили трубки, почти не говоря ни слова. Каждые полчаса приходил камер-лакей с рапортом от придворного хирурга Гюона. Все извещали, что великий князь лежит по-прежнему без движения». Лишь на рассвете, около пяти часов, лакей явился в седьмой раз и сообщил, что на лбу у больного проступили крупные капли пота. Услышав это, Бургав вскочил со стула и воскликнул: «Слава Богу! Великий князь будет здоров!» Доктор откупорил бутылку бургонского, налил бокалы и осушил свой за здоровье пациента. Кризис миновал, и мальчик пошел на поправку, хотя слабость его сохранялась еще очень долго³².

Этот текст помещен сразу за ведомостью об уроках великого князя 1743 года, которая как бы разрывает собой события 1745 года. В кратком описании характера и физических свойств Петра III профессор относит болезнь к 1743 году. Такая датировка будет правильной, потому что в рассказе царевич еще сидит на уроках, а они после женитьбы закончились. Тогда что же нас смущает?

Дважды, до и после рассказа о болезни ученика, автор настойчиво повторяет, что Петра женили вопреки рекомендациям докторов. Он был еще слишком слаб и мал для выполнения супружеских обязанностей. «Императрица спешит бракосочетанием великого князя. Врачи советовали, чтобы оно было отсрочено по крайней мере на год», — писал Штелин о событиях февраля 1745 года. И уже в августе: «Спешила (государыня. — О. Е.) бракосочетанием великого князя вопреки советам придворных врачей»³³. В обрамлении этих сведений врезка о внезапном приступе слабости, едва не стоившем мальчику жизни, выглядит очень красноречиво.

В конце зимы 1746 года, то есть менее чем через полгода после свадьбы, Петр снова слег. Симптомы были те же, что и два с лишним года назад — крайняя слабость. Да и лечение не отличалось — обильные кровопускания. Екатерина считала, что великий князь простудился на маскараде в Смольном дворце. Танцевали в одном флигеле, а ужинали — в другом. «Нас заставили пройти в январе месяце через двор по снегу», — вспоминала императрица. Впрочем, были и другие балы, на которых наследник «много плясал и возвращался домой весь в поту». Ходить из его покоев, где был гардероб, в покои жены, где юноша спал, приходилось через холодный, неотапливаемый вестибюль со сквозняками на лестнице. Словом, молодая супруга решила, что муж простыл. «Ему было очень худо; ему не раз пускали кровь; императрица навещала его несколько раз на дню и, видя у меня на глазах слезы, была мне за них признательна»³⁴.

Теперь время дежурить у постели Петра настало для его жены. Если сопоставить мемуарные свидетельства о двух болезнях великого князя, то окажется, что Штелин и Екатерина претендовали на одну и ту же роль — неотлучного милосердного ангела над изголовьем страдальца. Однако сам юноша без восторга встречал ухаживания супруги, дичился и отталкивал ее. «Я заметила, — поясняла она, — что ему не слишком-то много дела до того, чтобы я тут была». Возможно, Петр догадывался, что корень его недуга — в их семейных упражнениях. Причиной лихорадки стало в первую очередь ослабление организма из-за непосильного для мальчика напряжения, а уж простуда и горячка не замедлили явиться как следствия.

Екатерина подтверждала слова профессора о рекомендациях докторов отсрочить для Петра начало взрослой жизни: «Я долго спустя узнала, что граф Лесток (лейб-медик государыни. — О. Е.) советовал императрице только тогда женить великого князя, когда ему будет 25 лет, но императрица не последовала его совету»³⁵. Как уже говорилось выше, для укрепления престола было важно, чтобы наследник как можно скорее стал совершеннолетним и у него появилось потомство^[9].

Взаимные обиды — плохое начало семейной жизни. А тут еще елизаветинские кумушки со своими советами. Создается впечатление, что великий князь играл в спальне в куклы демонстративно. Ведь приставленные Елизаветой люди пытались играть в него самого. Конечно, он был ребячлив без меры, а кроме того, неуверен в себе и предпочитал марионеток любовным ласкам. Но в его действиях прослеживалась некая логика. Сразу после Великого поста 1746 года Петр провертел дырку в стене своей комнаты, смежной с покоем императрицы, подставил к ней

стулья и заставлял всех приходивших подсматривать за поздними ужинами Елизаветы Петровны. «Его Императорское высочество позвал всех, кто был вокруг него, чтобы и им дать насладиться», а потом пошел за Крузе и женой. «Он побежал ко мне навстречу и сказал мне, в чем дело; меня испугала и возмутила его дерзость, и я сказала ему, что я не хочу ни смотреть, ни участвовать в таком скандале, который, конечно, причинит ему большие неприятности, если тетка его узнает». Сцена, гадкая сама по себе, неприятна еще и тем, что придворные, которых цесаревич приглашал на «представление», не могли отказаться, и только Екатерина открыто воспротивилась дикой выходке супруга. Остальные вынуждены были молчать и покрываться краской до ушей.

Вырванный из контекста поступок Петра выглядит отталкивающе. Но присмотримся к нему внимательнее. Великий князь только вывернул наизнанку поведение самой Елизаветы Петровны по отношению к нему и молодой супруге, передразнил государыню наглядно и вызывающе. Недаром он едва не за руку потащил к дырке Крузе — ночную музу, приставленную высекать чужие любовные искры. А потом побежал к жене, ожидая одобрения.

К воскресенью Елизавета узнала о случившемся и явилась в покои племянника красная от гнева. «Великий князь пришел в шлафроке и с ночным колпаком в руке, с веселым и развязным видом, и побежал к руке императрицы, которая поцеловала его и начала тем, что спросила, откуда у него хватило смелости сделать то, что он сделал... что, верно, делая это, он позабыл всё, чем ей обязан; что она не может смотреть на него иначе, как на неблагодарного; что отец ее Петр I, имел тоже неблагодарного сына; что он наказал его, лишив его наследства»³⁶.

То был первый случай, когда Елизавета напомнила племяннику о судьбе царевича Алексея, пригрозив крепостью и лишением наследства. В феврале 1747 года Мардефельд писал об отношениях великого князя и государыни: «Ежели императрица ему приказывает, а ему сие не по нраву, то противится, тогда повторяет она приказание с неудовольствием, а порой и с угрозами, он же оттого в нетерпение приходит и желал бы от сего ига избавиться». Прусский посол верно передал манеру поведения сторон. О великой княгине старый дипломат сообщал в Берлин: «Еще пять месяцев назад (то есть в октябре 1746 года. — О. Е.) была она девицей. Общее мнение гласит, что, хотя поначалу супруг ее полагал, что дело свое исполнил до конца, однако же граф Разумовский, президент Академии, взялся довершить ради блага великой сей Империи»³⁷.

Речь пока не шла о получении наследника «со стороны», а лишь о том, чтобы «довершить» «дело», на которое у великого князя не хватало сил. Обычно принято извиняться перед читателем за интимные подробности биографии героев. Но частная жизнь наших персонажей была публичным скандалом. О ней, нимало не смущаясь, доносили иностранные дипломаты, ее рассматривали на консилиумах лейб-медики, в нее властно вмешивалась императрица, принимая доносы и обсуждая их с приближенными.

«Граф Разумовский» — Кирилл Григорьевич, родной брат фаворита, вернее тайного мужа Елизаветы. Дело с неспособностью цесаревича постарались решить по-семейному, выведя на поле «запасного игрока». Его попытки сближения с Екатериной относились к лету 1748 года, но, как видно из донесения Мардефельда, обсуждались императрицей и обер-егермейстером за пару лет до этого. Видимо, тогда решили повременить и дать молодым фору.

А пока в Ораниенбауме — резиденции, подаренной Петру в 1744 году, — великий князь выстроил земляную крепость, назвал ее именем жены — Екатеринбург и штурмовал со своими импровизированными войсками. Символичность его поведения была очевидна.

«Желание плакать»

Екатерина же продолжала жаловаться на невнимание мужа. По ее словам, Петр «ухаживал за всеми женщинами; только та, которая носила имя его жены, была исключена из его внимания»³⁸. Великая княгиня с завидным упорством перечисляла увлечения супруга: «Через две недели после свадьбы он мне сказал, что влюблен в девицу Карр, фрейлину императрицы... Он сказал графу Дивьеру, своему камергеру, что не было и сравнения между этой девицей и мною»³⁹. В июне 1746-го, когда великокняжеская чета вместе с императрицей посещала Ревель, Петр увлекся «ненадолго некоей Цедерспарр: он не преминул... поверить мне это тотчас же».

О сердечных склонностях наследника свидетельствовали и другие современники. Мардефельд называл великого князя «любителем выпивки и любовных походов»⁴⁰. А Штелин писал о «привязанности» ученика к «чувственным удовольствиям, которые более расстраивали, чем развивали его суждения». В последнем случае речь идет о познавательных способностях юноши, открывавшего мир через чувства, а не через

«глубокие размышления»⁴¹.

Неудивительно, что при нервном, впечатлительном характере Петр был влюбчив. Неудачи с женой подталкивали его к нарочитому бравованию своими сердечными привязанностями. Великий князь старался уязвить самолюбие супруги после того, как его собственное было уязвлено. Вероятно, Петр хотел таким способом расшевелить Екатерину, вызвать к себе интерес. Но она поняла его превратно. И сама непонятая продолжала страдать в одиночестве^[10].

Позднее она корила себя за излишнюю сдержанность с мужем. Во время болезни Петра зимой 1746 года «я... была очень застенчива и сдержанна в отношении к нему, — писала Екатерина. — ...С другой стороны, принцип совсем не быть в тягость часто мне вредил... моя природная услужливость заставляла меня уступать место, между тем как без нее я бы его удержала»⁴².

О каком месте речь? Без сомнения, о месте жены. Юная Екатерина была гордым и деликатным человеком, а это принимали за холодность с ее стороны: «Я старалась из самолюбия заставить себя не ревновать к человеку, который меня не любит, но чтобы не ревновать его, не было иного средства, как не любить... Мне нужно было иметь мужа со здравым смыслом, а у моего этого не было»⁴³.

Действительно, зачем рассказывать о своих похождениях, если хочешь привлечь сердце девушки? Екатерине и в голову не приходило, что подобными историями Петр стремился спровоцировать ее интерес. Вспомним круг чтения наследника: он захлеб проглатывал романы, переживая чужие страсти и замещая ими собственные. Так делают подростки, но великий князь слишком задержался в этом состоянии. Романтические откровения на чужой счет, которыми Петр засыпал жену, были если не совсем ложью, то колоссальным преувеличением.

Тем не менее Екатерина от них чахла. У нее проявились симптомы чахотки, возникшей на нервной почве. Летом 1746 года она испытывала «большое расположение к грусти» и ощущала себя «совершенно одинокой». «Я чувствовала частые боли в груди, и у меня однажды пошла кровь горлом»⁴⁴. Это состояние продолжалось около пяти лет. «Регулярно в течение нескольких месяцев и в определенное время у меня являлось желание плакать и видеть все в черном цвете... Бургав счел меня чахоточной»⁴⁵.

Лейб-медик сумел излечить молодую женщину теплым молоком ослицы, но исцелить сердце было не так легко, как тело. А поскольку

чахотка, лихорадка и боли в груди имели душевное происхождение, то и менять следовало отношение к жизни. При веселом, общительном характере Екатерина нравилась многим, да и ей было нетрудно увлечься, даже не отдавая себе в этом отчета. В 1746 году она попала в сложную ситуацию — попробовала ответить Петру той же монетой, завести интрижку. В сущности, очень невинную. Громы и молнии, павшие на голову великой княгини, продемонстрировали разницу между ней и цесаревичем. Что позволено Юпитеру, не позволено... жене Юпитера.

Впрочем, любовная интрига оказалась в данном случае тесно сплетена с политической. Двор еще не покинули ни Брюмер, ни принц Август. Совсем недавно уехала Иоганна Елизавета, продолжавшая писать дочери и требовать от нее усилий в пользу шведского кронпринца. Противостояние Бестужева с «голштинской» партией достигло пика. Сколько бы Екатерина ни уклонялась от удара, молот обрушился бы на нее. Добить неопытную шестнадцатилетнюю девушку, лишенную реальной поддержки, было делом времени. Канцлер мог позволить себе поиграть с ней, как кошка с полупридушенной мышью. Но он нанес удар точно и безжалостно, не считаясь с тем, что перед ним уже не настоящий враг, а только половина или даже четверть врага. В тот момент для Бестужева важнее всего было на корню уничтожить своих противников, устроив развод и высылку великой княгини. Екатерину обвинили в неверности.

Удар последовал оттуда, откуда его менее всего стоило ожидать. Из внутренних комнат.

«Его невеста»

Еще во время пребывания двора в Москве Елизавета Петровна назначила своему племяннику несколько молодых русских лакеев, чтобы разбавить ими плотное кольцо старых голштинских слуг. Это были братья Чернышевы — Андрей, Алексей и Петр, сыновья поручиков Лейб-кампании, то есть люди, на которых, как считалось, императрица может положиться. «Великий князь очень любил всех троих... — писала Екатерина, — и действительно, они были очень услужливы, все трое рослые и стройные, особенно старший. Великий князь пользовался последним для всех своих поручений и несколько раз в день посылал его ко мне».

Петр был очень близок с Андреем. Однажды в шутливом разговоре, касавшемся Екатерины, лакей бросил наследнику: «Ведь она не моя

невеста, а ваша». Вероятно, речь шла о недостатке внимания к нареченной. Цесаревича слова крайне насмешили, и с тех пор он стал называть Екатерину «его невеста», а Андрея «ваш жених». С этих-то флигельных намеков всё и началось. Молодой лакей сразу почувствовал, что короткость господина может ему дорого стоить, и предложил после свадьбы именовать хозяйку «матушка», что не противоречило тогдашней традиции. Тут неверный шаг сделала Екатерина — начала именовать Андрея «сынок». Она признавалась, что между ней и великим князем разговор постоянно шел об этом «сынке», которым и Петр «дорожил, как зеницей ока».

Такое пристрастие испугало остальных слуг. Улучив минуту и оставшись с хозяйкой наедине, камердинер Евреинов передал ей пересуды: «Вы только и говорите про Андрея Чернышева». В невинности сердца, как говорит Екатерина, она ответила: «Великий князь любит его так же, и больше, чем я». И тут Тимофей изрек непреложную истину: «Великий князь может поступать как ему угодно, но вы не имеете того же права; что вы называете доброй привязанностью... ваши люди называют любовью».

Екатерина была потрясена этим открытием. Возможно, до сей минуты она не догадывалась об истинных корнях своего чувства. Камердинер посоветовал Чернышеву сказать больным и на время запереться дома, чтобы слухи поутихли. До апреля Андрей не показывался во дворце, а когда появился, «я не могла больше видеть его без смущения».

Вскоре во время одного из концертов великого князя скучавшая от музыки Екатерина тихонько встала и пошла к себе в комнату. «Эта комната выходила в большую залу летнего дворца, в которой тогда раскрашивали потолок и которая была вся в лесах». По дороге она не встретила ни души. «От скуки я открыла дверь залы и увидела на противоположном конце Андрея Чернышева... Он мне сказал: «Я не могу с вами говорить, слишком шумят в зале, впустите меня к себе в комнату». — Я ему ответила: «Этого-то я и не сделаю». — Он был тогда снаружи перед дверью, а я за дверью, держа ее полуоткрытой... Невольное движение заставило меня повернуть голову в сторону... Я увидела позади себя, у другой двери моей уборной камергера графа Дивьера, который мне сказал: «Великий князь просит Ваше высочество». Екатерина закрыла дверь и вернулась на концерт. «Я узнала впоследствии, что граф Дивьер был своего рода доносчиком, как на многих вокруг нас»⁴⁶.

Блестящая сцена!

Случайное свидание. Робкое, очень невинное кокетство. Отказ дамы впустить кавалера к себе. Пара ничего не значащих фраз. Недоброжелательный взгляд. Гибель обоих.

Екатерина не сразу поняла, что произошло. Ее застали на месте преступления. Пусть и мнимого. Теперь разговор с Андреем с глазу на глаз поставят великой княгине в вину и оплетут самыми соблазнительными подробностями. Она погибла, потому что уличенную в измене жену ожидали расторжение брака, высылка, а в худшем случае — монастырь.

О том, что противник сумел воспользоваться ее малейшей неосторожностью, Екатерине стало ясно уже на следующий день. Дело посчитали нужным раздуть и придать ему вид преступления. «В воскресенье мы с великим князем узнали, что все трое Чернышевых были сделаны поручиками в полках, находившихся возле Оренбурга, а днем Чоглокова была приставлена ко мне».

Преданных Петру слуг сослали, а великой княгине определили обер-гофмейстерину. И какую! Марью Симоновну Чоглокову, урожденную Гендрикову, двоюродную сестру и статс-даму императрицы. Екатерина даже назвала ее при первом упоминании «главной надзирательницей». 25 мая Чоглокову представил царевне не кто-нибудь, а сам канцлер. Знаковый жест. Алексей Петрович демонстрировал, чьим человеком является графиня Марья. Открыто, едва ли не с насмешкой. Для него то был миг победы.

А вот великой княгине пришлось пустить кровь. Держать удар она еще не научилась. Это было первое в ее жизни политическое поражение. Девушка испытала его вкус, и так как опыт еще не остудил в ней страсти и не закалил характер, восприняла чересчур остро. Целый букет эмоций выплеснулся наружу. Екатерина запуталась в чужих интригах и не нашла иного способа развязать клубок, как покончить счеты с жизнью. Этому «прекрасному поступку» предшествовал разговор с Елизаветой, буквально втоптавшей великую княгиню в землю.

«Императрица начала разговор с того, что... отлично знает, что я люблю другого. Она меня основательно выбрала, гневно и заносчиво... Я была так поражена этой обидой, что не нашла ни слова ей в ответ. Я заливалась слезами и испытала отчаянный страх перед императрицей; я ждала минуты, когда она начнет меня бить»⁴⁷. В «Записках», адресованных Понятовскому, имеется еще более грозный образчик речей государыни: «Она стала меня бранить, спрашивать, не от матери ли я получила инструкции, по которым я веду себя, что я изменяю ей для прусского короля... что она все знает»⁴⁸.

Именно выговор Елизаветы подтолкнул великую княгиню к роковому поступку. «Я была в таком сильном отчаянии, что если прибавить к нему

героические чувства, какие я питала, — это заставило меня решиться покончить с собой». Великая княгиня посчитала, что «смерть предпочтительнее такой жизни». Она взяла на столе нож для разрезания бумаги и «собиралась вонзить его себе в сердце». Внезапный приход горничной помешал делу. Девушка вцепилась в нож, вырывая его у госпожи и одновременно увещевая — «пустила в ход все утешения, какие могла придумать»⁴⁹.

«Какие злые люди!»

Эти события произошли 26 мая. Вряд ли после попытки пырнуть себя ножом Екатерина была готова к беседе с мужем. А поговорить пришлось, потому что и ему рассказали о подозрениях. Обвинителем выступал принц Август. После его откровений Петр посчитал себя обязанным выказать жене недоверие.

Здесь нам стоит познакомиться с любопытным документом, подлинность которого, правда, вызывает у исследователей сомнения: «Милостивая государыня. Прошу вас не беспокоиться нынешнюю ночь спать со мной, потому что поздно меня обманывать, постель стала слишком узка после двухнедельной разлуки; сегодня полдень. Ваш несчастный муж, которого вы никогда не достаиваете этого имени. Петр»⁵⁰.

Этот документ был куплен историком М. П. Погодиным у потомков Я. Я. Штелина вместе с другими бумагами профессора, а в 1859 году опубликован А. И. Герценом, но не по подлиннику, оставшемуся в России, а по копии. Эта копия оказалась снята небрежно, так как в ней отсутствовала приписка Штелина на обороте: «Собственноручная записка великого князя, которую написал он в досаде однажды поутру, не сказав о том никому и, запечатав, послал с карлю Андреем к Ее императорскому высочеству. Надворный советник Штелин, встретясь, удержал карлу, а великому князю представил с силою все дурные последствия. Подача была остановлена и устроено нежное примирение»⁵¹.

Кроме того, издатели поставили под запиской другую дату: не февраль 1746-го, как в подлиннике, а декабрь. Чем руководствовался Герцен? Возможно, он считал, что в датировке ошибся сам Штелин? Февраль действительно выглядит подозрительным. После новогодних праздников Петр заболел и поднялся только на исходе марта. Не было никаких причин писать ни о двухнедельной разлуке — молодые жили бок о бок, кровать

великого князя стояла в приемной Екатерины, ни о совместном сне «нынешней ночью» — до конца болезни юноша не разделял с женой ложа. Но откуда взялся декабрь? Не беремся воспроизвести историографическую логику владельца «Вольной типографии»: вероятно, у него были основания, о которых мы не знаем. Скажем только, что записка хорошо ложится в контекст майских разоблачений Екатерины.

Подлинник до наших дней не дошел. Если это послание — не искусная мистификация вроде «Прутского письма Петра I», то великая княгиня попала в крайне сложную ситуацию. Одного движения Штелина было достаточно, чтобы погубить ее. Он мог в любую минуту передать записку императрице. Бестужев получил бы недостающий козырь, и вопрос о высылке Екатерины был бы решен. Но профессор не сделал этого, хотя и сохранил документ. Зачем? Возможно, держать цесаревну в напряжении было выгоднее, чем сразу разоблачить. Яков Яковлевич имел все основания поступить так в педагогических целях: угроза разоблачения заставила бы Екатерину вести себя потише в отношении его ученика, проявлять к юноше больше такта и уважения. В любом случае записка Петра давала известную власть над царевной.

Поступок Штелина много говорит о положении супружеской четы. Встретив карлика, профессор забрал у него письмо, посланное от мужа к жене, и без малейших колебаний прочел текст. А потом выговорил великому князю, упирая на дурные последствия.

События рокового дня 26 мая развивались следующим образом: утром Екатерина решила пустить себе кровь, но внезапно пришла императрица и устроила ей разнос. После чего великая княгиня удалилась к себе и попыталась покончить с жизнью. В это время Петр, слышавший часть выговора тетушки и до этого уже подготовленный наушниками, вернулся к себе в комнату и сгоряча написал записку. Штелин записку перехватил и уговорил юношу лично объясниться с женой. Наследник поплелся к Екатерине.

Когда он вошел, великая княгиня читала книгу. За несколько минут до этого сцена выглядела иначе. Но теперь нужно было, что называется, держать лицо. Екатерина спросила, не сердит ли на нее муж? Отчего тот смутился и, помолчав несколько минут, ответил: «Мне хотелось бы, чтобы вы любили меня, как любите Чернышева». Очень трогательный момент. Другая женщина подошла бы к супругу и постаралась уверить, что все рассказы — ложь и что любит она одного его. Возможно, именно так и повела себя Екатерина, иначе трудно было бы назвать примирение «нежным». Но в ее передаче разговора на первое место выступает не

чистосердечие, а осторожность. «Их трое, — возразила великая княгиня про Чернышевых, — к которому из них меня подозревают в любви и кто вам сказал об этом?»

Петр еще больше смешался: «Не выдавайте меня и не говорите никому; это Крузе мне сказала, что вы любите Петра Чернышева». Вот он уже просит не выдавать его самого и называет свой источник. Возможно, великий князь лукавил, указывая на младшего лакея вместо старшего. Если так, то он сам давал жене способ оправдаться. Екатерина тут же схватилась за брошенную соломинку: «Это страшная клевета; во всю жизнь я почти не говорила с этим лакеем; легче было бы подозревать меня в привязанности к вашему любимцу Андрею... его вы ежечасно посылали ко мне, я постоянно видела его у вас, у вас с ним разговаривала, и мы с вами постоянно с ним шутили».

Тут великая княгиня уже сама идет в атаку, почти открывает карты и ловко объединяет себя с мужем: «вашему любимцу», «вы ежечасно посылали ко мне», «видела его у вас», «мы с вами постоянно с ним шутили». Возразить Петру нечего. «Откровенно скажу вам, — признался он, — что мне трудно было этому поверить и что меня тут сердило, так это то, что вы не доверили мне»⁵². Некоторые исследователи считают, что Петр попытался поймать жену. Но ведь сам он всегда делился с ней сердечными тайнами и мог рассматривать иное поведение как нарушение доверия. Возможно, Петр еще сам не разобрался: ревнует ли он жену или равнодушен, претендует на ее любовь или на дружбу? Думаем, что до самого конца он не сделал выбора. А в сочетании эти чувства выглядели необычно и сбивали Екатерину с толку.

Мы не знаем, так ли на самом деле происходил разговор. Если так, то следует заметить: Екатерина оправилась чрезвычайно быстро, чтобы вести беседу, где на каждом слове можно было поскользнуться. Она принадлежала к тем бойцам, которые сразу же вскакивают на ноги после удара, повалившего их наземь. Недаром Мардефельд доносил в Берлин, что великая княгиня «умеет делать хорошую мину при плохой игре»⁵³.

Однако тем дело не закончилось. Примирение супругов вовсе не входило в планы противоборствующей стороны. Но логика политических событий опять подталкивала молодоженов друг к другу. В июне они узнали о заключении союза между Россией и Австрией. Договор 1746 года обязывал державы действовать совместно против Пруссии и Турции, его творцом был Бестужев. «Инфлюэнция», как тогда говорили, прусского короля оказалась надолго пресечена австрийским двором.

Тридцатитысячный русский корпус двинулся на берега Рейна, чтобы принять участие в войне за Австрийское наследство на стороне Марии Терезии против ее французских и испанских врагов⁵⁴.

Канцлер провел партию блестяще: разобщи́л круг друзей Фридриха II, внес раскол в их ряды из-за шведского кронпринца и штатгальтерства — вопросов, прямо скажем, второстепенных для русской политики, перетянул на свою сторону великого князя, которому Голштиния застила весь мир, и таким образом парализовал прусское влияние. Пока малоопытные противники дрались за «дядю Адольфа» против «дяди Августа», Алексей Петрович успел сделать важное дело. Понял ли уже тогда великий князь, что его подставили? Вполне вероятно. Но он еще некоторое время сохранял с Бестужевым видимость добрых отношений, хотя, по словам Финкенштейна, «ненавидел в глубине души»⁵⁵.

Вскоре мужа Чоглоковой назначили обер-гофмейстером к Петру, и кольцо креатур канцлера вокруг великокняжеской четы замкнулось. В начале августа Елизавета Петровна передала племяннику и его жене приказание говеть. Исповедовать их пришел псковский епископ Симон Тодорский. «Невинное простодушие», с каким молодые люди отвечали на расспросы, обезоружило священника. Он прямо спросил Екатерину: «Не целовала ли она одного из Чернышевых?» На что великая княгиня ответила: «Это клевета». Тогда у епископа вырвалось: «Какие злые люди!»⁵⁶ «Полагаю, наш духовник сообщил нашу исповедь духовнику императрицы, — заключала Екатерина, — а этот последний передал Ее императорскому величеству, в чем дело, что, конечно, не могло нам повредить»⁵⁷.

Задумаемся над сказанным. Для великого князя и его жены не существовало даже тайны исповеди. Вся жизнь протекала под неусыпным оком государыни. Удивительно ли, что молодые люди изнывали? Но и жалобы с их стороны выглядели как оскорбление величества.

«Политическая тюрьма»

Напротив, они должны были постоянно ощущать виноватыми себя, чему немало способствовала новая обер-гофмейстерина. На следующий день после представления Марьи Симоновны, вспоминала Екатерина, «великий князь отвел меня в сторону, и я ясно увидела, что ему дали понять, что Чоглокова приставлена ко мне, потому что я не люблю его». Ее

«считали чрезвычайно добродетельной, потому что тогда она любила своего мужа до обожания; она вышла за него замуж по любви; такой прекрасный пример, какой мне выставляли напоказ, должен был, вероятно, убедить меня делать то же самое»⁵⁸.

24-летняя Марья Симоновна слыла заметной фигурой при дворе. По словам прусского посла, она была великой сплетницей. «Низкого рода, злая и корыстная, она, однако же, хороша собой и неглупа». Если верить Мардефельду, у Елизаветы Петровны имелись причины отдалить двоюродную сестру, поскольку та приревновала обожаемого супруга к государыне: «Камергер Чоглоков, мелкий дворянин, состоянием обязан жене... Красота у него вместо ума и достоинств. Тронул он сердце государыни, коя, однако ж, от него отказалась после того, как жена пригрозила, что зарежет его»⁵⁹.

Вот с какой женщиной великокняжеской чете предстояло иметь дело. После назначения Чоглоковых к малому двору каждый шаг молодых оказался размерен специальными инструкциями. Эти документы были адресованы обер-гофмейстеру и обер-гофмейстерине, написаны Бестужевым и показаны Елизавете Петровне еще 10 и 11 мая, до открытого скандала. Императрица их одобрила. Как обычно, она не позволила канцлеру одержать полную победу — довести дело до расторжения брака. А ведь как приятно было бы увенчать союз с Австрией приездом саксонской принцессы вместо прусской интриганки и неверной жены.

Зато в тексте инструкций Алексей Петрович отыгрался вчистую. Не зря Екатерина назвала житье по ним «политической тюрьмой». Поскольку именно великую княгиню считали виноватой в семейной холодности и интригах с прусским королем, наставления ее «надзирательнице» выглядят куда строже. Великая княгиня должна была «своим благоразумием и добродетелями Его императорское высочество к искренней любви побуждать, сердце его к себе привлечь, и тем Империи пожеланной Наследник и отрасль... быть могла; а сего без... совершенного нраву его (великого князя. — О. Е.) угождения, ожидать нельзя».

При витиеватости стиля основная мысль проведена канцлером с неукоснительной прямоотой и жесткостью: сосредоточить внимание великой княгини на получении от Петра потомства. Всё остальное — баловство. Чоглоковой вменялось в обязанность: «неотступно побуждать» великую княгиню к близости с мужем, чтобы она всегда «приветливым поступком... генерально всё то употребляла», чем можно привлечь сердце Петра. Обер-гофмейстерина должна была «уважать заставить» великую княгиню мнение

супруга, даже в чинимых им «несправедливостях», и побудить Екатерину лучше принудить себя к «нежности и горячности», чем «прекословием и упрямством» подать повод «к несогласию».

В аналогичном пункте инструкции для обер-гофмаршала Петру предписывалось только не ругаться с женой на людях: «Чтобы между Их императорскими высочествами ни малейшего несогласия не происходило... при каких посторонних». Создается впечатление, что как в семейных ссорах, так и в получении наследника Екатерину считали активной стороной. А от Петра добивались только, чтобы он себя прилично вел и берег здоровье.

Инструкция так и дышит мелочной опекой. Обер-гофмейстеру предписывалось следить, чтобы «в кушанье и питье, при тепле и холодном вечернем воздухе, тако ж при движениях» наследник поступал «сходственно с предписанием наших лейб-медиков». Опасались, чтобы Петр «не разгорячился или же снятием платьев не простудился».

Как обычно, обжегшись на молоке, дули на воду. Всё плохое с Петром уже случилось: отменить осложнения, полученные после оспы, инструкции не могли. Зато назойливое внимание, состоящее из одних запретов, изрядно портило жизнь великому князю.

Любопытно, что аналогичного пункта о здоровье великой княгини нет, хотя он уместен в отношении матери будущего наследника, много болевшей то плевритом, то чахоткой, то зубными воспалениями, то лихорадкой с сыпью. Зато очень подробно и развернуто описывалось, как приглядывать за Екатериной. Чоглокова должна была повсюду следовать за ней «и при том надзирание иметь», чтобы великая княгиня в соответствии «с своим достоинством и респектом» ни с кем не говорила «фамильярно», то есть накоротке, никому не оказывала предпочтения. Кавалеры, дамы и камер-юнгферы «смелости принять не имеют» великой княгине «на ухо шептать, письма, цидулки или книги тайно отдавать»⁶⁰.

Что касается Петра, то и ему запрещалось буквально всё, чем он до этого развлекался. Следовало препятствовать наследнику заниматься «игранием на инструментах, егерями и солдатами и иными игрушками и всякие штуки с пажами, лакеями или иными негодными и к наставлению неспособными людьми». Возбранилась «всякая пагубная фамильярность с комнатными и иными подлыми служителями», а им — «податливость в непристойных требованиях», под которыми подразумевалось «притаскивание в комнаты разных бездельных вещей».

Но самый примечательный пункт касался поведения великовозрастного наследника за столом. Обер-гофмаршал должен был

следить, чтобы Петр не позволял себе «негодных и за столом великих господ непристойных шуток и резвости», воздерживался «от шалостей над служащими при столе, а именно от залитая платей и лиц и подобных тому неистовых надеваний»⁶¹. Из инструкции создается впечатление, что великий князь вообще не умел себя вести. Проанализировавший этот текст Е. В. Анисимов отметил: речь идет не о шестилетнем ребенке, а о человеке, которому шел уже девятнадцатый год.

При внимательном чтении бестужевских запретов и предписаний создается совершенно разный образ Петра и Екатерины. Если великая княгиня чересчур активна и потому за ней требуется глаз да глаз, то наследник как раз инфантилен, невоспитан и нуждается в пригляде, как малый ребенок: вдруг вспотеет и простудится или, расшалившись, плеснет кому-нибудь в лицо соусом.

Между тем можно ли было наказать Петра хуже, чем отобрав у него скрипку и солдатиков? Весной 1747 года новый обер-гофмейстер запретил кому бы то ни было входить в комнату великого князя без его разрешения. Супруги оказались в полном уединении и, вопреки ожиданиям составителей инструкции, занялись, как писала Екатерина, «он — музыкой, я — чтением. Я выносила всё с мужеством, без унижения и жалоб; великий князь — с большим нетерпением, ссорой, угрозами, и это-то и ожесточило его характер и испортило его совершенно»⁶².

Примечания к разделу

¹ Мыльников А. С. Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2002 (серия «ЖЗЛ»). С. 109–110.

² Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 269–270.

³ Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 173.

⁴ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 271.

⁵ Там же. С. 261.

⁶ Штелин Я. Записки о Петре III // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 22.

⁷ Там же.

⁸ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 276.

⁹ Писаренко К. А. Указ. соч. С. 174.

¹⁰ Штелин Я. Указ. соч. С. 22.

¹¹ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 109.

¹² Мардефельд А. фон. Записка о важнейших персонах при русском дворе // Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 275.

¹³ Там же. С. 276.

¹⁴ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 72.

¹⁵ Каменский А. Б. От Петра III к Екатерине II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 309.

¹⁶ Штелин Я. Указ. соч. С. 14, 43.

¹⁷ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 73–74.

¹⁸ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 294.

¹⁹ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 33.

²⁰ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 105.

²¹ Понятовский С. А. Мемуары. М., 1995. С. 110–111.

²² Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 298.

²³ Там же. С. 289.

²⁴ Штелин Я. Указ. соч. С. 18.

²⁵ Там же. С. 37.

²⁶ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 72–73.

- ²⁷ Финкеништейн К. фон. Общий отчет о русском дворе. 1748 // Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 295.
- ²⁸ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 487.
- ²⁹ Там же. С. 298–300.
- ³⁰ Понятовский С. А. Указ соч. С. 110.
- ³¹ Каменский А. Б. Указ соч. С. 311–312.
- ³² Штелин Я. Указ. соч. С. 24–26.
- ³³ Там же. С. 27, 28.
- ³⁴ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 281.
- ³⁵ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 179.
- ³⁶ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 282–284.
- ³⁷ Мардефельд А. фон. Указ. соч. С. 274.
- ³⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 329.
- ³⁹ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 282.
- ⁴⁰ Мардефельд А. фон. Указ. соч. С. 274.
- ⁴¹ Штелин Я. Указ. соч. С. 43.
- ⁴² Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 10. С. 88.
- ⁴³ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 282.
- ⁴⁴ Там же. С. 291.
- ⁴⁵ Екатерина II. Записки // «Слово». 1989. № 3. С. 75, 76.
- ⁴⁶ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 288–289.
- ⁴⁷ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 86.
- ⁴⁸ Там же. С. 488.
- ⁴⁹ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 462.
- ⁵⁰ Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859. С. 267.
- ⁵¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 7. СПб., 1893. С. 307.
- ⁵² Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 86–89.
- ⁵³ Мардефельд А. фон. Указ. соч. С. 275.
- ⁵⁴ Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 48.
- ⁵⁵ Финкеништейн К. фон. Указ. соч. С. 296.
- ⁵⁶ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 95.
- ⁵⁷ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 293.

⁵⁸ Там же. С. 287.

⁵⁹ *Мардефельд А. фон.* Указ. соч. С. 272

⁶⁰ Архив князя Воронцова. Кн. 2. М., 1871. С. 96–106.

⁶¹ *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 267.

⁶² Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 491.

Глава четвертая

«НАСТОЯЩЕЕ РАБСТВО»

Зимой наступившего 1747 года Тимофей Евреинов по секрету передал госпоже, что «Андрей Чернышев и его братья находятся в Рыбачьей слободе, под арестом на собственной даче императрицы»¹. Без сомнения, Елизавета Петровна не удовлетворилась исповедью молодых: при ее подозрительном характере «невинное простодушие» невестки только настораживало. Кроме того, имелся резон расспросить лакеев о связях Петра Федоровича со шведским двором. Заметим, камердинеров держали не в Тайной канцелярии — это сразу стало бы известно при дворе, а лишней огласки стоило избежать.

«Я замирала от боязни»

История в духе рассказов про разбойников, которыми зачитывался великий князь. Но Евреинов убедительно просил госпожу ничего не говорить мужу, «потому что вовсе нельзя было полагаться на его скромность». Вспомним, Петр, по словам Екатерины, умел хранить тайны, «как пушка выстрел». Штелин подтверждал такую характеристику: «Употреблены были все возможные средства научить его скромности, например, доверяли ему какую-нибудь тайну и потом подсылали людей ее выпытывать»².

Эта черта странным образом сочеталась в Петре со скрытностью. Финкенштейн с удивлением отмечал: «Разговор его детский, великого государя недостойный, а зачастую и весьма неосторожный... Слывет он лживым и скрытным... однако ж, если судить по вольности его речей, пороками сими обязан он более сердцу, нежели уму»³. Петр — это ходячее недоразумение — оказался болтлив и замкнут одновременно. «Он был очень скрытен, — писала Екатерина, — когда, по его мнению, это было нужно, и вместе с тем чрезвычайно болтлив, до того, что если он брался смолчать на словах, то можно было быть уверенным, что он выдаст это жестом, выражением лица, видом или косвенно»⁴. Словом, на Петра нельзя было положиться.

Весной с переездом в Летний дворец произошли дополнительные

рокировки в окружении великокняжеской четы. Оказались удалены камер-юнкеры граф П. А. Дивьер и А. Н. Вильбуа, поскольку, как пишет Екатерина, «великий князь и я к ним благоволили». Горькая участь — благоволить к людям, зная, что они на тебя доносят: ведь других-то все равно нет. Эти были хотя бы учтивы. Пост библиотекаря пришлось оставить и Штелину, который сдал «библиотеку его высочества придворным служителям и подобным людям»⁵.

«Это было дело рук Чоглоковых, — замечала Екатерина, — которые... следовали инструкциям графа Бестужева»⁶. Новые люди — новые отношения. Ни на кого великокняжеская чета не могла положиться. Поступило строжайшее запрещение «доводить до нас малейшее слово о том, что происходило в городе или при дворе». Молодых отгородили непроницаемой стеной от всего мира. Но обнаружилась масса народу — совершенно не заинтересованного в интригах и не близкого к малому двору, — который находил истинное наслаждение в нарушении запретов. Власть обожала надзирать и пресекать, а подданные — уклоняться и обходить ее приказы. Стоило чему-нибудь случиться, как фрейлина ли, лакей ли, случайный ли гость Чоглоковых спешили оповестить великокняжескую чету о делах внешнего мира. И всё это под страхом «высочайшего истязания».

В декабре 1748 года братьев Чернышевых выпустили из заключения. Видимо, они не сообщили ничего важного, держали рот на замке, поэтому их все-таки решили, как и предполагалось ранее, отправить поручиками в отдаленные полки. Великой княгине доставили письмо от Андрея, «в котором он меня просил о разных вещах» на дорогу. «Уже очень давно мне было запрещено писать даже матери», но тут она набралась храбрости, купила через слуг «серебряное перо с чернильницей», а потом и вещи, о которых просил Андрей⁷.

Такое поведение — поддерживать тех, кто ей служил и пострадал за нее, — выгодно отличало великую княгиню от мужа, всегда боявшегося сказать императрице слово в защиту своих приближенных. Исчезая из его комнаты, они точно исчезали из жизни, наследник не смел пальцем пошевелить для того, чтобы разузнать об их участи. Это давало повод упрекать его в неблагодарности, что не преминул сделать Финкенштейн: «Неблагодарность, коей он отплатил старинным своим слугам, и в особенности графу Брюмеру, мало делает чести его характеру»⁸.

Положим, Брюмер особой благодарности не заслуживал. Однако были и другие. Петр о них помнил: в 1754 году, по случаю рождения Павла, когда

Елизавета благоволила молодым, он упросил вернуть Штелина. А в 1762 году сам вернул Румберга. Но это единицы, а пострадавших в его окружении насчитывались десятки — старые голштинцы, егеря, лакеи, камер-юнкеры...

«Нечувствительность к несчастью людей и животных»

Петра буквально парализовывал страх, лишавший воли к сопротивлению. В этом смысле показательна история с падением дома в Гостилицах, имении графа Разумовского, куда императрица прибыла отпраздновать Вознесение 1748 года. 23 мая после позднего ужина в основном корпусе молодые вернулись в домик, который занимали возле катальной горки. Все улеглись. Но около шести утра раздался треск, и фундамент стал оседать. Обнаруживший это гвардейский сержант Левашов растолкал Чоглокова и сообщил, что «из-под дома вываливаются большие плиты». Тот немедленно поднялся в спальню подопечных, отдернул занавес и поднял их с постели. «Великий князь соскочил с постели, взял свой шлафрок и убежал. Я сказала Чоглокову, что иду за ним, и он ушел». Наскоро одевшись, великая княгиня вспомнила о своей домашней мегере Крузе, спавшей в соседней комнате: обер-гофмаршал так торопился, что не зашел к ней. Растолкав камер-фрау и с трудом объяснив, в чем дело, Екатерина помогла той натянуть на себя платье и повлекла к лестнице. Но драгоценное время было потеряно. Едва женщины оказались в зале, «как всё затряслось с шумом, подобным тому, с каким корабль спускается с верфи». Дамы упали на пол. Им на помощь подоспел сержант Левашов, он поднял великую княгиню на руки и понес к лестнице.

Екатерину вынесли из прихожей на лужайку. «Там был и великий князь в шлафроке». Из дому выходили окровавленные слуги, других выносили, была тяжело ранена одна из фрейлин, на нее упала печь. В нижнем этаже размещалась маленькая кухня, где спали несколько лакеев, трое из них были убиты. В подвале спали 16 рабочих с катальной горки, все они оказались раздавлены.

Ни в одном из вариантов «Записок» Екатерина не позволила себе никаких комментариев относительно поведения мужа. Картина без того красноречива: двадцатилетний молодой мужчина не помогал выносить раненых, бросил жену в спальне. Не важно, что Петр не любил супругу, в такой момент все стараются поддержать друг друга, ведь у самой великой княгини хватило духу пойти за ненавистной Крузе. Если бы поступок мужа

удивил Екатерину, она бы показала это на страницах мемуаров. Но женщина приняла всё как должное: для нее давно не было тайной, что Петр трус.

О трусости великого князя писали и другие современники, в том числе доброжелательный к нему Штелин. Забитый и запуганный с детства Петр стал упрямым, но не храбрым. Он так до конца жизни и не научился преодолевать страх, хотя взхлеб хвастался отвагой. «Он выучился стрелять из ружья и дошел до того, что мог, хотя больше из амбиции, чем из удовольствия, застрелить на лету ласточку, — вспоминал педагог. — Но он всегда чувствовал страх при стрельбе и охоте... Его нельзя было принудить подойти ближе других к медведю, лежавшему на цепи, которому каждый без опасности давал из рук хлеба»⁹. В другом месте профессор отмечал: «Боялся грозы. На словах нисколько не страшился смерти, но на деле боялся всякой опасности. Часто хвалился, что он ни в каком сражении не останется назади и что если б его поразила пуля, то он был бы уверен, что она ему назначена»¹⁰.

В 1752 году в Тайную канцелярию попал поручик Астафий Зимнинский, нелестно отзывавшийся в разговорах с сослуживцами о великом князе: «Нынешний наш наследник — трус, вот как намерен ехал он мимо солдатской гвардии слобод верхом на лошади и во время обучения солдат была из ружья стрельба... тогда он той стрельбы испужался и для того он запретил, чтобы в то время, когда он поедет, стреляли»¹¹. Петру шел уже двадцать пятый год.

Секретарь французского посольства Клод Рюльер описал примечательный случай, относящийся к последним годам царствования Елизаветы, когда великому князю было за тридцать. Он поссорился с одним придворным, вызвал его на дуэль и отправился в лес. Противники встали в десяти шагах друг от друга, направили вперед шпаги и грозно застучали сапогами. Драться всерьез никто не собирался. «Жаль, если столь храбрые, как мы, переколемся! — воскликнул Петр. — Поцелуемся». Враги примирились и пошли к дворцу, однако навстречу им попала толпа народу. «Ах, ваше высочество, вы ранены в руку. Берегитесь, чтобы не увидели кровь!» — шепнул великому князю несостоявшийся противник и бросился завязывать ему ладонь платком.

Представления о чести требовали, чтобы враги на дуэли хотя бы «поцарапали» друг друга, а уж потом шли на мировую. Мнимая рана и белая повязка на руке свидетельствовали о достойном поведении наследника. «Великий князь, вообразив, что этот человек почитает его

действительно раненым, не уверял его в противном, хвастался своим героизмом, терпением» и великодушием¹². Сведения Рюльера могут представлять собой лишь придворную сплетню, но они ложатся в общую канву рассказа о «храбрости» наследника и показывают, какое мнение создалось по этому поводу в обществе.

Оборотная сторона трусости — жестокость. О склонности великого князя мучить животных тоже говорят разные источники. Отрывок Штелина на сей счет темен и невнятен. Из него ясно только одно: в 1744 году, незадолго до приезда невесты, Елизавета Петровна выбрала племянника за жестокое обращение с Божьими тварями. «Императрица приказала взять из передней великого князя животное и умертвить его. Ее наставление великому князю касательно жестокости и нечувствительности к несчастью людей и животных (пример императрицы Анны, у которой каждую неделю раза по два на дворе травили медведей)»¹³.

Из рассказа профессора неясно, что за животное умирало в передней наследника и в чем была вина Петра Федоровича. Однако пример Анны Иоанновны очень показателен: эта императрица травила медведей и казнила людей. То же самое Елизавета пророчила племяннику.

Екатерина куда красноречивее в своих рассказах: «Утром, днем и очень поздно ночью великий князь с великой настойчивостью дрессировал свору собак, которую сильными ударами бича и криком, как кричат охотники, заставлял гоняться из одного конца своих двух комнат в другой; тех же собак, которые уставали или отставали, он строго наказывал, что заставляло их визжать еще больше... Слыша раз, как страшно и очень долго визжала какая-то несчастная собака, я открыла дверь спальни... и увидела, что великий князь держит в воздухе за ошейник одну из своих собак... Это был бедный маленький шарло английской породы, и великий князь бил эту несчастную собачонку изо всей силы толстой ручкой своего кнута; я вступилась за бедное животное, но это только удвоило удары; не будучи в состоянии выносить это зрелище, я удалилась со слезами на глазах. Вообще слезы и крики, вместо того, чтобы внушать жалость великому князю, только сердили его; жалость была чувством тяжелым и даже непосильным для его души»¹⁴.

Сцена относится к 1748 году. Екатерине, страстной любительнице собак и лошадей, переносить подобные картины было нелегко. Описывая их, она подводила читателя к мысли о том, что природная жестокость Петра могла обернуться и против людей. Если в этой логике есть злой умысел, то его разделяли другие авторы. В том же 1748 году, когда

пострадал маленький шарло, Финкенштейн доносил своему двору о куда более серьезных намерениях великого князя: «Слушает он первого же, кто с доносом к нему является, и доносу верит... Если когда-либо взойдет на престол, похоже, что правителем будет жестоким и безжалостным; недаром толкует он порой о переменах, кои произведет, и о головах, кои отрубят»¹⁵.

Эти слова Финкенштейна перекликаются со сценой из мемуаров Е. Р. Дашковой, произошедшей в 1761 году, накануне смерти Елизаветы Петровны. За столом у цесаревича возник разговор о смертной казни. «Когда имеешь слабость не наказывать смертью людей, достойных ее, то неминуемо водворяется неповиновение и всевозможные беспорядки... — заявил великий князь. — Отсутствие смертной казни уничтожает дисциплину и субординацию»¹⁶.

Иногда полагают, будто Дашкова едва ли не сочинила этот разговор. Но Штелин подтвердил подобный отзыв, рассказав, как однажды утром, во время одевания Петра III, ему доложили о захвате шайки разбойников на Фонтанке. «Пора опять приняться за виселицу, — ответил государь. — Это злоупотребление милости длилось слишком долго и сделало многих несчастными»¹⁷.

Как видим, за 13 лет взгляды Петра Федоровича ни на йоту не изменились. Накануне его вступления на престол французский дипломат Ж.-Л. Фавье замечал: «Народ опасается в нем... жестокости деда, но приближенные считают его легкомысленным и непостоянным и тем успокаивают себя»¹⁸. Жестокость и легкомыслие — опасное сочетание, особенно для государя. Понятовский подметил в насмешках над Петром мрачную ноту: «Он был постоянным объектом издевательств своих будущих подданных — иногда в виде печальных предсказаний, которые делались по поводу их же собственного будущего»¹⁹.

В конце 1740-х годов великий князь еще упражнялся на мелких тварях. Однажды, зайдя в его комнату, Екатерина увидела повешенную крысу. На удивленный вопрос жены Петр ответил, что перед ней нарушитель, виновный в поедании крахмального солдата и за это казненный...

«Чему ты удивляешься, глупец?»

Возможно, Петр только прикидывался жестоким, видя в этом подтверждение мужественности, безжалостности настоящего солдата?

При трудностях интимной жизни ему приходилось искать внешние,

эффектные способы, чтобы подчеркнуть свое мужское достоинство, позиционировать себя представителем сильного пола. Один из таких способов — грубость. Другими были пьянство, курение, военные упражнения, любовные интриги. Видимые, заметные для всех знаки, отличавшие истинного мужчину, офицера, пруссака.

Петр мучительно старался казаться тем, кем не был. Хуже того — не мог стать. Отсюда трагическая раздвоенность, наигрыш, эскапады. Ведь он догадывался, что его принимают за нечто ложное. Тонкий наблюдатель Понятовский, познакомившийся с Петром в 1755 году, не зря отметил в нем фальшивые, театральные черты: «Природа сделала его трусом, обжорой и фигурой столь комичной, что, увидев его, трудно было не подумать: вот Арлекин, сделавшийся господином... Болтовня его бывала, правда, забавной, ибо отказать ему в уме было никак нельзя. Он был не глуп, а безумен (то же самое впоследствии будут говорить о Павле!. — (?Е.), пристрастие же к выпивке еще более расстраивало тот скромный разум, каким он был наделен. Прибавьте к этому привычку курить табак, лицо, изрытое оспой и крайне жалобного вида, а также то, что ходил он обычно в голштинском мундире, а штатское платье надевал всегда причудливое, дурного вкуса — вот и выйдет, что принц более всего походил на персонаж итальянской комедии»²⁰.

Слова Понятовского несильно отличаются от целого набора подобных характеристик. Клод Рюльер рисовал тот же портрет: «Его наружность, от природы смешная, делалась таковою еще более в искаженном прусском наряде; штиблеты стягивал он всегда столь крепко, что не мог сгибать колен и принужден был садиться и ходить с вытянутыми ногами. Большая, необыкновенной фигуры шляпа прикрывала малое и злобное лицо довольно живой физиономии, которую он еще более безобразил беспрестанным кривлянием для своего удовольствия. Однако он имел несколько живой ум и отличительную способность к шутовству»²¹.

Другой французский дипломат, Фавье, писал о наследнике: «Он постоянно затянут в мундир такого узкого и короткого покроя, который следует прусской моде еще в преувеличенном виде... Он очень гордится тем, что легко переносит холод, жар и усталость. Враг всякой представительности и утонченности, он занимается исключительно смотрами... От Петра Великого он унаследовал страсть к горячительным напиткам и в высшей степени безразборчивую фамильярность в обращении, за которую ему мало кто благодарен»²².

Цесаревичу не прощали того, что в других даже не замечалось, и всё

из-за наигранной, преувеличенной стороны. Если Екатерина входила в любую среду органично, то ее муж делал над собой усилие, которое видели и которым оскорблялись. По слабости здоровья великий князь не мог пить, однако напивался. «Он постоянно пил вино с водой, — писал Штелин, — но когда угощал своих генералов и офицеров, то хотел по-солдатски разделять с ними всё и пил иногда несколько бокалов вина без воды. Но это никогда не проходило ему даром, и на другой день он чувствовал себя дурно и оставался целый день в шлафроке»²³. Екатерина добавляла, что у ее мужа «вино вызывало всякого рода судороги, гримасы и кривляния, столь же смешные, как и неприятные»²⁴.

То же самое можно сказать о курении. На дух не перенося табак, Петр заставил себя закурить, чтобы доказать свою мужественность. «Года за два до восшествия на престол, живя летом лагерем в Ораниенбауме... он научился курить от одного грубого голштинского лейтенанта. Первое время это причиняло ему частые дурноты, но желая подражать прусским офицерам... он продолжал это курение до тех пор, пока не привык, и наконец получил к оному охоту. Когда Штелин, увидав его первый раз за трубкой на лугу, в кругу своих офицеров, и подле него бутылку пива, выразил ему свое удивление... великий князь отвечал ему: «Чему ты удивляешься, глупец? Неужели ты видел где честного, храброго офицера, который не курил бы трубки?»²⁵. Наивное, даже детское представление об атрибутах храбрости. Великому князю исполнилось уже 32 года, а он рассуждал, как школьник, считавший курение доказательством взрослости.

Запоздалое созревание, подростковый комплекс в человеке, психологически не ставшем мужчиной. Разменяв четвертый десяток, Петр будет убит, так и не повзрослев.

Может быть, ему стоило остаться слабым скрипачом, нуждавшимся в защите и нежности? Ведь функции сильного в их паре Екатерина взяла на себя. Незачем было доказывать ей, что он *тоже* мужчина. Причем не по сравнению с окружающими представителями сильного пола, а по сравнению с собственной женой. Она-то ведь знала правду. Женщины далеко не всегда любят храбрецов и волокит, беззащитные существа порой глубже трогают их сердце.

Так получилось, что под воздействием обстоятельств в Екатерине начали вырабатываться качества, не свойственные слабому полу. Мы уже говорили, что инструкция, хотя и требовала внешнего подчинения супругу, на деле отводила жене лидирующую роль в приобретении потомства. Недаром Екатерина писала, что императрица винила ее в том, «в чем

женщина быть виновата не может». Фактически свекровь хотела от невестки изменения стереотипа полового поведения. Даже круг чтения Екатерины был скорее мужским — философия, история. А вот Петр глотал романы. Она думала головой, он познавал мир сердцем. Привычки великой княгини тоже приобрели неожиданную направленность — она стреляла из ружья, по-мужски ездил верхом и убивала время на охоте.

Лето 1748 года супруги проводили то в Петергофе, то в Ораниенбауме. «Я вставала в три часа утра, — вспоминала Екатерина, — сама одевалась в мужское платье; старый егерь... ждал уже меня с ружьем; на берегу моря у него был наготове рыбачий челнок. Мы пересекали сад пешком, с ружьем на плече мы садились — он, я, легавая собака и рыбак, который нас вез, — в этот челнок, и я отправлялась стрелять уток в тростниках, окаймлявших море с обеих сторон Ораниенбаумского канала, который на две версты уходил в море. Мы огибали часто этот канал и, следовательно, находились иногда в довольно бурную погоду в открытом море на челноке. Великий князь приезжал через час или два после нас, потому что ему надо было всегда тащить с собою завтрак и еще не весть что такое»²⁶.

Любопытно, зачем Петр, вздрагивавший при выстрелах и побаивавшийся бурного моря, ездил каждый день на охоту? При больном желудке (на нервной почве у него развивались геморроидальные колики) он нуждался в теплом завтраке, а при общей склонности к простуде — в сухих чулках и обуви. Тем не менее великий князь заставлял себя рыскать в камышах по колено, а то и по пояс в воде, ни в чем не желая уступать жене. Странное соревнование.

Уместен вопрос: кто из супругов первый пристрастился к табаку? Все источники указывают на Петра как на курильщика. Но он выучился этому довольно поздно, если верить Штелину, — года за два до переворота. (А возможно, и раньше: ведь Понятовский уже в 1755 году говорил о трубке великого князя.) Польский аристократ очень деликатно обозначил проблему: «Великая княгиня, как и многие другие, терпеть не могла запаха курительного табака... здесь коренилась первая причина ее недовольства»²⁷.

О каком недовольстве речь? Случается, отвращение к определенным запахам становится причиной физического отторжения. Но наследник закурил поздно. «Петр III в юности не мог сносить табачного дыма, — писал Штелин. — Еще будучи великим князем, он показывал к нему такое же отвращение, как императрица Елизавета. Если к нему кто приближался, от которого пахло табаком, он ему тотчас выговаривал, что он курил»²⁸.

Значит, и почвы для «недовольства» со стороны Екатерины быть не могло. А вот у мужа имелись все основания. Правда, великая княгиня не курила, зато нюхала табак. И супруг не раз сильно распекал ее за вредную привычку. Но царевна так прикипела к зелью, что даже просила приближенных потихоньку угощать ее, во время обеда протягивая под столом табакерку. Позднее, уже став императрицей, она брала щепоть табака левой рукой, поскольку правую подавала для поцелуя. Возможно, Петр до определенного момента объяснял себе неудачи с женой запахом, идущим от нее.

Перед нами очень необычная картина: с одной стороны, болезненный юноша со скрипкой и книжкой романов, с другой — третирующая его девица, высокомерная, занятая политическими интригами, скачущая верхом, стреляющая из ружья, нюхающая табак и читающая философские трактаты. А кроме того, мотовка и легкого поведения. Мы так привыкли воспринимать Екатерину Семирамидой Севера, что забываем — в юности на нее смотрели совершенно иными глазами. Победы в роковые дни 1762 года Петр — и приведенный образ закрепился бы в отечественной традиции... История иногда шутит очень злые шутки.

«Потеря близкого друга»

«Жизнь, кою сия принцесса ведет поневоле бок о бок со своим супругом, и принуждения, коим оба обречены, есть самое настоящее рабство, — писал Финкенштейн. — Запертые при малом своем дворе, окруженные самым презренным сбродом, не имеют они при себе никого, кто бы им помогал советом... Постоянно пребывают они под присмотром, и свободой ни минуты наслаждаться им не суждено... все их речи надзиратели записывают и в дурную сторону перетолковывают, а затем государыне доносят»²⁹.

В таких условиях великокняжеская чета была как будто полностью выведена из политической игры. Устранив их как возможную точку опоры для сторонников прусского короля, Бестужев решил добить последнего противника — лейб-медика императрицы Иоганна Германа Лестока.

Некогда, в 1742 году, именно Лесток и Шетарди поддержали перед императрицей кандидатуру Бестужева на пост вице-канцлера. За него говорили огромный дипломатический опыт и европейское образование. Прочие русские вельможи, по их мнению, просто не справились бы с

ведением иностранных дел³⁰. Но бывший сторонник Бирона не вызывал у Елизаветы доверия. Продвигая его вперед, лейб-медик и французский посланник считали, что Алексей Петрович станет послушной игрушкой в их руках. Друзья совершили типичную ошибку иностранных министров при петербургском дворе — положились на русского. Между тем Бестужев, набрав силу, вступил в борьбу с прежними покровителями.

Он никому и ничем не считал себя обязанным. Клялся нужным людям в вечной преданности и при первом удобном случае предавал их, чтобы захватить еще больше власти. Слово «бестуж» на языке XVII — начала XVIII века значило «бесстыжий», «бессовестный» человек. В этом смысле фамилия канцлера оказалась говорящей. Первым пал Шетарди. Потом наступила очередь Лестока. Его дело Алексей Петрович хотел во что бы то ни стало связать с малым двором. Осенью 1748 года Петр и Екатерина снова попали в крайне опасное положение. Связанные по рукам и ногам супруги должны были с трепетом взирать на развитие событий и уповать на то, что арестованный Лесток не оговорит их под пыткой.

Лейб-медик, конечно, не был невинной овечкой. Свое влияние на мнительную государыню он употреблял для того, чтобы склонить ее в пользу Франции и Пруссии, получая от обеих держав крупные денежные пенсии. Такая политика прямо противоречила планам канцлера.

Однако Лесток оставался не просто важной фигурой при дворе. Его считали одним из самых близких к Елизавете людей. Он пользовался, например, правом без доклада входить в ее апартаменты. Недаром Мардефельд писал об этом «министре без портфеля»: «Ни для кого не секрет, что обязана ему императрица короной, однако же фавор его не столько сей услугой, сколько медицинскими его познаниями укрепляется; государыня в убеждении пребывает, что умрет, ежели при себе его иметь не будет. Он был наперсником всех ее тайн без исключения и от многих горестей ее избавил, вследствие чего право получил с ее величеством обращаться вольно и свысока, на что жаловалась она неоднократно... Он честолобив, любит без меры вино, игру и женщин, впрочем, умен, храбр, тверд»³¹.

Женщины-то Лестока и погубили, причем именно в тот момент, когда эскулап решил образумиться. За пару месяцев до ареста лейб-медик женился на молоденькой фрейлине Марии Авроре Менгден, сестре Юлии Менгден, фаворитки Анны Леопольдовны. «Ее императорское величество и весь двор присутствовали на свадьбе, — вспоминала Екатерина, — и государыня оказала молодым честь посетить их. Можно было сказать, что

они пользуются величайшим фавором, но через месяц или два счастье им изменило»³².

Возможно, в объятиях Марии Авроры хирург познал семейные радости, но такой брак был крупным промахом для политика. Елизавета Петровна заподозрила своего предприимчивого друга в связях со свергнутым Брауншвейгским семейством. Теперь Лесток оказался беззащитен перед кознями канцлера. Бестужев уговорил императрицу установить за лейб-медиком надзор. А где надзор, там и перлюстрация. Перехват и дешифровка дипломатической почты были излюбленными методами Алексея Петровича. Ему удалось вскрыть несколько депеш Финкенштейна и на их основании обвинить молодожена в связях с прусским двором. Кроме того, в ход пошли письма самого хирурга. По сведениям Финкенштейна, Лесток хотел предупредить великого князя о кознях, которые готовил канцлер. «Всё его преступление состояло в неверном выборе слов и тесных связях с молодым двором»³³. Однако внимательная к мелочам Елизавета была очень щепетильна насчет подбора слов, а близость с великокняжеской четой действительно казалась ей преступлением.

Лестоку приписали заговор с целью свержения императрицы. Бестужев намекал, что переворот готовился в пользу молодого двора³⁴. Впрочем, что еще могла подумать Елизавета, читая, например, такие откровения Финкенштейна: «За исключением графа Воронцова и Л'Эстока, не вижу я у Голштинского дома верных сторонников». Или более длинную сентенцию: «Граф Л'Эсток — человек умный и не без тонкости; императрицу знает он лучше, чем все прочие ее подданные, так что недоставало ему только здравомыслия... Публично против канцлера речи ведет с такою свободою, от коей недалеко до бесстыдства. Впрочем, в убеждениях своих тверд и Вашего величества верный слуга»³⁵.

Елизавета не могла потерпеть превращения своих верных слуг в слуг прусского короля или сторонников Голштинского дома. Ее отповедь старому другу начиналась словами: «Возможно ли подумать верному рабу, не токмо учинить, как ты столь дерзостно учинил...»³⁶ — а далее шло перечисление вин Лестока. На допросах лейб-медика спрашивали не только о том, почему он «всегдашнюю компанию у себя водил» с иностранными министрами, которые «государству и государю противны», но и о том, «не искал ли он лекарством или ядовитым ланцетом» императрицу «живота лишить»³⁷. Его молодая жена, обвиненная в связях с Брауншвейгским семейством, разделяла с мужем заключение.

Следствие поручили С. Ф. Апраксину и А. И. Шувалову — доверенным лицам канцлера. Можно не сомневаться, что они добывали именно те сведения, которые были нужны Бестужеву, а того в первую голову интересовал малый двор. Между тем арест такого вельможи, как граф Лесток, утаить было сложно. Обаятельный, веселый, легкий в общении лейб-медик создавал вокруг себя один из главных центров светской жизни столицы. Его исчезновение казалось не просто заметно — пустое место прямо-таки вопияло о случившемся.

Тем не менее придворные ни о чем не спрашивали и делали вид, будто ничего не произошло. Финкенштейн описал один из праздников, случившихся уже после ареста хирурга: «Я имел удовольствие видеть там, что такое умение скрывать истинные мысли и чувства, какое можно наблюдать только в России... Особы, связанные с несчастным графом Л'Эстоком самыми тесными узами, старались выказывать особенную игривость»³⁸. Среди этих особ, без сомнения, была и великокняжеская чета. Какое бы «горе» Екатерине ни причинила «потеря близкого друга»³⁹ (в чем она признавалась в одной из редакций мемуаров), надлежало делать вид, будто лейб-медик — посторонний ей человек.

Накануне праздника, причесывая госпожу, Тимофей Евреинов сообщил: «Сегодня ночью граф Лесток и его жена арестованы и отвезены в крепость»⁴⁰. Это было подобно грому среди ясного неба. Обитателям малого двора следовало затаиться. В середине декабря двор отправился в Москву. Великокняжеская чета ехала в большом возке, на передке которого размещались дежурные кавалеры. Днем Петр садился в сани с Чоглоковыми, а Екатерина оставалась в возке и тогда могла перекинуться парой фраз с теми, кто сидел впереди. От камергера князя А. Ю. Трубецкого она узнала, что Лесток в крепости «хотел уморить себя голодом, но его заставили принять пищу. Его обвинили в том, что он взял десять тысяч рублей от прусского короля, чтобы поддерживать его интересы... Его пытали, после чего сослали в Сибирь»⁴¹. На самом деле — в Устюг Великий. Если бы лейб-медик не воздержался от рассказа о связях с молодым двором, великокняжеская чета нажила бы новые, возможно, очень крупные неприятности.

Положение наследника было незавидно. Пойдя в 1746 году на поводу у Бестужева только для того, чтобы досадить Брюмеру, он совершил ошибку. Не приобрел союзника в лице канцлера и лишил остатков силы партию, поддерживавшую Голштинский дом. А сам оказался заперт в клетке. Это был наглядный урок — не стоит спешить избавляться от ненавистных

людей, иной раз на них можно опереться. Над этим уроком Петр не задумался. А вот Екатерина сделала выводы: уже став императрицей, она годами работала с оппозиционными вельможами, коль скоро их ум и талант шли на пользу.

«Делить скуку»

Делом Лестока Бестужев не только окончательно разгромил прусскую партию, но и завершил нейтрализацию молодого двора. Случившееся очень напугало великокняжескую чету. Оба стали буквально дуть на воду, стараясь не вызвать неудовольствия императрицы.

Пока Петр переживал, когда гроза пройдет мимо, среди гостей при малом дворе появился брат фаворита Кирилл Григорьевич Разумовский. Еще пару лет назад Мардефельд прочил ему «завершение» брака за великого князя. Видимо, именно теперь Елизавета Петровна посчитала, что пора. Момент был удачный — двор вел кочевую жизнь, при которой неизбежно некоторое нарушение этикетных строгостей.

Все лето 1749 года, после приезда в Москву, императрица путешествовала, устраивая паломничества в Троице-Сергиеву лавру. Великого князя с женой поселили в маленьком одноэтажном домике на даче у Чоглоковых в Раеве. Там имелись всего две комнаты и зал. Прислуга жила в палатках. Великий князь тоже. Под крышей оставались только Екатерина и одна из ее гофмейстерин, спавшие в разных покоях, разделенных залом. Трудно найти диспозицию удобнее: достаточно открыть окно и впустить возлюбленного, никто ничего не заметит.

Кирилл приступил к осаде, но великая княгиня, казалось, даже не заметила его усилий. «Гетман Разумовский, младший брат фаворита, живший на своей даче в Петровском, — писала она, — вздумал приезжать каждый день к нам в Раево. Это был человек очень веселый и приблизительно наших лет... Его посещения продолжались всё лето, и мы всегда встречали его с радостью. Он обедал и ужинал с нами и после ужина уезжал в свое имение; следовательно, он делал от сорока до пятидесяти верст в день. Лет двадцать спустя мне вздумалось его спросить, что заставило его приезжать... тогда как его собственный дом ежедневно кишел лучшим обществом. Он мне ответил, не колеблясь: «Любовь». — «Но, Боже мой, — сказала я ему, — в кого вы у нас могли быть влюблены?» — «В кого? — сказал он мне, — в вас». Я громко рассмеялась, ибо никогда в жизни не подозревала»⁴².

Вряд ли Екатерина совсем не обратила внимания на ухаживания брата фаворита. Кирилл производил на нее приятное впечатление. Он был ровесником Петра Федоровича, но приобрел хорошее образование в Европе, посетил Германию, Францию, Италию, слушал лекции в Кёнигсберге, Берлине, Геттингене, Страсбурге, выучил французский, немецкий и латынь. Среди его профессоров был и знаменитый математик Леонард Эйлер.

В 1745 году младший Разумовский вернулся в Россию, получил титул графа, орден Святой Анны, стал президентом Академии наук и обвенчался с троюродной сестрой Елизаветы Петровны — Екатериной Ивановной Нарышкиной, «на которой императрица женила его, правда, немного против его воли, но с которой он, казалось, хорошо жил. Хорошо было известно, что все самые хорошенькие придворные и городские дамы разрывали его на части. И действительно, это был красивый мужчина своеобразного нрава, очень приятный и несравненно умнее своего брата»⁴³.

В Львовской картинной галерее сохранился портрет молодого Кирилла Григорьевича. С него на зрителя смотрит узкое лицо с живыми карими глазами и доброжелательной, чуть насмешливой улыбкой. Разумовский одет в роскошный темно-зеленый кафтан и белый атласный камзол, отделанные золотым шитьем⁴⁴. Судя по этому изображению, Кирилл действительно был хорош собой и — что еще важнее — удлиненным профилем немного напоминал великого князя.

Великой княгине было приятно внимание молодого красавца. Чоглоковы держались подозрительно смирно, их явно предупредили о деле. Так что остановило Екатерину? Осторожность. Только что закончившееся дело Лестока приучило ее к подозрительности. Она ждала провокаций от канцлера, которому покровительствовал фаворит. Было естественно предположить, что, вовлекая великую княгиню в любовную интригу, брат временщика хочет скомпрометировать ее. Ответить на его намеки значило погубить себя. И Екатерина предпочла не понять столь красноречивого поведения — 40 верст ежедневно.

Сам Кирилл не решился пойти на откровенный разговор. Оробел. Ему, оказывается, очень нравилась царица. Позднее он стал близким другом Екатерины, участвовал в заговоре на ее стороне, но до признания прождал 20 лет и сумел выговорить его, только когда для обоих чувства юности уже не имели значения.

Дознание по делу Лестока было лишено логики: лейб-медика обвиняли в попытке устройства переворота сразу и в пользу молодого двора, и в пользу Ивана Антоновича. Однако это не остановило Елизавету. Подозрительная от природы, она чувствовала шаткую почву под ногами и позволяла Бестужеву запугивать себя мнимыми и настоящими заговорами. С самого воцарения ей угрожала тень Брауншвейгского семейства, с одной стороны, и племянник, имевший неоспоримые права на престол, — с другой. Так естественно было соединить обе опасности в лице одного виновника.

Но наделе комплоты зрели порознь. Согласно донесениям французского посла графа Луи Дальона (д'Альона) и датского — графа Рохуса Фридриха Линара, родовитая знать действительно склонялась в пользу Ивана Антоновича, но были и те, кто связывал надежды с великокняжеской четой. Порой кажется, что, оставив в живых малолетнего свергнутого императора, Елизавета пошла на поводу у своего доброго сердца — не захотела проливать кровь. Однако если присмотреться внимательнее — она поступила очень умно. При наличии двух претендентов на корону у всех недовольных был не один, а два центра притяжения. Это дробило силы, вызывало несогласия в среде оппозиционеров и в конечном счете сталкивало их друг с другом, а не с императрицей.

Зимой 1749/50 года государыня тяжело заболела. Она почти не выходила из покоев, придворные говорили о ее скорой кончине. В донесениях Дальона сообщалось о «тайных сближениях» родовитых особ, на которых высказывались предложения «арестовать великого князя и его супругу» и вернуть корону несчастному Ивану Антоновичу. Линар добавлял, что «число лиц, замешанных» в подобных совещаниях, «было весьма велико». В другое время они ссорились между собой, но теперь объединились, «ибо всем в равной мере грозил кнут»⁴⁵. Поправившись, Елизавета начала расследование.

Казалось, ее официальный наследник Петр Федорович — тоже сторона пострадавшая. Однако и он не ушел из круга подозреваемых, чему способствовало дело поручика Бутырского пехотного полка Иоасафа Батурина. «В начале зимы я увидела, что великий князь очень беспокоится, — вспоминала Екатерина. — ...Он больше не дрессировал своих собак, раз по двадцать на дню приходил в мою комнату, имел очень огорченный вид, был задумчив и рассеян; он купил себе немецких книг... часть их состояла из лютеранских молитвенников, а другая — из историй и процессов каких-то разбойников с большой дороги, которых вешали или

колесовали. Он читал это поочередно, когда не играл на скрипке». Подобной литературой Петр сам распалял и запугивал себя, а потом начинал молиться. «Я терпеливо выжидала, что он мне скажет. Наконец, однажды он мне открыл, что его мучило».

Всё лето в Раеве, пока Кирилл Разумовский охотился на Екатерину, великий князь рыскал по окрестным лесам со сворой собак. Цесаревне, вероятно, казалось, что самое интересное творится вокруг нее. Однако великий князь имел все основания утверждать обратное: его чуть не втянули в полновесный заговор. Петр всё время проводил в обществе егерей, приставленных к его своре, и, как признавалась Екатерина, «коли пошло на чистоту, он связался с этими людьми, закусывал и выпивал с ними». Они-то и свели Петра Федоровича с Батуриным.

«В Москве стоял тогда Бутырский полк, — писала Екатерина. — В этом полку был поручик (по другим источникам, подпоручик. — О. Е.) Асаф Батурин, весь в долгу, игрок и всюду известный за большого негодяя, впрочем, человек очень решительный». Через егерей, с которыми Батурин неизвестно как познакомился, он стал добиваться свидания с великим князем, упирая на свою «преданность» и на то, что «весь полк с ним заодно». Сначала Петр испугался, но постепенно дал себя уговорить. Поручик подкараулил его в лесу «в укромном местечке», пал на колени и поклялся «не признавать никакого другого государя, кроме него». Услышав такие слова, Петр якобы дал шпоры лошади и ускакал, оставив соблазителя на коленях.

Вскоре ему передали, что Батурин арестован и перевезен в Преображенское, где располагалась Тайная канцелярия. Екатерина замечала, что муж «дрожал и очень боялся быть замешанным». Несколько дней спустя егеря тоже были взяты под стражу. Великая княгиня ободряла супруга, говоря, что его единственная вина — «дурная компания». Но Петр продолжал трястись. «Говорил ли он мне правду? — рассуждала Екатерина. — Я имею основания думать, что он убавлял, передавая о переговорах, которые вел».

Некоторое время спустя егерей выпустили, но приказали покинуть Россию (все они были иностранцы). Охотники сумели передать великому князю, что не назвали на допросах его имени, «вследствие чего он прыгал от радости». «Что касается Асафа Батурина, то его нашли очень виновным... Он замышлял ни более ни менее как убить императрицу, поджечь дворец и этим ужасным способом, благодаря сумятице, возвести великого князя на престол. Он был осужден после пытки к заключению на всю жизнь в Шлиссельбург»⁴⁶.

Теперь в Тайной канцелярии находилось целое дело, используя которое можно было лишить Петра права наследовать престол и даже заточить. О чем Елизавета позднее не раз намекала племяннику. Признания Батурина не пускали в ход до удобного момента и таким образом держали цесаревича в напряжении. Над его головой подвесили дамоклов меч.

«Несколько лет спустя после моего восшествия на престол это дело попало мне в руки, — вспоминала Екатерина. — ...Говоря без обиняков, это был заговор по всей форме; Батурин убедил сотню солдат своего полка присягнуть великому князю; он уверял, что получил на охоте согласие этого князя на возведение его на престол. На пытке он сознался в своих сношениях с этим князем через посредство его егерей». После описанного происшествия Елизавета Петровна перестала целовать руку наследника, когда он подходил целовать ее длань. «С этого времени я стала замечать, как в уме великого князя росла жажда царствовать, — писала Екатерина. — Ему этого до смерти хотелось»⁴⁷.

Следствие выявило весьма серьезные планы. Надлежало «вдруг ночью нагрянуть на дворец и арестовать государыню со всем двором»⁴⁸. Батурин хотел привлечь к заговору работных людей московских суконных фабрик, которые в тот момент бунтовали. Он сносился с одним из их главарей суконщиком Кенжиным, которому обещал: «Мы заарестуем всех дворян»⁴⁹. Поручик был убежден, что сможет подбить на переворот Преображенский батальон и даже лейб-кампанцев, «а они-де к тому склонны и давно желают». Однако на подкуп солдатских голов требовались деньги, которые авантюрист думал получить от Петра. У великого князя их просто не было. Доходы наследника неуклонно сокращались. Ему было назначено 400 тысяч в год, но, по сведениям Мардефельда, реально он получил только 80 тысяч в 1744 году и 8 тысяч в 1746-м⁵⁰. Посадив племянника на «голодный паек», Елизавета Петровна, без сомнения, обезопасила себя.

Уместен вопрос: до какой степени история с егерями была провокацией? Недаром приставленных к великому князю охотников допросили «лишь слегка», а потом выдворили за границу. Ведь могли заточить, как Румберга. Создается впечатление, что егеря выполнили приказ сверху и позднее «пострадали» только для виду. Вот Батурин — настоящий заговорщик, о его авантюризме знали и, возможно, специально свели с Петром. От удара камня о камень должна была вылететь искра.

Ловкость проведенной игры заставляет подозревать в ней уверенную руку Бестужева. А участие в обеих интригах — любовной в Раеве и политической в лесах — братьев Разумовских позволяет предположить, что

канцлер и его покровитель-фаворит действовали заодно. Великокняжескую чету намеревались поймать в две ловчие ямы. Но царевну спасла осторожность, а ее мужа трусость. Он не довел переговоры до конца, раньше времени сорвался с крючка. Однако подозрения Елизаветы только укрепились. «Не удивлюсь я, — рассуждал Финкенштейн о Бестужеве, — если найдет он способ переменить наследника... частые ссоры между тетешкой и племянником повод к сему могут подать»⁵¹.

«Самолюбие четырех фаворитов»

Одним из таких поводов стала пустячная на первый взгляд ссора Елизаветы и Петра весной 1750 года из-за... бани. Однажды после бала Чоглокова передала великой княгине выговор Елизаветы: «Она гневалась на меня за то, что, будучи замужем четыре года, не имела детей, что вина в этом была исключительно на мне, что, очевидно, у меня в телосложении был скрытый недостаток, о котором никто не знал, и что поэтому она пришлет мне повивальную бабку, чтобы меня осмотреть». По поводу осмотра слова Екатерины звучали столь смиренно, что только оттеняли унижительность положения: «Так как Ее величество была во всем госпожа, а я в ее власти, то я ничего не могла противопоставить ее воле».

Присутствующий при разговоре великий князь заступился за жену: «Чувствовал ли он, что вина была не моя, или со своей стороны он счел себя обиженным, но он резко ответил Чоглоковой по поводу детей и осмотра». Марья Симоновна удалилась, пообещав всё передать государыне. Гофмейстерина П. Н. Владиславова, заменившая уволенную Крузе, утешала Екатерину: «Как же можете вы быть виноваты, что у вас нет детей, тогда как вы еще девица... Ее величество должна бы обвинять своего племянника и самое себя, женив его слишком молодым».

Все эти рассказы дошли до Елизаветы Петровны далеко не сразу, императрицу не так-то легко было увидеть. Буря заваривалась от Мясоеда до Великого поста. Государыня в то время находилась в затруднительном положении. В начале осени 1749 года, когда великокняжеская чета жила в Раеве, императрица выбрала нового фаворита. Это произошло не вдруг и не неожиданно для внимательного наблюдателя. Дело состояло не только в сердечном охлаждении 39-летней Елизаветы к прекрасному казаку. Партия Алексея Григорьевича, а вернее ее главный деятель Бестужев, совершили непростительный промах на международной арене — допустили оскорбление «величества» и унижение своей государыни.

Как мы помним, в 1746 году канцлер сумел направить 30-тысячный русский корпус в Германию на помощь австрийским войскам. Серьезного участия в военных действиях эти части не принимали, но само присутствие русской армии на Рейне в конце войны ускорило развязку. В октябре 1748 года в Аахене был подписан мирный договор между Францией и Испанией, с одной стороны, и Австрией, Англией и Голландией — с другой. Мария Терезия была признана императрицей Священной Римской империи, а Франция лишилась своих завоеваний в Нидерландах и отчасти в Индии и Северной Америке⁵². Это привело к формальному расторжению отношений между Петербургом и Парижем и поставило на грань разрыва русско-пруссские связи.

Именно такой переориентации политики своего кабинета и добивался Бестужев. Он мог бы торжествовать победу, но... сама Россия не получила от действий на стороне Австрии никакой выгоды. Хуже того, при подписании Аахенского договора участники «забыли» пригласить русских дипломатов на конгресс, и Петербург не фигурировал в качестве гаранта этого важного международного соглашения. Такой полновесной пощечины от «союзников», сразу указавших «варварам» их место, Елизавета Петровна не ожидала.

Строго говоря, Россия не могла претендовать на равноправие с другими партнерами, так как в 1747 году подписала субсидную конвенцию с Англией, согласно которой Лондон платил, а Петербург давал войска. Предоставляя армию «внаем», за деньги, Елизавета Петровна теряла возможность фигурировать на мирных переговорах в Аахене⁵³. Этой тонкости Бестужев не объяснил своей монархине, а во время дела Лестока умело свалил на лейб-медика вину за то, что другие державы не позвали Россию на конгресс.

Однако и собственный просчет канцлера был налицо. Трудно объяснить, как Бестужеву после подобного позора вообще удалось сохранить пост. Зная о случившемся, Фридрих II только потирал руки и считал своего главного врага «мертвым волком». Он ошибся. Но гнев государыни действительно был велик. А ее стыд — еще больше: некоторые исследователи считают, что именно под влиянием аахенского оскорбления Елизавета решила надолго отбыть в Москву — внутреннюю столицу империи, подальше от границ и европейских дел. Она перестала прислушиваться к советам Бестужева, продвигать по службе угодных ему лиц, подписывать подготовленные им бумаги, демонстративно предпочитала мнение старых друзей — Шуваловых⁵⁴.

Крайне щепетильную в вопросах власти Елизавету беспокоило и то, что партия Разумовского набрала слишком большую силу. Могуществу этой политической группировки надо было дать противовес в лице влиятельного придворного клана. Шуваловы подходили как нельзя лучше. Восемнадцатилетний кузен давних сподвижников императрицы Петра и Александра Ивановичей Шуваловых, паж Иван Иванович Шувалов, 5 сентября был объявлен камер-юнкером. «Благодаря этому его случай перестал быть тайной», — писала Екатерина.

Полгода вокруг юного фаворита велись интриги, а на Масленицу Елизавета продемонстрировала, что колеблется и может сменить случайного вельможу. Ей приглянулся красивый кадет Шляхетского корпуса Никита Афанасьевич Бекетов. Тот факт, что вскоре он был назначен адъютантом с чином полковника к графу Разумовскому, ясно указывал круг, к которому претендент принадлежал. Поняв, что прошлого не вернуть, Алексей Григорьевич сделал ставку на молодого представителя партии. К Бекетову был приставлен Иван Елагин, ученик А. П. Сумарокова, в будущем статс-секретарь Екатерины II, а тогда бойкий чиновник под рукой у Бестужева.

Борьба разворачивалась нешуточная, хотя внешне всё выглядело крайне игриво. Во дворце на Масленной неделе построили театр, где кадеты представляли исторические трагедии Сумарокова. Среди юных дарований был и Бекетов, отличавшийся «красивой наружностью: его голубые глаза навывкате бросали взгляды, способные вскружить голову немалого числа придворных дам». Елизавета лично занялась костюмами труппы, «мы увидели, как на красивом Труворе появлялись один за другим все любимые цвета и все наряды, которые ей нравились». Придворные просмотрели за неделю девять трагедий, актеры жили прямо во дворце.

На Пасху пришелся пик разногласий в окружении императрицы, что ее крайне нервировало. Она чаще обычного переходила в храм с места на место, а потом вовсе покинула большую придворную церковь и отправилась в свою малую комнатную. «Там она показалась до такой степени раздраженной, что заставила дрожать от страха всех присутствующих, — писала Екатерина. — ...Императрица выбрала всех своих горничных, число которых доходило до сорока; певчие и даже священник — все получили нагоняй... Это гневное настроение вызвано было затруднительным положением, в котором находилась Ее величество между троими или четверыми своими фаворитами, а именно — графом Разумовским, Шуваловым, одним певчим по фамилии Каченовским и Бекетовым... Не всякому дано умение щадить и примирять самолюбие

четверых фаворитов одновременно».

Певчим можно было пренебречь, а вот Разумовские с Шуваловыми, видимо, пошли в любовую. Бекетова только что назначили адъютантом, он продержался до лета 1751 года, конкурируя со скромным Иваном Ивановичем. Прекрасного Трувора убрали грязным способом: «Бекетов... со скуки и не зная, что делать во время своего фавора... вздумал заставить малышей певчих императрицы петь у себя... Всему этому дали гнусное толкование; знали, что ничто не было так ненавистно в глазах императрицы, как подобного рода порок. Бекетов в невинности своего сердца прогуливался с этими детьми по саду; это было вменено ему в преступление»⁵⁵.

По другим источникам, Бекетову поднесли притирания, от которых лицо юноши покрылось прыщами. Елизавете намекнули, что болезнь — следствие невоздержанной жизни, та не совсем поверила, но, будучи крайне брезглива, отдалила фаворита от двора. Шувалов переехал в бывшие покои обер-егермейстера, а Алексей Григорьевич получил Аничков дворец.

Такое решение вполне отвечало политическому выбору государыни. Влияние клана Разумовских уходило в прошлое.

Баня или крепость

Бестужев отчасти сам подставил покровителя: он был ревностным сторонником обнародования брака Елизаветы с Алексеем Григорьевичем и не скрывал этого от императрицы. Напротив, усерднейше доносил ей о пользе подобного поступка. А таковой вел к пересмотру вопроса о наследнике. Елизавета же считала важным для стабильности царствования сохранить права на корону за племянником. Одним своим существованием он делал ее собственное пребывание на престоле легитимным, подтвержденным целой системой завещаний и международных договоров.

Однако Петр очень подводил тетку. Если бы у великого князя уже появились дети, это укрепило бы трон. А так, бездетный, он выглядел в глазах подданных спорным наследником. К тому же и поведение его не красило. Не исключено, что сплетни о бесплодии и импотенции царевича специально раздувались Бестужевым с целью подтолкнуть государыню к выгодным для партии Разумовских шагам.

Ссору августейшей тетки и племянника из-за бани, произошедшую на первой неделе Великого поста, не следует вырывать из контекста

описанных событий. Елизавета закипала, наблюдая, как приходят в неясное, но жестокое столкновение ближайшие к ней люди. Раздражение она привыкла вымещать на великокняжеской чете, благо те жили замкнуто. В начале поста разразился скандал, во время которого Петру припомнили и заговор прошлого лета, и странную, прямо-таки скопческую жизнь с женой.

Вот как разворачивались события. «Мы с великим князем стали говеть, — рассказывала Екатерина. — Я послала Чоглокову испросить у Ее величества позволения пойти в баню в дом Чоглоковых... Ни великий князь, ни я, мы не смели выходить из дому даже на прогулку без позволения императрицы». Чоглокова принесла царевне разрешение и сказала наследнику, что тот сделал бы приятное тетке, если бы тоже пошел в баню.

Это предложение Петр принял в штыки, заявив, что «он никогда раньше в бане не был и считал посещение ее одним предрассудком». Обер-гофмейстерина упрекнула его в недостатке уважения к воле государыни. Великий князь весьма резонно возразил, что «пойти в баню или не пойти, ни в чем не нарушало уважения». Спор сделался жарким. Марья Симоновна осведомилась, «знает ли он, что императрица могла бы его заключить в Санкт-Петербургскую крепость... Великий князь при этих словах задрожал и в свою очередь спросил ее, говорит ли она ему от своего имени или от имени императрицы». Тут Чоглокова заявила, что «ему следовало помнить о том, что случилось с сыном Петра Великого по причине его неповиновения». Царевич сбавил тон, и его следующие слова были почти просительными. «Великий князь... сказал ей, что он никогда бы не поверил, что он, герцог Голштинский и в свою очередь владетельный князь, которого заставили приехать в Россию вопреки его воле, мог здесь подвергнуться опасности такого постыдного с ним обращения, и что если императрица не была им довольна, то ей оставалось только отослать его обратно на родину. После того он задумался, стал большими шагами ходить по комнате и потом начал плакать».

Со стороны произошедшее казалось абсурдом. Стоило ли угрожать человеку крепостью за то, что тот не хочет сходить в баню? Позднее царевна связала сцену с делом Батурина, и для нее всё встало на свои места.

Часто не обращают внимания на то, что Чоглокова была не просто обер-гофмейстериней. Двоюродная сестра Елизаветы, она тоже приходилась Петру теткой и многие вещи говорила по-семейному. На следующий день она явилась от государыни и принесла ответ племяннику:

«Ну, так если он столь непослушен мне, то я больше не буду целовать его проклятую руку». Великий князь уперся: «Это в ее воле, но в баню я не пойду, я не могу выносить ее жары»⁵⁶.

Боязнь жара и удушье — вовсе не пустяк. При слабом здоровье наследника плохое самочувствие в горячем пару естественно. Петра не приучали с детства к бане. Он мылся, как это было принято на родине, в тазах, кадках и переносных ваннах, именно это считая нормальным. Существует мнение, что «банный» гнев Елизаветы Петровны был связан не столько с делом Батурина, сколько с подозрениями государыни на счет неспособности племянника иметь потомство. Наслушавшись «горьких истин», Елизавета могла сама захотеть взглянуть на племянника в бане, чтобы убедиться, нет ли у него каких-нибудь видимых невооруженным глазом недостатков. А также увидеть его вместе с великой княгиней в столь интимной обстановке⁵⁷.

Однако следует помнить, что во время поста верующие воздерживались не только от скоромной пищи, но и от супружеских отношений. Поход в парную был ритуальным действием, соединявшим очищение души с чистотой тела. Зная церковную подоплеку этого обычая, Петр называл его «предрассудком». Со своей стороны, очень щепетильная в вопросах православных традиций Елизавета настаивала на посещении наследником бани не потому, что собиралась за ним подглядывать, а потому, что иное поведение выглядело как «нечестье». Но Петр уперся. «Увидим, что она мне сделает, я не ребенок», — огрызнулся он.

Примечания к разделу

- ¹ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 494.
- ² Штелин Я. Записки о Петре III // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 45.
- ³ Финкеништейн К. фон. Общий отчет о русском дворе. 1748 // Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 295–296.
- ⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 105.
- ⁵ Штелин Я. Указ. соч. С. 29.
- ⁶ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 298.
- ⁷ Там же. С. 310.
- ⁸ Финкеништейн К. фон. Указ. соч. С. 296.
- ⁹ Штелин Я. Указ. соч. С. 21.
- ¹⁰ Там же. С. 44.
- ¹¹ Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»). С. 394.
- ¹² Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 56.
- ¹³ Штелин Я. Указ. соч. С. 26.
- ¹⁴ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 314.
- ¹⁵ Финкеништейн К. фон. Указ. соч. С. 296.
- ¹⁶ Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 17.
- ¹⁷ Штелин Я. Указ. соч. С. 37.
- ¹⁸ Фавье Ж.-Л. Русский двор в 1761 году // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 198.
- ¹⁹ Понятовский С. А. Мемуары. М., 1995. С. 110.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 56.
- ²² Фавье Ж.-Л. Указ. соч. С. 197, 200.
- ²³ Штелин Я. Указ. соч. С. 43.
- ²⁴ Екатерина II. Записки // «Слово». 1989. № 2. С. 82.
- ²⁵ Штелин Я. Указ. соч. С. 41.
- ²⁶ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 306–307.
- ²⁷ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 111.

- ²⁸ Штелин Я. Указ. соч. С. 41.
- ²⁹ Финкенштейн К. фон. Указ. соч. С. 296–297.
- ³⁰ Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 136.
- ³¹ Мардефельд А. фон. Записка о важнейших персонах при русском дворе // Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 272.
- ³² Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 309.
- ³³ Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 177.
- ³⁴ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 270.
- ³⁵ Финкенштейн К. фон. Указ. соч. С. 294–295.
- ³⁶ Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. С. 175.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 179.
- ³⁹ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 497.
- ⁴⁰ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 309.
- ⁴¹ Там же. С. 310.
- ⁴² Там же. С. 316.
- ⁴³ Там же. С. 317.
- ⁴⁴ Старк В. П. Портреты и лица. СПб., 1995. С. 23.
- ⁴⁵ Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 197–198.
- ⁴⁶ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 321–323.
- ⁴⁷ Екатерина II. Записки // «Слово». 1989. № 2. С. 84.
- ⁴⁸ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 395.
- ⁴⁹ Мыльников А. С. Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2002 (серия «ЖЗЛ»). С. 125–126.
- ⁵⁰ Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 163.
- ⁵¹ Финкенштейн К. фон. Указ. соч. С. 303.
- ⁵² Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 48.
- ⁵³ Яковлев Н. Н. Европа накануне Семилетней войны. М., 1997. С. 75.
- ⁵⁴ Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 179, 184. 190.
- ⁵⁵ Там же. С. 345.
- ⁵⁶ Екатерина II. Записки // «Слово». 1989. № 2. С. 82–87.
- ⁵⁷ Иванов О. А. Павел — Петров сын? // Загадки русской истории XVIII в. М., 2000. С. 192–196.

Глава пятая

СТРАСТИ ПО НАСЛЕДНИКУ

После поражения прусской партии в Петербурге естественным союзником Фридриха II мог стать по-детски влюбленный в него цесаревич. Однако тон немецких дипломатов по отношению к Петру Федоровичу заметно пренебрежителен. «Великому князю девятнадцать лет, и он еще дитя, чей характер покамест не определился, — рассуждал Мардефельд. — Порой он говорит вещи дельные и даже острые. А спустя мгновение примешь его легко за десятилетнего ребенка... Супругу не любит, так что иные предвидят: детей от него у нее не будет. Однако ж он ее ревнует»¹.

Финкенштейн высказывался еще резче: «На великого князя большой надежды нет. Лицо его мало к нему располагает и не обещает ни долгой жизни, ни наследников, в коих, однако ж, будет у него великая нужда. Не блещет он ни умом, ни характером; ребячится без меры, говорит без умолку, и разговор его детский, великого государя недостойный... Нация его не любит, да при таком поведении любви и ожидать странно»².

Характеристика Екатерины в докладах обоих дипломатов разительно отличается от описаний ее мужа. «Великая княгиня умна и основательна не по годам... держит себя с осторожностью»³, — сообщал Мардефельд. И опять Финкенштейн сходил в мнении с коллегой: «Великая княгиня достойна супруга более любезного и участливого... Сознает она весь ужас своего положения, и душа ее страждет; как она ни крепится, появляется порою на ее лице выражение меланхолическое... Нация любит великую княгиню и уважает»⁴.

Причина неприязни к Петру, с одной стороны, и расположения к Екатерине — с другой, объяснялись не только особенностями личного поведения. Для дипломатов важно было нащупать точку опоры при чужом дворе, найти союзника, может быть, запастись им впрок для дальнейших совместных действий. Неуравновешенный, переменчивый характер великого князя делал его ненадежным партнером. А вот «основательная не по годам» царевна подходила как нельзя лучше. «Она бы во всем неукоснительно за короля стояла», — заключал Мардефельд.

Однако никто не рассматривал Екатерину как самостоятельного политического игрока. Она могла действовать только через мужа — наследника русского престола и правящего герцога Голштинского. Сама по себе царица была ничто. А потому ее интересы в тот момент прочно сопрягались с интересами супруга. Екатерина приобретала шанс повлиять на ход дел, только влияя на Петра. И никак иначе.

Между тем в 1750 году создалась ситуация, когда великий князь мог снова выйти из политической тени. Между Россией, Швецией и Данией начались консультации о судьбе герцогства Голштинского. Обойти Петра оказалось невозможно, хотя Бестужев предпочел бы решить судьбу далекого немецкого владения без участия суверена. Однако тетушка предоставила племяннику право участвовать в переговорах и даже самому вести консультации. Это было явным знаком недовольствия по отношению к канцлеру: тот откровенно проморгал сближение Стокгольма и Копенгагена и тайный договор между этими дворами.

Сделаем шаг назад, чтобы понять ситуацию во всей ее полноте. С того момента, как Елизавета провозгласила голштинского герцога своим наследником, политика России на севере оказалась тесно связана с судьбой его владений. Нередко императрица шла на поступки, которые не могли одобрить ее советники. Например, в 1742 году России было выгодно поддержать Данию против Швеции, пожертвовав для этого крохотным приморским герцогством. Однако государыня решила сохранить Голштейн и тем укрепить значение своего наследника.

Уже тогда, всего через несколько месяцев после приезда Петра в Москву, его владения застряли у огромной империи как кость в горле. Развязать гордиев узел отношений Петербурга, Стокгольма и Копенгагена, сохраняя Киль за цесаревичем, было трудно. А в ссору незримо вмешивались Париж и Потсдам, только запутывая ситуацию. В какой-то момент вся работа Коллегии иностранных дел оказалась парализована.

В Киле текущими делами герцогства ведал Тайный правительственный совет, созданный еще в 1719 году⁵. Именно его и следует считать правительством Голштинии, не путая, как это иногда случается⁶, с другим органом — Голштинским дипломатическим представительством в Петербурге. Последнее занималось главным образом территориальными спорами с Данией из-за Шлезвига. Это же ведомство осуществляло связь между Петром Федоровичем и Тайным советом на родине. Руководил представительством Иоганн Фрайхер фон Пехлин, опытный и надежный министр, о котором Екатерина в своих мемуарах

отзывалась с уважением: «В этой короткой и толстой фигуре жил ум тонкий и проницательный»⁷.

Елизавета Петровна распорядилась, чтобы окончательные решения в каждом случае исходили от самого великого князя. То ли она хотела таким способом приучить племянника к государственным делам, то ли внешнее сохранение за ним некоторых политических прав при самом жестком внутреннем контроле должно было кое-как примирить юношу с занимаемым положением. К тому же не следовало показывать иностранным дипломатам, что наследник фактически посажен под домашний арест.

Если верить Екатерине, ее супруг сочетал искреннюю любовь к Голштинии с ленью и нерадивостью в делах. Ему становилось скучно работать с Пехлиным, докладывавшим о трудном положении финансов герцогства; он быстро утомлялся, хотя вникал в подробности. Такое поведение очень напоминает рассказы Штелина о занятиях Петра науками. Предмет приложения усилий изменился, а образ действий остался прежним. «Этот страстно любил свою Голштинскую страну, — писала Екатерина о муже. — С Москвы уже докладывали Его императорскому высочеству об ее несостоятельности. Он попросил денег у императрицы. Она дала немного»⁸. По сведениям английского дипломата Гая Диккенса, великий князь в июле 1750 года получил от государыни 60 тысяч рублей в качестве подарка за участие в переговорах с Данией и за твердость на них⁹.

Сама по себе сумма не могла покрыть нужд герцогства. Ею были уплачены «неотложные долги» наследника в России. До Киля не дошло ни копейки. «Пехлин представлял дела в Голштинии со стороны финансов безнадежными; это было нетрудно, потому что великий князь полагался на него в управлении и мало или вовсе не обращал на него внимания, так что однажды Пехлин, выведенный из терпения, сказал: «Ваше высочество, от государя зависит вмешиваться или не вмешиваться в дела его страны; если он не вмешивается, страна управляется сама собою, но управляется плохо»¹⁰.

Зато Петру удавались шумные сцены. В августе 1745 года он с позором выгнал от себя датского полномочного министра Фридриха Генриха Хеусса, осыпав его «градом оскорблений». Тогда же французский посол Луи Дальон писал: «Великий князь — принц гордый и, судя по многим признакам, немалую будет питать склонность к войне, о примирении же не желает и слышать»¹¹.

Дания, как и в 1732 году, предлагала миллион рейхсталеров за отказ от

Шлезвига. Но советники Петра сумели построить диалог так, что обсуждались и возвращение потерянных герцогством земель, и датская денежная субсидия, которая рассматривалась не как плата за покупку владений, а как компенсация морального и материального ущерба. Конечно, это только затягивало переговоры.

Видя неуступчивость Петра, датский двор решил действовать «мимо него». Вместо денег был предложен обмен Шлезвиг-Голштейна на Дельменгорст и Ольденбург. На сей раз обратились не к великому князю, а к его дяде шведскому кронпринцу. Дело в том, что Адольф Фридрих (с 1751 года шведский король Адольф Фредерик) считался, помимо прочего, и наследником своего племянника, буде тот скончается бездетным. А разговоры о слабом здоровье и бесплодии Петра занимали в дипломатической переписке немалое место.

Вспомним слова Финкенштейна о том, что цесаревич «не обещает ни долгой жизни, ни наследников». В другом донесении министр писал: «Надо полагать, что великий князь никогда не будет царствовать в России; не говоря уже о слабом здоровье, которое угрожает ему рановременною смертью». В 1757 году французский посол маркиз Поль-Франсуа де Л'Опиталь почти повторил отзыв прусского коллеги: «Если великий князь при своем слабом здоровье будет продолжать свой образ жизни, то скоро умрет»¹². Сама по себе эта информация не сильно противоречила истине: Петр был болезненным юношей. Но надо полагать, что распространялась и афишировалась она намеренно, из соображений политической конъюнктуры. Тождественность отзывов позволяет предположить единый источник. Заинтересованным лицом в данном случае являлся канцлер.

В августе 1749 года между Данией и Швецией был подписан договор об оборонительном союзе, кронпринц отказался от голштинского наследства и взамен получил города Дельменгорст и Ольденбург. Сделка до времени оставалась тайной и должна была вступить в силу сразу после кончины великого князя. Несколько месяцев в Петербурге ничего не знали о случившемся, и лишь в апреле 1750 года информация просочилась из Копенгагена. Елизавета Петровна была вновь унижена, а Бестужев просто втоптан в грязь. Он конфликтовал со Швецией, полагаясь на Данию, а тем временем оба королевства протянули друг другу руки.

Канцлер запил и перестал показываться при дворе. Императрица демонстрировала ему свое пренебрежение. В этих условиях у Петра Федоровича появился шанс выскользнуть из-под тяжелой политической опеки. В январе 1750 года в Петербург прибыл новый датский посланник граф Рохус Фридрих Линар, уполномоченный возобновить переговоры об

обмене владений.

«Дочь нерусских родителей»

Екатерина характеризовала графа Линара враждебно и насмешливо, правда, признавая за ним ум и изворотливость. «Это был человек, соединявший в себе, как говорили, большие знания с такими же способностями; внешностью он походил на самого настоящего фата. Он был статен, хорошо сложен, рыжевато-белокурый, с белым, как у женщины, цветом лица; говорят, он так холил свою кожу, что ложился спать не иначе, как намазав лицо и руки помадой, и надевал на ночь перчатки и маску. Он хвастался тем, что имел восемнадцать детей, и уверял, что всех кормилиц своих детей приводил в положение, в котором они вторично могли кормить»¹³.

Линар имел полномочия сделать великому князю несколько уступок по мелочи, чтобы, таким образом, втянуть его в переговоры. Это получилось, поскольку и Бестужев, и Пехлин проявили заинтересованность в предложениях датской стороны. Копенгаген, желая соединить свои владения в Германии, предлагал неплохие земли взамен финансово несостоятельного герцогства. Но Петр чувствовал себя преданным и не хотел вступать в переговоры. «Пехлин докладывал великому князю, что слушать не значит вести переговоры, — вспоминала Екатерина, — а от ведения переговоров до принятия условий еще очень далеко». Согласившись слушать, цесаревич неизбежно должен был что-то отвечать. И тут ловкий Линар сыграл в поддавки: подписал в октябре 1750 года конвенцию об обмене «дезертирами» — то есть перебежчиками с голштинских земель на датские и обратно¹⁴.

Эта мнимая дипломатическая победа раззадорила Петра. Переговоры пошли дальше. Но по мере того как они продвигались, великий князь всё сильнее нервничал. «Часто я видела его в восхищении оттого, что он приобретет; затем он испытывал мучительные колебания и сожаления о том, что ему приходилось потерять»¹⁵. Внешне поведение Петра выглядело достойно: он упорно отстаивал права своего герцогства и, выжидая, заставлял противника делать ему всё новые и новые предложения¹⁶. Великому князю жаль было расставаться с родовыми владениями, но он противостоял Дании в одиночку, его советники играли на другой стороне и склоняли молодого герцога к уступке. Наследнику не на кого было

опереться, не с кем обсудить положение. Удивительно ли, что он пришел к Екатерине?

Хотя именно откровенность с женой была Петру строжайше запрещена. «Ему предписывали держать это в величайшей тайне, в особенности, прибавляли, по отношению к дамам, — писала Екатерина. — Эта предосторожность касалась меня, но... первым делом великого князя было сказать мне об этом». Екатерина оказалась на высоте оказанного доверия. Она горой стояла за Голштинию и против обмена. Действовать так ее побуждали семейная неприязнь к датчанам и развитое честолюбие. Всегда забывают, что она была не только царевной, но и герцогиней Голштинской. Пока ее муж сохранял хотя бы формально независимое владение, они оба имели свое маленькое государство, считались суверенами. Даже если бы их выслали из России, им было куда скрыться, и среди владетельных особ Германии они заняли бы пусть не первое, но и не последнее место. Приобретение Ольденбурга, возможно, обогатило бы наших героев, но как быть с титулом правящего герцога?

Позднее, когда Екатерина II будет прочно сидеть на русском престоле, она обменяет Голштинию на Ольденбург. Но это случится только в 1773 году. Пока же дипломатические ухищрения «огорчали великого князя, — вспоминала императрица, — он стал мне о них говорить. Я... приняла известие об этих переговорах с большим раздражением и противодействовала им у великого князя сколько могла»¹⁷.

И вот тут Екатерина почувствовала, что не она одна могла оказывать влияние на Петра. Еще до отъезда двора из Москвы у великого князя завязался роман с принцессой Курляндской, дочерью опального герцога Эрнста Иоганна Бирона. Эта умная, практичная девица сбежала из Ярославля, где отбывала ссылку ее семья, и заявила, что терпит притеснения от родителей за желание перейти в православие. Государыня сама стала восприемницей Елизаветы Гедвиги, в крещении Екатерины Ивановны, и назначила ее надзирательницей над фрейлинами. Такая должность соответствовала высокому происхождению ярославской беглянки. Екатерина сразу оценила принцессу Бирон как ловкую особу, способную на продуманную интригу и решительные шаги. Появление такой дамы рядом с Петром не сулило ничего хорошего.

«Она была вкрадчива, ум ее заставлял забывать, что у ней было неприятного в наружности... — писала Екатерина, — она каждому говорила то, что могло ему нравиться». Петр начал оказывать новой фрейлине «столько внимания, сколько был способен; когда она обедала у себя, он посылал ей вниз и некоторые любимые блюда со своего стола, и

когда ему попадалась какая-нибудь новая гренадерская шапка или перевязь, он их посылал к ней, дабы она посмотрела»¹⁸. Таким образом, принцесса Бирон вела с наследником разговоры на его любимые темы и всё больше захватывала внимание поклонника.

«Главное достоинство, какое она имела в его глазах, состояло в том, что она была дочерью нерусских родителей, — вспоминала Екатерина. — Уже тогда великий князь выказывал очень сильное пристрастие ко всем иностранцам и начало отвращения ко всему, что было русским или тянуло к России.... Принцесса... охотно говорила по-немецки; и вот мой великий князь влюблен по уши»¹⁹.

Удивительно, но разве сама мемуаристка не была иностранкой и не говорила по-немецки? Возможно, Петр уже не воспринимал жену таковой. Но дело не в чувствах великого князя, а в умении Екатерины выстроить образ. Императрица намеренно присоединяла себя ко всему, «что было русским или тянуло к России», тем самым вызывая «начало отвращения» царевича. Она показывала себя не просто брошенной женой, а соединяла личную драму с неприязнью наследника к стране. Оставленная женщина олицетворяла собой нелюбимую Россию.

«Настоящее достоинство принцессы Курляндской менее поразило его, — писала Екатерина о муже. — Нужно ей отдать справедливость, что она была очень умна; у нее были чудесные глаза, но лицом она была далеко не хороша, за исключением волос, которые были у нее очень красивого каштанового цвета. Кроме того, она была маленького роста и не только кривобока, но даже горбата; впрочем, это не могло быть недостатком в глазах одного из принцев Голштинского дома, которых в большинстве случаев никакое телесное уродство не отталкивало; между прочим, покойный король шведский, мой дядя по матери, не имел ни одной любовницы, которая не была бы либо горбата, либо крива, либо хрома».

Екатерина явно злословила, подчеркивая извращенность предпочтений своей немецкой родни. Имея очаровательных жен, голштинские принцы оставались к ним холодны, их возбуждало физическое уродство, некий изъян возлюбленной. Возможно, так они отождествляли свои внутренние беды с внешним безобразием избранниц. «Великий князь не совсем скрывал от меня эту склонность, но все-таки сказал мне, что это была только прекрасная дружба; я охотно этому поверила... ввиду особенностей названного господина»²⁰.

Итак, Екатерина не опасалась измены, физически для Петра невозможной. Однако ей было неприятно предпочтение, которое муж

оказывал другой женщине: «Мне обидно было, что этого маленького уroda предпочитают мне»²¹.

Однажды вечером цареvна под предлогом головной боли легла раньше обычного. Спустя некоторое время «великий князь очень пьяный пришел и лег... Хотя он знал, что я была нездорова, он меня разбудил, чтобы поговорить о принцессе Курляндской, об ее прелестях и о приятности ее беседы... я ему ответила несколько слов, в которых чувствовалось раздражение, и притворилась, что засыпаю. И то и другое его обидело; он несколько раз ударил меня очень сильно локтем в бок и повернулся ко мне спиной, после чего заснул; я проплакала всю ночь»²². Подобные сцены не укрепляют взаимного доверия. Ссоры из-за любовницы отнимали у Екатерины толику влияния на мужа.

«Взгляды у меня свои собственные»

Поэтому великая княгиня не понадеялась только на себя. Она нашла союзника в лице вельможи, которого с некоторых пор уважал ее муж. Одновременно с Линаром в Петербург прибыл посол венского двора граф Иосиф фон Бернес (Берни). «Граф Берни был из Пьемонта, ему было тогда за пятьдесят; он был умен, любезен, весел и образован и такого характера, что молодые люди его предпочитали и больше развлекались с ним, нежели со своими сверстниками... Я тысячу раз говорила, что если бы этот или ему подобный человек был приставлен к великому князю, то это было бы великим благом для этого принца, который так же, как я, оказывал графу Берни привязанность... Великий князь сам говорил, что с таким человеком возле себя стыдно было бы делать глупости»²³.

Именно влияние Берни Екатерина противопоставила проискам Линара, соглашательству Пехлина, настойчивости Бестужева и подозрительной вкрадчивости принцессы Бирон. Она пошла на прямой разговор по политическому вопросу с послом иностранной державы — что, конечно, было бы вменено ей в вину, узнай об этом императрица. Однако положение казалось критическим.

Во время новогодних маскарадов 1751 года Екатерина улучила момент, когда дипломат остановился у балюстрады, за которой танцевали, и попросила его внимания. «Граф Берни выслушал меня с большим интересом, — вспоминала она. — Я ему вполне откровенно сказала, что... взгляды у меня свои собственные... Мне кажется прежде всего, что

голштинские дела не в таком отчаянном положении, как хотят их представить». Сейчас дело «имеет вид интриги, которая... придаст великому князю такой вид слабости, от которого он не оправится, может быть, в общественном мнении во всю свою жизнь». Петр лишь недавно управляет своим герцогством, «он страстно любит эту страну и, несмотря на это, удалось убедить его обменять ее, неизвестно зачем, на Ольденбург, которого он совсем не знает». Кроме того, Кильский порт «может быть важен для русского мореплавания».

Вникнув в дело, дипломат ответил: «Как посланник, на все это я не имею инструкций, но как граф Берни я думаю, что вы правы». После чего посоветовал великому князю: «Вы очень хорошо сделаете, если ее послушаете»²⁴. Что тот не преминул передать жене.

Было бы слишком просто сводить желанный результат к одной беседе с Берни. Шуваловы действовали в этот момент против канцлера и вставляли ему палки в колеса. К ним присоединялись те русские вельможи, которые когда-то поддерживали Шетарди и Мардефельда, — в первую очередь генерал-прокурор князь Н. Ю. Трубецкой. Новый прусский посланник Балтазар фон дер Гольц и секретарь посольства Конрад Варендорф не забывали при мимолетных встречах напомнить великому князю о невыгодности обмена. Каждого из них в отдельности Голштиния не слишком занимала, но все соединились, чтобы вредить Бестужеву.

Немало помогло Петру и его природное упрямство: чем больше на него давили, тем отчаяннее он сопротивлялся. В конце концов наследник даже запретил Пехлину принимать бумаги от Линара и Бестужева. В марте 1751 года он вовсе прервал переговоры, а Пехлину велел не отвечать на письма из Копенгагена. В мае Линар, чувствуя, что толку не будет, снял предложения об обмене территорий²⁵.

В первую очередь отказ от диалога с Данией был победой над Бестужевым. По прошествии пяти лет с памятного 1746 года великая княгиня вернула канцлеру долг — Алексей Петрович проиграл раунд за Голштинию. Именно после этого канцлер почувствовал в великой княгине достойного противника. И так как его собственные дела складывались неблестяще, стал задумываться о сближении. Благо предлогов была масса. Главный из которых — вопрос о наследнике.

Со своей стороны великий князь после предательства шведского кронпринца понял: если у него не будет ребенка — наследника голштинского трона, дядя Адольф отдаст герцогство Дании.

Между тем ожидать наследника не приходилось. Благодаря слезке о нетривиальном поведении Петра в спальне знали и императрица, и иностранные дипломаты, и приставленные к молодым дамы, и, конечно, канцлер, который, по меткому выражению великой княгини, «как будто жил у меня в комнате». И тогда, и позднее по поводу неестественных отношений в великокняжеской семье много писали. Вот почему собственные признания Екатерины никак нельзя назвать единственным источником, «оклеветавшим» Петра. Напротив, в ряде случаев императрица выражалась сдержаннее других авторов.

Особенно усердствовали дипломаты. Клод Рюльер, обобщив толки, циркулировавшие во французском посольстве, писал: «Между молодыми супругами время употреблялось единственно на прусскую экзерцицию или для стояния на часах с ружьем на плече... Но сохраняя в тайне странные удовольствия своего мужа и тем ему угождая, она (великая княгиня. — О. Е.) им управляла»²⁶.

Сам факт ночных караулов подтверждается другими источниками. Так, мемуарист А. М. Тургенев, который благодаря родственным связям при дворе слышал много сплетен, писал, будто Бестужев «сведал» от Екатерины, «что она с супругом своим всю ночь занимается экзерсицею ружьем, что они стоят попеременно у дверей, что ей занятие это весьма наскучило, да и руки и плечи болят у нее от ружья. Она просила его сделать ей благодеяние, уговорить великого князя, чтоб он оставил ее в покое... что она не смеет доложить об этом» императрице²⁷. Наконец, сама Екатерина писала о муже: «Благодаря его заботам, я до сих пор умею исполнять все ружейные приемы с точностью самого опытного гренадера. Он также ставил меня на караул с мушкетом на плече по целым часам у двери, которая находилась между моей и его комнатой»²⁸.

Тягостный абсурд происходящего изводил молодую женщину. Позднее, по словам Рюльера, Екатерина замечала: «Мне казалось, что я годилась для чего-нибудь другого»²⁹. Однако на фоне остальных забав супруга эта выглядела даже безобидной. В замечаниях на книгу аббата Дени о Фридрихе II Екатерина вспоминала своего мужа, страстного поклонника прусского короля: «Он забавлялся тем, что бил людей и животных и не только был нечувствителен к их слезам и крикам, но эти последние вызывали в нем гнев, а когда он был в гневе, он придирался ко всему, что его окружало. Его фавориты были очень несчастны, они не

смели поговорить друг с другом, чтобы не возбудить в нем недоверия, а как только это последнее разыгрывалось в нем, он их сек на глазах у всех»³⁰.

Судя по всему, Петр Федорович отличался склонностью к садизму, что случается у людей с половыми отклонениями. В чем они состояли, сейчас трудно сказать. Одни исследователи считают великого князя импотентом³¹. Другие — просто бесплодным³². Дипломаты, всегда озабоченные династическими тайнами, в большинстве склонялись к последней точке зрения. В 1749 году английский посол лорд Джон Гинфорд сообщал в Лондон, что великий князь «никогда не будет иметь потомства»³³. Его преемник посол Хэнбери Уильямс доносил в июле 1755 года, что Петр Федорович не способен «не только править империей, но и обеспечить престолонаследие»³⁴. Рюльер добавлял: «Опытные люди неоспоримо доказывали, что нельзя было надеяться от него сей наследственной линии»³⁵. Из общего сонма выделяется донесение французского резидента в Гамбурге Луи де Шампо, который летом 1758 года удивил Версаль новыми сведениями: «Великий князь был не способен иметь детей от препятствия, устраняемого у восточных народов обрезанием, но которое он считал неизлечимым»³⁶.

Бессильную ярость Петр выплескивал на беззащитную жену, которая поневоле знала его «позорную» тайну. Тайна открылась только тогда, когда императрица Елизавета, устав ждать внука, приказала врачу освидетельствовать великокняжескую чету. А. М. Тургенев живо описал реакцию государыни, узнавшей о врачебном заключении: «Пораженная сею вестью как громовым ударом, Елизавета казалась онемевшею, долго не могла вымолвить слова. Наконец зарыдала»³⁷.

Между тем Екатерина не теряла времени. Возник и первый роман, пока эпистолярный, с Захаром Григорьевичем Чернышевым. С 1744 года тот служил камер-юнкером малого двора, но был удален всего пару недель спустя после высылки девицы Жуковой. Молодого человека, по ходатайству его собственной матери, отправили с дипломатической миссией в Регенсбург. Старая графиня Евдокия Ивановна Чернышева сказала императрице: «Я боюсь, что он влюбится в великую княгиню, он только на нее и смотрит, и когда я это вижу, я дрожу от страха, чтобы не наделал он глупостей»³⁸. Что ж, глупости были отсрочены на шесть лет. Осенью 1751 года Захар вернулся из армии, где командовал полком, и вновь увлекся великой княгиней. Только в конце Масленицы следующего года он отбыл обратно к войскам, увозя самые радужные воспоминания о

возлюбленной.

Сама Екатерина постепенно входила во вкус таких приключений. «Я нравилась, — писала она, — следовательно, половина пути к искушению была уже налицо... искушать и быть искушаемым очень близко одно к другому»³⁹. Иллюзию куртуазной игры необходимо было поддержать: ведь если великая княгиня любя одному, второму, третьему, значит, не правы ее муж и Елизавета, значит, плоха *не она*. Доказательство этого стало для Екатерины жизненной потребностью.

«Племянник мой — урод»

Вряд ли Елизавета Петровна узнала правду об интимной жизни великокняжеской четы так внезапно, как описывал Тургенев. В его зарисовке много театрального. Между тем и Владиславова, и даже сама Чоглокова докладывали государыне о деле прямо. Летом 1752 года, когда Екатерина приехала в Петергоф на один из куртагов, императрица выговорила обер-гофмейстерине, «что моя манера ездить верхом [помужски] мешает мне иметь детей». На это всегда заискивавшая перед августейшей кузиной Марья Симоновна вдруг ответила, «что дети не могут явиться без причины и что, хотя их императорские высочества живут в браке с 1745 года, а, между тем, причины не было»⁴⁰.

Что позволило госпоже Чоглоковой говорить столь дерзко? Только общеизвестность неприятного факта, его превращение в притчу во языцех. Услышав такие явно нежеланные слова, Елизавета рассердилась, выбранила Чоглокову за то, что та не пытается «усоветить» супругов. Вероятно, императрица не хотела увериться, что виновная сторона — племянник. Особенно на фоне его открытых ухаживаний то за одной, то за другой фрейлиной.

Возможно, наследник не хотел жены, но пошел бы на сближение с другой женщиной? Судя по дальнейшим действиям обер-гофмейстерины, она получила от государыни указания проверить подобное предположение. Была найдена красивая молодая вдова недавно умершего живописца Георга Христофора Гроота. В раннем варианте «Записок» Екатерины сказано: «Крайняя невинность великого князя сделала то, что ему должны были приискать женщину»⁴¹. Чоглокова «рассчитывала на большие награды» и говорила, «что империя ей обязана»⁴². Тем не менее Елизавета оставила хлопотливую даму без воздаяния. Видимо, полного «успеха» эксперимент

не дал.

Приходилось искать иные пути. То есть действовать через великую княгиню. Такое решение далось императрице нелегко, и она всячески отодвигала его от себя. Племянник был последним из потомков Петра Великого, на нем линия прерывалась. Пусть плохонький, придурковатый и не вызывавший особой любви — а все-таки родной. Екатерина же со всем своим здоровьем, красотой, умом и амбициями оставалась чужой и потому неприятной. Тот факт, что без нее нельзя было завести наследника, что только она могла оказать императорскому дому эту услугу, вовсе не располагал Елизавету в пользу невестки. Такая зависимость была оскорбительна.

Екатерина отмечала, что с середины 1750-х годов государыня даже в присутствии третьих лиц позволяла себе отзываться о племяннике в крайне уничижительном смысле: «У себя в комнате, когда заходила о нем речь, она обыкновенно заливалась слезами и жаловалась, что Бог дал ей такого наследника, либо отзывалась о нем с совершенным презрением и нередко давала ему прозвища, которых он вполне заслуживал». В доказательство своих слов Екатерина приводила сохранившиеся у нее записки Шувалову и Разумовскому, ближайшим государыне людям: «Проклятый мой племянник мне досадил как нельзя более... Племянник мой урод — черт его возьми».

Петр не просто разочаровал тетку. Он, как ей казалось, поставил крест на всем роду Романовых. После случившегося императрица «не могла пробыть с ним нигде и четверти часа, чтобы не почувствовать отвращения, гнева или огорчения»⁴³. Стоило Елизавете взглянуть на племянника, как на память приходило горе, которое он ей принес, и негодование поднималось со дна сердца. Не умея понять, что больной человек вовсе не виноват в своей болезни, государыня начала третировать Петра. Могло ли это изменить положение?

Так или иначе, уверившись в бесплодии великокняжеской четы, Елизавета вынуждена была принимать срочные меры. Как умудренная опытом женщина, она выбрала сразу два пути — на случай, если один не принесет успеха. Есть источники, подтверждающие, что императрица согласилась на операцию для цесаревича. По другим сведениям, через Чоглокову приказала великой княгине подыскать достойного кандидата на роль отца ее будущего ребенка.

«Чоглокова, вечно занятая своими излюбленными заботами о престолонаследии, однажды отвела меня в сторону и сказала: «Послушайте, я должна говорить с вами очень серьезно... бывают иногда положения высшего порядка, которые вынуждают делать исключения из

правил... Предоставляю вам выбрать между С[ергеем] С[алтыковым] и Л[ьвом] Н[арышкиным]»).

Оба названных камергера находились в прекрасных отношениях с великокняжеской четой. Но Лев Александрович Нарышкин, который часто смешил Екатерину до слез, был по складу характера род арлекина, способного зарабатывать на жизнь, выступая в цирке. Кандидатом стал молодой камергер Сергей Васильевич Салтыков, один из наиболее красивых кавалеров петербургского двора, недавно женившийся на фрейлине Матрене Павловне Балк. Их брак казался счастливым. Никаких внешних причин для сближения Екатерины и Салтыкова не было.

Однако Сергей имел одно важное преимущество перед многими кандидатами — он состоял в очень близком родстве с царствующей фамилией: всё потомство царя Ивана Алексеевича (рано скончавшегося брата Петра I) по женской линии происходило из рода Салтыковых. Важно отметить, что и второй предложенный великой княгине кавалер, Лев Нарышкин, тоже являлся родственником августейшего семейства: Нарышкиной была мать Петра I Наталья Кирилловна. Видимо, Елизавете Нарышкин казался предпочтительнее, так как он представлял родню Петра I и самой ныне здравствующей государыни, а не царя Ивана, царицы Прасковьи, императрицы Анны Ивановны и правительницы Анны Леопольдовны.

Екатерина понимала, что, получая приказания через Чоглокову, она тем не менее должна действовать на свой страх и риск. Надзиратели могли ненадолго закрыть глаза, но если интрига обнаружится, отвечать предстояло великой княгине. Подталкивая молодую женщину к преступной связи, Елизавета не переставала сердиться на нее. Вскоре после памятного разговора, на Пасху 25 апреля, государыня публично отослала от себя великокняжескую чету, не позвав за стол разговеться. «Я сочла это за знак явного недоброжелательства», — вспоминала Екатерина.

«Бес интриги»

Салтыков^[11], как и все окружавшие великокняжескую чету люди, являлся ставленником Бестужева. Канцлер нашел в нем способного ученика, схватывавшего всё на лету и не стеснявшегося в средствах. Подкуп слуг, лесть «тюремщикам» Екатерины, разыгрывание пламенной страсти — всё пошло в ход. «По части интриг он был настоящий бес», — признавалась императрица.

Крепость продержалась «всю весну и часть лета». Всё происходящее пугало великую княгиню, она сознавала, что зашла слишком далеко: «Тысячи опасностей смущали мой ум». Муж, обычно такой равнодушный, почувствовал угрозу и сказал в присутствии камер-лакеев: «Сергей Салтыков и моя жена обманывают Чоглокова, уверяют его, в чем хотят, а потом смеются над ним». Зимой 1752 года Екатерина почувствовала «легкие признаки беременности». С ней это происходило впервые, и, надо полагать, царевна догадалась о своем положении позже, чем опытный возлюбленный. Возможно, он посчитал свою миссию исполненной. «Мне показалось, что Сергей Салтыков стал меньше за мною ухаживать, — жаловалась женщина, — что он становился невнимательным, подчас фатоватым, надменным и рассеянным».

14 декабря двор отбыл в старую столицу. Ехали очень быстро, днем и ночью. На последней станции признаки беременности у великой княгини «исчезли при сильных резях. Прибыв в Москву и увидев, какой оборот приняли дела, я догадалась, что могла легко иметь выкидыш». Вероятно, тогда это и произошло, потому что более о своей первой беременности Екатерина не упоминала вплоть до наступления следующей — весной того же года. Знала ли императрица о произошедшем? Ее поведение по отношению к невестке позволяет сказать, что тетушка молчаливо срывала на ней злость. Вроде бы делать нечего, но и принять происходящее Елизавета не могла.

Месть выглядела мелочной. Великокняжескую чету поселили в деревянном флигеле дворца, построенном только осенью, а потому сыром: «вода текла с обшивок». Комнаты, выходившие на улицу, были отданы великой княгине, так что Екатерина оказалась как бы на проходном дворе, а ее спальня была последней в анфиладе, поэтому любой, кто заходил с улицы или выходил на нее, шел через спальню. Очень тонкий намек для толстой тетушки! В уборной великой княгини поместили еще 17 камер-юнгфер и камер-фрау, все они терпели страшную тесноту. Прямо под окнами расположили отхожие места для них. По малейшей нужде эти девушки и дамы должны были, конфузясь, идти мимо постели своей хозяйки.

В первые десять дней Екатерина была больна — видимо, тогда и случился выкидыш — и нуждалась в покое. А ее тайна — в сокрытии. Но нет, молодую женщину намеренно выставили напоказ. Ширмы, которыми она велела отгородить себя от прохода, ничего не меняли, потому что двери постоянно хлопали, а холодный воздух вместе с вонью из клоаки попадал внутрь. «Я не знаю, как эти семнадцать женщин, жившие в такой тесноте и

подчас болевшие, не схватили какой-нибудь гнилой горячки... — писала Екатерина, — и это рядом с моей комнатой, которая благодаря им была полна всевозможными насекомыми до того, что они мешали спать»⁴⁴.

Выкидыш показал, что дело не завершено. А встречаться на проходном дворе, где обитала великая княгиня, было невозможно. Влюбленным требовалась помощь. Именно теперь настал подходящий момент для того, чтобы Сергей мог сблизить свою даму и своего покровителя. «Мы согласились, что для уменьшения числа его (Салтыкова. — О. Е.) врагов я велю сказать графу Бестужеву несколько слов, которые дадут ему надежду на то, что я не так далека от него, как прежде».

Канцлер, по словам Екатерины, «сердечно этому обрадовался и сказал, что я могу располагать им каждый раз, как я найду это уместным», и «просит указать надежный путь, которым мы можем сообщать друг другу, что найдем нужным». Нетрудно догадаться, что связным был выбран Салтыков. На прощание Алексей Петрович сказал о великой княгине: «Она увидит, что я не такой бука, каким меня изображали в ее глазах». С этого момента началось реальное сближение канцлера с царевной. Оба шли на альянс охотно, готовые «всё простить», лишь бы обрести политическую опору.

Вскоре поддержка понадобилась Екатерине. В мае 1753 года появились новые признаки беременности. 30 июня Чоглокова позвала к великой княгине акушерку, которая предсказала выкидыш, случившийся на следующую ночь. 13 дней Екатерина оставалась в опасности, а потом еще шесть недель проболела. Петр тем временем предпочитал напиваться в своей комнате. Всё происходившее его унижало. «В этих ночных и тайных попойках великого князя со своими камердинерами... случалось часто, что великого князя плохо слушались и плохо ему служили, ибо, будучи пьяны, они... забывали, что они были со своим господином, что этот господин — великий князь; тогда Его императорское высочество прибегал к палочным ударам или обнажал шпагу, но, несмотря на это, его компания плохо ему повиновалась».

Эта сцена настолько психологически точна, что трудно обвинить Екатерину в выдумке. Человек, забывающий об уважении к себе, напиваясь со слугами, потом хочет заставить их слушаться, но уже не может, ибо они держатся с ним запанибрата. Он хватается за палку, пытаясь побоями добиться своего, но вместо желанной цели еще больше роняет авторитет. «Не раз он прибегал ко мне, жалуясь на своих людей и прося сделать им внушение, — продолжала Екатерина, — тогда я шла к нему и выговаривала им всю правду, напоминая им об их обязанностях, и тотчас же они

подчинялись».

Конечно, в этих словах много самолюбования. Однако мы знаем, что Екатерина действительно умела подчинять себе окружающих. Что же до Петра, то дальнейшее показало: он и правда не мог заставить себе повиноваться. В такие моменты великий князь становился жалок.

Униженный романом жены, он попытался действовать. Но не сам, а возбудив ревность Чоглокова: бедняга обер-гофмейстер с некоторых пор был влюблен в Екатерину⁴⁵. Во время одного из летних балов в Люберцах, новом имении великого князя, Петр отозвал обер-гофмейстера в сторону и сказал, что «сейчас даст ему явное доказательство своей откровенности; он знает, без всякого сомнения, что Чоглоков влюблен в меня... но что он должен его предупредить...» Далее шел рассказ о плутнях великой княгини. Во всем этом столько внутренней человеческой слабости, отсутствия самоуважения, что впору оставить поступок наследника без комментариев. Но разве в нем не заметно крайнее неравнодушие к Екатерине?

Новые друзья

В то самое время, когда Бестужев пошел на сближение с великой княгиней, другая группировка при дворе пыталась нащупать почву для союза с наследником. Оказывала ему услуги, поднимала шум из-за унижительной проверки, которую пытались подстроить люди канцлера. Такое поведение Шуваловых свидетельствовало, что они определились на будущее и решили связать свою судьбу с Петром Федоровичем. Нервируемая наветами с разных сторон, Елизавета предпочла сначала поддаться влиянию Бестужева, ибо он предлагал дело — во что бы то ни стало обеспечить престолонаследие. Но благодушие императрицы не могло быть долгим. Она никогда не поддерживала один и тот же лагерь до конца.

В феврале 1754 года у Екатерины появились признаки новой беременности. Однажды, когда великий князь в сопровождении кавалеров малого двора поехал кататься, доложили о прибытии императрицы. Великая княгиня со всех ног кинулась встречать государыню. Во время визита Елизавета с полчаса поговорила о «ничего не значащих вещах», бросая вокруг подозрительные взгляды, и удалилась. Услышав об этом, Салтыков заметил: «Я думаю, что императрица приходила посмотреть, что вы делаете в отсутствие вашего мужа». Дабы убедить недоброжелателей в полной невинности Екатерины, «бес интриги», бывший в то время на

прогулке с великим князем, взял с собой всех кавалеров малого двора, «как есть с ног до головы в грязи», и направился с ними к Ивану Шувалову, якобы с целью рассказать о поездке. Они мило побеседовали, но по вопросам, которые задавал фаворит, Сергей понял, что его подозрения были верны.

Итак, чего добивалась Елизавета Петровна? Ведь она сама подтолкнула молодую женщину к связи с Салтыковым. Зачем же было внезапным приездом пытаться застать влюбленных на месте преступления? Спектакль, который разыгрывала императрица, был рассчитан не на Екатерину, а на Шуваловых. Последние ничего не ведали о договоренностях государыни с Бестужевым, и Елизавета не считала нужным им об этом сообщать. Шуваловы старались внушить императрице подозрения зимой 1754 года, когда дело шло к благополучной развязке — новая беременность не обещала выкидыша.

Чтобы на время усыпить их бдительность, Елизавета поехала. Она ничем не рисковала, так как ей было известно, кто сопровождает Петра Федоровича (племянник и его супруга могли покидать дом только по личному разрешению императрицы). Формальность была соблюдена, преступники не пойманы. Злопыхателям надлежало замолчать.

Возникает вопрос: что заставляло государыню разыгрывать столь жалкую роль? Неужели она так зависела от клана Шуваловых? Мы уже заметили, что Елизавета никогда полностью не становилась на сторону той или иной партии. Их противостояние усиливало ее собственные позиции, а преобладание то одной, то другой позволяло избирать относительно независимый курс и решать насущные проблемы. Зимой 1754 года обе группировки были исключительно важны для императрицы — наступил период своеобразного равновесия сил.

Еще в мае 1753 года Бестужев представил государыне меморандум, доказывавший предпочтительность альянса с «естественным и нужным союзником» — Англией. Убеждая Елизавету, что ее трудами будет достигнуто спокойствие Европы, а конвенция с Великобританией доставит ей «всемирную и громкую славу», канцлер на деле склонял монархиню к очередной договоренности о субсидиях. Тяжелое положение русских финансов заставляло императрицу соглашаться с предложением Алексея Петровича. Осенью 1753 года канцлер сообщил британским коллегам, что Россия желает иметь три миллиона датских флоринов (около 300 тысяч фунтов стерлингов) за предоставление 55-тысячного корпуса. Предполагалось, что эти войска будут защищать Ганновер, курфюрстом которого оставался Георг II.

Тем временем партия Шуваловых ратовала за восстановление отношений с Францией, виновником разрыва с которой считали лично канцлера. Параллельно с переговорами об английских субсидиях шли тайные консультации о сближении с Парижем. Елизавета пока никак не участвовала в них, но позволяла группировке фаворита наводить мосты. Еще в ноябре 1752 года путешествовавший по Европе обер-церемониймейстер русского двора граф Санти доносил о своих встречах в Фонтенбло с банкиром Исааком Бернетом, крупнейшим кредитором версальского кабинета. Тот интересовался, «склонился ли б наш Императорский дом принять от них нового министра и к отправлению своего взаимно во Францию». Конечно, Вернет задавал подобные вопросы не по личной инициативе.

Из Петербурга прощупать почву был отправлен владелец галантерейного магазина некто француз Мишель, сыгравший роль агента секретной дипломатии. Он дважды, в 1753 и 1754 годах, посетил Францию и попытался убедить министерство иностранных дел в желании Елизаветы Петровны восстановить отношения с Людовиком XV. Говорил Мишель не от имени императрицы, а ссылаясь на мнение своих влиятельных клиентов, недругов канцлера, — Петра и Ивана Шуваловых и Михаила Воронцова⁴⁶.

Петербург еще колебался в выборе партнеров. Пока шли переговоры о субсидии и Бестужев непрерывно повышал ставки, Елизавете было невыгодно отказываться от его услуг. В марте 1754 года обсуждали уже сумму в 500 тысяч фунтов стерлингов, канцлер умел торговаться. В то же время и осторожные шаги Шуваловых в сторону Франции крайне интересовали государыню. Поэтому императрица поддерживала у обеих группировок иллюзию их преимущественного влияния на дела. Клану фаворита она показывала, что Бестужев не пользуется ее доверием. А с канцлером разделяла хлопоты об английских деньгах и интригу вокруг малого двора.

Вскоре, однако, Шуваловы начали брать верх. В апреле скончался Чоглоков. Его смертью воспользовались, чтобы в который раз произвести ротацию при малом дворе. Таких кардинальных перемен не случилось с памятного 1746 года. К великому князю был назначен Александр Иванович Шувалов, двоюродный брат фаворита и начальник Тайной канцелярии.

«Я осталась одна на родильной постели»

«Этот Александр Шувалов, не сам по себе, а по должности, которую

он занимал, был грозою всего двора, города и всей империи, — писала Екатерина. — ...Его занятия, как говорили, вызвали у него род судорожного движения, которое делалось у него по всей правой стороне лица, от глаза до подбородка, каждый раз, как он был взволнован радостью, гневом, страхом или боязнью»⁴⁷.

Иногда исследователи трактуют приход Александра Ивановича к малому двору как дальнейшее наступление на права великокняжеской четы — создание домашнего филиала грозного ведомства. Это не совсем справедливо. Вернее, справедливо только в отношении Екатерины. С той минуты, когда за обоих супругов взялись разные придворные партии, их судьбы следует разделять. Шуваловы уже оказывали Петру некоторые услуги, и с появлением Александра Ивановича вместо Чоглокова цесаревич должен был почувствовать себя вполне уютно.

А вот Екатерина попала в крайне неприятный переплет. Бестужев не обладал уже прежней властью. Сергей Салтыков теперь не мог даже приблизиться к великой княгине. У Елизаветы больше не было причин терпеть его присутствие возле невестки — беременность развивалась отлично, вскоре молодая дама должна была родить.

Императрица бросила Шуваловым жирную кость — новое назначение сближало клан фаворита с наследником. В Тайной канцелярии продолжалось следствие по делу Батурина, способное если не утопить Петра Федоровича, то сильно повредить ему. Александр Иванович заметно медлил с завершением этого щекотливого процесса. Таким образом, наследник, с одной стороны, оказался у него в руках, а с другой — под его защитой. Самое малое, на что рассчитывали опытные придворные, — благодарность будущего государя. А пока возможность управлять им.

Для этого нужен был не только кнут, но и пряник — не одна угроза разоблачения, но и приятные великому князю услуги. Прежде Петр выпрашивал у старого обер-гофмейстера удаления Салтыкова. Александр Шувалов добился этого одним фактом своего присутствия при малом дворе.

Описание родов выглядит в «Записках» Екатерины весьма трагично: «Я очень страдала, наконец, около полудня следующего дня, 20 сентября, я разрешилась сыном. Как только его спеленали, императрица ввела своего духовника, который дал ребенку имя Павла, после чего тотчас же императрица велела акушерке взять ребенка и следовать за ней. Я оставалась на родильной постели, а постель эта помещалась против двери... Сзади меня было два больших окна, которые плохо затворялись... Я много потела; я просила... сменить мне белье, уложить меня в кровать;

мне сказали, что не смеют. Я просила пить, но получила тот же ответ»⁴⁸. Возможно, такое равнодушие к судьбе роженицы объяснялось тем, что от великой княгини хотели избавиться. Вспомним, что именно от сквозняка после родов умерла мать Петра Федоровича — принцесса Анна. Однако крепкий молодой организм выдержал.

Екатерина получила острые ревматические боли в левой ноге и «сильнейшую лихорадку». Врачи ее не посещали. Ни императрица, ни великий князь не справлялись о здоровье. Елизавета Петровна, всецело занятая младенцем, думать забыла о невестке. А окружавшие ее придворные не напоминали, боясь разгневаться. «Его императорское высочество со своей стороны только и делал, что пил с теми, кого находил»⁴⁹. Пил Петр явно не с горя. Появление Павла, вне зависимости от унижительных для наследника толков, было для него событием важным. Оно одним махом устраняло угрозу перехода голштинских земель к Дании по тайному договору с дядей Адольфом. В этом вопросе Екатерина оказала мужу большую услугу.

Недаром первое же известие о появлении на свет Павла «счастливый отец» отправил именно шведскому королю Адольфу Фредерику: «Сир! Не сомневаясь, что Ваше величество рождение великого князя Павла, сына моего... принять изволите за такое происшествие, которое интересует не меньше сию империю, как и наш герцогский дом»⁵⁰. Это письмо, сочиненное в самых дружественных выражениях, было послано сразу же после рождения Павла, день в день — 20 сентября 1754 года. Нетерпение Петра Федоровича нетрудно понять. Адольф терял права на Голштинию, а его сделка с Копенгагеном насчет Ольденбурга оказывалась недействительной.

Больной голштинский вопрос заставил Петра скрепя сердце согласиться с тем, что маленького Павла называли его сыном. Показательно, что второе письмо о появлении наследника Петр отправил датскому королю Фредерику V — другому заинтересованному в сделке лицу. Оно тоже датировано 20 сентября. Извещения иным дворам отставали на несколько дней. Но главные стороны спора из-за Голштинии получили «поздравления» с крушением своих надежд немедленно⁵¹.

После крестин великая княгиня получила подарок: императрица сама вошла в ее спальню и преподнесла невестке на золотом блюде чек на сумму 100 тысяч рублей. Однако Екатерине не досталось из них ни копейки. «Великий князь... пришел в страшную ярость оттого, что ему ничего не дали». Шувалов сказал об этом Елизавете, «которая тотчас же послала

великому князю такую же сумму... для этого и взяли у меня в долг мои деньги»⁵².

Приглядимся повнимательнее к этой сцене. Елизавета в первом движении души одарила невестку, «забыв» о племяннике. Тем самым она только подчеркнула свое отношение к его «отцовству». На ее взгляд, награждать Петра было не за что. Но такой поступок подрывал его реноме. Нужно было делать хорошую мину при плохой игре и не подавать дополнительного повода для пересудов. Поэтому Александр Шувалов, взявшийся донести императрице о возмущении наследника, был, без сомнения, прав. Сумму можно было разделить. Но у Екатерины ее просто отняли.

29 июня — Петров день, общие именины наследника Петра Федоровича и маленького великого князя Павла Петровича, — императрица приказала отметить в Ораниенбауме. «Она не приехала туда сама, — вспоминала Екатерина, — потому что не хотела праздновать... она осталась в Петергофе, там она села у окна, где, по-видимому, оставалась весь день, потому что все, приехавшие в Ораниенбаум, говорили, что видели ее у этого окна»⁵³.

Елизавета не сумела пересилить себя. На сердце у государыни было ненастно. Именины Петра Великого, ее державного отца, и, как бы в насмешку, — недостойного наследника, а в придачу чужого ребенка. Линия Петра I прервалась. Что же праздновать?

Откровения Шампо

Салтыков был назначен отвезти известие о рождении Павла в Стокгольм. Екатерина узнала об этом только на 17-й день. Любовникам даже не дали попрощаться. Вскоре о роли красавца Сергея в появлении наследника узнали все европейские дворы.

Дипломаты никогда не оставались в стороне от династических тайн. Однако их мнения разделились. Сначала отцом Павла все называли «молодого россиянина»⁵⁴. Но в 1758 году в Париж пришло донесение французского резидента в Гамбурге Луи де Шампо. Именно в Гамбурге пребывал в это время с дипломатической миссией Сергей Салтыков, и рассказ Шампо, позволяющий сделать вывод, что отцом Павла был все-таки великий князь, следует рассматривать как намеренно организованную русским двором «утечку» информации. Ведь законность наследника,

оспариваемую негласно, на уровне депеш с пикантными историями, точно так же негласно следовало и подтвердить. То, что сведения пришли от одного из главных фигурантов дела — самого Салтыкова, — повышало доверие к ним.

Еще в июне 1755 года Екатерина получила неприятное известие: «Я узнала, что поведение Сергея Салтыкова было очень нескромно, и в Швеции, и в Дрездене... он, кроме того, ухаживал за всеми женщинами, которых встречал». Обратим внимание, что Екатерина разделяла «нескромное поведение» и «ухаживание за всеми женщинами». Что может быть более нескромного, чем измена? Рассказ о тайнах прежней возлюбленной! В ранней редакции Екатерина добавляла: «Этим подвергли меня пересудам всего света»⁵⁵.

Надо полагать, что «нескромные» откровения Салтыкова, с которыми познакомились дипломаты в Швеции и Германии, и были зафиксированы Шампо. Его донесение хранилось в архиве министерства иностранных дел Франции и было впервые полностью приведено К. Валишевским, а чуть ранее В. А. Бильбасовым, правда, с неизбежными цензурными пропусками.

«Салтыков, первое время находивший для себя большое счастье в том, что обладает предметом своих мыслей, вскоре понял, что вернее было разделить его с великим князем, недуг которого был, как он знал, излечим», — писал Шампо. Тот факт, что Сергей действительно пытался склонить Петра Федоровича к операции, отмечала и Екатерина. В редакции, посвященной Понятовскому, она сообщала: «Салтыков... побуждал Чоглокова предпринять то, на что он уже составил свой план, заставив ли великого князя прибегнуть к медицинской помощи или как иначе»⁵⁶.

Благодаря стечению благоприятных обстоятельств (у Шампо явно неправдоподобных — светский разговор с Елизаветой Петровной на балу) удалось добиться от императрицы согласия на врачебное вмешательство. «Салтыков тот час же начал искать средства, чтоб побудить великого князя... дать наследников... Он устроил ужин с особами, которые очень нравились великому князю, и в минуту веселья все соединились для того, чтобы получить от князя согласие. В то же время вошел Бургав с хирургами, и в минуту операция была сделана вполне удачно».

Однако вскоре «стали много говорить о его (Салтыкова. — О. Е.) связи с великой княгиней, — продолжал Шампо. — Этим воспользовались, чтобы повредить ему в глазах императрицы». Неудовольствие Елизаветы Петровны поведением великой княгини проявилось публично. Государыня сказала, что «как только великий князь выздоровеет настолько, чтобы жить

со своей женой, она желает видеть доказательства того состояния, в котором великая княгиня должна была оставаться до сего времени».

У истории Шампо любопытный финал: «Между тем наступило время, когда великий князь мог жить с великой княгиней. И так как, будучи задет словами императрицы, он пожелал удовлетворить ее любопытство... утром после брачной ночи отослал государыне в собственноручно запечатанном ларце доказательства благоразумия великой княгини, которые Елизавета желала иметь»⁵⁷.

В чем состояла информация, которую «бес интриги» пытался навязать дипломатам в Швеции и Германии, а через них — во Франции? Он утверждал, что был близок с великой княгиней, но не потревожил ее девства, что склонил Петра Федоровича к операции и тем самым обеспечил законного наследника российскому престолу. Насколько эти сведения соответствовали реальности? Верил ли им кто-нибудь?

Согласно версии, которую русский двор устами Салтыкова внушал за границей, Петр Федорович страдал фимозом (от греч. «phimosis» — сжатие) — сужением отверстия крайней плоти — болезнью известной и не заключавшей большой проблемы для тогдашних хирургов. Была ли хворь врожденной или появилась в результате перенесенной оспы, теперь сказать трудно. При фимозе половое общение не невозможно, а только затруднено, поэтому Петр не испытывал особого желания исполнять супружеские обязанности. Но и пойти на операцию ему было сложно: он боялся крови.

Противоречит ли приведенная информация мемуарам Екатерины? Существует расхожее мнение, будто императрица в «Записках» отрицала отцовство мужа. Такое представление основано на невнимательном прочтении. Государыня никогда прямо не называла Салтыкова отцом Павла, она была для этого слишком умна и осторожна. Подобное признание ставило ее саму в крайне опасную ситуацию. На страницах воспоминаний Екатерина так ловко запутывала читателя описаниями своих беременностей и выкидышей, что выявить из текста истину практически невозможно.

Вероятно, великая княгиня сначала и сама точно не знала, кто настоящий отец Павла. Лишь с возрастом в сыне проявились черты, объединявшие его с Петром III. Петр Федорович передал мальчику многое из своей крайней психической неуравновешенности. К несчастью, и отцу и сыну она стоила жизни.

Однако в 1754 году даже сам великий князь считал, что «виновником торжества» является Салтыков. Во всяком случае, после рождения сына он перестал спать в постели жены. Такой шаг был для него символическим: он

покинул супружеское ложе как бы в знак протеста. «В первые девять лет нашего брака он никогда не спал нигде, кроме моей постели, — вспоминала Екатерина, — после чего он спал на ней лишь очень редко, особенность, по-моему, не из очень ничтожных»⁵⁸.

Примечания к разделу

¹ Мардефельд А. фон. Записка о важнейших персонах при русском дворе И Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 274.

² Финкенштейн К. фон. Общий отчет о русском дворе. 1748 // Там же. С. 295.

³ Мардефельд А. фон. Указ. соч. С. 275.

⁴ Финкенштейн К. фон. Указ. соч. С. 296.

⁵ Мыльников А. С. Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2002 (серия «ЖЗЛ»). М., 2002. С. НО.

⁶ Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 190–192.

⁷ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 332.

⁸ Там же. С. 331.

⁹ Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 194.

¹⁰ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 332.

¹¹ Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 189.

¹² Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Т. 1. СПб., 1890. С. 334.

¹³ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 331.

¹⁴ Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 192.

¹⁵ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 332.

¹⁶ Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 192–193.

¹⁷ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 332.

¹⁸ Там же. С. 325–326.

¹⁹ Екатерина II. Записки // «Слово». 1989. № 2. С. 85.

²⁰ Там же.

²¹ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 328.

²² Екатерина II. Записки // «Слово». 1989. № 2. С. 87.

²³ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 330.

²⁴ Там же. С. 343–344.

²⁵ Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 193–194.

²⁶ Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 51.

²⁷ Тургенев А. М. Записки // Былое. Пг., 1919. № 14. С. 79.

- ²⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 108.
- ²⁹ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 51.
- ³⁰ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 694.
- ³¹ Иванов О. А. Павел — Петров сын? // Загадки русской истории XVIII в. М., 2000. С. 153–248.
- ³² Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 36.
- ³³ Сборник Русского исторического общества (далее: Сб. РИО). Т. ПО. С. 331.
- ³⁴ Там же. С. 36.
- ³⁵ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 51.
- ³⁶ Валишевский К. Роман одной императрицы. М., 1989. С. 10.
- ³⁷ Тургенев А. М. Указ. соч. С. 82.
- ³⁸ Екатерина II. Записки // «Слово». 1988. № 9. С. 87.
- ³⁹ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 445.
- ⁴⁰ Там же. С. 332.
- ⁴¹ Там же. С. 495.
- ⁴² Там же. С. 334.
- ⁴³ Там же. С. 447.
- ⁴⁴ Там же. С. 362.
- ⁴⁵ Там же. С. 336.
- ⁴⁶ Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 85–87.
- ⁴⁷ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 376.
- ⁴⁸ Там же. С. 378.
- ⁴⁹ Там же. С. 378–379.
- ⁵⁰ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 172.
- ⁵¹ Там же. С. 173.
- ⁵² Там же. С. 382.
- ⁵³ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 375.
- ⁵⁴ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 52.
- ⁵⁵ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 496.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Валишевский К. Указ. соч. С. 31.
- ⁵⁸ Екатерина II. Записки // «Слово». 1989. № 2. С. 87.

Глава шестая

НОВЫЙ СТАТУС

Появление у великокняжеской четы сына создало новую политическую реальность, с которой должны были считаться и императрица, и представители крупнейших придворных партий. Теперь, размышляя о будущем, они выбирали не из двух вариантов: Петр Федорович или Иван Антонович в качестве преемника Елизаветы, — а из трех. Появлялся новый центр притяжения — маленький царевич Павел.

Внучатого племянника могла назначить своим наследником сама государыня, а могли вознести наверх непредвиденные обстоятельства, вроде дворцового переворота или закулисной договоренности сильнейших группировок.

Но пока августейший младенец пребывал в пеленках, ключевым вопросом становилась кандидатура регента на случай смерти Елизаветы. Или даже регентов — нескольких лиц, управляющих страной от имени несовершеннолетнего императора. Таковым имела шанс стать либо мать, великая княгиня Екатерина Алексеевна, либо кто-то из влиятельных сановников, например, фаворит Иван Иванович Шувалов. Колебания глав придворных кланов, решавших, чью сторону занять, во многом определили неровную, полную драматизма историю следующих семи лет.

«Глава очень большой партии»

В схватке за корону никогда не существовало единства семьи, где один за всех и все за одного. Напротив, с самого начала наметилось два альянса: Петр и Екатерина, Екатерина и Павел. Великая княгиня фигурировала в обоих. Как бы ни решился спор, обойти ее было невозможно — она стала слишком популярной фигурой и в конечном счете вытеснила возможных партнеров.

Если раньше великая княгиня признавалась: «Я никогда не бывала без книги и никогда без горя, но всегда без развлечений»¹, - то после родов ее настроение изменилось. Ей надоела роль жертвы. То ли притеснители перегнули палку, то ли поддержка канцлера укрепила самооценку молодой женщины. «Я решила дать понять тем, которые мне причинили столько

различных огорчений, что от меня зависело, чтобы меня не оскорбляли безнаказанно... Вследствие этого я не пренебрегала никаким случаем, когда могла бы выразить Шуваловым, насколько они расположили меня в свою пользу... Я держалась очень прямо, высоко несла голову, скорее как глава очень большой партии, нежели как человек униженный и угнетенный»².

Что вызвало подобную перемену? Рюльер писал, что новый образ действий Екатерине помог выбрать английский посланник, «который осмелился ей сказать, что кротость есть достоинство жертв... поелику большая часть людей слабы, то решительные из них одерживают первенство; разорвав узы принуждения... она будет жить по своей воле»³. Сэр Чарльз Хэнбери Уильямс (Генбюри Вильямс) прибыл в Россию весной 1755 года. Он работал с Бестужевым над субсидной конвенцией и быстро вошел в круг доверенных лиц царевны.

Вскоре Екатерина поняла, что в новом положении — матери наследника — она имела куда больший государственный вес, чем раньше. Перед ней начинали заискивать в надежде на будущее. Ее расположения добивались. Угождая императрице, чье здоровье день ото дня становилось хуже, придворные в то же время не забывали сделать лишний реверанс в сторону великой княгини — восходящей звезды. «Ее и любят, и уже опасаются»⁴, — писал 11 апреля 1756 года Уильямс.

Многоопытный канцлер Бестужев нашел в лице Екатерины талантливую ученицу. Их общими врагами стали Шуваловы. Именно против них великая княгиня ополчилась в первую очередь, создав за счет общей неприязни к клану фаворита нечто вроде своей партии. «Шуваловы сначала не знали, на какой ноге плясать»⁵, — с удовольствием отмечала она.

Легче всего оказалось собрать сторонников против общего врага. Поскольку семейству молодого фаворита завидовали, а два его кузена успели обидеть многих, то неприязнь к Шуваловым послужила благодатной почвой для агитации. Великая княгиня в данном случае возглавила общественное мнение. Вокруг нее стали собираться недовольные. Это не была по-настоящему влиятельная и сплоченная группировка. Скорее летучий отряд, сильный всеобщим одобрением. Царевна фактически создала группу поддержки из воздуха. Обрушиваясь на могущественных врагов, она тем самым набивала себе цену.

Но Екатерина не могла не понимать, что с Шуваловыми шутки плохи. Е. В. Анисимов удачно назвал Петра и Александра Ивановичей «братьями-

разбойниками». Они сделали ставку на ее мужа и всячески старались вывести Петра из-под влияния жены. У Бестужева был к неприятелям свой счет.

Дела с субсидной конвенцией продвигались не шибко. Обе стороны — и русская, и английская — старались дать поменьше, а выиграть побольше. Неуязвимая на островах, Британия обладала настоящей ахиллесовой пятой в центре Европы — Ганновером. Любопытно, что старинные партнеры — лондонский и петербургский кабинеты — в середине XVIII века столкнулись с одной и той же геополитической проблемой — необходимостью увязывать интересы своих могущественных держав со слабым, но стратегически важным клочком земли в Германии.

Советуя Елизавете Петровне обменять Голштинию или даже вовсе отказаться от нее, Бестужев не раз называл герцогство Петра Федоровича «русским Ганновером». Таким образом канцлер намекал на явное предпочтение, которое король Георг II питал к немецким владениям по сравнению с самой Англией, и предвещал нечто подобное у наследника русского престола. Он не ошибся. Любопытно, что с тех же позиций в Лондоне выступал лидер вигов (будущей либеральной партии) Уильям Питт-старший, который прямо заявлял в парламенте: «Британская внешняя политика должна измеряться не германским, а британским стандартом»⁶.

Проблема, обсуждавшаяся в Англии открыто, в России была уделом перешептывания и тайного недовольства. В грядущей большой войне, дыхание которой уже ощущалось, каждой из стран следовало определиться с союзниками. Долгие годы в Лондоне исходили из того, что на Ганновер нападет Фридрих II, поддержанный Францией, которая станет беспокоить заморские владения соперницы. Следовательно, Англия нуждалась в помощи Австрии и России.

Это вполне отвечало представлениям Петербурга. Здесь готовы были предоставить войска за деньги при условии, что их употребят против общего врага — Пруссии. Иными словами, императрица хотела и получить крупное финансовое вливание, и сохранить право выбора противника. Такое требование казалось партнерам чрезмерным — кто платит, тот и заказывает музыку.

Кроме того, Бестужев настаивал на выдаче 400 тысяч фунтов стерлингов еще в мирный период⁷. Канцлер, как всегда, хитрил: содержание армии в пределах страны обходилось куда дешевле, чем за рубежом. Разницу желательно было положить в карман. На худой конец «поделиться» с государыней, внушив ей, что за счет неистраченных денег

можно частично покрыть дефицит казны. Последняя пребывала в плачевном состоянии. Иностранные министры не раз доносили из Петербурга о бедственном положении русских финансов: «Капитала запасного нет; те миллионы, которые казне приобретены — издержаны; умноженные доходы истощены; пожалованные займы миллионы — тоже»⁸.

Финкенштейн сокрушался: «Самой Императрице порой денег недостает на ежедневные траты»⁹. С зимы 1742 года казна фактически опустела¹⁰. Мардефельд сообщал в Потсдам о том, что офицеры не получали жалованья, Военная коллегия израсходовала все средства, а Адмиралтейство еще и влезло в долги на 50 тысяч рублей. К 1746 году положение стало катастрофическим: купцы отказывались поставлять товары в кредит, пенсии и оклады не выдавались. Яркий штрих: по словам прусского посла, отставки попросил «главный дворецкий Фухс», поскольку ему не на что было закупать провизию для императорского стола.

Отчасти поправить ситуацию помогла англо-русская субсидная конвенция 1747 года. Однако состояние казны оставалось плачевным. Подушный налог приносил пять миллионов рублей. Винные откупа — два миллиона. Еще миллион — таможенные сборы. Торговля — всего 1 миллион 538 тысяч, и 120 тысяч — продажа гербовой бумаги. Но еще до поступления в казну эти деньги, судя по всему, раскрадывались. Данные о доходах приходили с опозданием на пять лет. Сила того или иного министра измерялась его умением выбить бюджеты для своего ведомства. Армия пожирала до шести миллионов в год — что кажется слишком крупной суммой, если учесть хроническую невыплату офицерского довольствия. Вероятно, деньги прилипали к рукам высших военных чиновников. Бухгалтерский учет велся нерегулярно. К концу царствования государственный долг составлял 8 147 924 рубля¹¹.

Неудивительно, что население предпочитало не пускать деньги в оборот, а прятать их по чулкам на черный день. Благодаря этому из обращения ежегодно изымалось около миллиона рублей. Рынок был наводнен фальшивыми копейками, изготовлявшимися в Саксонии. Из 35 миллионов рублей, отчеканенных с 1712 по 1746 год, в обращении осталось только три. Остальные 32 миллиона оказались надежно схоронены в кубышках. Всё это не говорило ни о здоровье финансовой системы, ни об уверенности в будущем. Судя по всему, верноподданные Елизаветы Петровны со дня на день ожидали светопреставления.

Как и в 1747 году, Бестужев советовал выйти из положения за счет

субсидии иностранного двора. Императрица склонялась к его мнению. Но за устройство подобного договора британской стороне предстояло заплатить всем заинтересованным лицам: не только канцлеру, но и вице-канцлеру Воронцову, Разумовским, возможно, группировке Шуваловых, а если удастся, то и самой государыне. Таким образом, Англии пришлось бы потратить куда больше денег, чем указывалось в договоре, причем еще на этапе его подписания и ратификации. Подобную систему Питт-старший называл «дикий» и способной навлечь «банкротство на Великобританию»¹².

Шуваловы предложили другой путь покрытия государственных расходов. Старшего из «братьев-разбойников», Петра Ивановича, можно было бы назвать настоящим «прибыльщиком» в петровском смысле слова. Он постоянно изобретал новые налоги, откупа и монополии, за счет которых сокращался дефицит бюджета, а собственные карманы раздувались от звонкой монеты.

Не было такого ругательства, которым не наградил бы графа-прожектера желчный князь М. М. Щербатов, автор памфлета «О повреждении нравов в России». «Изверг», «чудовище», «опричник», «гонитель», «исполненный многими пороками», автор «развратных предприятий». Среди которых, между прочим, числились: отмена внутренних таможен, значительно оживившая торговлю, перевооружение русской артиллерии дальнобойными «шуваловскими» гаубицами и единорогами, попытки провести Генеральное межевание и создать новое Уложение. Два последних мероприятия не удались из-за колебаний Елизаветы Петровны, к ним вернулись в царствование Екатерины II. Однако их необходимость осознавалась и отстаивалась Петром Ивановичем уже в 1750-х годах. Беззастенчивый вор, он был в то же время неутомимым работником, фонтанировавшим идеями. Составитель косноязычных проектов, граф мыслил ясно и с замахом на будущее¹³.

Этими качествами старший из братьев Шуваловых очень напоминал Бестужева — своего заклятого врага. Без таких людей несмазанная телега елизаветинского правительства вообще не сдвинулась бы с места, тем более что августейшая возница норовила заснуть на облучке. Чеканка облегченной серебряной монеты, введение монополий, выбивание денег из хозяев незаконных питейных заведений позволили к середине 1750-х годов несколько поправить состояние казны. Эти мероприятия иногда называют «шуваловскими реформами», однако по сути они были мерами фискального характера.

В лице старшего из «братьев-разбойников» канцлер встретил непримиримого врага субсидной конвенции. Не потому что английские деньги казались графу вредны для государственных интересов России, а потому, что сам Петр Иванович не стоял у золотоносного источника в числе первых и получил бы мало. Шуваловым следовало искать другого донора и вовремя занять место «на раздаче». Поэтому партия фаворита усиленно прощупывала почву для переговоров с Францией и всячески тормозила английский проект.

«Отвращение от дел»

В начале марта 1755 года посланник Гай Диккенс с раздражением писал в Лондон: «В течение нескольких месяцев у царицы не нашлось свободной минуты, чтобы заняться делами». Если прежде Елизавета Петровна оставляла важные бумаги без резолюций и даже не знакомилась с ними, поскольку много времени проводила на балах и охотах, то теперь она всё реже покидала внутренние покои, доступ куда был заказан для большинства должностных лиц.

Как позднее замечал секретарь французского посольства Жан-Луи Фавье, «годы и расстроенное здоровье отразились также и на нравственном состоянии императрицы. Любовь к удовольствиям и шумным празднествам уступила в ней место расположению к тишине и даже к уединению, но не к труду... Для нее ненавистно всякое напоминание о делах, и приближенным нередко случается выжидать по полугоду удобной минуты, чтобы склонить ее подписать указ или письмо»¹⁴.

Бестужеву приходилось лгать британскому партнеру, придумывая массу отговорок и объяснений, почему ее величество никак не рассмотрит документы, присланные из Лондона. Этот хитроумный проныра, трудившийся дни и ночи напролет (если не впадал в запой), вынужден был притворяться сибаритом. «Отвращение великого канцлера к делам столь же глубоко, как и у императрицы», — жаловался Диккенс. 25 марта, отвечая на понукания из Лондона, дипломат оправдывался: «Всё как будто замерло, поелику кредит великого канцлера падает, а императрица всё более и более отвращается от дел». Елизавете мешали то религиозные праздники, то хвори. «Не может же императрица всю жизнь простоять на коленях!»¹⁵ — возмущался Диккенс по поводу Великого поста, когда государыня воздерживалась от работы как от скоромного.

Документы к государыне носил на подпись Иван Шувалов. Канцлер оказался без рук, монархиня стала для него недосягаема.

В это самое время на петербургской сцене появился новый актер, изрядно испортивший кровь великой княгине. Это был голштинский камергер Брокдорф, принятый Петром Федоровичем очень ласково. Когда-то его прогнали от себя Брюмер и Бехгольц, считая плутом, но недоброжелательство бывших воспитателей служило в глазах наследника лучшей порукой. Камергерский ключ давал Брокдорфу право посещать покои царевича — герцога Голштинского. Бывая при малом дворе, он быстро оценил обстановку и понял, что за влияние на Петра борются две силы — умная, честолюбивая жена, которую трудно обвести вокруг пальца, и могущественные Шуваловы, которым можно предложить услуги.

Незванный гость из Киля изображен в мемуарах Екатерины с такой неприязнью, что можно не сомневаться: Брокдорф действительно стал для нее кровавой мозолью в башмачке¹⁶. Проныра быстро нашел путь к Петру Шувалову, используя при этом сводника и трех девиц-немок, оказывавших графу интимные услуги. В непринужденной обстановке составил домашний комплот. Старший из «братьев-разбойников» заверил голштинца в своей преданности великому князю и пожаловался на царевну. Камергер взялся передать его слова наследнику. Заметим исключительную ловкость Брокдорфа: перед Шуваловым он выступил в роли доверенного лица царевича, а Петру Федоровичу назвался связующим звеном с главой шуваловской партии. И это едва прибыв в Россию! Действительно, плут.

К несчастью для Екатерины, ее супруг имел привычку полагаться на наушников. Брокдорф убедил великого князя, что тот должен «обуздать жену». Благо поводов хватало. Предлагая то, чего господин втайне желал сам, слуга входил в еще большее доверие — здесь голштинский камергер не ошибся. Но он преувеличил возможности Петра. Первый же разговор закончился позорно.

Выпив по обыкновению за обедом, великий князь явился в комнату жены и с порога брякнул, что супруга «невыносимо горда» и что она «держится очень прямо». «Разве для того, чтобы ему понравиться, нужно гнуть спину, как рабы Турецкого султана?» — последовал издевательский ответ. «Он рассердился и сказал, что сумеет меня образумить. Я спросила: «Каким образом?» Тогда он прислонился спиной к стене, вытащил наполовину свою шпагу и показал мне ее. Я его спросила, что это значит, не рассчитывает ли он драться со мною; что тогда и мне нужна шпага. Он вложил свою... в ножны и сказал, что я стала ужасно зла. Я спросила его: «В чем?» Тогда он мне пробормотал: «Да по отношению к Шуваловым».

На это я отвечала, что... он хорошо сделает, если не станет говорить о том... в чем ничего не смыслит».

Очень почтительная беседа супругов! Видно, как на протяжении всего разговора Екатерина не принимает мужа всерьез, и это-то больше всего бесит несчастного. Привычка поминутно хвататься за шпагу и обнажать ее то против слуг, то против жены, как когда-то против замахнувшегося Брюмера — противников явно недостойных, — обесценивала сам жест. Шпага — благородное оружие дворянина — для великого князя превратилась в подобие хлыста или дубинки. Таким образом он унижал себя.

Заметим также, что клинок — символ мужского достоинства. С таким же успехом Петр мог при каждом удобном случае скидывать штаны. Сильным лицом в доме оставалась жена. Недаром Екатерина в насмешку потребовала шпагу и себе.

Она даже не посчитала нужным обидеться, напротив, продолжала слушать пьяного супруга, пока тот не излил накопившееся: «Я, видя, что он просто-напросто заврался, дала ему говорить, не возражая, и воспользовалась первым удобным случаем, чтобы посоветовать ему идти спать, ибо... вино помутило ему разум». Бормотавшего невнятные упреки Петра, как младенца, отправили в кровать. Можно ли представить что-нибудь оскорбительнее?

Можно. В тот же вечер пришла очередь Александра Шувалова получить свою порцию. Когда великая княгиня сидела за карточным столом, грозный глава Тайной канцелярии объявил, что государыня запретила дамам носить целый список новых материй. «Чтобы показать ему, как Его императорское высочество меня усмирил, я засмеялась ему в лицо и сказала, что он мог бы не утруждать себя сообщением, — писала Екатерина, — ...что я никогда не надеваю ни одной из материй, которые не нравятся Ее императорскому величеству; что, впрочем, я не полагаю своего достоинства ни в красоте, ни в наряде, что когда первая прошла, последний становится смешным, что остается только один характер»¹⁷.

Да, характера у царевны было хоть отбавляй. Но для кого предназначалась ее отповедь? В 26 лет красота великой княгини была еще в самом расцвете. А вот Елизавета Петровна увядала, и пышные наряды не могли поправить дела. Слова царевны были адресованы государыне и произнесены публично в тот момент, когда большинство дам, услышав о запрещении, испытали досаду и могли только посочувствовать смелому выпадку Екатерины. Говоря так, великая княгиня рисковала. Но подобными выходками она наращивала себе политический капитал.

«Кто дает вам такие плохие советы?»

В ответ на оскорбление Брокдорф посоветовал Шуваловым беспроигрышный ход. После Пасхи 1755 года, прибыв на дачу в Ораниенбаум, Екатерина увидела там странное зрелище — под балконом дворца маршировал целый голштинский отряд. Его секретно доставили на кораблях из Киля, чтобы сделать приятное наследнику.

«Это было дело рук злосчастливого Брокдорфа, льстившего преобладающей страсти великого князя. Шуваловым он дал понять, что, потворствуя ему этой игрушкой или погремушкой, они навсегда обеспечат себе его милость». Блестящая идея. Хитроумный камергер подарил царевичу вожденную «игрушку», а Шуваловым открыл способ влиять на наследника. Дулась одна Екатерина. Ее потрясли две вещи. Во-первых, вспыльчивый, неосторожный муж, не умевший, казалось, держать язык за зубами, не поделился тайным планом приезда войск. У него появилось новое доверенное лицо, опять оттеснявшее супругу на задний план. Во-вторых, при щепетильности русского общества в национальном вопросе приезд иностранных солдат не мог вызвать одобрения. «Великий князь, который при Чоглокове надевал голштинский мундир только в своей комнате и как бы украдкой, теперь уже не стал носить другого... хотя он был подполковником Преображенского полка, — писала Екатерина. — ... Признаюсь, когда я узнала, я ужаснулась тому отвратительному впечатлению, которое этот поступок великого князя должен был произвести на русское общество».

Екатерина, пока связывавшая свои интересы с интересами мужа, испугалась. Петр постоянно забывал о другом возможном наследнике — Иване Антоновиче. А вот подданные могли о нем вспомнить. Стоило ли злить столичное общество? Великая княгиня слышала, как караульные из Ингерманландского и Астраханского полков говорили: «Это всё предателей приводят в Россию».

Еще немного, и великокняжескую чету тоже причислили бы к «предателям». Подобного оборота царевна боялась как огня. Она столько лет потратила, чтобы стать «русской», а теперь муж вместе со своей губил и ее репутацию! «Когда мне об этом говорили, то я высказывала свое мнение таким образом, чтобы увидели, что я этого ничуть не одобряю»¹⁸. Ничего иного не оставалось.

Между тем Брокдорф быстро увеличивал политический капитал. С

приездом голштинского отряда у него в окружении Петра возникла своя «партия». Естественно, враждебная великой княгине. Сначала голштинцы появлялись только на летних учениях в Ораниенбауме, но с зимы 1756/57 года, по совету вездесущего, камергера, остались при наследнике на весь год. «Число тех, которые были постоянно с великим князем, достигало по крайней мере двух десятков, — писала Екатерина, — ...В сущности все служили шпионами Брокдорфу».

Однако сам Петр был от такой жизни в восторге. Тем более что хитроумный камергер придумал способ набить пустые карманы своего господина, «продавая голштинские ордена и титулы тем, кто хотел за них платить, или заставляя великого князя просить и хлопотать в разных присутственных местах империи и в Сенате о всевозможных делах, часто несправедливых, иногда даже тягостных для империи, как монополии»¹⁹.

Эмоциональность оценок вредит мемуарам Екатерины. Ее слова порой кажутся настолько пристрастными, что так и хочется поискать опровержение. Но вот свидетельство Я. П. Шаховского, исполнявшего с августа 1760-го по декабрь 1761 года должность генерал-прокурора. По его воспоминаниям, великий князь «часто передавал просьбы, или, учтиво сказать, требования» в Сенат «в пользу фабрикантам, откупщикам и по другим по большей части таким делам»²⁰. Один из биографов Петра III, А. С. Мыльников связал фразу Шаховского с предложениями Петра Федоровича об улучшении быта кадетов Сухопутного шляхетского корпуса из детей «нижних чинов»²¹. Такая оценка кажется натянутой, ведь между «нижних чинов» детьми и «фабрикантами» с «откупщиками» большая разница. Скорее отзыв Шаховского подтверждает рассказ Екатерины о спровоцированных Брокдорфом хлопотах великого князя в Сенате.

Просьбы царевича не имели большого успеха. Пожилой генерал-прокурор, служа 40 лет, знал себе цену, был неуступчив, берег копейку, постоянно ссорился с П. И. Шуваловым и не потрафлял наследнику. За что и получил отставку буквально в день кончины Елизаветы Петровны — 25 декабря 1761 года²².

А вот история Брокдорфа имела продолжение самое плачевное для Голштинии. Зимой 1757 года он посоветовал великому князю арестовать министра юстиции в Киле — «одного из первых по своей должности и влиянию лиц, некоего Элендсгейма». Петр решил посоветоваться с женой. «Говорят, что его подозревают в лихоимстве, — заявил он. — ...О, обвинители, их нет, ибо все там его боятся и уважают; оттого-то и нужно, чтобы я приказал его арестовать, а как только он будет арестован, меня

уверяют, что их найдется довольно и даже с избытком».

Такая логика поразила читательницу «Духа законов» Монтескье. «Я ужаснулась тому, что он сказал, и возразила: «Но если так приниматься за дело, то не будет больше невинных на свете. Достаточно одного завистника, который распушит в обществе неясный слух... по которому арестуют, кого ему вздумается, говоря: обвинители и преступления найдутся после... Это варварство, мой дорогой... Кто дает вам такие плохие советы?»

Петр велел позвать Брокдорфа, чтобы пояснить великой княгине дело. Из рассуждений лукавого камергера Екатерина поняла, что Элендсгейма, стоявшего «во главе департамента юстиции», лица, проигравшие судебные процессы, обвиняли в получении взяток. Разобраться на расстоянии не представлялось возможным. Царевна заявила, что ее мужа склоняют к совершению «вопиющей несправедливости», предлагая схватить человека, «против которого не существует ни формальной жалобы, ни формального обвинения». Однако «великий князь, я думаю, слушал меня, мечтая о другом». О чем же?

Когда супруга вышла, Брокдорф «с очерстневшим сердцем» сказал своему господину именно то, что тот желал слышать. Все слова царевны внушены не «любовью к справедливости», а «желанием властвовать», она «не одобряет никаких мер, относительно которых не давала совета», «женщины всегда хотят во всё вмешиваться», но только портят то, «чего касаются», «действия решительные им не под силу». В результате царевич отправил приказ арестовать Элендсгейма.

Это беззаконие выглядит под пером биографа Петра III очень благовидно: великий князь проявлял к своему герцогству постоянный интерес, «может быть, хаотичный, порывистый и даже мелочный, но не лишенный определенной тенденции» — «упорядочить судопроизводство, военное дело... навести дисциплину» в работе Тайного совета. Но жертвами «порывистости» герцога становились живые люди. Приводимые автором слова немецкого историка Р. Приеса, напротив, подтверждают рассказ Екатерины: «Уже вскоре после вступления Петра на герцогский трон в Совете началась ожесточенная борьба, и вплоть до его свержения в 1762 г. кто-нибудь из членов Совета... находился в предварительном заключении»²³.

Эта черта роднила Петра Федоровича с Павлом I, в царствование которого высшие сановники, проведя на посту несколько дней, неделю или месяц, отправлялись в крепость. Сын Петра III тоже проявлял «хаотичный, порывистый и даже мелочный» интерес к дисциплине, судопроизводству,

военному делу. Удивительно ли, что результат вышел тот же?

«Мадам ресурс»

«Мне было ясно, как день, — писала Екатерина, — что господа Шуваловы пользовались Брокдорфом... чтобы сколько возможно отдалить от меня великого князя»²⁴. Тем не менее Петр продолжал питать к жене доверие: «Великий князь издавна звал меня *madame le Ressource*, и как бы он ни был сердит, и как бы ни дулся, но если он находился в беде... бежал ко мне со всех ног, чтобы вырвать у меня мое мнение; как только он его получал, он удирал опять со всех ног»²⁵.

Вскоре великой княгине удалось взять реванш за дело Элендсгейма. Оказалось, что арестом самого влиятельного в Киле сановника Брокдорф просто хотел показать свою силу. А наследник — продемонстрировать, кто хозяин в доме. До повседневной, рутинной работы по управлению герцогством ни у того ни у другого руки не доходили. Зато Екатерину она очень интересовала:

«В одно прекрасное утро великий князь вошел подпрыгивая в мою комнату, а его секретарь Цейц бежал за ним с бумагой в руке. Великий князь сказал мне: «Посмотрите на этого черта: я слишком много выпил вчера, и сегодня еще голова идет у меня кругом, а он вот принес мне целый лист бумаги, и это еще только список дел, которые он хочет, чтобы я кончил, он преследует меня даже в вашей комнате». Цейц мне сказал: «Всё, что я держу тут, зависит только от простого «да» или «нет», и дела-то всего на четверть часа»... Цейц принялся читать, и по мере того, как он читал, я говорила «да» или «нет», это очень понравилось великому князю, а Цейц ему сказал: «Вот, Ваше высочество, если бы вы согласились два раза в неделю так делать, то ваши дела не останавливались бы, это всё пустяки, но надо дать им ход, и великая княгиня покончила с этим шестью 'да' и приблизительно столькими же 'нет'». С этого дня Его императорское высочество придумал посылать ко мне Цейца... Я сказала ему, чтобы он дал мне подписанный приказ о том, что я могу решать и чего не могу... Только Пехлин, Цейц, великий князь и я знали об этом распоряжении, от которого Пехлин и Цейц были в восторге: когда надо было подписывать, великий князь подписывал то, что я постановила».

Кажется, отвращение к труду было у Петра Федоровича семейной чертой, в этом он показывал себя истинным племянником своей тетушки.

Великий князь тянулся к Голштинии и хотел управлять герцогством как самостоятельный государь. Для него царствовать значило «действовать решительно». А в понимании Екатерины власть не была правом бесконтрольно тратить казну или безнаказанно хватать людей. Истинное могущество складывалась из тысяч «да» и «нет», которые скрепляли страну единой сетью «воли монаршей». Стоит ли удивляться, что чиновникам, вроде Пехлина и Цейца, работалось с великой княгиней лучше? Они привыкали к ней, становились ее резервом, а на Петра смотрели со скрытым презрением. Непредсказуемый государь — худшее из возможного.

Однажды, воспользовавшись благоприятным моментом, когда муж был спокоен и не пьян, великая княгиня упрекнула его, что «он находит ведение дел Голштинии таким скучным и считает это для себя таким бременем, а между тем должен был бы смотреть на это как на образец того, что ему придется со временем делать, когда Российская империя достанется ему в удел». Наследник, пребывавший в меланхолии, ответил то, что говорил уже много раз: «Он чувствует, что не рожден для России; что ни он не подходит вовсе для русских, ни русские для него, и что он убежден, что погибнет в России». Возражения жены тоже повторялись не впервые: «Он не должен поддаваться этой фатальной идее, но стараться изо всех сил о том, чтобы заставить каждого в России любить его и просить императрицу дать ему возможность ознакомиться с делами империи»²⁶.

Однако пока выходило, что управление родовым герцогством, которое должно было стать школой для Петра, пополняло знания Екатерины. Позднее, в 1762 году, она пришла к власти не только сложившимся политиком — этому немало помогли придворные интриги, — но и администратором с опытом кабинетной работы. Она знала, как распределить обязанности статс-секретарей и наладить функционирование личной канцелярии, собственноручно писала инструкции для должностных лиц. Кропотливые занятия с Пехлином и Цейцем не прошли даром. Именно к Екатерине приходили немецкие чиновники за решением того или иного «скучного» вопроса, а подпись супруга подчас не означала даже знакомства с предметом. А. С. Мыльников замечает, что «поначалу Екатерина пыталась вмешиваться в голштинские дела», но в связи с заговором Бестужева в 1758 году была от них отстранена Елизаветой Петровной²⁷. Это «поначалу» продолжалось с 1745 по 1758 год — 13 лет.

«Советы, которые я давала великому князю, вообще были благие и полезные, — без ложной скромности заявляла великая княгиня, — но тот,

кто советует, может советовать только по своему разуму и по своей манере смотреть на вещи и за них приниматься; а главным недостатком моих советов великому князю было то, что его манера действовать и приступать к делу была совершенно отлична от моей». Иными словами, другому человеку свою голову на плечи не поставить.

Дело министра юстиции Элендсгейма показало, что маленький немецкий мирок вокруг герцога и герцогини Голштинских расколот на две группировки. Одна состояла из Брокдорфа и приезжих офицеров, облепивших Петра Федоровича. Другая — из Екатерины и тесно работавших с ней чиновников. «Партия Пехлина вообще не одобряла этой насильственной и неуместной меры, посредством которой Брокдорф заставлял трепетать и их, и всю Голштинию», — писала Екатерина. Она велела передать им: «С этой минуты я смотрю на Брокдорфа как на чуму, которую следует удалить от великого князя»²⁸.

Обе партии не имели сил сами справиться со своими противниками и апеллировали к более могущественной стороне. Барон посоветовал Шуваловым «раздавить змею»²⁹. Екатерина потребовала встречи с императрицей. Это был рискованный и малообдуманный шаг, поскольку Елизавета на многое смотрела глазами фаворита. «Я решила сказать графу Александру Шувалову, что я... считаю этого человека (Брокдорфа. — О. Е.) одним из самых опасных существ, каких только можно приставить к молодому принцу... и если бы императрица спросила меня сама, я бы не стала стесняться и сказала, что знаю и вижу». По прошествии довольно долгого времени глава Тайной канцелярии дал Екатерине понять, что, «возможно, императрица будет говорить» с ней.

На том дело и остановилось. Елизавета Петровна соизволила дать великой княгине обещанную аудиенцию через восемь месяцев. Что было тому виной? Личное нерасположение? Интриги приближенных? Болезнь? Скорее всего, и то, и другое, и третье. Императрица временами впадала в полуобморочное забытие. Так она прохворала почти всю зиму 1755/56 года. «Сначала не понимали, что с ней, — вспоминала Екатерина, — приписывали это прекращению месячных. Нередко видели Шуваловых опечаленными, очень озабоченными и усиленно ласкающими от времени до времени великого князя... Одни называли истерическими страданиями то, что другие — обмороками, конвульсиями или нервными болями»³⁰.

Елизавета заметно увядала, и ей всё труднее становилось показываться на люди. Она пряталась не только от дел, но и от посетителей, боясь, что чужие глаза заметят неизбежные признаки возраста, что от ее

божественной прелести с каждым днем остается всё меньше. «Никогда женщина не примирялась труднее с потерей молодости и красоты, — писал Фавье. — Нередко, потратив много времени на туалет, она начинает сердиться на зеркало, приказывает снова снять с себя головной и другие уборы, отменяет представление театрального зрелища или ужин и запирается у себя, где отказывается кого бы то ни было видеть»³¹.

Так и набежали восемь месяцев. Однажды августовским вечером Елизавета тайно приехала к супруге Александра Шувалова, в комнату которой и вызвала невестку. Когда великая княгиня вошла, государыня была одна. «Я рассказала ей историю Элендсгейма, — вспоминала Екатерина. — Она, казалось, слушала меня очень холодно, потом стала расспрашивать у меня подробности о частной жизни великого князя... Я ей сказала вполне правдиво всё, что я знала, и когда сообщила ей о голштинских делах некоторые подробности, показавшие ей, что я их достаточно знаю, она мне сказала: «Вы, кажется, хорошо осведомлены об этой стране»...Я видела по лицу императрицы, что это произвело неприятное впечатление на нее, и... беседа показалась мне скорее допросом, чем конфиденциальным разговором. Наконец она меня отпустила так же холодно, как встретила»³².

«Наперсницы» и «любовницы»

Императрица не случайно расспрашивала невестку о «частной жизни великого князя». Скандал продолжался. Излечившись от тайного недуга, Петр Федорович спешил изведать обещанные Сергеем Салтыковым «совсем новые ощущения наслаждения», или «чувственные удовольствия», о которых упоминал Штелин.

«К зиме... мне показалось, что я снова беременна»³³, — замечала Екатерина о декабрьских днях 1755 года. По своему обыкновению она «забыла» сообщить о выкидыше, сразу перейдя к описанию ложного флюса, в результате которого у нее появились четыре зуба мудрости сразу. Воистину внешний знак внутренних изменений.

Однако был ли младенец? И если да, то чей? С февраля Екатерина не видела Салтыкова, уехавшего в Гамбург. Новой привязанности у нее пока не сложилось, а близость с супругом не исключена. Видимо, постель Петра и Екатерины вовсе не была столь уж «узкая» для двоих. Всё могло наладиться...

Однако Петр как с цепи сорвался. Он слишком долго пребывал в вынужденном воздержании и теперь наверстывал упущенное. Летом 1756 года в Ораниенбауме между супругами вышла ссора, показывавшая, что Екатерина, несмотря на всё хладнокровие и видимое равнодушие к мужу, продолжала его ревновать: «Я заметила, что все мои фрейлины либо наперсницы, либо любовницы великого князя... пренебрегают... почтением, какое они мне были обязаны оказывать. Я пошла как-то после обеда на их половину и стала упрекать их за их поведение... и сказала, что я пожалуюсь императрице».

Когда слуги не слушались Петра, он искал жену и та наводила порядок. Было бы естественно потребовать от мужа, чтобы его пассии вели себя поскромнее. Но Екатерина предпочла сама дать девицам нагоняй. «Некоторые всполошились, другие рассердились, иные расплакались», но все бросились печаловаться к великому князю. Тот «взбесился и тотчас прибежал» к супруге. Между ними вышел горячий разговор, в котором Екатерина вновь пригрозила довести дело до государыни: «Она легко рассудит, не благоразумнее ли выгнать всех этих девиц дрянного поведения, которые своими сплетнями ссорят племянника с племянницей... дабы водворить мир между ним и мною»³⁴. Тут великий князь «понижил тон».

Теперь, когда Елизавета обладала запасным наследником — Павлом, она не так боялась потерять племянника. В ранней редакции «Записок», посвященной Понятовскому, Екатерина рассказывала о том, как еще в 1746 году государыня, браня царевича за дурное поведение, пообещала, что его «посадят на корабль и отвезут в Голштинию», а жену оставят в России и она сможет «выбрать себе, кого захочет, чтобы заместить его»³⁵. Фантастичная угроза. В середине 1740-х годов государыня ни за что не решилась бы на подобный шаг. А вот после 1754 года ситуация изменилась.

Однако удержать Петра Федоровича в рамках приличий было непросто. «Так как Его императорское высочество страстно любил большие ужины, которые он часто задавал и в лагере, и во всех уголках и закоулках Ораниенбаума, — жаловалась Екатерина, — то он допускал к этим ужинам не только певиц и танцовщиц своей оперы, но множество мещанок весьма дурного общества, которых ему привозили из Петербурга... Я стала воздерживаться бывать там... На маскарадах, задававшихся великим князем в Ораниенбауме, я являлась всегда очень просто одетой, без бриллиантов и уборов»³⁶.

В окружении певиц и мещанок стоило опасаться за драгоценности.

Облачившись в соответствии с придворным этикетом, великая княгиня оказала бы им честь. Смысл поступков невестки поняла Елизавета, «которая не любила и не одобряла этих ораниенбаумских праздников, где ужины превращались в настоящие вакханалии». Екатерине передали слова государыни: «Эти праздники доставляют великой княгине так же мало удовольствия, как и мне».

Разгульная жизнь Петра ни для кого не была секретом. Гневное описание нравов наследника, сделанное М. М. Щербатовым, во многих деталях совпадает с рассказом Екатерины: «Он не токмо имел разум весьма слабый, но яко и помешанный, погруженный во все пороки: в сластолюбие, роскошь, пьянство и любострастие... Все офицеры его голстинские, которых он малой корпус имел, и офицеры гвардии часто имели честь быть при его столе, куда всегда и дамы приглашались. Какие сии были столы? Тут вздорные разговоры, смешанные с неумеренным питьем, тут после стола поставленный пунш и положенные трубки, продолжение пьянства и дым от курения табаку, представлял более какой трактир, нежели дом государский... вскоре все хорошие женщины под вожделение его были подвергнуты»³⁷.

Для Щербатова было важно показать «повреждение нравов», произошедшее от поведения Петра Федоровича. Между тем психологическая подоплека поступков наследника ясна: о нем в течение очень долгого времени — не год, не два, а около десятка лет — говорили не как о мужчине. Теперь он спешил доказать обратное. Подобный эмоциональный всплеск — венец очень долго складывавшегося комплекса, которого при спокойном и доброжелательном отношении Елизаветы к великокняжеской чете можно было избежать. И здесь Петр с Екатериной оказались товарищами по несчастью, приобрели одну и ту же болезненную склонность — постоянно менять партнеров, чтобы увериться в собственной ценности.

Девушка Воронцова

Екатерина обмолвилась: если муж хотел, чтобы она присутствовала на его праздниках, он допускал только придворных дам — но умолчала, что в остальное время место хозяйки за столом занимала одна из метресс царевича. С середины 1750-х годов эту роль всё чаще играла фрейлина Воронцова.

Великий князь стал открыто волочиться за этой дамой как раз в дни

родов Екатерины. Что само по себе показательно: муж демонстрировал презрение жене, нанесшей ему тяжкую обиду. Пока молодая женщина оставалась больна, царевич пребывал в вынужденном одиночестве, и только оно на четвертый день после появления Павла заставило «счастливого отца» заглянуть к супруге: «Великий князь, скучая по вечерам без моих фрейлин... пришел мне предложить провести вечер у меня. Тогда он ухаживал как раз за самой некрасивой: это была графиня Елизавета Воронцова»³⁸.

Мемуаристка и прежде писала о непривлекательности соперницы. С первой минуты появления при дворе сестер Воронцовых она невзлюбила эту полную, не то чумазую, не то смуглую дурнушку. В сентябре 1749 года «старшая — Мария Романовна, лет тринадцати-четырнадцати, была назначена фрейлиной императрицы, а младшая — Елисавета Романовна, которой могло быть лет одиннадцать-двенадцать, была приставлена ко мне... Старшая обещала быть хорошенькой, но вторая не имела и следов красоты; напротив, она и тогда уже была очень некрасива; оспа... обезобразила ее еще больше... Обе сестры имели оливковый цвет лица, который их не красил»³⁹. В другой редакции о Воронцовой сказано еще резче: «Это была очень некрасивая девочка... неопрятная до крайности». От оспы «черты ее совершенно обезобразились, и всё лицо покрылось... рубцами»⁴⁰.

И опять Екатерина очень пристрастна. Если оставить ее отзыв одиноким, то легко прийти к выводу, будто описание Воронцовой — просто дамская месть сопернице⁴¹. Но другие свидетели были мужчинами и личных причин искажать облик метрессы не имели. По словам князя Щербатова, «имел государь любовницу, дурную и глупую, графиню Елизавету Романовну Воронцову»⁴². Рюльер, назвав великого князя «жалким», продолжал: «Между придворными девицами скоро нашел он себе фаворитку — Елисавету Романовну Воронцову, во всем себе достойную»⁴³. Фавье писал: «У Воронцовой две сестры красавицы, но он (Петр. — О. Е.) предпочел ее, безобразие которой невыразимо»⁴⁴. Другой французский дипломат, Луи Бретейль, доносил в Париж: «Император удвоил внимание к графине Воронцовой. Надобно признаться, что у него странный вкус: она неумная, что же касается наружности, то трудно себе представить женщину безобразнее нее: она похожа на трактирную служанку»⁴⁵. Датский посланник А. Ф. Ассебург подтверждал слова французского коллеги: «Его любимица, девица Воронцова, была некрасива, глупа, скучна и неприятна», в ее обществе наследник «предавался самой

грубой неводержанности»⁴⁶. Даже доброжелательный к воспитаннику Штелин не удержался и назвал Воронцову «толстой»⁴⁷ — самое безобидное, что можно было сказать.

Вероятно, с некрасивыми женщинам великий князь чувствовал себя свободнее. Или жалел дурнушек, видя в них обездоленных, как и он сам, существ. Оспа, обезобразившая лицо Воронцовой, для Петра только подтверждала ценность избранницы: ведь они пережили одно и то же, а значит, понимают друг друга. Из этой внутренней общности рождались расположение и нежность. Между тем как жена — красавица и умница — вызывала мстительное желание мучить ее.

Именно таким способом насолить Екатерине и было поначалу ухаживание за Воронцовой. Однако вскоре простое увлечение превратилось в более прочное чувство. Первой забеспокоилась принцесса Курляндская, сохранявшая привязанность царевича. Как умная женщина, она не могла не понимать, что девушка из влиятельного придворного клана представляет для нее значительную угрозу.

Новая пассия казалась опасной не сама по себе — все признавали ее глупость, — а благодаря сановной родне — дяде вице-канцлеру Михаилу Илларионовичу и отцу-сенатору, одному из виднейших русских масонов Роману Илларионовичу. Воронцовы блокировались с Шуваловыми, вместе тесня партию Разумовских и канцлера Бестужева. Появление возле наследника фаворитки из этого лагеря было закономерным.

Происходящее отлично понимали и великая княгиня, и мадемуазель Бирон. Будь у последней такая сильная родня, как у Елизаветы Романовны, и она при своем уме создала бы Екатерине куда больше проблем. Но, по русской пословице, бодливой корове Бог рогов не дает. Принцессе Курляндской оставалось только кусать локти. Или вставлять влюбленным палки в колеса. Чем она и занялась.

Летом 1756 года Петр неожиданно сблизился с Матреной Герасимовной Тепловой, женой Г. Н. Теплова. «Он был в это время в ссоре с графиней Воронцовой и влюблен в Теплову, племянницу Разумовских», — писала Екатерина. На мгновение перед глазами царевича промелькнула дама из другого клана. Если бы ей удалось удержаться, то между наследником и влиятельной придворной партией появилась бы трещина. «Поссорила великого князя с Воронцовой принцесса Курляндская». В данном случае она действовала на руку Екатерине. А Петр по обыкновению не скрывал от жены подробностей нового романа.

«Когда он захотел свидеться с нею, он спросил моего совета о том, как

убрать комнату, и показал мне, что для того, чтобы понравиться этой даме, он наполнил комнату ружьями, гренадерскими шапками, шпагами и перевязями, так что она имела вид уголка арсенала; я предоставила ему делать, как он хочет, и ушла». Зачем великий князь спрашивал совета Екатерины, если не для того, чтобы подразнить ее? Он своего добился. Оскорбленная его выходкой женщина бежала с поля битвы, изобразив равнодушие.

Впрочем, связь была недолговечной. «Интрига великого князя с Тепловой продолжалась до тех пор, пока мы не переехали на дачу». Влюбленные расстались, и дама попыталась завязать переписку. Но получив длинное послание, кавалер ужаснулся и пошел жаловаться жене: «Вообразите, она пишет мне письмо на целых четырех страницах и воображает, что я должен прочесть это и более того — отвечать на него, я, которому нужно идти на учение... потом обедать, потом стрелять, потом смотреть репетицию оперы и балет... Я ей велю прямо сказать, что у меня нет времени»⁴⁸.

Комично. Но Екатерине было не до смеха. «К концу Масленой эти любовные похождения начали становиться делом партий»⁴⁹. Теплову, племянницу Разумовских, подучали писать Петру, искать с ним встречи. А сам великий князь уже начал тяготиться ею. Пришлось жене поддерживать усилия принцессы Курляндской. Воронцова была для нее крайне опасна. Поэтому она передала мужу непочтительные слова отца предполагаемой фаворитки, Романа Илларионовича. Тот якобы уверял, что может обратить неприязнь великого князя к себе в милость. «Для этой цели ему стоит только дать обед Брокдорфу, напоить его английским пивом и при уходе положить ему в карман шесть бутылок для Его императорского высочества».

Увидев на балу, что ветреный Петр Федорович перемигивается еще и с Марией Воронцовой, Екатерина не преминула довести до него слова отца девиц. Великий князь разволновался, попытался обвинить жену во лжи, но услышав подтверждение от принцессы Курляндской, сник. «Это еще на некоторое время удержало его от связи».

Против бедной Елизаветы Романовны был составлен целый заговор. «Я без удовольствия смотрела, что девица Воронцова снова всплывает наверх», — признавалась Екатерина. Но к январю 1757 года великий князь сделал окончательный выбор в пользу «толстой фрейлины». В лондонском издании «Записок» Екатерины II было опубликовано послание Петра Федоровича, датированное (впрочем, без каких-либо оснований) 1758

годом и обращенное к О. М. Штакельбергу. Вероятно, речь в нем идет о сближении с фавориткой. «Любезный брат и друг! Прошу вас, не забудьте сегодня исполнить мое поручение к известной особе и уверить ее, что я готов доказать ей мою совершенную любовь; если я не говорю с ней в церкви, то это только для того, чтоб посторонние не заметили. Скажите ей, что если она захочет хоть раз придти ко мне, то я ей докажу, что ее очень люблю»⁵⁰.

Елизавета Романовна не преминула воспользоваться приглашением. Это было нетрудно, если учесть весьма куртуазное распределение покоев в Ораниенбауме. К западной, «мужской», половине дворца примыкал флигель для фрейлин, а к восточной, «женской», — для кавалеров. Правда, в последнем находилась квартира управляющего. Такова цена показной фривольности.

Под покоем Петра Федоровича в западной части дворца были устроены комнаты для его возлюбленной, от которых до сих пор сохранился так называемый кабинет Дианы. Вероятно, сначала эти помещения предназначались великой княгине, ведь именно ее считали страстной охотницей и сравнивали с Артемидой, или Дианой. Кроме того, Екатерина являлась двоюродной сестрой Петра, что делало уместным его отождествление с Аполлоном. Но в конце концов тут поселилась «толстая Романовна». За восточной стеной ее опочивальни находилась потайная лестница, ведшая наверх к великому князю. Впрочем, аналогичная имелась и на «женской» половине у Екатерины⁵¹.

В нескольких верстах западнее Ораниенбаума возникли две небольшие охотничьи резиденции: одна купленная Петром для Елизаветы Воронцовой, другая — великой княгиней для себя. В обоих случаях расходы были оплачены через дворцовую контору, но не стоит думать, будто царевич позаботился об обеих женщинах. Напротив, возникновение дачи фаворитки Сан-Эннуи (Нескучное), видимо, подстегнуло Екатерину приобрести нечто подобное. Ее гордая натура не пережила бы разговоров: де Петр делает любовнице роскошные подарки, а о жене забыл.

Даже в мемуарах Екатерина ни словом не обмолвилась об обидном соседстве Санс-Эннуи. Уязвленное самолюбие царевны выразилось не в прямых жалобах, а в кратком рассказе об итальянском садовнике Ламберти, помогавшем ей с посадками: «Он предрек Елизавете, что она взойдет на престол. Этот же человек сказал мне... что я стану Российской самодержавной императрицей, что я увижу детей, внуков и правнуков, и умру в глубокой старости... Он определил год моего восшествия на

престол за шесть лет до того»⁵².

Имеющий уши да услышит. Она, а не Петр, будет царствовать. Ей предстоит долгая, счастливая и славная жизнь. Пророчества Ламберти должны были поддержать Екатерину. Придать ей сил и сделать нечувствительной к мелким обидам. Но вот беда: корона впереди, а больно уже сейчас. Царевна никак не могла научиться жить втроем, вернее вчетвером: она, муж, его любовница и ее любовник, — как советовал столь нравившийся ей Вольтер. Просвещенный брак, в котором супруги — прежде всего друзья и союзники, очень бы подошел для этой пары. Но нет, Екатерина, судя по колким, злым замечаниям в адрес метресс мужа, испытывала самую некуртуазную ревность. И, как предстоит убедиться читателю, Петр тоже.

Примечания к разделу

- ¹ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 108.
- ² *Екатерина II*. Сочинения. М., 1990. С. 386.
- ³ *Рюльер К. К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. // *Екатерина II и ее окружение*. М., 1996. С. 54.
- ⁴ *Тургенев А. И.* Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 161.
- ⁵ *Екатерина II*. Сочинения. М., 1990. С. 386.
- ⁶ *Яковлев Н. Н.* Европа накануне Семилетней войны. М., 1997. С. 51.
- ⁷ Там же. С. 33.
- ⁸ *Коробков Н. М.* Семилетняя война (1756–1762). М., 1940. С. 26.
- ⁹ *Финкеништейн К. фон.* Общий отчет о русском дворе. 1748 // *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. М., 2000. С. 325.
- ¹⁰ *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. М., 2000. С. 162.
- ¹¹ *Соловьеве. М.* Сочинения. М., 1993. Кн. XII. С. 608.
- ¹² *Яковлев Н. Н.* Указ. соч. С. 42.
- ¹³ *Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»). С. 214–215.
- ¹⁴ *Фавье Ж.-Л.* Русский двор в 1761 г. // *Екатерина. Путь к власти*. М., 2003. С. 193.
- ¹⁵ *Тургенев А. И.* Указ. соч. С. 148–150.
- ¹⁶ *Екатерина II*. Сочинения. М., 1990. С. 409.
- ¹⁷ Там же. С. 387–388.
- ¹⁸ Там же. С. 389–391.
- ¹⁹ Там же. С. 406, 410.
- ²⁰ *Шаховской Я. П.* Записки. СПб., 1872. С. 157, 176.
- ²¹ *Мыльников А. С.* Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2002 (серия «ЖЗЛ»). М., 2002. С. 124.
- ²² *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Око государево. Российские прокуроры. XVIII в. М., 1994. С. 83–85.
- ²³ *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 110–111.
- ²⁴ *Екатерина II*. Сочинения. М., 1990. С. 398.
- ²⁵ Там же. С. 393.
- ²⁶ Там же. С. 411–412.

- ²⁷ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 110.
- ²⁸ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 409.
- ²⁹ Соловьеве. М. Сочинения. Кн. II. М., 1993. С. 435.
- ³⁰ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 397.
- ³¹ Фавье Ж.-Л. Указ. соч. С. 194.
- ³² Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 419.
- ³³ Там же. С. 495.
- ³⁴ Там же. С. 404–405.
- ³⁵ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 490.
- ³⁶ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 418.
- ³⁷ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // Столетие безумно и мудро. Век XVIII. М., 1986. С. 373–374.
- ³⁸ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 381.
- ³⁹ Екатерина II. Записки // «Слово». 1989. № 2. С. 83.
- ⁴⁰ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 326.
- ⁴¹ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 70.
- ⁴² Щербатов М. М. Указ. соч. С. 373.
- ⁴³ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 56.
- ⁴⁴ Фавье Ж.-Л. Указ. соч. С. 199.
- ⁴⁵ Русский двор сто лет тому назад. СПб., 1907. С. 130, 131, 133.
- ⁴⁶ Ассебург А. Ф. Записка о воцарении Екатерины II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 294.
- ⁴⁷ Штелин Я. Записки о Петре III // Там же. С. 39.
- ⁴⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 382–385.
- ⁴⁹ Там же. С. 404.
- ⁵⁰ Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859. С. 264.
- ⁵¹ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 78–80.
- ⁵² Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 391–392.

Глава седьмая

ЗАГОВОР БЕСТУЖЕВА

Продвигая субсидную конвенцию и поминутно встречая препятствия со стороны Шуваловых и Воронцовых, английский посол Уильямс решил помимо канцлера Бестужева заручиться еще одним союзником — великой княгиней. Он хотел, чтобы в Лондоне сделали ставку на новую союзницу. Крайнее расстройство здоровья Елизаветы позволяло надеяться, что больная императрица долго не протянет.

«Шифровальный стол»

«Тогда почти у всех начало появляться убеждение, что у нее бывают очень сильные конвульсии, регулярно, каждый месяц, — писала Екатерина, — что эти конвульсии заметно ослабляют ее организм, что после каждой конвульсии она находится в течение двух, трех и четырех дней в состоянии такой слабости и такого истощения способностей, какая походит на летаргию»¹.

Британскому кабинету следовало поторопиться — вручить деньги великой княгине, пока она в них нуждалась и пока этого не сделал кто-нибудь другой. 9 июля 1755 года посол доносил: «Она очень недовольна сближением русского двора с Францией и приездом сюда французского посланника... Я... показал ей, что присутствие его здесь может быть очень опасно для нее и для великого князя». По словам Уильямса, Екатерина ответила: «Я вижу опасность и буду побуждать великого князя сделать всё возможное для ее удаления; я сделала б еще больше, если б у меня были деньги, потому что без денег здесь ничего сделать нельзя; я должна даже платить императрицыным горничным... если ваш король будет так любезен, что даст мне займы известную сумму, то я дам расписку... что каждая копейка будет употреблена для нашей общей с ним пользы»².

Особенно любопытна строка о горничных Елизаветы Петровны, которые находятся едва ли не на жалованье царевны. Благодаря хлопотам Уильямса Екатерине удалось получить заем в размере десяти тысяч. С этой минуты ее интересы оказались прочно связаны с интересами Англии. Ведь проценты предстояло уплачивать важной информацией и содействием в

решении насущных дипломатических дел. Так, осенью 1756 года великая княгиня в подробностях осведомила посла о состоянии Елизаветы: «Чье-то здоровье никогда не было столь расшатанным... вода поднялась в нижнюю часть живота». Сэр Чарльз отвечал в тон: «У кого вода поднялась в нижней части живота, тот уже обреченный человек»³.

Екатерина хорошо знала, на что шла. Если бы ее сношения с иностранной державой были открыты, Елизавета не замедлила бы покарать лукавую невестку. Но Бестужев, сам связанный с Лондоном многочисленными подарками, пока служил великой княгине надежным щитом. Оставалось в духе времени скрепить новые отношения любовной связью. Царевна долго отвергала кандидатуры, которые подыскивал для нее канцлер. Но при встрече с молодым секретарем Уильямса, польским аристократом Станиславом Понятовским, не устояла. «Сей был любезен и любим от 1755 до 1761»⁴, — отмечала она.

Образованный, посетивший Вену и Париж, живший некоторое время в Англии, воспитанный в той же традиции, что и возлюбленная, Понятовский мог увлечь ее не только красотой лица. Он был мягок, обаятелен, обладал благородными манерами. Как верно отметила английская исследовательница И. де Мадариага, Станислав дал Екатерине впервые испытать любовь человека общих с ней интеллектуальных интересов⁵.

Станислав описал избранницу: «Ей было 25 лет. Оправляясь от первых родов, она расцвела так, как об этом только может мечтать женщина, наделенная от природы красотой. Черные волосы, восхитительная белизна кожи, большие синие глаза навывкате... руки и плечи совершенной формы... смех, столь же веселый, сколь и нрав ее, позволявший ей с легкостью переходить от самых резвых, по-детски беззаботных игр — к шифровальному столу»⁶.

Молодой дипломат начал доставлять великой княгине шифрованные записки от своего патрона и передавать ему ответы. Кроме того, поляк сделал почти невозможное: он сумел понравиться великому князю, потому что неплохо говорил по-немецки и смеялся его остротам. Петр даже пригласил его летом 1756 года провести два дня в Ораниенбауме.

Однако в начале августа саксонское правительство Польши отозвало Понятовского на родину. Стараясь подладиться под великого князя, тот перегнул палку: в разговорах с наследником он насмеялся над королем Польши Августом III Саксонским и его ближайшим советником кабинет-министром графом Брюлем. Неблагоприятные слухи дошли до Брюля, и

тот потребовал острого на язык аристократа на родину.

При таких обстоятельствах вернуть Станислава было непросто. Но на этот раз канцлер действовал удачнее, чем в случае с Салтыковым. Когда 30 ноября великая княгиня прямо задала ему вопрос: приедет ли Понятовский, хитрый старик ответил: «Если не приедет, то можете называть меня злодеем»⁷. Он выполнил обещание. Брюлю втолковали, что русский двор жить не может без очаровательного поляка, и будет хорошо, если того назначат послом. 3 января 1757 года Станислав вновь появился в Петербурге.

Самым горячим на «английские» надежды оказалось как раз лето 1756 года. Предотвратить сближение с Францией могла только смерть Елизаветы, о которой и старик Бестужев, и Екатерина не уставали говорить послу как о деле ближайшего времени. Это прикрывало их бессилие перед противниками и позволяло выманивать у англичан крупные суммы. Сам канцлер получал от Британии ежегодный пенсион в размере 12 тысяч рублей. Для великой княгини был организован второй заем — 44 тысячи рублей⁸.

Письма царевны к Уильямсу лета — зимы 1756 года рисуют картину нетерпеливого ожидания скорой развязки. Деньги, полученные из Лондона, предназначались для конкретных шагов, и в какие бы ласковые слова сэр Чарльз ни облекал свои требования, Екатерина чувствовала себя обязанной давать ему отчет. «Я занята теперь тем, что набираю, устраиваю и подготавливаю всё, что необходимо для события, которого вы желаете; в голове у меня хаос интриг и переговоров»⁹, — писала она 11 августа.

Уильямс не без оснований подозревал, что Шуваловы, боясь противодействия великокняжеской четы в вопросе союза с Францией, подталкивали Елизавету к смене наследника. Императрица могла провозгласить своим преемником внука — маленького царевича Павла, а его родителей выслать за границу. «Пусть даже захотят нас удалить или связать нам руки, это должно совершиться в два-три часа, — отвечала 9 августа на опасения посла Екатерина, — одни они (Шуваловы. — О. Е.) этого сделать не смогут, а нет почти ни одного офицера, который не был бы подготовлен... это будет уже моя вина, если над нами восторжествуют»¹⁰. «Я буду царствовать или погибну»¹¹. Пока речь шла о царствовании вместе с мужем. Ключевой фигурой на престоле мыслился все-таки Петр Федорович. А супруга — только тенью лицом за его спиной.

Сэр Чарльз предостерегал царевну от излишней уверенности, будто Елизавета по лени или из сердечного расположения к племянникам не

решится изменить порядок наследования: «Если она никогда его (Петра Федоровича. — *О. Е.*) не видит, если ей не передают настоящих его слов, если она не осведомлена о настоящих действиях Его императорского высочества, если одни его враги имеют доступ к Ее величеству и шепчут ей на ухо против него и вас», то подозрительность государыни «заглушит самые нежные чувства»¹².

Екатерина со своей стороны была убеждена, что даже если Шуваловы вынудят больную императрицу подписать манифест о смене наследника, Елизавета не станет его обнародовать. Только после ее кончины документ будет прочитан над телом, а этому всегда можно помешать. «Когда я получаю безошибочное известие о наступлении агонии, — писала великая княгиня Уильямсу 18 августа, — я иду прямо в комнату моего сына, если встречу Алексея Разумовского, то оставляю его подле маленького Павла, если же нет, то возьму ребенка в свою комнату, в ту же минуту посылаю доверенного человека дать знать пяти офицерам гвардии, из которых каждый приведет ко мне 50 солдат, и эти солдаты будут слушаться только великого князя или меня. В то же время я... сама иду в комнату умирающей, где заставляю присягнуть капитана гвардии и оставляю его при себе. Если замечу малейшее движение, то овладею Шуваловыми»¹³.

Подкупленные царевной комнатные женщины Елизаветы должны были предупредить, если фаворит Иван Шувалов «вздумает что-нибудь писать перед императрицею». Имелся в виду злополучный манифест в пользу маленького Павла.

Такие решительные заявления должны были укрепить уверенность посла в скорой развязке драмы. Однако Елизавета «всё хромала», как выразилась сама великая княгиня в письме 30 августа. И никак не приближалась к отверстому гробу, а тем временем дела по устройству русско-французского союза шли своим чередом.

Возникает закономерный вопрос: не было ли болезненное состояние императрицы преувеличено? Кому в действительности служили камер-фрау Елизаветы? Не водили ли они малый двор и дипломатов за нос? И что на самом деле знала о состоянии ее величества Екатерина? То ли, что писала Уильямсу? Была ли ее готовность захватить власть летом — осенью 1756 года такой полной, как она старалась показать?

Возможно, получив деньги и не имея возможности реально помешать сближению России и Франции, великая княгиня просто тянула время, имитируя бурную подготовку к перевороту. Екатерина уже многому научилась у Бестужева и умела выдавать желаемое за действительное.

Впрочем, возможен и другой, еще более интересный вариант. Больная Елизавета и сгрудившиеся вокруг нее Шуваловы обыграли малый двор. Разговоры о скорой кончине императрицы убаюкали британского посла, в ожидании полной победы он не сумел наладить противодействие французам. А когда спохватился, было уже поздно. Елизавета поправилась, а русско-французский союз стал реальностью.

Великой княгине оставалось только подкармливать сэра Чарльза известиями о дурном самочувствии августейшей свекрови. 4 октября: «Вчера среди дня случились три головокружения или обморока. Она боится и сама очень пугается, плачет, огорчается, и когда спрашивают у нее, отчего, она отвечает, что боится потерять зрение. Бывают моменты, когда она забывается и не узнает тех, которые окружают ее... Она, однако, волочится к столу, чтобы могли сказать, что видели ее, но в действительности ей очень плохо»¹⁴. Повторенная в письме злая шутка Понятовского: «Ох, эта колода! Она просто выводит нас из терпения! Умерла бы она скорее!»¹⁵ — служила доказательством единства мыслей и чувств.

Говоря о переписке с британским послом, исследователи всегда спотыкаются на двух вопросах. Поражает особый цинизм будущей императрицы в отношении больной, умирающей женщины. И факт государственной измены. Продажа информации за деньги. Подготовка переворота в интересах иностранной державы.

В зрелые годы, уже занимая престол, Екатерина II, вероятно, дорого бы дала, чтобы отказаться от писем сэру Чарльзу. И не только потому, что выступала в них, как выразился известный публикатор ее наследия Я. Л. Барсков, «на ролях английской шпионки»¹⁶. Но и потому, что всякому неприятно заглядывать в такое зеркало.

Былые обиды не унимались в душе Екатерины до старости. Отношения с Елизаветой были очень непростыми. Когда августейшая свекровь шла на поводу у своего сердца, она обнаруживала и доброту, и сострадательность. Но когда политический расчет брал в дочери Петра верх, она становилась черствой и невосприимчивой к страданиям близких. Держала великокняжескую чету едва не под арестом, удаляла всех, кто мог им понравиться, отнимала у молодой женщины одного возлюбленного за другим, забрала сына.

Наверное, Екатерина считала, что ей не за что благодарить свекровь. К моменту тяжелой болезни императрицы невестка уже так настрадалась от грубого вмешательства в свою жизнь, что не могла жалеть Елизавету. Хуже

того — издевалась над умирающей и не делала из своего отношения тайны. Ее сердце очерствело. Устав плакать, она начала смеяться — цинично и зло.

«На ролях английской шпионки»

Прوماх Уильямса состоял в том, что он неверно рассчитал время. Поторопился. Однако почти всё свидетельствовало о скорой кончине императрицы. «Если раньше у нее не проходило и дня без прогулки верхом или в карете, то за всю последнюю зиму она выезжала всего один раз, — писал посол 22 октября 1755 года. — ...Она кашляет кровью и задыхается; ноги ее распухли, и ее мучает грудная водянка. Тем не менее она протанцевала со мною менуэт»¹⁷. Думаем, последний подвиг был предпринят Елизаветой специально, чтобы показать дипломату: она не так плоха, как судачат.

Великая княгиня не осмеливалась посягать на власть императрицы. Все действия приурочивались к ее кончине — к многотрудному, как показали примеры предшествующих царствований, моменту передачи короны. Последняя могла уйти из дырявых рук Петра Федоровича. Царевна намеревалась защитить его право на престол — если надо, то и с привлечением гвардии.

Поддержка войск и вельмож дорого стоила. Средства претендентам обычно предоставлялись из-за границы в надежде на изменение внешнеполитического курса. Иностранные дворы всегда стремились покупать расположение наследников, а заодно и нужные сведения. Елизавета взошла на престол на французские деньги, руководимая Шетарди, которому обещала прекратить войну России со Швецией. Сын Екатерины Павел за долгое царствование матери сблизился то с одним, то с другим двором, получая займы, и, наконец, обрел постоянных союзников в Пруссии. В этом ряду сотрудничество великой княгини с британским послом — не исключение, а правило.

Сам факт получения субсидии неудивителен в обстановке, где брали все. От горничных до государыни. «Деньги, которые причитаются сему двору, — писал сэр Чарльз 4 июля 1755 года, — попадут, несомненно, в приватную шкатулку императрицы; ныне у нее большая нужда в средствах, поелику она заканчивает строительство трех больших дворцов... Я попытаюсь при помощи тех малых средств, испрошенных мною у короля, полностью предать сей двор в руки Его величества». Как мы знаем, сэр Чарльз ошибся, но его оболыщение старательно поддерживали русские

вельможи.

«Великий канцлер в самых убедительных выражениях заверил меня, что всякое увеличение первоначальной выплаты... желательно и породит у Ее императорского величества как бы чувство личной обязанности, — продолжал дипломат 11 августа. — ...Сумма около пятнадцати тысяч фунтов стерлингов для личных трат императрицы произведет самое благоприятное воздействие... Ежели до сих пор покупалось русское войско, то указанная выше сумма должна купить саму императрицу»¹⁸.

Оскорбительные слова. Они заставляют задуматься о месте России в тогдашнем концерте европейских держав. Когда Елизавета Петровна разорвала субсидную конвенцию с Англией, она немедленно затребовала финансовую компенсацию с нового союзника — Франции¹⁹.

Рассказ о продажности русского кабинета — общее место дипломатических донесений из Петербурга середины XVIII века. Тайны мужей за сходную цену уступали жены, чаще всего с согласия благоверных. Так, супруга канцлера статс-дама Анна Ивановна Бестужева, урожденная Беттигер, со второй половины 1740-х годов находилась на содержании британского правительства. Единовременные презенты французского кабинета ее сопернице княгине Анне Даниловне Трубецкой, супруге генерал-прокурора Сената, в размере тысячи дукатов, или пруссаков — самому Никите Юрьевичу Трубецкому в размере четырех тысяч выглядели жалко²⁰. Скупость в подобных вопросах оборачивалась против посла и его державы.

Прибывший-таки в Россию французский посланник маркиз Поль Лопиталь вручил крупные суммы братьям Шуваловым. Зная утонченный вкус «молодого фаворита» Ивана Ивановича, версальский двор прислал ему в подарок коллекцию эстампов из королевской библиотеки. «Старого фаворита» Алексея Разумовского задобрили великолепной каретой и несколькими тысячами ливров²¹. Вице-канцлер Воронцов помимо выплат, сделанных ему шевалье Дугласом и другими посредниками русско-французского сближения, получил особый презент. Екатерина желчно замечала, что Людовик XV меблировал ему дом «старой мебелью, начинавшей надоедать его фаворитке маркизе Помпадур»²².

Самые видные члены правительства получали пенсии сразу от нескольких держав, более того — настаивали на взятках за услуги. Показательно обращение М. И. Воронцова к сэру Уильямсу. Будучи одним из главных сторонников сближения с Францией, он не постеснялся потребовать от Англии денег, суля перемену своей позиции²³. Надо

заметить, что Воронцов вовсе не собирался помогать англичанам. Он просто узнал о субсидии Бестужеву и желчно позавидовал. Следует согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что легкость подкупа министров Елизаветы обесценивала их услуги, ибо противная держава могла сделать то же самое. Стараясь разжечь антипрусские настроения в Петербурге, которые тушил потоками фунтов стерлингов Уильямс, его австрийский коллега граф Николас Эстергази получил из Вены приказание вручить канцлеру две тысячи дукатов, а секретарю Конференции Дмитрию Васильевичу Волкову 500 дукатов²⁴.

Не выполнив взятые на себя обязательства, вельможи кивали на противоборствующую группировку. Вечный раскол, «сердечная ненависть» были им только на руку. Бестужев валил на Шуваловых, те обвиняли канцлера, а сами считали барыши.

Елизавета, без сомнения, догадывалась о делишках, которые связывали ее вельмож то с одним, то с другим двором. Но было несколько причин, заставлявших ее закрывать на это глаза. Во-первых, всем известное миролюбие императрицы. Во-вторых, столь же известная скрытность и желание держать каждого из приближенных как бы на ниточке: пока продажный делец не вызывал гнева государыни, ему прощалось. Стоило всерьез оступиться — и горе заподозренному в измене. Так было с Лестоком. Так будет с Бестужевым.

В-третьих, к получению денег от чужого двора в то время вообще относились иначе^[12]. Трудно было провести грань между официально одобренным подношением — знаком почтения к державе — и взяткой. Уже после подписания договора с Францией, когда представитель Людовика XV шевалье Дуглас Макензи покинул Петербург, Воронцов в письме русскому послу в Париже Ф. Д. Бехтееву перечислил все пожалования Елизаветы. Дугласу были вручены бриллиантовый перстень в три тысячи рублей, еще две тысячи золотыми империалами, кроме того, тысяча червонных, а также табакерка с бриллиантами ценой 1700 рублей. «Я желаю, — писал вице-канцлер, — чтоб вы подобные же подарки от французского двора получили... о чем буду ожидать в свое время уведомления»²⁵. В данном случае речь шла о соответствующих статусу страны презентях. Если бы французы дали меньше, они бы унизили Петербург.

Но грань была очень тонкой. Ведь помимо официально заявленных даров имелись и скрытые подношения. В таких обстоятельствах великая княгиня могла приобрести политические добродетели только из прочитанных книг. Она, конечно, знала, что нехорошо брать деньги у

иностранной державы, как знала, что предосудительно иметь любовников. Но эти знания никак не пересекались с реальностью.

Сэр Чарльз был человеком умным, но самонадеянным. Он советовал великой княгине пойти на сближение с Шуваловыми²⁶, надеясь, что это может предотвратить русско-французский союз. Екатерина и сама не хотела терять шанса на сотрудничество. Она написала любезное письмо фавориту Ивану Шувалову, предлагая забыть старые разногласия. Сэру Чарльзу переговоры были представлены в самой благоприятной для Лондона трактовке. 9 ноября он передавал якобы сказанные великой княгиней слова: «Шуваловы недовольны тем, что великий князь и я не одобряем новый союз России и Франции... [Но] до тех пор, пока я прикосновенна к политике, ни при каких обстоятельствах и ни под каким видом не одобрю новую их систему, поелику... великий князь никогда не согласится с этой системой и, напротив, ежели будет то в его власти, жестоко покарает тех, кто сотворил ее»²⁷.

Однако в реальности картина для посла вырисовывалась безрадостная: с Англии взяли деньги и не исполнили ни одного обещания. Союз с Парижем усилиями Шуваловых все-таки был подписан. После такого фиаско Уильямс уже не мог оставаться послом в Петербурге и был отозван.

18 августа 1757 года, накануне отъезда, он получил прощальные письма от великокняжеской четы. Весьма краткое и ни к чему не обязывающее от Петра Федоровича и ласковое пространное от Екатерины. Из них сразу видно, кто поддерживал с британским дипломатом контакт. «Я не сомневаюсь в вашей преданности моим интересам, кои многими узами связаны с пользою для короля Англии», — писал наследник. «Мои самые глубокие сожаления будут сопутствовать тому, кого я почитаю одним из ближайших друзей, — заверяла Екатерина. — ...Я никогда не забуду, скольким я вам обязана... Скажу лишь о вожделенных своих намерениях: использовать все, какие только можно, оказии, дабы возвратить Россию на путь истинных ее интересов, то есть к наитеснейшим связям с Англией».

Обратим внимание: если великий князь говорил о преданности Уильямса своим интересам, то Екатерина — о своей преданности интересам Англии. Таким образом, если в первом случае речь шла о пустоте, то во втором — о деле.

Летом 1757 года началась Семилетняя война, в ходе которой плохо обученные и дурно управляемые русские войска разбили лучшую армию тогдашней Европы и вступили в Берлин. Самая большая загадка царствования Елизаветы Петровны — зачем это было сделано? Какие причины побудили Россию, не имевшую с Пруссией ни общих границ, ни спорных территорий, выступить тараном коалиции, сложившейся против Фридриха II?

Уже само стремление исследователей разжевывать читателям логику Елизаветы и ее министров говорит о том, что вопрос неясен. Корни русско-турецких, русско-шведских или русско-польских столкновений обычно видны невооруженным глазом. У каждого конфликта — свои конкретные причины и сиюминутные поводы, но общая тенденция вытекает из многовекового развития страны и не нуждается в подробном обосновании.

С Семилетней войной дело обстоит иначе. Мощное древо русских побед как бы висит в воздухе. А рассуждения об объективных обстоятельствах, вынудивших Россию сражаться против непредсказуемого агрессора, который сегодня напал на Марию-Терезию, а завтра, глядишь, дотянется и до русских рубежей, — не выглядят убедительными. В дипломатических документах того времени много сказано о личной ненависти, дочери Петра к Фридриху II. Годами прусский король оттачивал свое остроумие на «толстой, распутной и ленивой» русской соседке, впрочем, как и на иных недругах. Но для объявления войны этого было недостаточно.

Справедливо замечание, что Семилетняя война стала школой для будущих прославленных русских полководцев. Многие «екатерининские орлы» начинали на полях Восточной Пруссии. Однако вряд ли, вступив в столкновение с Фридрихом II, Елизавета Петровна имела целью предоставить молодым офицерам возможность поупражняться в реальной боевой обстановке.

Современники и потомки заслуженно видели во Фридрихе II крайне неуживчивого, склонного к нападениям монарха, «мироломного короля». Расширить свои владения небольшая, но поднимавшаяся как на дрожжах Пруссия могла главным образом за счет Священной Римской империи, Польши и Саксонии — союзников России. Австрия была краеугольным камнем этого блока: с Россией ее объединяли общие интересы в отношении Турции и Польши. Всякое ослабление Вены рикошетом ударило бы по Петербургу. А именно австрийскую соседку собирался терзать Фридрих II.

Трудно не согласиться с С. М. Соловьевым, считавшим, что «основания тогдашней политики» состояли в сохранении равновесия сил

между главными державами-игроками²⁸. Война за Испанское наследство положила предел экспансии Людовика XIV, Семилетняя — Фридриха II. Точно так же, как позднее, в начале XIX века, Европа объединилась против Наполеона I. Насколько выгоднее для России оказалось бы невмешательство в общеевропейский конфликт — вопрос спорный. Есть вызовы времени, от которых нельзя уклониться. И Елизавета Петровна, и ее правнучатый племянник Александр I сделали выбор в пользу участия в большой европейской войне. Оба субъективно видели себя арбитрами Европы.

Как и Наполеон Бонапарт, Фридрих II считал Россию решающей силой, способной сыграть роковую для него роль. В доверительной беседе с английским посланником сэром Эндрью Митчеллом прусский король обмолвился: «Дело идет о самом существовании Бранденбургского дома. Разве могу я быть спокоен? У меня на руках и так уже Франция и Австрия, а что будет, когда придется обороняться еще и от России? Если бы императрица Елизавета соизволила умереть или хотя бы сидеть тихо, мне были бы ничуть не страшны все другие мои враги»²⁹.

Любопытно, как слова Фридриха II совпадают с оборотами из писем Уильямса и Екатерины. Без сомнения, информация из Петербурга передавалась британской стороной союзнику настолько полно, что он даже заговорил в тон нашим корреспондентам. Но надежды на скорый уход русской императрицы со сцены не сбылись. Напротив, Елизавета начала поправляться. 22 октября 1756 года, после изрядных страданий, в ее болезни наступил перелом. Точно Бог дал дочери Петра еще несколько лет жизни, чтобы она могла победить своего врага.

Говоря о стремлении обуздать агрессора, не стоит, однако, забывать тех выгод, которые Россия желала получить после победы. В соглашении с Марией Терезией Елизавета прямо требовала для себя Курляндию, входившую тогда в состав Польши. Взамен Варшава могла рассчитывать на Восточную Пруссию³⁰. Позднее, когда Россия заняла практически всю Пруссию и овладела Берлином, аппетиты петербургского кабинета возросли. Иван Шувалов обсуждал с иностранными дипломатами возможность присоединения к империи и Восточной Пруссии³¹. Понятное дело, союзники были возмущены и отказывали России, но их мнение уже немного значило для государыни, чья армия хозяйничала на землях Бранденбургского дома.

Годами Бестужев убеждал Елизавету Петровну в том, что Пруссия — главный и едва ли не единственный враг России. «Излишне было бы

толковать, — писал он еще в 1753 году, — сколь вредительно интересам Ее императорского величества усиление короля прусского», который «своим соседям тягостен и опасен сделался»³². Даже противники канцлера — Воронцов и Шуваловы — были с этим абсолютно согласны. Еще до начала войны, 30 марта 1756 года, в постановление Конференции при высочайшем дворе по настоянию Алексея Петровича записали цели грядущего столкновения:

«Ослабя короля прусского, сделать его для здешней стороны нестрашным и незаботным; венский двор, усиля возвращением ему Шлезии (Силезии. — О. Е.), сделать союз против турок более важным и действительным; одолжа Польшу доставлением ей королевской Пруссии, во взаимство получить не токмо Курляндию, но и такое с польской стороны границ округление, которым бы не только нынешние непрестанные об них хлопоты и беспокойства пресеклись, но, может быть, и способ достался бы коммерцию Балтийского моря с Черным соединить и через то почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь»³³.

Большинство членов Конференции не приняли слова канцлера всерьез. Слишком грандиозными казались цели. Однако именно решение этих задач станет главным во внешней политике Екатерины II. Школа Бестужева не прошла для нее даром.

На наш взгляд, исключительно важным является уточнение Е. В. Анисимова о том, что в Семилетней войне правительство Елизаветы Петровны преследовало не просто национальные, а именно имперские цели³⁴. Присоединение Курляндии или Восточной Пруссии — территорий в религиозном и национальном смысле чужих России — никак не затрагивало жизнь русского народа. Разве только налогоплательщикам приходилось раскошелиться на очередную военную акцию, а рекрутам — рисковать жизнью. Более того, усиление старого врага — Польши — за счет кусков Пруссии находилось в кричащем противоречии с выгодами России. Ради чего предлагалось ими пожертвовать? Империя нуждалась в расширении земель вокруг Балтийского моря, в продвижении вглубь Европы, в уничтожении потенциального соперника — Фридриха II. После Семилетней войны Пруссия так ослабла, что не могла уже помешать России при реализации планов в отношении Турции, Польши и Швеции.

Талантливый политик, Екатерина II всегда умела совмещать имперский интерес с национальным. Под каждой ее международной акцией — будь то разделы Польши или присоединение Крыма — кроме стремления империи к «округлению границ» лежала остро ощущаемая

подданными жизненная необходимость. На этом паркете Россия отдавила много ног, но могла по крайней мере объяснить свой медвежий танец вековой враждой, стремлением некогда разъединенных осколков единого народа вновь оказаться в одном государстве под властью православного монарха, защитой переселенцев от нападений турок и татар, желанием разорить Крымское ханство — последний осколок Золотой орды — и т. д.

Подобных объяснений у Семилетней войны не было. В ней голый имперский интерес не подкреплялся национальным. Потому так часто и тогдашние политики, и современные исследователи хватаются за рассказы об обидах, нанесенных Елизавете Петровне вечно ерничающим прусским королем. Еще в 1745 году английский посланник лорд Гриндфорд передавал слова Елизаветы: «Нет сомнения в том, что король прусский дурной государь, без страха Божьего; он высмеивает все святое и никогда не бывает в церкви. Это какой-то прусский Надир-шах». Через десять лет Уильямс фиксировал те же настроения: «Отвращение императрицы... к Пруссии с каждым днем все увеличивается... личная неприязнь почти совершенно неприкрыта и проявляется на каждом шагу»³⁵.

Фридрих поздно спохватился, и его заверения в глубоком уважении к Елизавете Петровне не могли никого обмануть. В сентябре 1754 года он попытался довести до М. И. Воронцова для передачи императрице следующее: «Ничто так неосновательно и несправедливо, как сделанный об нем... портрет, а именно: 1-е) якобы он такой государь, который ищет только случая, как бы впасть в земли и нарушить покой своих соседей; 2-е) якобы он пренебрег почтение к Ее императорскому величеству...»³⁶ Естественно, «мироломному» монарху не поверили.

Стоит учитывать крайнюю мнительность русской императрицы. При редкой красоте Елизавета была неуверенна в себе. Отсюда придирки и ревность к молодым женщинам. Позднее ее правнук Александр I будет болезненно воспринимать малейший беспорядок в одежде, подходить к зеркалам и долго осматривать себя, чтобы найти изъян и поправить. Ему станет казаться, будто над ним насмеются за глаза. Тысячи платьев Елизаветы, которые никогда не надевались дважды, — не предмет для подтрунивания, а настораживающий симптом. Давно замечено, что в новых туалетах дама чувствует себя увереннее, они поднимают ей настроение и жизненный тонус. Дочь Петра была расточительна не только из легкомыслия, но и на нервной почве. Подозрительная и обидчивая, она не умела, как Екатерина, посмеяться над собой. Издевки Фридриха, большая часть которых нецензурны, вызвали в русской императрице жгучую

ненависть.

Многие наблюдатели отмечали в Елизавете тщеславие как одну из преобладающих черт характера. Упрекая Екатерину II в развитом честолюбии, мы подчас забываем, что это качество подталкивало великую императрицу к неустойчивой работе. Елизавета же любила блистать, не прикладывая усилий. Однако для нее огромное значение имели отзывы окружающих — и не только о ее божественной красоте, но и о месте среди европейских монархов. Здесь она хотела быть не просто самой прекрасной из коронованных женщин. Ей льстила роль третейского судьи, главы сильнейшей державы, одного шевеления войск которой достаточно, чтобы восстановить мир и спокойствие в Европе.

Вчитаемся в обращения к императрице дипломатов. Пока Англия не была союзницей Пруссии, от Уильямса требовали «внушить русским, что они так и останутся державой азиатской, ежели не выйдут из своего бездействия и позволят королю прусскому исполнить его амбициозные и опасные планы»³⁷. Понятовский в приветственной речи отвел Елизавете роль единственной спасительницы Европы: «С каждой неделей, пока делятся уступки, возрастает мощь короля Пруссии... Это — гидра, а с нею следует кончить сразу же после того, как она поражена... Вам, Мадам, предстоит нанести ему решающие удары... Именно Вашему императорскому величеству назначено судьбой, спасая угнетенного союзника, убедить весь мир в том, что пожелать и исполнить для вас — одно и то же»³⁸.

Елизавете пришлось вступить в общеевропейский конфликт во многом именно для того, чтобы доказать, что Россия не есть держава азиатская. Что она — равноправный участник, более того — сильнейший из игроков. Одной из главных причин, заставлявших дочь Петра жаждать войны с Фридрихом II, было не желание приобрести Курляндию и не стремление отомстить прусскому насмешнику, а острая потребность войти, наконец, в Европу.

«Беллерофонт»

Возможности канцлера с каждым днем становились всё более ограниченными. Екатерина вспоминала: «Бестужев сам уже не волен был тогда делать, что хотел. Его противники начинали брать над ним верх»³⁹.

Шаткость собственного положения заставила великую княгиню с

величайшей предупредительностью относиться к настроениям супруга. Мир между ними был как никогда необходим ей, чтобы удерживаться на плаву. Она сделала попытку завоевать расположение непостоянного царевича, устроив в его честь праздник. Благо Петр обожал пышные торжества с музыкой в итальянском стиле.

«Для этого я велела выстроить в одном уединенном месте лесочка итальянскому архитектору... Антонио Ринальди большую колесницу, на которой могли бы поместиться оркестр и 60 человек музыкантов и певцов». Для праздника Франческо Арайя написал оперу «Беллерофонт», стихотворное либретто которой создал другой итальянец — Джузеппе Бонекки. Античный сюжет был хорошо известен и не вызвал никаких подозрений. Вскоре «Беллерофонт» оказался сыгран на придворной сцене, а позднее текст либретто опубликован Академией наук. В нем даже увидели аллегорическое подтверждение законности прав Елизаветы Петровны на отеческий престол⁴⁰. Однако следует учитывать и иной пласт ассоциаций: образ коринфского принца, лишённого короны, но с помощью богини Минервы одержавшего победу над чудовищной Химерой, намекал на Петра. Именно он обладал правом занять трон, его хотели оттеснить от наследства. В контексте недавних событий это было особенно понятно. Богиня Минерва, мудрыми советами обеспечившая торжество справедливости, — в данном случае Екатерина, ратовавшая за интересы мужа.

Позволяя себе подобные намеки, великая княгиня хотела напомнить супругу, что ее выгоды неразрывно связаны с его собственными, а политические шаги, которые она предпринимала, клонились к его пользе. Царевне постоянно приходилось поддерживать хрупкую иллюзию единства с мужем. Настаивать на своей необходимости ему. А он — ветреный и забывчивый — предпочитал общество Брокдорфа и Воронцовой! Таков был пафос оперы. Жаль, что великий князь ничего не понял.

«17 июня под вечер, — продолжала свой рассказ Екатерина, — Его императорское высочество со всеми, кто был в Ораниенбауме, и со множеством зрителей, приехавших из Кронштадта и из Петербурга, отправились в сад, который нашли иллюминированным; сели за столы, и после первого блюда поднялся занавес, который скрывал главную аллею, и увидели приближающийся издалека подвижный оркестр, который везли штук двадцать быков, украшенных гирляндами и окружали столько танцоров и танцовщиц, сколько я могла найти... Когда колесница остановилась, то, игрою случая, луна очутилась как раз над колесницей, что произвело восхитительный эффект».

Сначала гости повскакали с мест и кинулись к сцене, так подействовало на них зрелище, а налюбовавшись, сели за столы и прослушали арии. После второго блюда на подмостки выскочил скоморох и пригласил собравшихся поучаствовать в «даровой лотерее». Это было второе изобретение великой княгини — если нельзя очаровать грубые души, их можно купить. С двух сторон поднялись два маленьких занавеса, открывших изящные лавочки, где бесплатно выдавались номера для розыгрыша «фарфора, цветов, лент, вееров, гробов, кошечек, перчаток, темляков» и других безделушек. Никто не ушел без подарка.

Праздник напоминал волшебную сказку. Его описание поместили в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁴¹. Екатерина потратила за один день половину своего годового содержания и вызвала волну похвал.

«Его императорское высочество и все были в восхищении от него... Даже самые злые мои враги в течение нескольких дней не переставали восхвалять меня... В этот день у меня нашли качества, которых за мной не знали». Кроме откровенного самолюбования в приведенном отрывке бросается в глаза одна странность. С первых строк мемуаров Екатерина рассказывала, как старалась угождать окружающим, быть кроткой, искать общего расположения. Прошло 12 лет, и этих качеств за ней «не знали». Ее считали гордой, неуступчивой, высокомерной, слишком много воображающей о своем уме, неприветливой, даже злой. Эти обвинения кинет в лицо невестке Елизавета Петровна после ареста Бестужева и подтвердит в присутствии тетеньки муж. Еще в 1757 году Екатерину видели *не такой*, как привыкли видеть позднее.

Устроив блестящее увеселение и пожав сноп похвал, царица могла ненадолго вздохнуть спокойнее. Казалось, видимость добрых отношений с мужем достигнута. На время злые языки смолкли.

«Здесь империи принц»

Между тем Елизавета Петровна не переставала заявлять, будто сама готова пойти во главе войск. Ее пыл приходилось унимать австрийскому послу Эстергази, от имени Марии Терезии призывавшему русскую союзницу не рваться в бой раньше времени⁴².

И тут Фридрих II совершил новую политическую бестактность. Возмущенный Бестужев передал великой княгине, что прусский король пригрозил, будто при нападении русских войск на его армию он обнаружит

манифест в пользу свергнутого императора Ивана Антоновича. Елизавета тут же отозвалась: «Тогда я прикажу отрубить Ивану голову»⁴³.

Твердость тетушки могла только порадовать великокняжескую чету, а вот поведение Фридриха было откровенным предательством. Наследник, рискуя положением, демонстрировал верность своему кумиру: он несколько раз на заседаниях Конференции при высочайшем дворе открыто выступал против войны с Пруссией. В подобных обстоятельствах заявление прусского короля о поддержке Ивана Антоновича могло оттолкнуть от него немногочисленных союзников в России. Но, как это часто случается, последствий не сумел бы предвидеть и самый опытный гадатель на кофейной гуще. Елизавета Петровна призадумалась о судьбе свергнутого ею младенца-императора. На фоне вызывающего поведения великокняжеской четы она могла и изменить решение.

Голландский посланник Йохан дю Сварт доносил из Петербурга 12 октября 1757 года: «В начале прошлой зимы (то есть приблизительно в декабре 1756 года. — О. Е.) Ивана привезли в Шлиссельбург, а затем в Петербург, где он был помещен под строгий надзор в один изрядный дом, принадлежащий вдове секретаря тайной инквизиции. Императрица велела доставить его в Зимний дворец и, сама переодевшись в мужской костюм, встретила с ним. Здесь уже сомневаются, взойдут ли великий князь и великая княгиня на престол, или же сие суждено Ивану»⁴⁴.

Свергнутый Елизаветой с престола годовалый император к этому времени превратился уже в семнадцатилетнего юношу. Сведения о физическом и умственном развитии узника разнятся. Охранявшие его капитан Власьев и поручик Чекин писали, что он был «косноязычен до такой степени, что даже те, кто непрестанно видел и слышал его, с трудом могли его понять. Для произношения хотя бы отчасти вразумительных слов он был вынужден поддерживать рукою подбородок... Он не имел ни малейшей памяти, никакого ни о чем понятия, ни о радости, ни о горести, ни особенной к чему-либо склонности»⁴⁵. Временами, по уверениям караульных, арестант бывал буен, кричал на них и пытался драться. Но до этого его доводили сами служивые, от скуки дразнившие узника.

Поставленный начальником над охраной поручик Преображенского полка Михаил Овцын доносил в июне 1759 года: «Истинно возможности нет, и я не могу понять: в истину ль он в уме помещен или притворяется»⁴⁶. Есть сведения, что Иван тайком научился читать, знал Священное Писание, имел кое-какие книжки духовного содержания. Александр Шувалов распорядился изъять у заключенного «всяких материалов для письма, в том

числе извести от стен». Позднее начальник Тайной канцелярии присовокупил к этому требование сажать арестанта на цепь, бить его плетью или палкой, если он «будет чинить какие непорядки» или «говорить непристойности»⁴⁷.

Елизавета Петровна внимательно следила за положением узника. В преддверии войны он совсем не случайно был переведен из Холмогор в крепость, что означало более суровое заключение и более строгий надзор. Иван жил в узкой тесной камере, по которой беспрестанно ходил. Первые годы он не видел дневного света — вечно закрытые окна и зажженные свечи привели к тому, что арестант потерял представление о времени. Охранники вели себя развязно, отнимали у несчастного теплые вещи. Александр Шувалов лично докладывал императрице состояние дел, и — удивительная ситуация! — у ленивой, медлительной монархини всегда находилось время выслушать «великого инквизитора».

Когда новый император Петр III посетил арестанта в 1762 году, выяснилось, что тот знает о своем происхождении. «Я здешней империи принц и ваш государь!» — говорил он караульным. Это и раньше доносил Овцын: Иван-де заявлял, будто «он человек великий». На вопрос молодого монарха, что узник стал бы делать, окажись на свободе, тот, согласно немного разнящимся в деталях донесениям иностранных дипломатов, ответил, что «от своих прав не отказался бы» и «надеется снова попасть на трон». Иван жаловался на дурное обращение с ним и его семьей Елизаветы Петровны и угрожал, как только покинет темницу, отрубить ей голову. Ему не сказали о смерти императрицы. Что касается великокняжеской четы, то их узник желал выгнать из государства или тоже казнить.

Неудивительно, что Петр III разгневался. А вот какова была реакция Елизаветы, мы не знаем. Ей, виновнице несчастья Ивана Антоновича, видеть его, говорить с ним было особенно тяжело. Впрочем, царица могла и не показываться узнику лично — скрыться за ширмой и подсмотреть.

Что это было? Реакция на пропрусскую позицию племянника? Демонстрация своего нерасположения к официальным наследникам? Но в любом случае даже слух о том, что августейшая тетушка встречалась с узником, мог напугать великокняжескую чету.

«Канцлеровы финты»

Тем временем военные действия развивались как бы сами собой. Мирный фельдмаршал Степан Федорович Апраксин, человек Бестужева,

предпочитал до бесконечности подготавливать поход, не двигаясь с места. Он так прочно застрял в Ливонии, что столичные остряки уже назначали награду «тому, кто найдет пропавшую русскую армию»⁴⁸.

Однако уже летом 1757 года было ясно, что Елизавета всякие попытки оттянуть столкновение с Пруссией воспринимает как измену. В таких условиях канцлер ощутил себя под подозрением и решил поторопить толстяка Апраксина. Получив внушение, Степан Федорович был обескуражен и в сердцах бросил: «Это всё канцлеровы финты!»⁴⁹ Но делать было нечего. 21 июля 80-тысячная армия Апраксина наконец пересекла границы Восточной Пруссии. 16 августа подданные России узнали из манифеста о «несправедливых действиях короля прусского противу союзных с Россией Австрии и Польши». А 19 (30) августа русские войска одержали победу при Гросс-Егерсдорфе юго-восточнее Кёнигсберга над сильно уступавшим в численности противником. 25-тысячный корпус фельдмаршала Левальда потерял 4600 человек убитыми и оставил на поле боя 29 пушек.

Описание баталии у Понятовского очень характерно для восприятия событий в тогдашней дипломатической среде: «Всё сделали в сущности русские солдаты: они твердо знали, что должны стрелять, пока хватит зарядов, и не спасаться бегством, и попросту выполняя свой долг, они перебили столько пруссаков, что случай счел себя обязанным отдать поле боя — им»⁵⁰. А ведь именно при Гросс-Егерсдорфе впервые ярко возшла звезда будущего фельдмаршала, тогда еще молодого генерал-майора Петра Александровича Румянцева, который прямо с марша, бросив обоз, с четырьмя полками пересек лес и ударил на прусскую пехоту. Рубка была страшной. Во многом именно этот наскок с фланга и решил судьбу баталии.

Но и после победы при Гросс-Егерсдорфе союзники продолжали воспринимать русскую армию как весьма слабого участника игры. В сентябре 1758 года руководитель французской внешней политики кардинал Берни писал а Петербург маркизу Лопиталю: «Мы действительно желали, чтобы русские действовали, но мы желали, чтобы они действовали диверсиями, угрожая Пруссии, взимая с нее контрибуции, отвлекая армию прусского короля, но не вступая с ней в сражение, которое может ослабить их и принести ему новые преимущества». Иными словами, армии Елизаветы предлагалась чистая партизанщина. Посланник отвечал в тон: «У русской императрицы нет ни одного генерала, способного командовать армией. Русский солдат храбр и отважен; но без дисциплины, без порядка, без офицеров, без предводителей всё будет идти всегда очень тихо и

дурно»⁵¹. К этому времени русские уже оккупировали всю Восточную Пруссию, и это вызывало тревогу Версаля. Делиться послевоенными трофеями с храбрыми, но плохо организованными диверсантами министры Людовика XV не хотели. Соблазнительные слова, сказанные Елизавете, чтобы увлечь ее в альянс, оставались не более чем фигурой речи. По верному замечанию П. П. Черкасова, французский кабинет постоянно колебался между *пренебрежением* и *опасением* в отношении восточного союзника. Эти слова характерны для всей европейской дипломатии.

Однако отступление русской армии в начале войны, после победы при Гросс-Егерсдорфе, вызвало волну негодования в Париже. Не поверив в успех, Апраксин ретировался к Тильзиту, «хотя магистрат Кёнигсберга назначил уже депутацию, которая должна была вручить фельдмаршалу ключи от города. Вена и Версаль не преминули завопить об измене», — вспоминал Понятовский⁵².

«При сем дворе весьма удивлены, что российская армия со флотом, превосходя по меньшей мере вчетверо силу прусскую, не могли утвердиться тамо и не успели взять ни Кёнигсберг, ни Пилау и себе доставить зимние квартиры в неприятельском владении», — писал 10 октября русский посол, брат канцлера, М. П. Бестужев-Рюмин. Чуть ранее он доносил, что причиной отступления Апраксина в Версале считают «некоторое замешательство внутри всероссийской империи»⁵³.

Действительно, события, последовавшие за победой, ошеломили наблюдателей и вскрыли для Елизаветы корни заговора при ее дворе. Ретирада Апраксина вызвала искренний страх у его покровителя Бестужева. Чутьем опытного придворного Алексей Петрович ощутил, что именно его сделают ответственным за случившееся. Это было началом конца. Явился долгожданный повод для отстранения канцлера от власти. 13 сентября он писал Степану Федоровичу: «Я крайне сожалею, что армия под командою вашего превосходительства... хотя и победу одержала, однако ж принуждена, будучи победительницею, ретироваться. Я собственному вашему превосходительству глубокому проницанию предаю, какое от того произойти может бесславие как армии, так и вашему превосходительству»⁵⁴.

Это было написано через пять дней после трагического события. 8 сентября у дверей церкви в Царском Селе при большом стечении народа, пришедшего из окрестных деревень на праздничную службу в честь Рождества Богородицы, императрица внезапно упала в обморок. Он был необычайно глубок и продолжителен, так что многие из придворных

подумали, будто недалек смертный час Елизаветы⁵⁵. Пропал пульс, казалось, что государыня не дышит. Одна из крестьянок даже накрыла ей лицо платком. Императрице публично пустили кровь, что произвело на собравшихся тягостное впечатление. «Гласность события еще увеличивала его печаль, — писала Екатерина. — До сих пор держали болезнь императрицы в большом секрете»⁵⁶.

Кто бы мог подумать, что враги канцлера сумеют соединить ретираду Апраксина и обморок Елизаветы. По распространившейся, как степной пожар, версии канцлер направил письмо Апраксину, где сообщал о близкой кончине императрицы и просил подкрепить его войсками на случай переворота. Апраксин якобы дал подчиненным приказ отступить из Пруссии. Оправившись от припадка, Елизавета заподозрила предательство, в чем ее усиленно уверяли Эстергази и Лопиталь, ссылаясь на «недоумение» и «огорчение» своих дворов отступлением русских.

Понятовский описал характерную сценку: «Французский посол Л'Опиталь взял на себя обязанность прямо сказать императрице, приблизившись к ней на одном из куртагов якобы для того, чтобы сделать комплимент пышности ее убора:

— При вашем дворе, Мадам, есть человек, весьма для вас опасный.

Перепуганная Елизавета спросила, кто же этот человек? Л'Опиталь назвал Бестужева и тут же удалился. Удар был нанесен»⁵⁷.

При этом оба союзных дипломата, судя по донесениям, не верили в сговор Апраксина и Бестужева, однако в их интересах было повалить канцлера⁵⁸. Позднее следствие обратит внимание, что приказ об отступлении был отдан фельдмаршалом в ночь с 14 на 15 сентября, то есть через неделю после приступа, случившегося у Елизаветы. До какой степени сама дочь Петра была убеждена в виновности «заговорщиков»? Скорее она воспользовалась удачно сложившейся ситуацией, позволяя обреченным запутаться еще больше.

После ареста Бестужева довольный Воронцов признался Лопиталю, что устранение канцлера произошло бы раньше, если бы не припадок Елизаветы Петровны. «Этот непредвиденный удар всё испортил»⁵⁹, — жаловался он. Следовательно, решение о снятии Бестужева было принято еще до отступления армии Апраксина.

Как современные историки, так и большинство тогдашних военных деятелей оправдывали действия фельдмаршала, справедливо указывая на недостаток провианта и растянутые коммуникации. Вероятнее всего, заговор с ретирадой существовал только в воображении французских

дипломатов. Но был другой, скрытый комплот, о котором императрица подозревала давно, а теперь наконец позволила себе прикоснуться к его корням. Это связь Бестужева и Апраксина с малым двором, с наследниками. Не важно, что в письмах к фельдмаршалу царевна уговаривала его не медлить и исполнять долг. Сам факт переписки с государственными деятелями Елизавета считала изменой — ее министры и генералы за спиной монархини ведут некие переговоры с великокняжеской четой.

Что было бы, узнай она о том, как действительно далеко зашел ее канцлер? Бестужев уже два года назад составил проект манифеста, согласно которому великий князь Петр Федорович хотя и провозглашался императором, но не становился самодержавным монархом, а его жена Екатерина Алексеевна должна была занять при нем место соправительницы. Самому себе канцлер прочил роль первого министра с неограниченными полномочиями, он намеревался возглавить важнейшие коллегии и все гвардейские полки. Позднее Екатерина вспоминала: «Он много раз исправлял и давал переписывать свой проект, изменял его, дополнял, сокращал и, казалось, был им очень занят»⁶⁰.

18 октября Апраксин получил приказ ехать в Петербург. Его документы были опечатаны. Среди последних искали письма великой княгини, о существовании которых узнал австрийский посол Эстергази. Он же посоветовал великому князю подать августейшей тетушке жалобу на канцлера⁶¹ и тем, сделав ей угодное, восстановить отношения. Напуганный намеком Елизаветы на Ивана Антоновича, Петр, что называется, дал задний ход. Он повинился перед императрицей в дурном поведении, заявив, что всему виной злонамеренные советники — Бестужев и жена.

«Мой ли это ребенок?»

Осень и начало зимы 1757 года были тревожными. Великий князь дулся на супругу из-за скорого появления второго ребенка и вовсе не желал признавать его своим.

«Его императорское высочество сердился на мою беременность, — вспоминала Екатерина, — и вздумал сказать однажды у себя: «Бог знает, откуда моя жена берет свою беременность, я не слишком-то знаю, мой ли это ребенок и должен ли я его принять на свой счет». Лев Нарышкин прибежал ко мне и передал эти слова прямо с пылу. Я, понятно, испугалась

таких речей и сказала ему: «Вы все ветреники; потребуйте от него клятвы, что он не спал со своею женою, и скажите, что если он даст эту клятву, то вы сообщите Александру Шувалову, как великому инквизитору империи». Лев Нарышкин пошел действительно к Его императорскому высочеству и потребовал от него этой клятвы, на что получил ответ: «Убирайтесь к черту и не говорите мне больше об этом»⁶².

Как обычно, Екатерину не покинуло присутствие духа. Однако она в очередной раз с досадой убедилась в легкомыслии мужа. Кажется, он вовсе не ценил союза с ней. Просто молот вздор, не замечая, каким опасным тот может оказаться.

При дворе считали, что Екатерина понесла от Понятовского. Но коль скоро между ней и мужем сохранялась связь, то и его отцовство вероятно. В мемуарах сразу после рассказа о неприятном разговоре следует признание великой княгини в нравственном выборе, который она сделала. Приближались грозные дни — канцлер терял вес, а вскоре должен был потерять пост. И единственный союзник, который у нее оставался, — пусть неверный и слабый — позволял себе подставлять жену под удар. В результате болтовни о ребенке великая княгиня поняла: она не может рассчитывать на Петра. Более того: связывать с ним свою судьбу в дальнейшем — гибельно.

«На мой выбор представлялись три дороги одинаково трудные: во-первых, делить участь Его императорского высочества, как она может сложиться; во-вторых, подвергаться ежечасно тому, что ему угодно будет затеять за или против меня; в-третьих, избрать путь, независимый от всяких событий... Эта последняя доля показалась мне самой надежной»⁶³. Последующие события заставили великую княгиню понять, что она одна стоит больше, чем вдвоем с мужем.

«В ночь с 8 на 9 декабря я начала чувствовать боли перед родами... Через несколько времени великий князь вошел в мою комнату, одетый в свой голштинский мундир, в сапогах и шпорах, с шарфом вокруг пояса и с громадной шпагой на боку; он был в полном параде; было около двух с половиной часов утра. Очень удивленная этим одеянием, я спросила его о причине столь изысканного наряда. На это он мне ответил, что... долг голштинского офицера защищать по присяге герцогский дом против всех своих врагов, и так как мне нехорошо, то он поспешил ко мне на помощь. Можно было бы сказать, что он шутит, но вовсе нет: то, что он говорил, было очень серьезно».

Особая трудность при общении с Петром состояла в том, что никогда

невозможно было понять, издевается он или говорит искренне. В декабре 1757 года Екатерина действительно находилась в большой опасности. Но не от родов. И не от схваток пришел защищать ее муж. Возможно, демонстрация «военной силы» была для него способом помириться с ней. Таким же, как ее праздник и опера «Беллерофонт». Великий князь долго думал после приснопамятного разговора с Нарышкиным и, наконец, пришел показать, что будет на стороне жены. Себя Петр навал голштинским офицером, а ее и будущего ребенка — герцогским домом, который нуждается в охране. Таким образом, он подчеркивал, что супруга не только русская великая княгиня, распорядиться которой вольна Елизавета, но и владетельная герцогиня Голштинская, у которой имеются и иные права.

Если бы Петр умел отстоять эти права хотя бы для самого себя, возможно, и реакция жены на его маленький маскарад была бы иной. Но в сложившихся обстоятельствах она снова не восприняла мужа всерьез. «Я легко догадалась, что он пьян, и посоветовала ему идти спать, чтобы когда императрица придет, она не имела двойного неудовольствия видеть его пьяным и вооруженным с ног до головы, в голштинском мундире, который... она ненавидела».

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о полном непонимании. Екатерина ждала подлинную хозяйку своей судьбы. «Едва она вошла, как я разрешилась 9 декабря... дочерью, которой я просила императрицу дать ее имя; но она решила, что она будет носить имя... Анны Петровны, матери великого князя. Этот последний, казалось, был очень доволен рождением этого ребенка»⁶⁴. Петр устроил праздники «у себя» и в Голштинии. «Давались, как говорят, прекраснейшие спектакли, я не видела ни одного»⁶⁵.

«С ножом в сердце»

14 февраля 1758 года Бестужев был арестован на заседании Конференции при высочайшем дворе⁶⁶. К счастью для себя, он успел уничтожить все бумаги и до конца отрицал существование у него каких-либо планов на случай кончины государыни.

15 февраля в русские посольства и военные миссии за рубежом полетел рескрипт, составленный Воронцовым. От посольств требовалось незамедлительно выслать все полученные от Бестужева документы с 1742

года «в оригиналах и без малейшей утайки»⁶⁷. В сущности, никаких улик против канцлера не имелось. Добыть их рассчитывали, захватив его бумаги и хорошенько допросив самого. В данном случае логика Елизаветы полностью совпадала с логикой ее племянника в деле голштинского министра Элендсгейма. Сначала взять под стражу, а потом поискать, за что.

Понятовский сообщил Екатерине страшную новость: «Вчера вечером граф Бестужев был арестован и лишен чинов и должностей и с ним вместе арестованы ваш ювелир Бернард, Елагин и Ададуров». Через Бернард великая княгиня передавала записки канцлеру. Ададуров был ее старым учителем русского языка, сохранившим с ней самые теплые отношения. Елагин — адъютант Алексея Разумовского, друг опального Бекетова, также преданный Екатерине.

Имена пострадавших дали царевне понять, что вокруг нее затягивается петля. «Я так и остолбенела, читая эти строки, — признавалась она. — ...С ножом в сердце... я оделась и пошла к обедне»⁶⁸. Здесь ей показалось, что у собравшихся вытянутые лица.

Остается только удивляться умению Екатерины владеть собой. Она не спряталась, не замерла в бездействии, ожидая разоблачения, а, напротив, показывалась везде, открыто заявляя, что канцлер пострадал безвинно. Вечером 15 февраля «во время бала я подошла к князю Никите Трубецкому и... сказала ему вполголоса: «Нашли вы больше преступлений, чем преступников, или у вас больше преступников, нежели преступлений?» На это он мне сказал: «Мы сделали то, что нам велели, но что касается преступлений, то их еще ищут». По окончании разговора с ним я пошла поговорить с фельдмаршалом Бутурлиным, который мне сказал: «Бестужев арестован, но в настоящее время мы ищем причину, почему это сделано». Так говорили оба главных следователя, назначенных императрицей, чтобы с графом Александром Шуваловым производить допрос арестованных»⁶⁹.

Екатерина могла бы, как и по поводу Элендсгейма, заявить: «Это варварство, милый мой!» Она уже видела, что великий князь выказывает по поводу ареста канцлера радость, а к ней старается не подходить. Лопиталь донес в Париж, что через пару дней после падения Бестужева Петр Федорович сам подошел к нему со словами: «Как жаль, что мой друг Ла Шетарди умер. Он бы порадовался, узнав о судьбе Бестужева». Такой поступок со стороны рьяного противника союза с Францией был притворством, тем более неприятным, что изобличал одновременно и жестокость, и трусость. Испугавшись за себя, Петр готов был бросить временного союзника и жену.

Из тех вопросов, которые задавались канцлеру на следствии, хорошо видно, что Елизавету более всего интересовала роль невестки. Дело Апраксина, быстро перетекшее в дело Бестужева, должно было превратиться в дело Екатерины.

27 февраля Алексею Петровичу было сказано, что императрица очень недовольна его прежними ответами и видит в них заpiresательство. Если он продолжит в том же духе, его направят в крепость и поступят «как с крайним злодеем». Это был прозрачный намек на пытку. Но канцлера не удалось запугать. «Говорят, что Бестужев весьма мужественно переносит свое несчастье, — доносил в Лондон 30 марта новый английский посол Роберт Кейт, — и не дает никакого повода представить недоброжелателям своим какие-либо против него свидетельства»⁷⁰.

Особый пункт расспросов касался Петра Федоровича. «Его высочеству великому князю говорил ты, что ежели его высочество не перестанет таков быть, каков он есть, то ты другие меры против него возьмешь; имеешь явственно изъяснить, какие ты хотел в великом князе перемены и какие другие меры принять думал»⁷¹.

Последний вопрос отсылал Бестужева прямо к проекту о соправительстве Екатерины. Однако все варианты проекта были уничтожены. На руках у следствия не имелось ни одного уличающего документа. Оставалось уповать только на признания обвиняемых. Но Алексей Петрович опять не признавался. Опытный политик, он понимал, что лучше держаться одной линии. Стоит показать колебания, и его разорвут.

Дошло до того, что Бестужеву в качестве улики предъявили найденную у него при обыске золотую табакерку с портретом великой княгини. Канцлер смело заявил, что получил ее в подарок от самой Екатерины на одном из куртагов незадолго до ареста. Что из этого следовало? Ничего. Можно ли было на основании презента судить бывшего министра? Подобные безделушки имелись у многих, они и делались специально для раздачи.

Алексей Петрович не позволил схватить ученицу за руку. Чтобы повлиять на Екатерину, был пущен слух, будто ее вот-вот вышлют из России. Вероятно, Елизавету устроило бы, не предпринимая никаких решительных шагов, держать невестку под угрозой подобной участи и тем заставить вести себя потише. Однако царевна перехватила инициативу, она задумала добиться от августейшей свекрови прямого ответа. А ничего не могло быть императрице неприятнее, чем резкие и бесповоротные слова.

Великая княгиня сама обратилась к государыне с письмом, благодаря ее за милости и прося разрешения вернуться домой⁷². В результате двух «откровенных» разговоров ей удалось оправдаться. Хотя во время первого за ширмами присутствовал Петр Федорович, а в комнате — поддерживавший его Александр Шувалов. Муж говорил «с запальчивостью» и обвинял жену: «Она ужасно гордая и злая». «Я после узнала, что в этот самый день (13 апреля. — О, Е.) он обещал Елизавете Воронцовой жениться на ней»⁷³, — писала Екатерина. Встала и тема возможной незаконнорожденности Павла. Но Елизавета сама пресекла всякие рассуждения: «Если и так, то он не первый в нашей семье». Она явно не хотела терять запасного наследника. Успела привязаться к внуку?

Зато императрица сообщила племяннику, что жена жаловалась на Брокдорфа. Это значило поссорить их «еще больше, чем когда-либо». Возникает вопрос: а хотела ли Елизавета Петровна примирения между наследниками? Ведь объединиться они могли только против нее. Создав ситуацию, при которой супруги уже не могли пойти навстречу друг другу, государыня предпочла не принимать никакого решения. Это был ее излюбленный метод — застыть ровно за шаг до выхода из трудной ситуации. Видимо, она считала, что самое безопасное — балансировать над пропастью.

Ночной разговор всегда называют победой Екатерины: ей удалось убедить императрицу в своей непричастности. А Елизавету показывают смягчившейся и потому проигравшей. Так ли? Императрица добилась всего, чего хотела. Не в ее интересах было высылать невестку и расторгать брак племянника, тем самым обнаруживая нестабильность престолонаследия. Арестовав Бестужева и его сторонников, она уничтожила партию, действовавшую в пользу малого двора, и обезоружила великую княгиню. Раздавленная, лишенная союзников, та была уже не опасна. Ее следовало оставить в резерве, чтобы не дать альянсу великого князя и Воронцовых приобрести угрожающие для самой Елизаветы черты.

Екатерине стало известно через третьи руки, что императрица сказала приближенным: «Это очень умная женщина, но мой племянник дурак». Была ли то похвала? К 30 мая отношения тетушки и невестки выглядели для сторонних наблюдателей безоблачными. «В воскресенье вечером императрица впервые со дня моего приезда появилась на куртаге. Она довольно долго задержалась возле великой княгини у карточного стола и много с нею разговаривала с тоном веселости и сердечности»⁷⁴, — доносил Кейт.

Даже великому князю пришлось внешне склониться перед волей тетки. Оказалось, что, кроме него, никто не хочет высылки Екатерины. На другой день после первого разговора, 14 апреля, царевну посетил вице-канцлер Воронцов и передал от имени Елизаветы, что та крайне опечалена желанием невестки уехать, да и «все честные люди» тоже. Екатерина писала, что Михаил Илларионович «был лицемером, каких свет не производил», поэтому она не поверила ни единому слову. Ведь в тяжкие дни между первой и второй беседой, когда великая княгиня фактически сама держала себя под домашним арестом, племянница вице-канцлера уже «приходила в покои» Петра Федоровича и «разыгрывала там хозяйку». Но визит дяди фаворитки ясно показал царевне, что настроение императрицы изменилось в ее пользу. Враги поджали хвосты.

Однако положение оставалось шатким. 30 октября 1757 года король Август III направил своему посланнику Понятовскому отзывную грамоту⁷⁵. Угроза скорой разлуки заставила дипломата чаще посещать Екатерину и почти забыть об осторожности. Он жил тогда в Петергофе, а малый двор в Ораниенбауме, так что дорога казалась короткой. Но белые ночи обманчивы. Однажды, 6 июля, Понятовский отправился к великой княгине, предварительно не предупредив ее.

По дороге у Ораниенбаумского леска его экипаж столкнулся с каретами великого князя. На вопрос, кто едет, последовал ответ: портной. Петр и его свита — «все они были наполовину пьяны» — не обратили бы внимания, но Елизавета Воронцова «стала зубоскалить по адресу предполагаемого портного и делала при этом предположения, приведшие великого князя в... мрачное настроение».

Проведя в гостях у возлюбленной несколько часов, Станислав уже возвращался домой, когда на него в нескольких шагах от павильона напали три всадника с обнаженными шпагами. Схватив кавалера за воротник, они доставили его к Петру Федоровичу. «Некоторое время мы все двигались по дороге, ведущей к морю, — вспоминал Понятовский. — Я решил, что мне конец». На берегу его препроводили в другой павильон, где великий князь прямо спросил дипломата: «спал ли я с его женой».

Поскольку герой-любовник отказался отвечать, его оставили «под охраной часового в комнате, где не было никого, кроме... генерала Брокдорфа». Последний мог торжествовать: наконец выпал случай «раздавить змею». Через два часа в павильон прибыл Александр Шувалов.

Его приглашение ясно свидетельствовало, что Петр рассчитывал на скандал, который, быть может, подтолкнет тетушку к высылке Екатерины. Но ситуация изменилась. Если до ареста Бестужева и объяснений Екатерины со свекровью всякий проступок невестки трактовался в пользу ее врагов, то теперь нарыв прорвался. Петр опоздал с разоблачениями. Никто при большом дворе, включая Шуваловых, не был заинтересован в новом разбирательстве.

Понятовский хорошо почувствовал это. Вид у начальника Тайной канцелярии был скорее озабоченный, чем грозный. Вероятно, вельможа получил высочайший приказ как можно быстрее замять происшествие. «Надеюсь, граф, вы сами понимаете, что достоинство вашего двора... требует, чтобы все это кончилось, не возбуждая... шума», — сказал ему арестант. Действительно, Шувалов препроводил дипломата к карете и велел возвращаться в Петергоф.

Пять дней прошли для посланника в волнениях; ему казалось, что все вокруг знают о его приключении и потихоньку посмеиваются. Наконец, Екатерина сумела передать записку, из которой следовало: «она предприняла кое-какие шаги, чтобы установить добрые отношения с любовницей ее мужа»⁷⁶.

Екатерина предложила «любимой султанше» Петра Федоровича денег. И... та взяла. Рюльер, описав похищение Понятовского, обнаружил прекрасную осведомленность: «Так как все доходы великого князя употреблены были на солдат, и ему недоставало средств, чтоб увеличить состояние своей любовницы, то великая княгиня, обращаясь к ней, обещала давать ей ежегодное жалование»⁷⁷.

Вскоре на празднике в Петергофе Понятовский пригласил Елизавету Воронцову на менюэт. «Вы могли бы осчастливить несколько человек сразу», — сказал он. Фаворитка Петра, настроенная уже доброжелательно, пригласила дипломата прийти нынче ночью в Монплеизир. Ночное свидание превзошло все ожидания. «Вот уже великий князь с самым благодушным видом идет мне навстречу, приговаривая:

— Ну, не безумец ли ты! Что стоило совершенно признаться — никакой чепухи бы не было.

Я признался во всем (еще бы!) и тут же принялся восхищаться мудростью распоряжений Его императорского высочества... Это польстило великому князю и привело его в столь прекрасное расположение, что через четверть часа он обратился ко мне со словами:

— Ну, раз мы теперь добрые друзья, здесь явно еще кого-то не хватает!

Он направился в комнату своей жены, вытащил ее, как я потом узнал, из постели, дал натянуть чулки, но не туфли, накинуть платье из батавской ткани, без нижней юбки, и в этом наряде привел ее к нам.

Мне он сказал:

— Ну вот и она. Надеюсь, теперь мною останутся довольны. Подхватив мяч на лету, великая княгиня заметила ему:

— Недостает только вашей записки вице-канцлеру Воронцову с приказанием обеспечить скорое возвращение нашего друга из Варшавы». Записка была немедленно составлена. Елизавета Воронцова приписала на ней несколько доброжелательных строк: «Вы можете быть уверены, что я сделаю всё для вашего возвращения». Мир казался полным. «Затем мы принялись болтать, хохотать, устраивать тысячи маленьких шалостей, используя находившийся в этой комнате фонтан — так, словно мы не ведали никаких забот. Расстались мы около четырех часов утра»⁷⁸.

Поведение Петра кажется ерническим. Враг всяческого притворства, он, обнаруживая вещи такими, какие они есть, перегибал палку. Его откровенность почти всегда была оскорбительна. Но обратим внимание, как великий князь помрачнел, услышав от любовницы насмешки в адрес мнимого портного. Ему на самом деле было крайне неприятно, что у жены тоже есть кавалер. Видимость мира, достигнутая у фонтана, всем участникам давалась непросто.

Внешне всё выглядело так, будто супруги «совершенно примирились», как писал 14 июля Кейт⁷⁹. Но еще около полугода продолжалось следствие по делу Бестужева. 6 августа 1758 года несчастный фельдмаршал Апраксин скончался в крепости от апоплексического удара. Его уже готовились оправдать и заявили, что приступают «к последней процедуре». Степан Федорович решил, что будет применена пытка, и сердце толстяка не выдержало. Финальный допрос бывшего канцлера прошел 2 января 1759 года. Он был приговорен к отсечению головы за оскорбление Величества, замененное ссылкой в деревню Горетово под Можайском⁸⁰.

Примечания к разделу

- ¹ *Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 420.*
- ² *Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XII. История России с древнейших времен. Т. 23–24. М., 1993. С. 334.*
- ³ *Архангельский Д. Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Ч. Генбюри Уилльямса как исторический источник// Русская старина. 1910. Т. 144. С. 341.*
- ⁴ *ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. № 524. Л. 1–5.*
- ⁵ *Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 37.*
- ⁶ *Понятовский С. А. Мемуары. М., 1995. С. 104–105.*
- ⁷ *Соловьев С. М. Указ. соч. С. 337.*
- ⁸ *Бильбасов В. А. История Екатерины II. Берлин, 1900. Т. I. С. 348.*
- ⁹ *Чечулин Н. Д. Екатерина II в борьбе за престол. Л., 1924. С. 101.*
- ¹⁰ *Там же. С. 100.*
- ¹¹ *Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Чарльза Г. Уилльямса // Русский архив. 1909. Т. 228. С. 27.*
- ¹² *Там же. С. 52.*
- ¹³ *Там же. С. 47–48.*
- ¹⁴ *Там же. С. 186.*
- ¹⁵ *Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 96.*
- ¹⁶ *РГБ ОР. Ф. 369. Собр. Бонч-сол1_0 375. Ед. хр. 29. Л. 7.*
- ¹⁷ *Тургенев А. И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 161.*
- ¹⁸ *Там же. С. 153–154.*
- ¹⁹ *Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 118–119.*
- ²⁰ *Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 142–143.*
- ²¹ *Черкасов П. П. Указ. соч. С. 146.*
- ²² *Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 405.*
- ²³ *Тургенев А. И. Указ. соч. С. 168.*
- ²⁴ *Яковлев Н. Н. Европа накануне Семилетней войны. М., 1997. С. 122–123.*
- ²⁵ *Черкасов П. П. Указ. соч. С. 124.*
- ²⁶ *Соловьев С. М. Указ. соч. С. 337.*

- ²⁷ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 173.
- ²⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 607.
- ²⁹ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 174.
- ³⁰ Мадариага И. де. Указ. соч. С. 40.
- ³¹ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 183.
- ³² Черкасов П. П. Указ. соч. С. 53.
- ³³ Там же. С. 130.
- ³⁴ Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»). С. 341.
- ³⁵ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 144, 162, 164.
- ³⁶ Черкасов П. П. Указ. соч. С. 56.
- ³⁷ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 151.
- ³⁸ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 125.
- ³⁹ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 405.
- ⁴⁰ Мыльников А. С. Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2002 (серия «ЖЗЛ»). М., 2002. С. 92.
- ⁴¹ Там же. С. 94.
- ⁴² Черкасов П. П. Указ. соч. С. 74.
- ⁴³ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 338.
- ⁴⁴ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 191.
- ⁴⁵ Там же. С. 81.
- ⁴⁶ Там же. С. 163.
- ⁴⁷ Мыльников А. С. Испытание чудом. Л., 1991. С. 208.
- ⁴⁸ Фирсов Н. Н. Условия, при которых началась Семилетняя война. М., 1916. С. 15.
- ⁴⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 384.
- ⁵⁰ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 127.
- ⁵¹ Черкасов П. П. Указ. соч. С. 142.
- ⁵² Понятовский С. А. Указ. соч. С. 128.
- ⁵³ Черкасов П. П. Указ. соч. С. 137.
- ⁵⁴ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 423.
- ⁵⁵ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 263.
- ⁵⁶ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 429.
- ⁵⁷ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 129.

- ⁵⁸ Черкасов П. П. Указ. соч. С. 147.
- ⁵⁹ Там же. С. 148.
- ⁶⁰ Екатерина II. Записки. СПб., 1907. С. 403–404.
- ⁶¹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 424, 428.
- ⁶² Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 430.
- ⁶³ Там же. С. 430–431.
- ⁶⁴ Там же. С. 432.
- ⁶⁵ Там же. С. 433–434.
- ⁶⁶ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 274–276.
- ⁶⁷ Черкасов П. П. Указ. соч. С. 149–150.
- ⁶⁸ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 437.
- ⁶⁹ Там же. С. 438.
- ⁷⁰ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 179.
- ⁷¹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 429–431.
- ⁷² Там же. С. 445–446.
- ⁷³ Там же. С. 452–456.
- ⁷⁴ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 195.
- ⁷⁵ Там же. С. 192.
- ⁷⁶ Там же. С. 136–137.
- ⁷⁷ Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 57.
- ⁷⁸ Понятовский С. А. С. 138–139.
- ⁷⁹ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 195.
- ⁸⁰ Черкасов П. П. Указ. соч. С. 151.

Глава восьмая

КТО НАСЛЕДНИК?

Разгоревшаяся в центре Европы Семилетняя война (1756–1763) в течение долгого времени определяла интересы всех держав — участников конфликта. Хотя Россия на поле боя и сделала больше других для победы над прусским королем Фридрихом II, политически она оставалась самым слабым звеном альянса. Кабинет Елизаветы Петровны, ее окружение, двор оказались расколоты изнутри. Никто, кроме самой императрицы и подкупленных Версалем сановников, не был заинтересован в боевых действиях. Однако, по мере того как армия одерживала победы, столкновение с Пруссией становилось всё более популярным.

Малейшее ухудшение здоровья царицы пугало Париж и Вену, ибо там понимали, что участие России в конфликте обусловлено единственно волей дочери Петра. 1 января 1760 года английский посол сэр Роберт Кейт доносил в Лондон: «Императрица заявила австрийскому посланнику, что... будет продолжать войну... даже если придется... продать свои платья и драгоценности»¹. Для такой щеголихи, как Елизавета, громадная жертва!

Наследники Елизаветы явно не одобряли происходившее, и пока не поздно, союзным дворам следовало наладить с ними отношения.

Бескорыстная несправедливость

Зимой 1759 года возникло дело, способное ненадолго перекинуть мост между супругами. Но именно оно показало колоссальную разницу их «государственного» мышления. Речь шла о Курляндии, которую Елизавета Петровна, ничтоже сумняшеся, сосватала сыну польского короля Августа III принцу Карлу.

Пока бывший фаворит Анны Иоанновны герцог Эрнст Иоганн Бирон находился в ссылке в Ярославле, престол этого небольшого вассального Польше государства пустовал. «Получив от императрицы очередное заверение в том, что государственные интересы никогда не позволят России освободить герцога Бирона... король счел себя вправе поставить перед сенатом Польши вопрос: не пора ли рассматривать место правителя Курляндии как вакантное? — вспоминал Станислав Понятовский. — ...1

января 1759 года Карл был официально и с большой помпой объявлен герцогом Курляндским»².

До какой степени произошедшее отвечало интересам России? Империя давно втягивала Курляндию в сферу своей власти. Со времен Петра I герцоги не избирались без согласия Петербурга, а также без участия русских денег и русских войск. Хотя Польша обладала над Курляндией правами суверена, в реальности эти права нечем было подкрепить. Пустой престол в полунезависимом княжестве, хозяин которого находился в России под стражей, выглядел для Петербурга желаннее, чем занятый сыном польского короля. Поэтому шаг Елизаветы был по меньшей мере неожиданным.

С. М. Соловьев объяснил поступок императрицы тем, что обмен Курляндии на Восточную Пруссию, уже захваченную русскими войсками у Фридриха II, казался делом решенным. Государыня и ее советники считали, будто принц Карл просто переедет из Митавы в Кёнигсберг. Поэтому Елизавета поручила своим дипломатам в Польше действовать в пользу королевского сына. При малом дворе случившееся вызвало бурю эмоций.

Вероятно, в последний раз Петр Федорович и его супруга одинаково реагировали на событие международной важности. Великий князь ненавидел Саксонскую династию, властвовавшую в тот момент в Польше и воевавшую с Пруссией. Он написал канцлеру Михаилу Воронцову запальчивое письмо о том, что императрице следовало бы сначала позаботиться о Голштинском доме — его третий дядя принц Георг Людвиг больше подошел бы для курляндской короны. Канцлер показал послание Елизавете, и та велела отвечать отказом³.

Оскорбленный пренебрежением к своим родным и к себе лично, Петр запросился в загородную резиденцию Ораниенбаум. 5 января английский посол Роберт Кейт писал о дошедших до него слухах: «Великий князь подал императрице записку, в коей представляет, что ныне по достижении совершенных лет его можно почитать способным к собственным суждениям. Он не желает терпеть долее принуждения и стеснения, в коих ее величеству угодно содержать его, а посему просит дозволения удалиться в собственное его владение Ораниенбаум»⁴.

Вероятнее всего, именно об этом несостоявшемся «бегстве» говорят недатированные записки Петра тогдашнему фавориту Елизаветы Ивану Ивановичу Шувалову: «Милостивый государь! Я вас просил... о дозволении ехать в Ораниенбаум, но я вижу, что моя просьба не имела успеха; я болен и в хандре до высочайшей степени; я вас прошу именем

Бога склоните Ея величество на то, чтобы позволила мне ехать в Ораниенбаум; если я не оставляю эту прекрасную придворную жизнь и не буду наслаждаться, как хочу, деревенским воздухом, то наверно околею здесь со скуки и от неудовольствия»⁵.

Примерно тогда же Петр требовал отпустить его на родину, что в военное время было немыслимо. «Я столько раз просил вас исходатайствовать у Ея императорского величества, чтоб она позволила мне в продолжение двух лет путешествовать за границей, — писал он Ивану Ивановичу, — и теперь повторяю это еще раз и прошу убедительно устроить, чтобы мне позволили»⁶. В результате наследника не пустили не только в Германию, но и в Ораниенбаум. Однако интересно само движение мыслей и чувств Петра. Для него дело о Курляндии сначала стало делом о бедных немецких родственниках, а потом — о поездке на дачу.

Тот факт, что в данном случае Россия теряла контроль над обширной территорией, установленный еще Петром I, лежал как бы вне поля зрения цесаревича. Он даже не задумывался над этим. Его просто взволновало, что корона, которая могла достаться представителю Голштинского дома, уплыла к соперникам. Перед нами характерный способ мышления человека из маленького немецкого мирка, рассматривавшего подвластные земли как семейные владения, вне зависимости от их национального лица и исторической судьбы. Точно так же думал об Англии и Ганновере английский король Георг II. Сколько бы Петр ни прожил в России, а его коронованный кузен в Великобритании, оба психологически оставались германскими владетельными князьями.

Екатерина мыслила иначе. Уступку Курляндии принцу Карлу она назвала отказом от русских интересов: «В деле о Курляндии было справедливым возратить детям Бирона то, что им предназначалось от Бога и природы. Если же хотели бы следовать корысти, то долженствовало (признаюсь, что несправедливо) беречь Курляндию и изъять ее из-под власти Польши для присоединения к России. [Но] нашли третий способ, по которому учинена несправедливость без извлечения из того и тени выгоды».

Дальнейший пассаж выдает в великой княгине не только ученицу Бестужева, но и здравомыслящего политика, много раздумывавшего о положении России по отношению к ее соседям: «Отдали Курляндию принцу Карлу. Через это самое усиливается польский король, который, следуя политике, усвоенной им от отца своего, ищет только уничтожения свободы республики. Если он будет продолжать жить в Польше, то этого

достигнет, в особенности поддерживаемый французскою партией) и нашим небрежением к сторонникам свободы и проч. Итак, я вас спрашиваю, что необходимее для России: деспотический ли сосед, или счастливая анархия, в которую погружена Польша и которою распоряжаемся мы по своей воле? Петр Первый, лучше знакомый с делом, объявил себя... поручителем за свободу Польши и врагом того, кто посягнет на нее. Надобно, когда уж хочешь быть несправедливым, иметь выгоду быть таковым; но в деле о Курляндии, чем более о нем думаю, тем менее нахожу там здравого смысла»⁷.

Процитированные строки относятся к январю 1759 года. Совсем недавно, во время бесед-допросов у императрицы по делу Бестужева, великая княгиня на коленях уверяла Елизавету, что не вмешивается в политику. Однако в записке звучит уверенный тон государственного деятеля, раздраженного явным просчетом.

Дети Цорндорфа

Бывают сражения, которые, не принеся успеха, дают армии больше, чем несколько викторий подряд. Благодаря им войска осознают себе цену, приобретают уверенность, а общество — чувство собственного достоинства. Семилетняя война отмечена кровавой звездой Цорндорфа едва ли не ярче, чем победой при Гросс-Егерсдорфе и взятием Берлина.

В январе 1758 года новый главнокомандующий генерал-аншеф Виллим Виллимович Фермор занял Восточную Пруссию и овладел, наконец, Кёнигсбергом. Летом его армия двинулась к столице неприятеля. Обеспокоенный Фридрих II поспешил из Силезии навстречу русским. У села Цорндорф 14 (25) августа противники встретились, и король решил атаковать, несмотря на численное преимущество врагов. Его армия насчитывала 32 тысячи человек, Фермор располагал сорока двумя тысячами.

В течение всей войны Фридрих сражался с превосходящими силами, уповая на выучку своих солдат и собственный талант. Впрочем, исследователи давно отметили, что прусскому королю противостояли слабые военачальники. Если бы противники монарха-полководца проявили больше тактических способностей, победы не дались бы ему так легко.

Цорндорф стал одновременно «торжеством» бездарности очередного «мирного» командующего — Фермора — и демонстрацией удивительной стойкости, мужества, возросшего мастерства русской армии. Имея

численное превосходство, генерал-аншеф в течение всего сражения не смог сосредоточить крупные силы ни на одном участке боя. Он расположил войска на такой тесной позиции, что, по словам самого Фридриха, ни одно ядро, «пущенное в сплоченные массы» русских, «не пропадало даром». Участвовавший в сражении Андрей Тимофеевич Болотов с ужасом вспоминал, как каждый выстрел с прусских позиций стоил жизни десятку человек⁸.

Затем, после обстрела правого фланга противника, прусская пехота перешла в наступление, применив любимый Фридрихом II «косой строй». Королю удалось быстро перебросить на свой левый фланг 23 тысячи человек против семнадцати тысяч неприятеля. Однако русские успешно контратаковали и заставили пруссаков попятиться.

Казалось, что при такой тесноте наши войска обречены стоять сомкнутой стеной. Но Фермору удалось и здесь проявить свою полководческую «смекалку» — на освободившемся после обстрела пространстве он разбил гренадер группами, запоздало приказав отступить друг от друга как можно дальше. Поэтому, когда началась атака кавалерии, солдаты не смогли соединить строй и противопоставить лаве черных прусских кирасир оцетинившуюся штыками стену. Каре не получилось, русские просто встали спина к спине и отразили нападение. На поле образовалось кровавое месиво. 46 эскадронов, брошенных Фридрихом II на противника, вынуждены были отступить.

Это была почти победа. Но Фермор не понял произошедшего. После страшной атаки кавалерии, решив, что дело проиграно, он бежал с поля боя, бросив армию на произвол судьбы. Отдельные полки, не имея общего командования и возможности связаться друг с другом, продолжали сопротивляться в безнадежном положении. Хотя часть солдат, поддавшись страху, побежала и уже грабила обозы, остальная армия выстояла. Сражение началось в девять часов утра и продолжалось до глубокой ночи. Потери доходили до половины личного состава. Русские оставили на поле боя 13 тысяч убитыми. Число раненых составляло почти 12 тысяч. Пруссак лишились одиннадцати тысяч человек⁹.

В конце битвы, удивленный тем, что значительная часть войск еще сражается, Фермор появился на поле боя, и... усугубил ситуацию, отправив прусскому фельдмаршалу графу Дона письмо с просьбой о перемирии на три дня для погребения убитых и вывоза раненых. Такой шаг выглядел признанием поражения, и, основываясь на нем, Фридрих II объявил себя победителем. Однако то была пиррова победа. Русские оставили поле боя,

но и пруссаки не решились закончить дело, когда растянувшаяся на семь верст армия неприятеля несколько часов шла мимо их позиций, вывозя раненых, а кроме того -26 трофейных пушек и 10 знамен. Каждая из сторон считала, что она выиграла сражение. В русском и прусском лагерях были отслужены благодарственные молебны.

В рескрипте Елизаветы отмечался «дух мужества и твердости», проявленный ее армией. Однако отношение к командующему было иным. 25 августа, получив реляцию Фермора, императрица выразила крайнее неудовольствие его поведением на поле боя¹⁰. Государыня справедливо негодовала на неумелых руководителей. Но ведь каждого из них она выбирала сама, исходя из множества сугубо придворных причин, не имевших ничего общего с военной «годностью» кандидата. То были в полном смысле слова ее фельдмаршалы, воспитанные двадцатилетним беспечным царствованием.

Цорндорф, как никакая другая битва, показал, что русская армия выросла и возмужала. Поколение молодых генералов и полковников как бы подпирало снизу, выдавливая старших, менее профессиональных начальников. Тридцатилетние заметно начинали тяготиться пятидесятилетними, требуя освободить себе место «для дела». Повзрослевшая страна нуждалась в новом руководстве.

«Дерзкий тон»

«Жизнь императрицы не может быть долгой, — рассуждал новый министр иностранных дел Франции герцог Этьен-Франсуа Шуазель в инструкции маркизу Лопиталю. — Малейшее отклонение в состоянии здоровья... послужит поводом к большим переменам в государстве»¹¹.

Однако пока Елизавета была еще в силах доставить неприятности не только прусскому королю, но и своим временным союзникам. Русские войска продвигались к Данцигу, надеясь занять его и встать на зимние квартиры. Переход такого важного стратегического центра под контроль Петербурга встревожил Париж. Один из помощников Лопиталья, граф де Мессельер вспоминал о событиях октября 1758 года: «В это время она (Елизавета. — О. Е.) могла занять этот ганзейский город, на что соглашался его магистрат; но дворы Венский и Версальский поставили на вид Петербургскому, что это значило бы нарушить права Германской империи... В то же время французская армия овладела Франкфуртом-на-

Майне, самым привилегированным из городов Германии. Это противоречие, по справедливости, поразило русское правительство, и императрица заявила своим союзникам, что... оставляет за собой безраздельно всё, что ею будет завоевано»¹².

Такой шаг указывал на желание Петербурга сохранить занятые земли, в первую очередь Восточную Пруссию. Если приглядеться к действиям русских войск в Померании — а это и гуманное отношение к населению, и разрешение коммерции в прежнем объеме, и покровительство местной лютеранской церкви, и открытие в Кёнигсберге православного храма, а затем монастыря, чеканка немецкой монеты с надписью «Elisabeth rex Prussiae» — «Елизавета королева Пруссии», — то создается впечатление, что императрица была не прочь удержать эти территории за Россией.

Прощупывая почву, Иван Шувалов попытался обсудить перспективу присоединения Восточной Пруссии с Робертом Кейтом. Шаг неосмотрительный, поскольку английский посол тут же донес о разговоре в Лондон, а оттуда вести быстро долетали до союзного британцам Берлина. «Я заверил господина Шувалова, что в таком случае война ничуть не приблизится к окончанию, — писал Кейт. — ...Захват Россией в полное владение сей провинции явится поводом для постоянной зависти других держав и источником распрей в Европе».

Кейт прекрасно понимал, что русские войска уже стоят там, где хотят остаться. Поэтому он постарался запугать фаворита солидарным недовольством бывших союзников и противников. «Ежели по неизбежной фатальности ныне и невозможно воспрепятствовать сему, тем не менее все державы при первой же оказии будут стремиться вырвать у России ее добычу... Она возбудит против себя весь свет»¹³. Какие знакомые слова. Много ли изменилось за два с половиной столетия?

Цорндорф не мог служить весомым доводом в пользу русских притязаний. Требовались новые победы, чтобы дипломаты могли заговорить увереннее. Представленный Фермором на рассмотрение Конференции при высочайшем дворе план кампании 1759 года был отклонен, а сам командующий заменен на генерал-аншефа Петра Семеновича Салтыкова, прибывшего в армию в июле 1759 года. Ему было предписано объединиться с австрийской армией. 26 июля русские части выступили из Познани к реке Одер. Менее чем через месяц они встретились с австрийцами во Франкфурте-на-Одере, создав тем самым непосредственную угрозу Берлину.

Фридрих II решил дать бой объединенной австро-русской армии,

несмотря на ее превосходство в людях и артиллерии. 1 (12) августа пруссаки атаковали русских, стоявших на правом берегу Одера у деревни Кунерсдорф. С севера наши войска прикрывала болотистая низина, и прусский король повел наступление с юго-востока, охватывая левый фланг неприятеля. Фридрих попробовал вновь применить «косой» боевой порядок, однако условия местности не позволяли ему маневрировать. Фронт пруссаков оказался слишком узок из-за оврагов и ручьев, поэтому ни пехота, ни кавалерия полностью не могли развернуться. Сражение было проиграно, воины Фридриха обратились в бегство. Случайная пуля настигла короля, и только золотая готовальня, находившаяся в кармане камзола, спасла ему жизнь.

После сражения под Кунерсдорфом армия Салтыкова направилась в Силезию, где нанесла противнику еще несколько поражений. Настало время вновь заговорить о Восточной Пруссии. Союзники вели себя так, точно этот пункт претензий — для них полная неожиданность. «Две победы, одержанные русскими, — писал министр иностранных дел Франции граф Шуазель, — произвели большую перемену в системе и политических устремлениях России... [Она] недвусмысленно требует вознаграждения за военные издержки». Что же тут удивительного? «Но разумная политика не должна позволить петербургскому двору воспользоваться преимуществами нынешнего положения»¹⁴. Почему?

В Версале были уверены: Россию, как и в 1748 году, удастся отстранить от мирных переговоров, поскольку она — сторона вспомогательная и ее услуги уже оплачены. Елизавета должна возратить армию в границы империи, удовольствовавшись довоенной субсидией и не получив территориальных приращений.

Но императрица уже была научена горьким опытом прежних конгрессов. В марте 1760 года негодующему Версалю возразили из Петербурга, что Россия имеет право на компенсацию, «тем паче, что нашим оружием одержаны многие славные победы над королем прусским»¹⁵. Париж воззвал к Вене. Однако австрийская императрица Мария Терезия пошла на уступки русской союзнице. 21 марта 1760 года был подписан договор, в котором обе стороны признавали права друг друга на территориальные возмещения убытков.

Европейские дипломаты немедленно заговорили о том, что целью России является вся Пруссия. Годом позже секретарь французского посольства в Петербурге Жан-Луи Фавье рассуждал: «До сих пор Россия не участвовала ни в одном из общих конгрессов, которыми заканчивались

большие европейские войны. Ныне же русский двор поставил для себя вопросом чести достигнуть того, чтобы играть одну из первых ролей в предстоящем конгрессе... Польша, конечно, будет роптать, но она, по обыкновению, подчинится тому, чего не в состоянии избежать... Страх возбудить неудовольствие этой сарматской анархии еще никогда никого не останавливал... Допустит ли это Порта?...Турки с давних пор слынут покровителями Польши и с давних пор никому не препятствуют ее притеснять... Швеция, конечно, не без зависти увидит это распространение русских владений вдоль Балтийского моря; но... с ней вообще немного советуются, а Россия — меньше прочих держав».

Однако оставались еще Вена и Версаль. Позиция этих главных игроков была сомнительна. «Венский двор, столь же заботливо удаляющий от себя русских [в мирное время], сколь усердно призывающий их на помощь в минуты опасности, неужели он без зависти станет смотреть, как те овладеют пунктом, откуда им легко будет... незваным проникнуть в Германию? А Франция? Не рискует ли она утратить всё свое... влияние на севере, если Россия, покорив Пруссию, водворит в этой части Европы свой деспотизм?»¹⁶ Нет, ни о каком согласии союзников речи быть не могло.

Тем временем Фридрих II осадил Дрезден. Австрийцы одержали несколько побед в Силезии, а русские войска осенью подошли к Берлину. После недолгой осады, которой руководил давний друг и поклонник Екатерины молодой генерал Захар Григорьевич Чернышев, 28 сентября гарнизон сдался. Были взорваны арсеналы, увезены артиллерия и оружие — 143 орудия, 18 тысяч ружей и пистолетов, взята контрибуция в размере двух миллионов талеров. На помощь городу бросился Фридрих II, и русские части отступили, поскольку захват вражеской столицы носил больше политический, нежели военный характер. 5 ноября 1760 года Лопиталь жаловался из Петербурга: «Взятие Берлина придало здешнему двору смелый, чтобы не сказать дерзкий тон»¹⁷.

Генерал-майор прусской службы

Зиму 1761 года великокняжеская чета прожила на удивление тихо. Со стороны могло показаться, будто в семействе Петра Федоровича царят безмятежное согласие, довольство и мир. Именно такое впечатление создается при чтении «Дневника статского советника Мизере».

10 января малый двор выехал в Ораниенбаум, надеясь пробыть в

загородной резиденции чуть больше недели. «...Катанье в 12 маленьких салазках на дачу Ее императорского высочества великой княгини за 7 верст от Ораниенбаума. Немного пасмурно. Частые падения в снег. Крики предостережения. Большое удовольствие и много смеха. Прекрасное положение фермы и любезная приветливость хозяйки, которая сама угощала итальянскими ликерами всех, приехавших в ее красивый круглый дом, возвышающийся на горе. Питье кофе и молока из фермы с черным хлебом и маслом».

На следующий день разыгралась вьюга со шквальным ветром, что не помешало параду. Карты сменялись музыкой и курением трубок. Штелин проводил время в обществе фаворитки графини Воронцовой. А Екатерина, ссылаясь на усталость, не показывалась при дворе. 15-го: «Утро на охоте залесными пулярами. Оттуда пешком на ферму великой княгини, где она угостила великолепным обедом с любезностью хозяйки. До обеда катанье с гор на лыжах. Катанье на коньках, игры. После обеда странная веселость Его императорского высочества и всей компании. Бал в маленькой комнате, и никакой другой музыки, кроме человеческого голоса, со шляпой в руке вместо скрипки и шпагой вместо смычка».

В этой сценке Петр — как живой. Экстравагантные дурачества в узком кругу, свободное самовыражение и общая атмосфера непринужденности. Никто никому не мешает, все вполне довольны. «Вечером великая княгиня воротилась в Ораниенбаум, где стояли ледяные горы... Двор, великий князь и я отправились на новую ферму, приобретенную от гвардейского майора Казакова, отпраздновать новоселье прекрасным ужином и большим фейерверком в саду, а в зале — малым французским, изображавшим водяной бассейн, в котором разные животные метали огненные фонтаны»¹⁸.

Описание сглажено, и читатель не сразу догадывается, что ферма с фейерверками — это Сан Эннюи (*Sans Ennui*) — новая дача Елизаветы Воронцовой, где законной жене не место, поэтому Екатерина и покинула веселую компанию, чтобы в одиночестве возвратиться в Ораниенбаум.

Создается впечатление, что приблизительно за год до смерти Елизаветы Петровны ее наследник наконец зажил без особых притеснений. Во всяком случае, в деревне. Его участие в государственных делах возросло. Он даже мог позволить себе покинуть Конференцию при высочайшем дворе в знак несогласия с военными действиями против Пруссии. Тетушка, конечно, разгневалась. Но чтобы подслужиться к будущему господину, сановники продолжали приносить ему на подпись журналы заседаний, в которых он не участвовал.

«До второго года Прусской войны, — рассказывал Штелин, — ... великий князь присутствовал постоянно в Совете, учрежденном при дворе с самого начала этой войны, а летом, живя в Петергофе или в своем увеселительном дворце в Ораниенбауме, велел секретарю Дмитрию Васильевичу Волкову привозить к нему еженедельно протокол, прочитывал его, делал часто шуточные замечания и подписывал его. Но впоследствии, находя в протоколах резолюции Совета к сильнейшему нападению на прусского короля... стал он восставать против протокола, говорил свободно, что императрицу обманывают... что австрийцы нас покупают, а французы обманывают, и не хотел более подписывать протокол»¹⁹.

Бликие сношения великого князя с Волковым послужили позднее поводом для обвинения последнего в шпионаже в пользу Пруссии. Княгиня Е. Р. Дашкова описала неприятную сцену, случившуюся буквально через пару дней после кончины Елизаветы: «Однажды, когда я была у государя, он, к величайшему удивлению всех присутствовавших, по поводу разговора о прусском короле начал рассказывать Волкову (в предыдущее царствование он был первым и единственным секретарем Конференции), как они много раз смеялись над секретными решениями и предписаниями, посылаемыми Конференциею в армии; эти бумаги не имели последствий, так как они предварительно сообщали о них королю. Волков бледнел и краснел, а Петр III, не замечая этого, продолжал хвастаться услугами, оказанными им прусскому королю на основании сообщенных ему Волковым решений и намерений Совета»²⁰.

Позднее, стараясь оправдаться, Волков в письме Г. Г. Орлову назвал рассказ о публичной благодарности бывшего императора, «что я ему... все дела из Конференции сообщал», «великой ложью». Однако в таком случае неправду говорил и Штелин. Датский посланник А. Ф. Ассебург со слов Н. И. Панина подтверждал, как это ни странно, и рассказ Дашковой, и правдивость Волкова. «Он говорил во всеуслышание, — сообщал дипломат о Петре III, — что такой-то и такой-то из людей, состоявших при кабинете Елисаветы, помогали ему доставлять королю прусскому сведения обо всем, что здесь делалось в наибольшей тайне, хотя именно эти лица никогда не позволяли себе такой измены и держались совсем противоположного образа мыслей»²¹. Таким образом, в дипломатической среде было известно не только о пропрусских «настроениях», но и пропрусских «действиях» наследника.

Петр никогда не скрывал своих чувств к Фридриху Великому. Кроме того, в дни войны он ощущал себя еще больше немцем, чем прежде, и

гордился успехами прусского оружия. Саксонский посланник Прассе сообщал в 1758 году о реакции наследника на известие о кровопролитной Цорндорфской битве. Вместе с полковником Розеном, привезшим рапорт командующего, прибыл слуга-немец, который рассказывал о сокрушительном поражении русских войск, за что был посажен на гауптвахту. Великий князь вызволил болтуна, сказав ему: «Ты поступил как честный малый, расскажи мне всё, хотя я хорошо и без того знаю, что русские никогда не могут побить пруссаков». И показывая на своих голштинских офицеров, добавил: «Смотри! Это всё пруссаки. Разве такие люди могут быть побиты русскими?»²²

Вряд ли уместно в данном случае рассуждать о раздвоенности национальных чувств, присущей Петру Федоровичу. Им был сделан сознательный, твердый выбор не в пользу России. В феврале 1762 года, вскоре после восшествия на престол нового императора, очередной французский посланник в Петербурге Луи-Огюст Бретейль доносил в Париж о разговоре с Воронцовым: «Господин канцлер доверительно сообщил мне, что император признался ему, будто с самого начала войны он регулярно поддерживал личную переписку с королем Пруссии и что... всегда считал себя состоящим на прусской службе... Эта идея службы настолько засела в его голове, что в своих письмах к королю Пруссии он у него испрашивал для себя военные чины и достиг звания генерал-майора».

Так и тянет поиздеваться: генерал-майор Карл Питер Ульрих Голштинский, прусский резидент в Петербурге. Но в том-то и дело, что ничего смешного в сложившейся ситуации не было. Наследник сознавал себя доверенным лицом Фридриха II во враждебной стране. Это была игра, к которой Петр относился с недетской серьезностью. Его кумир считал невыгодным разочаровывать великого князя. «Король Пруссии заметил, что дает ему этот чин исключительно за его военные таланты, — заключал Бретейль. — ...Я не представлял себе, что можно было когда-либо услышать что-либо более безумное»²³.

То, что для французского дипломата выглядело безумием, Петр считал доблестью, благородством, преданностью, великодушием. Позднее его сына Павла будут в насмешку именовать Дон Кихотом. Отец подходил для этого прозвища не меньше. Недаром граф Шуазель предостерег своего полномочного министра: «С таким человеком, как русский государь, необходимо обращаться как с ребенком или больным; его нельзя слишком сердить и доводить до крайности»²⁴.

Уже после восшествия на престол в письме Фридриху II от 30 марта

1762 года Петр прямо признавал: «Вы хорошо знаете, что в течение стольких лет я вам был бескорыстно предан, рискуя всем за ревностное служение вам в своей стране, с наивозможно большим усердием и любовью»²⁵. Приведенные слова Петра вступают в противоречие с утверждением его биографа, будто великий князь ощущал себя «немцем на русской службе»²⁶. Цесаревич ясно дал понять, что с детства считал себя зачисленным в армию Фридриха И.

Впрочем, реальность, как обычно, сложнее письменных признаний. О том, что наследник имеет постоянные прямые связи с Пруссией, знали и Елизавета Петровна, и Шуваловы, однако не препятствовали им. Почему? Во-первых, стараясь убедить тетку в неправильности избранного курса, великий князь щедро делился получаемой информацией. Во-вторых, существование дополнительного канала было полезно для возможных переговоров за спиной у союзников.

Петр читал берлинские газеты²⁷. К нему, свободно минуя границы и посты, с театра военных действий приезжали прусские курьеры. «Обо всем, что происходило на войне, — писал Штелин, — получал Его высочество... очень подробные известия с прусской стороны, и если по временам в петербургских газетах появлялись реляции в честь и пользу русского и австрийского оружия, то он обыкновенно смеялся и говорил: «Всё это ложь: мои известия говорят совсем другое». О сражении при Торгау на Эльбе... прибыл к графу Эстергази курьер с известием, что пруссаки совершенно разбиты... Иван Иванович Шувалов написал в покоях Ее величества к великому князю краткое известие о том... Великий князь, прочитав записку, удивился и велел... сказать, что он благодарит за сообщенную новость, но еще не может ей верить, потому что не пришли его собственные известия... «Я давно знаю, что австрийцы любят хвастаться и лгать... Потерпите только до завтра, тогда я узнаю в точности, как было дело»... На другой день утром... лишь только вошел я в комнату, как великий князь встретил меня словами: «Что я говорил вчера за ужином?... Хотя вечером в день сражения прусская армия и была в дурном положении... но новое нападение генерала Цитена с его храбрыми гусарами и прусской артиллерией дало делу такой внезапный оборот, что король не только одержал совершенную победу над австрийской армией, но на преследовании потопил их бесчисленное множество в Эльбе»²⁸.

Сведения Петра Федоровича действительно оказались точнее рассказа австрийского дипломата. И это ли не причина, заставлявшая Елизавету сквозь пальцы смотреть на переписку непутевого племянника с прусской

стороной?

«Перестать грустить»

Хотя роман в письмах с уехавшим Понятовским продолжался еще некоторое время, Екатерина уже осознавала, что одно преклонение ее не удовлетворяет. Она искала силу. Не только физическую, но и душевную. Пусть грубую, зато надежную, как камень. Силу, которая не позволила бы втоптать ее в грязь.

Эту силу подарил Екатерине Григорий Григорьевич Орлов. «Мужчина стран северных, — писал о нем секретарь французского посольства Клод Рюльер, — не весьма знатного происхождения, дворянин, если угодно, потому что имел несколько крепостных крестьян и братьев, служивших солдатами в полках гвардейских».

Григорий, родившийся в 1734 году, по окончании Сухопутного шляхетского корпуса был направлен поручиком в армейский пехотный полк. Трижды раненный при Цорндорфе, он не покинул поле боя и даже взял в плен любимого флигель-адъютанта прусского короля графа Фридриха Вильгельма Шверина. Вместе с ним Орлова направили залечивать раны в Кёнигсберг, занятый русскими войсками. Молодые люди подружились и везде появлялись вместе²⁹.

Прибыв в 1759 году в Петербург, Григорий получил должность адъютанта при фельдмаршале Шувалове. Он имел счастливое свойство привлекать к себе сердца товарищей, а щедрость и простота общения только укрепляли его позиции гвардейского жоака. Орлова стали замечать, поскольку он вечно маячил где-то поблизости от Екатерины, стараясь обратить на себя ее внимание. Эта подробность не ускользнула от Рюльера: «Он везде следовал за своею возлюбленною, везде был перед ее глазами». Однако крайняя осторожность позволила любовникам сохранить тайну. «Никогда известные сношения не производились с таким искусством и благоразумием... И только когда Орлов явился на высшей степени, придворные признались в своей оплошности, припомнили себе условленные знаки и случаи, по которым всё долженствовало бы объясниться».

Об руку с поисками новой опоры при дворе и в гвардии шло осторожное прощупывание контактов в дипломатической среде. Новый английский посол Роберт Кейт не мог играть при Екатерине ту же роль, что и Чарльз Уильямс. И по робости самого дипломата, и по его склонности

весьма мягко отзываться о великом князе, «щадить самолюбие» царевича, как впоследствии скажет Фавье. Такое поведение не было изменой царевне со стороны британского представителя, ведь и предшественник поддерживал малый двор в целом. Только сэр Чарльз считал Екатерину сильной фигурой и ориентировался на нее. У Кейта не было оснований думать так же — на его глазах произошло падение кредита великой княгини. И он постарался сблизиться с наследником, тем более что тот выказывал любовь к союзнику Англии — Фридриху II.

Зато версальский кабинет не имел шансов склонить Петра Федоровича на свою сторону. Волей-неволей приходилось искать подходы к его жене. «Говорят, великий князь не любит нас, французов, — отмечал Фавье. — Я думаю, что это правда. После немцев первое место в его сердце занимают англичане, нравы и обычаи которых ему сроднее наших. К тому же лондонский кабинет всегда относился к нему чрезвычайно мягко и осторожно, а кружок поселившихся в Петербурге и пользующихся большим почетом английских негоциантов выказывает много к нему уважения. Сам он со многими из них общается скорее как с друзьями, чем как с кредиторами»³⁰.

Однако и сближение с великой княгиней шло непросто. Маркиз Лопиталь был немолод и часто жаловался на нездоровье. Ему подыскивали помощника. Выбор пал на 27-летнего драгунского полковника Луи Огюста Ле Тоннелье барона де Бретейля, который хорошо зарекомендовал себя в качестве дипломатического представителя в Кёльне. Помимо деловых качеств он обладал репутацией сердцееда. Герцог Шуазель советовал Бретейлю проявить к супруге великого князя максимум любезности. Ему даже было сказано, что после его приезда в Петербург «принцесса Екатерина должна перестать грустить по Понятовскому». Последнее рассматривалось как средство пресечь всякую британскую «инфлюэнцию». «Было бы крайне нежелательно, чтобы Англия вернула себе прежнее влияние при русском дворе и оторвала бы Россию от союза с Францией», — говорилось в инструкции молодому дипломату 1 апреля 1760 года.

В то же время всякое замешательство в Петербурге, переворот, волнения, смена власти считались выгодными для Франции. Бретейлю предписывалось разузнать побольше об Иоанне Антоновиче, чья кандидатура казалась Людовику XV более желанной, чем кандидатура пруссака Петра Федоровича. «Говорят, что у князя Ивана значительная партия и что народ, считая его русским, будет повиноваться ему охотнее, чем немецкому принцу... Так как Его величество не брал на себя обязательств поддерживать порядок в пользу великого князя, он не должен

противиться тому, что разрушило бы этот порядок... Смута, могущая возникнуть в России... может быть только выгодна королю, так как она ослабила бы русское государство и по той еще причине, что во время смуты, которую легко было бы растянуть, соседним державам нечего было бы бояться русских».

В начале лета 1760 года Бретейль в должности полномочного министра прибыл в Петербург. 29 июня он получил аудиенцию у Елизаветы, а затем официально представился великокняжеской чете. Разговаривая с Екатериной, молодой дипломат отметил, что ее «замечательные качества» хорошо известны королю, который заверяет царевну в «дружбе и почтении». В ответ дипломат услышал именно те слова, которых ожидал. Екатерина заявила о полном доверии к новому министру. «Хотя я, — как она добавила, — и не знаю вас»³¹. Последнее можно было счесть за куртуазный намек, чрезвычайно обрадовавший Шуазеля.

Казалось, дела стартовали хорошо. Но французы сами всё испортили. Король рекомендовал Бретейлю напомнить канцлеру о том, что его долг казне парижского союзника составляет 150 тысяч червонцев. «Скажите графу Воронцову, — настаивал Людовик XV, — что... если бы признание долга, который числится за ним, состояло в том, что этот удар (занятие русскими войсками Данцига. — О. Е.) был бы отстранен, то и тогда я счел бы эти деньги хорошо употребленными... Пустите в ход всё возможное влияние на него, чтобы он помешал занятию русскими этого города, свобода которого так необходима для свободы Польши»³².

Связанному долговыми обязательствами перед Версалем, Воронцову ничего не оставалось делать, как убедить Елизавету, будто оккупация Данцига нанесет непоправимый ущерб союзническим отношениям. Императрица отступила, немало удивив своих генералов, считавших захват города необходимым. Первый успех ободрил Бретейля. Он начал добиваться обещания вывести русские войска из Восточной Пруссии после заключения всеобщего мира. Французским дипломатам удалось уговорить Воронцова, а через него Елизавету во имя грядущего мира отказаться от притязаний на Восточную Пруссию. Взамен России обещали компенсацию затрат на войну. Выплаты предусматривались из кармана Фридриха II. Но разоренная Пруссия не могла платить. А Франция, понеся тяжкие поражения на Американском континенте, где лишилась большинства колоний, тоже не имела денег. Следовательно, России были даны заведомо неисполнимые обещания. Не понимать этого императрица и канцлер не

могли.

Обратим внимание: задолго до возвращения Петром III завоеванных территорий Фридриху II Россия отказалась от них по настоянию союзников. В сущности, жест Петра, так оскорбивший русское общество, ничего не менял. Победы, одержанные на поле боя, елизаветинская дипломатия уступила за суммы, которые были давно потрачены.

Закономерен вопрос: собиралась ли русская сторона выполнять взятые на себя обязательства? Возможно, советники императрицы считали нужным пойти на словесные уступки ради сохранения союза? А после победы, сославшись на то, что другие члены альянса не следуют пунктам соглашения, отказаться от них? Во всяком случае, это был самый простой путь. Ведь за годы войны шкуру неубитого прусского медведя столько раз наново подбивали дипломатическими бумагами...

«Моя милая княгиня»

В июне 1761 года в Петербург вернулась княгиня Екатерина Романовна Дашкова, родная сестра фаворитки Петра Федоровича — Елизаветы Воронцовой, проведшая около года с родными мужа в старой столице. Она познакомилась с царевной за два года до этого и сгорала от желания видеть подругу. Теплые отношения двух интеллектуальных дам не слишком нравились цесаревичу. Видимо, он считал, что вся родня фаворитки как бы уже принадлежит ему. Во время первого же посещения Екатериной Романовной Ораниенбаума наследник сказал ей: «Если вы хотите здесь жить, вы должны приезжать каждый день, и я желаю, чтобы вы были больше со мной, чем с великой княгиней».

По словам Дашковой, она постаралась всячески уклониться от этой чести и при случае пользоваться именно обществом цесаревны, «которая оказывала мне такое внимание, каким не удостоивала ни одну из дам, живших в Ораниенбауме». Однажды Петр отвел Дашкову в сторону и произнес знаменитую фразу: «Дочь моя, помните, что благоразумнее иметь дело с такими простаками, как мы, чем с великими умами, которые, выжав весь сок из лимона, выбрасывают его вон». По мнению мемуаристки, эти слова «обнаруживали простоту его ума и доброе сердце»³³.

Любопытный Рюльер отметил стремление семьи канцлера сблизить младшую племянницу с наследником: «Сестра ее, любовница великого князя, жила, как солдатка, без всякой пользы для своих родственников, которые посредством ее ласкались управлять великим князем, но по

своенравию и неосновательности видели ее совершенно неспособною выполнить их намерения. Они вспомнили, что княгиня Дашкова тонкостью и гибкостью своего ума удобно выполнит их надежды, и хитро... употребили все способы, чтобы возвратить ее ко двору, который находился тогда вне города... Но так как она делала противное тому, чего от нее ожидали, то и была принуждена оставить двор с живейшим негодованием против своих родственников»³⁴.

Таким образом, французский дипломат располагал сведениями, будто дядя-канцлер желал предложить Петру Федоровичу более умную и оборотистую племянницу, чем обожаемая «Романовна». И намекал на обострение отношений княгини с фавориткой, что и привело к отъезду первой из Ораниенбаума.

Если в словах Рюльера есть хоть тень правды, великая княгиня должна была очень испугаться перспективы появления у супруга вместо толстой и недалекой «Романовны» амбициозной, целеустремленной фаворитки. Петр, как помним, поначалу охотно звал Дашкову в гости, а вот сестра не настаивала на ее компании: ведь в покои Елизаветы Воронцовой в любой момент мог зайти великий князь и, застав там младшую племянницу канцлера, заинтересоваться ею. Однако Дашкова и сама гнушалась возвышением своей «фамилии», ее больше привлекала душевная близость с Екатериной.

Орлов и Дашкова появились в окружении великой княгини почти одновременно и предназначались ею для общего дела, хотя и не знали друг о друге. Рюльер писал: «Сии-то были две тайные связи, которые императрица (Екатерина. — О. Е.) про себя сохраняла, и как они друг другу были неизвестны, то она управляла в одно время двумя партиями и никогда их не соединяла, надеясь одною возмутить гвардию, а другою восстановить вельмож [против Петра]³⁵».

То, что молодая княгиня не ведала о гвардейских сторонниках своего обожаемого друга, не значит, будто наследник ни о чем не догадывался. Одна часто мелькающая на страницах исследований сцена из мемуаров Дашковой говорит об обратном. Во время званого обеда на 80 персон, где присутствовала и Екатерина, великий князь «под влиянием вина и прусской солдатчины» позволил себе угрозу, ясную очень немногим.

«Великий князь стал говорить про конногвардейца Че-лищева, у которого была интрига с графиней Гендриковой, племянницей императрицы Елизаветы... Он сказал, что для примера следовало бы отрубить Челищеву голову, дабы другие офицеры не смели ухаживать за...

родственницами государыни». О ком говорил Петр? Уж явно не о Челищеве с Гендриковой.

И тут Дашкова подтолкнула разговор к крайне опасному вопросу: «Я никогда не слышала, — заявила она, — чтобы взаимная любовь влекла за собой такое деспотическое и страшное наказание... Все мы... родились в то время, когда смертная казнь уже не применялась.

— Это-то и скверно, — возразил великий князь, — отсутствие смертной казни вызывает много беспорядков...

— Сознаюсь... что я действительно ничего в этом не понимаю, но я чувствую и знаю, что Ваше высочество забыли, что императрица, ваша августейшая тетка, еще жива».

То был солидарный вздох множества сердец. С каждым днем здоровье Елизаветы становилось всё хуже, она почти не выходила, и страх нового царствования проявлялся поданными уже открыто. Датский посланник А. Ф.ASSEBURG замечал: «Елизавету оплакивали еще прежде ее смерти... Общество, видя в Петре III человека жестокого (не по природе, а в силу того убеждения, будто воин не должен поддаваться состраданию), человека трусливого, ненадежного, с горем узнало о кончине столь доброй государыни»³⁶.

«Материнская забота»

Однако прежде, чем душа Елизаветы отлетела, вокруг ее постели разгорелся последний акт борьбы, связанный с наследованием престола. С 30 августа до ноября 1761 года австрийский посол Мерси д'Аржанто только дважды видел Елизавету Петровну в театре: «Когда изменение черт лица всё заметнее заставляет ее ощущать невыгодное приближение старости, она так близко и чувствительно принимает это к сердцу, что почти вовсе не показывается в публиче»³⁷.

Но дело шло уже не об изменении черт, а о крайне тяжелом физическом состоянии, в котором Елизавете трудно было не только покидать дворец, но даже вставать на покрытые язвами ноги. Всю осень 1761 года она провела в Царском Селе, с ней неотлучно находился только Иван Шувалов, который, как мог, утешал и ободрял больную возлюбленную. Наблюдатели отмечали, что дочь Петра «никогда не помирится с мыслью о смерти и не в состоянии будет подумать о каких-либо дальновидных соответствующих этому распоряжениях»³⁸.

Действительно, всю жизнь панически боявшаяся покойников и избегавшая даже разговоров о похоронах Елизавета отказывалась размышлять о собственном уходе. Ведь ей исполнилось всего 52 года! А предстояло еще подумать о наследнике, составить завещание. Это было выше ее сил.

К концу царствования отношения императрицы с племянником выглядели безнадежно испорченными. Мерси д'Аржанто писал: «Постоянное неудовольствие... причиняет ей поведение великого князя и его нерасположение к великой княгине, так что императрица уже три месяца не говорит с ним и не хочет иметь никаких сношений»³⁹.

В то же время все наблюдатели обращали внимание на искреннюю любовь, которую августейшая бабушка проявляла к маленькому царевичу Павлу. Секретарь датского посольства Андреас Шумахер отмечал «сильное неудовольствие государыни странным поведением ее своенравного и малопослушного племянника и нежную, почти материнскую заботу, с какой она воспитывала юного принца Павла Петровича. Он постоянно находился в ее комнатах и под ее присмотром и должен был ее повсюду сопровождать. Его так отличали перед родителями, что их это серьезно уязвляло, а думающей публике давало повод для разных умозаключений»⁴⁰. Граф Мерси тоже доносил, что Елизавета в последние месяцы жизни любила являться в свете вместе с Павлом Петровичем⁴¹.

О планах передачи короны юному Павлу писали многие современники. Позднее Екатерина утверждала, будто августейшая свекровь намеревалась «взять сына его (Петра Федоровича. — О. Е.) семилетнего и мне поручить управление»⁴², но это оказалось «не по вкусу» Шуваловым, и они отговорили императрицу от подобного шага.

Скорее всего, умирающая и сама имела причины не доверять Екатерине. Вряд ли она была готова передать невестке всю полноту власти. Шумахер справедливо замечал: «Я... нисколько не сомневаюсь, что императрица Елизавета должна была назначить своим наследником юного великого князя. Но поскольку государыне не слишком приятна была личность великой княгини, матери этого принца, можно утверждать почти наверняка, что регентство не было возложено на нее одну — право контролировать и утверждать [решения] предоставлялось, по-видимому, Сенату»⁴³.

Подобные убеждения были в дипломатических кругах общими. Составляя в 1759 году для парижского начальства «Мемуар» о России, резидент Шарль д'Эон утверждал: если Елизавета Петровна проживет

достаточно долго, чтобы воспитать Павла, «то завещание будет не в пользу отца». Последний, по отзыву тайного агента, «лицом дурен и во всех отношениях неприятен, ум недалекий и ограниченный, упрям, вспыльчив, без меры и без толку болтлив, часами говорит о военных делах, преклоняется перед Фридрихом Пик тому же не без сумасшедшинки». Что же касается Екатерины, то ее красота, таланты и образованность «омрачены только сердечными увлечениями». «Я верю в ее смелость, и, по суждению моему, у нее достанет характера предпринять смелое дело, не страшась грядущих последствий»⁴⁴.

Планы по передаче короны Павлу созрели в кругу Шуваловых. Кроткий фаворит и его «братья-разбойники» задолго до решающих событий начали оказывать Екатерине и Петру Федоровичу знаки внимания. Еще в июле 1758 года Лопиталь доносил в Париж: «Иван Шувалов полностью перебрался на сторону молодого двора». Но это ничего не значило, ибо малый двор раздирала ожесточенная внутренняя борьба. Следовало определиться, кого поддерживать: великого князя или его жену с маленьким Павлом.

И вот тут в недрах самого клана Шуваловых, вероятно, возник раскол, не позволивший в дальнейшем Ивану Ивановичу действовать уверенно. Летом 1759 года французский посланник сделал вывод: «Этот фаворит хотел бы играть при великой княгине такую роль, что и при императрице»⁴⁵. Однако кузены склонялись в пользу цесаревича. Еще до дела Бестужева, в 1756 году, Петр Шувалов добился от Елизаветы разрешения создать отдельный 30-тысячный корпус, названный сначала Запасным, а потом Обсервационным. Шувалов стал его командующим. Это воинское подразделение было в полном смысле слова отдельной армией, так как не подчинялось главнокомандующему⁴⁶. В случае необходимости корпус мог поддержать наследника при восшествии на престол. Если Бестужев располагал дружбой фельдмаршала С. Ф. Апраксина и через него надеялся получить помощь армии, то Шувалов завел собственное войско.

Шумахер сообщал: «От меня не укрылись симпатии генерал-фельдцейхмейстера Петра Шувалова к этому государю (Петру Федоровичу. — О. Е.). Я достаточно уверенно осмеливаюсь утверждать, что корпус из 30 000 человек, сформированный этим графом, названный его именем и подчинявшийся только его приказам, был предназначен, главным образом, для того, чтобы обеспечить передачу российского трона великому князю Петру Федоровичу. Неудивительно, что позже, стоило только великому князю вступить на престол, он буквально в тот же момент назначил

упомянутого графа генерал-фельдмаршалом. Когда же тот спустя 14 дней умер, император приказал предать его земле со всеми мыслимыми воинскими почестями»⁴⁷.

Возможно, регентство при малолетнем Павле улыбалось фавориту Ивану Ивановичу больше, чем воцарение Петра III. Однако без кузена — этого решительного, напористого и хищного человека — он действовать не мог, ведь у кроткого возлюбленного Елизаветы не было рычагов ни в армии, ни в гвардии. Есть все основания полагать, что при развитии сюжета по худшему из вариантов гвардия и корпус Петра Шувалова могли столкнуться.

«Не созрелая вещь»

Желательно было избежать вооруженного выяснения отношений. В этих условиях горячий энтузиазм и торопливость части «интересантов» Екатерины могли только повредить делу. Сгорая от нетерпения, Дашкова решила разузнать у Екатерины ее планы и 20 января отправилась в деревянный дворец на Мойке. Там, по словам княгини, она задала великой княгине прямой вопрос: «Есть ли у Вас какой-нибудь план?» А когда та вместо ответа залилась слезами, заявила: «В таком случае Ваши друзья должны действовать за Вас»⁴⁸.

Княгиня фактически просила будущую императрицу перепоручить ей объединение сторонников и организацию переворота. «К князю Дашкову езжали и в дружбе и согласии находились все те, кои потом имели участие в моем восшествии, яко то: трое Орловы, пятеро капитаны полку Измайловского и прочие... Но тут находилась еще персона опасная, брат княгини, Семен Романович Воронцов, которого Елизавета Романовна, да по ней и Петр III, чрезвычайно любили. Отец же Воронцовых, Роман Ларионович, опаснее всех был по своему сварливому и перемечливому нраву»⁴⁹. Итак, всё, что решились бы предпринять заговорщики, стало бы немедленно известно в стане великого князя. А потому довериться Дашковой Екатерина не могла.

Опасаясь раскрыть заговор, который только-только завязывался, великая княгиня отказала и настойчивому предложению мужа подруги, который накануне смерти государыни предложил ей: «Повели, и мы тебя возведем на престол». Екатерина ответила: «Бога ради, не начинайте вздор... Ваше предприятие есть ранновременная и не созрелая вещь»⁵⁰.

Характер Петра был известен сравнительно узкому кругу царедворцев. Следовало повременить, дав подданным в полной мере насладиться поведением нового монарха и тем самым обрести еще большую поддержку общества и увеличить число сторонников.

Кроме того, имелась возможность решить дело мирно, сугубо келейными, дворцовыми методами. В заметке о кончине Елизаветы невестка писала, что незадолго до роковой развязки Иван Шувалов пытался посоветоваться с воспитателем великого князя Павла Никитой Ивановичем Паниным, как «переменить наследство». По словам Ивана Ивановича, «иные клонятся, отказав и выслав из России великого князя Петра с супругою, сделать правление именем их сына Павла Петровича, которому был тогда седьмой год... Другие хотят выслать лишь отца и оставить мать с сыном, и что все в том единодушно думают, что великий князь Петр Федорович не способен [править] и что, кроме бедства, Россия не имеет ждать».

Опытный дипломат Никита Иванович повел себя очень осторожно. Он заявил, «что все сии проекты суть способы к междоусобной гибели, что в одном критическом часу того переменить без мятежа и бедственных следствий не можно, что двадцать лет всеми клятвами утверждено». После чего воспитатель Павла уведомил великую княгиню о разговоре. «Панин о сем мне тотчас дал знать, сказав при том, что больной императрице если б представили, чтоб мать с сыном оставить, а отца выслать, то большая в том вероятность, что она на то склониться может»⁵¹.

К тому времени Никита Иванович был уже состоявшимся политиком со своими облюбованными и выношенными проектами. Государственное устройство по шведскому образцу с ограничением власти монарха казалось ему предпочтительным по сравнению с отечественными порядками. Екатерина быстро почувствовала в воспитателе сына лишь временного союзника, склонного играть самостоятельную роль.

5 января 1762 года Бретейль доносил в Париж: «Когда императрица Елизавета в конце декабря сделалась больной, при ее дворе возникли две партии. Одна — Шуваловых — стремилась к тому, чтобы не допустить воцарения великого князя и, отправив его в Голштинию, провозгласить юного великого князя Павла Петровича его преемником, поставив великую княгиню во главе Регентского совета, руководителями коего рассчитывали стать Шуваловы. Другая — Воронцовых, возглавляемая Романом, братом канцлера и отцом фрейлины Воронцовой, любовницы великого князя, — желала, чтобы великий князь развелся со своей женой, признал бы своего сына внебрачным и женился на фрейлине Воронцовой. Такое решение

одновременно удовлетворило бы ненависть великого князя к своей жене и позволило бы ему выполнить обещание, данное фрейлине, его любовнице... Если бы императрица умерла сразу же, то все эти противоречивые мнения породили бы всеобщий беспорядок и повлекли бы за собой весьма неприятные последствия для России. Но императрица проболела несколько дней, в течение которых русские разделились, и Панин взялся за то, чтобы примирить обе партии, побудив их действовать по его плану. Панин сознавал опасность для России незрелости своего питомца, а также позора развода, не имевшего другой цели, кроме замужества мадемуазель Воронцовой». Поэтому Никита Иванович решил возвести на трон Петра Федоровича, ограничив его свободу при помощи Сената и Синода.

Он «хорошо знал малодушие, слабость и невежество великого князя», благодаря которым «было бы легко сдерживать его на троне», создав «такую систему, которая по существу уравнила бы в правах Сенат и государя», рассуждал Бретейль. Под давлением Панина великий князь якобы пошел на попятную и заявил, что «он никогда не думал разводиться и вступать в брак с фрейлиной Воронцовой, добавив: «Я обещал этой девушке жениться на ней не ранее, чем умрет великая княгиня». Из всего произошедшего дипломат заключал, что «Петр III — малодушный, несведущий человек, им можно было бы управлять с помощью Сената на протяжении всего его царствования»⁵².

Видимо, на это же надеялся и Панин. Но вскоре ему пришлось разувериться в податливости великого князя. Отношение Петра лично к Никите Ивановичу ярко проявилось в одном эпизоде, описанном Ассебургом со слов самого Панина: «Приблизительно за сутки до кончины Елизаветы Петровны, когда она была уже в беспамятстве и агонии, у постели ее находился Петр вместе с врачом государыни и с Паниным, которому было разрешено входить в комнату умирающей. Петр сказал врачу: «Лишь бы только скончалась государыня, вы увидите, как я расправлюсь с датчанами». Потом Петр повернулся к Панину и спросил его: «А ты что думаешь о том, что я сейчас говорил?» Панин ответил: «Государь, я не понял, в чем дело. Я думал о горестном положении императрицы». «А вот дай срок! — воскликнул Петр... — Скоро я тебе ототкну уши и научу лучше слушать»⁵³.

Удивляет откровенная враждебность Петра Федоровича к воспитателю Павла. Вероятно, переговоры, во время которых его заставили отказаться от излюбленного плана женитьбы на Воронцовой, разозлили великого князя.

Петр всегда сердился, когда проявлял малодушие, и таил раздражение против того, кто его к этому принудил. В данном случае он пригрозил прибавить к рукам вельможу, который вынашивал план ограничить власть самодержца. Панин не был смелым человеком, после такой сцены он предпочел затаиться и не предпринимать никаких действий.

Тогда же на сторону законного наследника окончательно перебрался фаворит. В еще одной автобиографической заметке Екатерины II сказано: «Из сих проектов родилось, что... Шуваловы помирились с Петром III, и государыня скончалась без оных распоряжений»⁵⁴.

Однако имелись и другие известия. Шумахер был убежден, что завещание все-таки существовало. «Достойные доверия, знающие люди утверждали, что императрица Елизавета и впрямь велела составить завещание и подписала его собственноручно, в котором она назначала своим наследником юного великого князя Павла Петровича в обход его отца, а мать и супругу — великую княгиню — регентшей на время его малолетства. Однако после смерти государыни камергер Иван Иванович Шувалов вместо того, чтобы распечатать и огласить это завещание в присутствии Сената, изъясил его из шкатулки императрицы и вручил великому князю. Тот же якобы немедленно, не читая, бросил его в горящий камин^[13]. Этот слух, весьма вероятно, справедлив»⁵⁵.

Поведение канцлера Воронцова перед смертью государыни наводит на мысль, что дядя любовницы Петра серьезно опасался, как бы умирающая не продиктовала ему завещание в пользу маленького Павла. Когда Елизавета призвала к себе Михаила Илларионовича, вельможа захворал. «Он намеренно уклонился от необходимости присутствовать при кончине государыни и расстался с ней, не повидавши ее еще раз»⁵⁶.

Лишь Иван Шувалов и оба брата Разумовские находились с государыней до конца. Бретейль сообщал 11 января 1762 года о последних минутах Елизаветы: «Императрица призвала к себе великого князя и великую княгиню. Первому советовала она быть добрым к подданным и стараться снискать любовь их. Она заклинала его жить в согласии с супругою и, наконец, много говорила о нежных своих чувствах к молодому великому князю и сказала отцу его, что желала бы в знак несомнительной с его стороны к ней признательности, дабы лелеял он сего дитя. Как говорят, великий князь всё сие ей обещал»⁵⁷.

Примечания к разделу

- ¹ Тургенев А. И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 182.
- ² Понятовский С. А. Мемуары. М., 1995. С. 143.
- ³ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1993. Кн. XII. С. 462.
- ⁴ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 181.
- ⁵ Екатерина II. Записки. Лондон, 1859. С. 265.
- ⁶ Там же. С. 266.
- ⁷ Сб. РИО. Т. VII. С. 91–92.
- ⁸ Павленко Н. И. Елизавета Петровна. М., 2005. С. 282.
- ⁹ Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»). С. 366.
- ¹⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 446.
- ¹¹ Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 154.
- ¹² Записки Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 // Русский архив. 1874. № 4. С. 1011.
- ¹³ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 184.
- ¹⁴ Черкасов П. П. Указ. соч. С. 199.
- ¹⁵ Там же. С. 193.
- ¹⁶ Фавье Ж.-Л. Русский двор в 1761 году // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 201–206.
- ¹⁷ Черкасов П. П. Указ. соч. С. 193, 199.
- ¹⁸ Дневник статского советника Мизере // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 54, 55, 60.
- ¹⁹ Штелин Я. Записки // Там же. С. 31.
- ²⁰ Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 24.
- ²¹ Ассбург А. Ф. Записка о воцарении Екатерины II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 293.
- ²² Плугин В. А. Алехан, или Человек со шрамом. М., 1996. С. 38.
- ²³ Черкасов П. П. Указ. соч. С. 240.
- ²⁴ Там же. С. 233.
- ²⁵ Письма императора Петра III прусскому королю Фридриху II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 208.
- ²⁶ Мыльников А. С. Петр III. Повествование в документах и версиях.

М., 2002 (серия «ЖЗЛ»). С. 115.

²⁷ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XIII. Т. 25. М., 1994. С. 26.

²⁸ Штелин Я. Указ. соч. С. 31–32.

²⁹ Заичкин И. А., Почкаев И. Н. Екатерининские орлы. М., 1996. С. 141.

³⁰ Фавье Л.-Ф. Указ. соч. С. 199.

³¹ Черкасов П. П. Указ. соч. С. 203–206.

³² Там же. С. 208.

³³ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 15–16.

³⁴ Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 68–69.

³⁵ Там же.

³⁶ Ассебург А. Ф. Указ. соч. С. 293.

³⁷ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 406.

³⁸ Там же. С. 410.

³⁹ Там же. С. 408.

⁴⁰ Шумахер А. История низложения и гибели Петра III // Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 272.

⁴¹ Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885. Т. 1. С. 95.

⁴² Две заметки императрицы Екатерины II // Русский архив. 1863. Кн. 7. Стб. 566–568.

⁴³ Шумахер А. Указ. соч. С. 272.

⁴⁴ Строев А. Ф. Авантюристы просвещения. М., 1998. С. 311.

⁴⁵ Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Т. 1. Берлин, 1900. С. 423.

⁴⁶ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 242.

⁴⁷ Шумахер А. Указ. соч. С. 271.

⁴⁸ Записки княгини Е. Р. Дашковой. М., 1990. С. 25–27.

⁴⁹ Екатерина II. О смерти императрицы Елизаветы Петровны // Сочинения. М., 1990. С. 463.

⁵⁰ Там же. С. 463.

⁵¹ Две заметки императрицы Екатерины II. Стб. 566–568.

⁵² Черкасов П. П. Указ. соч. С. 227–228.

⁵³ Русский архив. 1879. Т. 1. С. 363–364.

⁵⁴ Две заметки императрицы Екатерины II. Стб. 566–568.

⁵⁵ *Шумахер А. Указ. соч. С. 272.*

⁵⁶ *Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. С. 412.*

⁵⁷ *Тургенев А. И. Указ. соч. С. 197.*

Глава девятая

ВИХРЬ ВЛАСТИ

Ни одно из обещаний, данных Елизавете Петровне, молодой император выполнять не собирался. И окружающие отдавали себе в этом отчет. Нового государя боялись еще до прихода к власти. Со слов Панина Ассебург нарисовал обстановку при русском дворе: «Когда она (Елизавета. — О. Е.) скончалась, общая печаль до того всеми овладела, что довольно было взглянуть друг на друга, и слезы лились у всех из глаз»¹.

Что же вменялось наследнику в вину? «Он курит табак, пьет пиво и водку, что вовсе не совпадает с изящными приемами двора, — сообщал в Париж Фавье. — Зато вполне согласно с нравами не только массы народа, но и русского дворянства, духовенства и военного класса. Удивительно, что нация осмеливается порицать в одном только великом князе образ жизни, который так свойствен северному климату и так согласен не только с примером Петра Великого, но и с установившимися в России обычаями»².

Перед нами парадокс. Петра III терпеть не могли именно за те качества, которые присущи народу в целом. И не только потому, что частный человек имеет возможность их прятать, а глава государства, находясь на виду, обнаруживает во всем безобразии. Это было бы половиной беды. За внуком Петра Великого не признавали права на национальные пороки. У деда они уравнивались гениальностью. Петру Федоровичу нечего было предъявить взамен. Наличие у него замашек предка воспринималось как нечто несообразное — как гротеск, карикатура. Тем более обидная, что нарисована она иностранцем.

Елизавету любили, несмотря на легкомыслие и лень. То есть чисто интуитивно старались не замечать дурные свойства. В ее племяннике — тоже интуитивно — не угадывали хорошие. Подданные словно ослепли. И не случайно. «Код» к их сердцам не был вскрыт Петром Федоровичем. Код прежде всего культурный — национальный, религиозный, языковой, поведенческий. Всё, над чем так старательно работала Екатерина с первого дня пребывания в России, казалось ее супругу лишним. В результате его считали чужим. «Великий князь представляет поразительный пример силы природы, — замечал Фавье. — ...Он и теперь еще остается истым немцем и никогда не будет ничем другим»³.

От «своего» потерпели бы и не такие выходки, какие позволял себе

Петр III. От чужака не приняли ни хорошего, ни плохого: ни мира с Пруссией, ни благодеяний дворянству, ни попыток предложить весьма здоровые реформационные шаги. Всё в равной мере казалось дурно.

История краткого — всего полгода — царствования Петра III как будто полна альтернатив. Проживи бедный император дольше — и как знать... Возможно, он создал бы в России гражданское общество? Отменил крепостное право? Провел реформы, достойные деда, и в конечном счете направил по лучшему руслу течение отечественной истории, избежав отдаленных трагедий?

Увы. Гражданское общество не создается одним указом — даже самым милостивым — для этого нужны годы труда. Такой труд лег на Екатерину II и был неблагодарным. О крестьянском вопросе Петр не задумывался всерьез. Во всяком случае, источники законодательного характера свидетельствуют, что для него крепостное право было чем-то незыблемым⁴. Слабое здоровье молодого императора, расшатанное разгульной жизнью, не позволяло надеяться на долгое царствование. Если Петр Федорович хотел что-то изменить, то должен был действовать быстро.

Он и действовал быстро. Вернее торопливо. Хватался сразу за всё и уже в следующую минуту переходил к другому предмету. «Главная ошибка этого государя, — писал Шумахер, — состояла в том, что он брался за слишком многие и к тому же слишком трудные дела, не взвесив своих сил, которых явно было недостаточно»⁵. За 186 дней царствования Петр издал 192 законодательных акта (манифесты, сенатские и именные указы и т. д.), иными словами, они появлялись ежедневно, а иногда — букетом, по несколько штук в день. Уже в первую неделю самостоятельного правления, до 31 декабря 1761 года, император успел подписать пять указов⁶. Вряд ли этому стоит умиляться. Хороший закон готовится долго.

Если предположить, что Петр III сознавал, как мало ему отпущено времени, то станут понятны и поспешность в работе, и безудержное стремление наслаждаться женщинами, вином, парадами, музыкой — всем, что составляло для него жизнь. Екатерина пришла в Россию всерьез и надолго. А ее муж, как мотылек, готовился вот-вот отлететь. Потому он захлеб упивался властью и спешил осуществить назревшие, на его взгляд, преобразования.

По верному замечанию А. Б. Каменского, главные реформы заняли у молодого императора всего три дня: 18 февраля был подписан указ о вольности дворянства, 19-го — о секуляризации церковных земель, 21-го — о ликвидации Тайной канцелярии⁷. Государю некогда было вдаваться в

детали, продумывать и взвешивать каждый шаг, каждое слово в новых законах. Он реализовывал преобразования вчерне. И очень спешил.

Важно было успеть заключить мир с Пруссией, отнять у Дании Шлезвиг, развестись с Екатериной и жениться на любимой женщине, признать сына незаконным, обзавестись настоящими наследниками... За исключением первого пункта, на остальное времени не хватило.

И всё же следует признать, что история дала Петру III шанс. Полгода — вполне достаточный срок для того, чтобы продемонстрировать и свою программу, и методы, которыми правитель намерен добиваться поставленных целей. Вот почему мы считаем краткое царствование племянника Елизаветы реализованной альтернативой. Ему удалось показать, *что* нового он намерен сделать и *как* будет действовать. Эта программа и эти методы представляют большой интерес для историков.

«Не смешной Арлекин»

Елизавета Петровна скончалась в Рождество, в три часа пополудни. По словам Екатерины, она осталась у тела, а ее супруг тотчас вышел, чтобы показаться членам собранной для этого Конференции. Оттуда он послал к жене одного из своих приближенных — генерал-поручика и президента Камер-коллегии Алексея Петровича Мельгунова: сказать, чтобы она не покидала усопшей⁸. Новую императрицу сразу постарались оттеснить от императора — он один направился к вельможам, один представился гвардейским полкам. Словом, вел себя так, словно законной супруги нет.

Штелин, говоря о первых шагах своего венценосного ученика, даже не упомянул о Екатерине, хотя поименно перечислил всех членов Комиссии траурного церемониала⁹. Такое умолчание знаменательно. Единственная сфера, где молодой государыне позволено было проявить себя, — это погребение августейшей тетки. Сама Екатерина весьма гордилось исполнением последнего долга перед усопшей¹⁰. Она понимала, как выигрывает в общественном мнении, если окажет покойной надлежащие почести.

Одновременно молодая императрица подчеркивала неприличное поведение супруга: «Тело императрицы Елизаветы Петровны едва успели убрать и положить на кровать с балдахинном, как гофмаршал ко мне пришел с повесткою, что будет в галерее (то есть комнаты через три от усопшего тела) ужин, для которого поведено быть в светлом богатом платье... Погода

несколько пришли от государя мне сказать, чтоб я шла в церковь... Я нашла, что все собраны для присяги, после которой отпели, вместо панихиды, благодарственный молебен; митрополит новгородской Сеченов говорил речь государю. Сей был вне себя от радости и оной нимало не скрывал и имел совершенно позорное поведение, кривляясь всячески и не произнося кроме вздорных речей, не соответствующих ни сану, ни обстоятельствам, представляя более не смешного Арлекина, нежели иного чего, требуя однако всякое почтение».

Похоже, по свидетельствам современников, после кончины самой Екатерины II будет вести себя ее сын Павел. Мемуары графини В. Н. Головиной и письма великой княгини Елизаветы Алексеевны (супруги цесаревича Александра Павловича) рисуют на удивление близкую картину. «Великий князь Павел расположился в кабинете за спальней своей матери, — вспоминала Головина о последней ночи в жизни императрицы, — так что все, кому он давал распоряжения, проходили мимо государыни, еще не умершей, как будто ее уже не существовало. Эта профанация Величества, это кощунство... шокировало всех... Редко когда перемена царствования не производит... переворот в положении приближенных; но то, что должно было произойти при восшествии на престол императора Павла, внушало всем ужас ввиду характера этого государя... Он достиг только того, что внушал страх и отвращение»¹¹.

Сравним это описание со словами из донесения Бретейля от 11 января 1762 года: «Преобладающее число людей испытывало к будущему императору ненависть и презрение, однако слабость и страх взяли верх. Все дрожали и поспешили с изъявлениями покорности еще до того, как императрица закрыла глаза»¹².

Послушаем великую княгиню Елизавету Алексеевну. «Вы не можете представить себе воцарившейся ужасающей пустоты, уныния, сумрачности, которые овладели всеми вокруг, кроме новых Величеств, — писала она родителям в Баден. — О! Я была оскорблена, как мало скорби выказал император... ни единого слова о матери, кроме неудовольствия и порицания всего, что делалось при ней... Когда императрицу обрядили... велено было войти для целования руки, оттуда прямо в церковь для принесения присяги. Вот еще одно отвратительное впечатление, которое мне пришлось испытать — зрелище всех этих людей, клянущихся быть рабами и рабынями человека, которого я в ту минуту презирала. Видеть его таким самодовольным, таким счастливым на месте нашей доброй императрицы! О, это было ужасно! Мне казалось, что если кто и был

создан для трона, то уж, конечно, не он, а она»¹³. И снова сравним сказанное с донесением Бретейля: «Все крайне недовольны царем, однако, по правде говоря, сами недовольные не более чем трусы и рабы»¹⁴.

Что до рабов и трусов, то нашлись люди «нерабственных о себе понятий», как характеризовал своего дядю, тогда молодого вахмистра Конногвардейского полка и участника будущего переворота Григория Потемкина его племянник А. Н. Самойлов. Другая будущая мятежница — княгиня Дашкова — описала впечатление, которое произвело на нее посещение дворца вскоре после кончины Елизаветы: «Мне казалось, что я попала в маскарад. На всех были другие мундиры; даже старик князь Трубецкой был затянут в мундире, в ботфортах со шпорами»¹⁵. Через 34 года картина повторилась до мелочей. «В 6 часов вечера пришел мой муж, — писала Елизавета Алексеевна. — Императрица была еще жива, но он был уже в своем новом мундире. Император более всего торопился переодеть своих сыновей в эту форму. Согласитесь, мама, какое убожество!»¹⁶

Обратим внимание на поведенческие клише. В данном случае перед нами не только близость обстоятельств: и Петра III, и Павла I долгие годы держали, говоря словами Головиной, в «политическом ничтожестве». Заметна близость характеров отца и сына. Оба императора в известной степени не сумели сохранить лицо, проявляли «кощунство». И как следствие, произошла «профанация Величества» в глазах подданных.

Ни слова об этой профанации не проронил Штелин. Вот его описание присяги: «Когда... великий князь как наследник престола принял поздравление от всех, призванных к двору, сенаторов, генералов и прочих чиновников, тогда он велел гвардейским полкам выстроиться на дворцовой площади, объехал их уже при наступлении ночи и принял от них приветствие и присягу. Полки выражали свою радость непрерывным ура своему новому полковнику и императору и говорили громко: «Слава Богу! Наконец, после стольких женщин, которые управляли Россией, у нас теперь опять мужчина императором!»¹⁷.

Совсем иначе поведение солдат описала Дашкова. Она сказала больно и не поехала во дворец в первые дни после смерти Елизаветы Петровны. «Я могу засвидетельствовать как очевидец, — сообщала княгиня, — что гвардейские полки (из них Семеновский и Измайловский прошли мимо наших окон), идя во дворец присягать новому императору, были печальны, подавлены и не имели радостного вида... Солдаты говорили все вместе, но каким-то глухим голосом, порождавшим

сдержанный и зловеющий ропот, внушавший такое беспокойство и отчаяние, что я была бы рада убежать за сто верст от своего дома, чтобы его не слышать»¹⁸.

Дашкову легко обвинить в пристрастии. Однако и Штелин далек от точности. Слова, которые он привел, говорились не в день восшествия Петра III на престол, не по поводу присяги и далеко не всеми гвардейцами (что важно ввиду грядущих событий). В письме Фридриху II 15 мая 1762 года император рассказывал, как еще в бытность великим князем он слышал от солдат своего полка: «Дай Бог, чтобы вы скорее были нашим государем, чтобы нам не быть под владычеством женщины»¹⁹. А что еще шеф мог услышать от нижних чинов, желавших заслужить его благосклонность? Вероятно, ученик не раз хвастался перед профессором подобными отзывами, слова запомнились и позднее были помещены Штелином в мемуары.

В реальности обстановка была намного сложнее. Недаром вокруг дворца сразу же по кончине Елизаветы Петровны расставили двойные караулы. Шумахер сообщал: «Всё было спокойно, если не считать того, что при дворе как будто опасались каких-то волнений. Еще за 24 часа до смерти императрицы были поставлены под ружье все гвардейские полки. Закрылись кабаки. По всем улицам рассеялись сильные конные и пешие патрули. На площадях расставлены пикеты, стража при дворце удвоена. Под окнами нового императора разместили многочисленную артиллерию (не забудем, что ее начальником был П. И. Шувалов. — О. Е.). Она стояла там долго, пока не рассеялись опасения, и лишь по прошествии восьми дней ее убрали»²⁰.

Сами по себе усиленные караулы очень показательны. Стало быть, сторонники Петра опасались сопротивления. И были к нему готовы. Екатерина благоразумно отложила решительные действия до того момента, когда супруг почувствует себя в безопасности и расслабится.

«Не в пользу особе императора»

Штелин пытался спорить с распространенным мнением, будто Петр III не проявил особого интереса к похоронам тетки: «На другой день император назначил особую комиссию для устройства великолепнейшего погребения. Он приказал, чтобы не жалели ничего для великолепия траурной парадной залы, похоронной процессии и места погребения. На

это Его величество назначил тотчас 100 тыс. руб. наличными деньгами... Император заехал однажды в крепость, осмотрел постройку катафалка и сказал, что... если недостаточно будет назначенной суммы, то он прибавит еще»²¹.

Тщетно. По-настоящему важным для подданных оказалось постоянное присутствие молодой государыни при теле. Она как бы персонифицировала в своей особе общее горе. «Императрица завоевывает все умы, — доносил Бретейль 15 февраля. — Никто более, чем она, не изъясляет усердия в исполнении заупокойных обрядов по усопшей государыне, кои в греческой религии многочисленны и исполнены суеверий, чему она, несомненно, про себя и смеется, но духовенство и народ весьма довольны ее поведением»²².

Обратим внимание: оба супруга пострадали от Елизаветы Петровны, отношения Екатерины с августейшей теткой были не менее сложными, чем у ее мужа. Однако есть случаи, когда нужно, говоря словами императрицы, «соответствовать обстоятельствам». Поведение Петра оскорбляло двор, гвардию, духовенство, горожан. А ведь равнодушие приближенных к судьбе монарха — важное условие успешного переворота.

Когда 25 января тело Елизаветы Петровны повезли из дворца в Петропавловскую крепость, Петр выкинул новое коленце. «Император в сей день был чрезмерно весел, — вспоминала Екатерина, — и посреди церемонии сей траурной сделал себе забаву: нарочно отстанет от везущего тело одра, пустя оного вперед сажен тридцать, потом изо всей силы добежит». Отчего камергеры, несшие шлейф траурной епанчи государя, выпустили его из рук. «И как ветром ее раздувало, то сие Петру III пуще забавно стало, и он повторил несколько раз сию шутку». Остальная процессия вынуждена была остановиться, поджидая отставших, ряды смешались, торжественная мрачность нарушилась. «О непристойном поведении сем произошли многие разговоры не в пользу особе императора»²³.

С этого дня толки о «безрассудных его поступках» перестали быть достоянием узкого круга придворных. Перенос тела видело множество зевак, и поведение нового монарха, мягко говоря, их удивило. Если бы дело обстояло так, как писал Штелин, то политический капитал на похоронах тетки заработал Петр, а не Екатерина.

Профессор вообще сглаживал острые углы. Он одной строкой упомянул ужин на 30 «знатнейших персон», состоявшийся в ночь после кончины Елизаветы. А вот Екатерина не пожалела красок: «Стол поставлен был в куртажной галерее персон на полтораста и более, и галерея набита

была зрителями. Многие, не найдя места за ужином, ходили так же около стола, в том числе Иван Иванович Шувалов». У последнего «хотя знаки отчаяния были на щеке, ибо видно было, как пяти пальцами кожа содрана была, но тут, за столом Петра III, стоял, шутил и смеялся с ним... Множество дам также ужинали: многие из них так, как и я, были с расплаканными глазами, а многие из них тот же день, не быв в дружбе, между собою помирились»²⁴.

Красноречивая деталь. Общее горе сближает. Елизавету действительно любили, именно поэтому на поведение Петра отреагировали так болезненно. Однако сколько же человек в действительности присутствовало на торжественном ужине? Может быть, императрица по обыкновению пристрастна? Весьма расположенный к Петру Федоровичу английский посол Кейт сообщал, что его «удостоили чести быть приглашенным к обеду за столом на сто кувертов»²⁵. Получается, что Екатерина все-таки ближе к истине.

Она тонко поняла настроение окружающих: о Елизавете жалели, Петра боялись или презирали, ей же за общие со всеми слезы были благодарны. А вот Иван Шувалов явно проиграл и, видимо, только теперь до конца осознал свою ошибку. Он не сумел сблизиться с Екатериной, надеясь отказом от действий в пользу Павла купить расположение нового государя. Но у Петра не нашлось для вчерашнего фаворита даже места за столом. Более того, он сразу после кончины Елизаветы ухитрился нанести вельможе чувствительную обиду.

«Удивительным был... поступок императора по отношению к камергеру Ивану Ивановичу Шувалову, — писал Шумахер. — Он вменил ему в вину, что тот сразу после кончины императрицы представил Петра дворцовой страже и отрекомендовал в качестве их будущего императора. Как будто-де не было ясно само собой, что внук Петра I и в течение многих лет официальный наследник престола должен принять власть вслед за императрицей Елизаветой!»²⁶

В отличие от Петра Федоровича Шуваловы понимали, что ситуация для подданных вовсе не так однозначна, как кажется на первый взгляд. Гвардейцам следует сказать, кто именно принял власть. Что и было сделано, но задело нового монарха. Впрочем, Петр зла не держал. Отругав Ивана Ивановича и не посадив его за стол, он тем не менее шутил с ним. А позднее, по отзыву Штелина, снизошел до дружеских утешений. Однажды, когда речь зашла о покойной Елизавете, у камергера невольно потекли слезы. «Выбрось из головы, Иван Иванович, чем была тебе императрица,

— сказал ему Петр, — и будь уверен, что ты, ради ее памяти, найдешь и во мне друга»²⁷.

Профессору эта сцена показалась трогательной. А вот самому Шувалову должна была причинить боль. Ведь он ни при каких условиях не мог «выбросить из головы», «чем была» ему Елизавета. Задевая прежнего фаворита, император отталкивал от себя сильную придворную группировку. Мало того, что теперь Шуваловы должны были уступить первенство Воронцовым — будущей царской родне. Их ожидал полный уход со сцены. После смерти Петра Ивановича, которому государь устроил действительно великолепные похороны, более никто из клана не имел влияния на монарха. Из союзников они стали просто слугами. Такое не забывают.

«Древнее варварство»

Придя с развеселого ужина в день кончины Елизаветы, молодая императрица не смогла заснуть «и начала размышлять о прошедшем, настоящем и будущем». Она говорила себе: «Ты знаешь, с кем дело имеешь, по твоим мыслям и правилам дела не поведут»²⁸. Почему ей вообще пришло в голову, что дела могут пойти по ее «мыслям и правилам»?

Рюльер сообщал на первый взгляд фантастические подробности, которые могли бы объяснить подобные рассуждения. Француз узнал, будто Елизавета незадолго до кончины заставила племянника примириться с женой, тот якобы вернул Екатерине «прежнюю доверенность», а она «убедила его, чтобы не гвардейские полки провозглашали его, говоря, что в сем обыкновении видимо древнее варварство, и для нынешних россиян гораздо почтеннее, если новый государь признан будет в Сенате». За этим пассажем слышится голос отнюдь не Екатерины, а Панина с его излюбленным проектом ограничения власти монарха посредством одного из высших государственных органов. Недаром именно Никиту Ивановича называют главным информатором дипломата.

По словам Рюльера, Екатерина была уверена, «что в правлении, где будут соблюдаемы формы», она сможет скоро «подчинить всё своей воле». «Министры были на ее стороне, сенаторы предупреждены. Она сочинила речь, которую ему (Петру. — О. Е.) надлежало произнести. Но едва скончалась Елизавета, император в восторге радости немедленно явился к

гвардии и, ободренный восклицаниями, деспотически приняв полную власть, отринул все противопоставляемые препятствия»²⁹.

Если вспомнить, что Петр не сам «явился к гвардии», а его «представил караульным» как нового государя Шувалов, Екатерина же тем временем оказалась фактически изолирована у тела покойной императрицы, то придется признать, что какие-то смутные отзвуки несостоявшегося участия Сената в провозглашении нового монарха Рюльер уловил. Возможно, сенаторы готовы были вступить в негласный союз с молодой императрицей. Если же прибавить немедленно последовавшее за кончиной Елизаветы распоряжение Петра о замене генерал-прокурора Сената и дважды повторенные в «Записках» слова Екатерины: «...моей инфлуенции опасаются», — то картина станет прозрачнее. Видимо, генерал-прокурор Я. П. Шаховской — человек легендарной щепетильности, у которого были трения с Петром Федоровичем по финансовым вопросам, — мог поддержать попытку ограничения власти самодержца.

О его добрых отношениях с Екатериной говорят ее отзывы на страницах мемуаров: «Тело императрицы еще обмывали, когда мне пришли сказать, что генерал-прокурор князь Шаховской отставлен по его прошению, а обер-прокурор сенатский Александр Иванович Глебов пожалован генерал-прокурором. То есть слывающий честнейшим тогда человеком отставлен, а бездельником слывающий и от уголовного следствия спасенный Петром Шуваловым сделан на его место генерал-прокурором... Чего ждать?»³⁰

Глебов был креатурой Шуваловых, а с недавних пор — Петра Федоровича. Вместо сторонника в лице генерал-прокурора Екатерина получила противника. Ей нанесли сильный удар. Чисто «дворовыми» методами Шуваловы действовали быстрее: вывели Петра к гвардейцам, провозгласили государем, устранили Сенат, «подкинув» на одну из высочайших должностей в государстве своего ставленника.

Однако им самим это отнюдь не пошло на пользу. Новый царь в первые же часы обидел бывшего фаворита, а через три дня после кончины Елизаветы забрал себе апартаменты начальника Тайной канцелярии Александра Шувалова. Кроме этой новости Екатерина слышала, что «в его покое, возле моих, будет жить Елисавета Романовна Воронцова»³¹.

Это было не просто оскорбление жены, рядом с которой в прежних комнатах великого князя селили фаворитку. Это было наступление на интересы клана Шуваловых, происходившее на фоне широких

пожалований Воронцовым. У Штелина как всегда всё благопристойно. «Отличает родственников покойной императрицы при ее погребении, — писал профессор о Петре III. — Дарит ее двоюродной сестре, супруге канцлера графине Воронцовой, прекрасное имение на Волге (Кишора, прежнее поместье вдовствующей царицы, близ Твери, 4300 душ)»³². Кроме того, были заплачены долги канцлера и его супруги.

Рядом с этим перечислением фраза: «Обходится милостиво с прежним любимцем покойной императрицы» — звучит невыразительно. Милость пришлось покупать дорогой ценой: после кончины Елизаветы бывший фаворит передал Петру 106 тысяч рублей, которые прежняя государыня отдала ему якобы на хранение³³.

Один Петр Иванович Шувалов оставался в чести. Возможно, император считал, что только ему и обязан, а его кузены — слабые союзники. До прямого столкновения с грозным елизаветинским дельцом не дошло: старший Шувалов вскоре умер, оплаканный монархом. Но при крутом нраве Петр Шувалов вряд ли безропотно потерпел бы падение влияния своей семьи. Ведь в те времена истинную силу имели не люди, а кланы. Останься старший Шувалов жив, и картина шести месяцев нового царствования приобрела бы дополнительные жирные мазки...

«Сии страдальцы»

Назначенный вместо Шаховского Глебов действительно не отличался чистотой рук, и связанные с его именем финансовые скандалы были хорошо известны. В 1760 году, служа генерал-кригскомиссаром, то есть отвечая за снабжение армии, он предложил переводить деньги для русских войск за границу через английских купцов. Такая операция была чрезвычайно выгодна британской торговой диаспоре в Петербурге и тем чиновникам, которые ее обеспечили, так как часть суммы оседала на руках посредников. Дело остановил Шаховской как «вредное для казны»³⁴. Между тем наследник имел в происходящем свой интерес, поскольку близко сошелся с английскими купцами и брал у них займы.

Кроме того, Глебов занимался винным откупом в Иркутской провинции, где позволил себе громадные злоупотребления: иркутские купцы были разорены поборами. Обвиненных в незаконном винокурении брали под стражу и допрашивали с пристрастием, пока несчастные не откупались. Так, некий Бегович, заплатив 30 тысяч рублей, умер под

пыткой. Жители Иркутска подали жалобу, Елизавета Петровна назначила следственную комиссию, но Глебова прикрыл П. И. Шувалов³⁵.

Именно Глебов, вероятно не без санкции покровителя, заранее составил Манифест о кончине Елизаветы и вступлении на престол Петра III. Человек одаренный, сметливый, но безнравственный, он стал автором многих важных бумаг нового царствования. Однако назначение чиновника с подмоченной репутацией генерал-прокурором — блюстителем законности — настраивало подданных на грядущее неправосудие. По русской пословице, поставили волка овец стеречь. Такой поступок вкупе с характером нового императора не сулил добра. И тут Петр III удивил всех, начав царствование с амнистии.

Освобождение бывших опальных происходило и при правительнице Анне Леопольдовне, когда после кончины суровой Анны Иоанновны из ссылки вернулись многие семьи, и при вступлении на престол добросердечной Елизаветы. Однако петровская амнистия поражала именно по контрасту с характером нового государя. И это выбивало почву из-под ног его критиков.

Даже недоброжелательные к Петру Федоровичу дипломаты хвалили великодушие молодого государя. «Надо отдать ему справедливость в том, что его поведение по отношению к своим подданным заслуживает похвал, — писал 11 января 1762 года Бретейль. — Никто из придворных, близких к императрице, не пострадал и не был сослан в Сибирь. Мне не известны даже случаи ареста кого бы то ни было»³⁶.

Еще больше восторгался Кейт, которому Петр III оказывал явное предпочтение перед другими послами. «Его императорское величество являет до сего дня во всех отношениях и делах своего правления толико мудрости и достоинства, кои не оставляют желать ничего лучшего, — писал британец 12 января. — Милостей, им дарованных, удостоились по большей части вполне заслуживающие их особы. Никто никоим образом не обижен, а то малое число, кои потеряли должности, уволены с наименьшим для них утеснением». Конечно, донесения, отправлявшиеся официальным путем, дипломаты писали с учетом перлюстрации, но Кейт и в дальнейшем крайне доброжелательно отзывался о Петре. Он позволил себе малую толику критики в его адрес только после переворота в большом письме, посвященном событиям 28 июня. Пока же всё, что делал новый государь, было хорошо.

Амнистия относилась к числу бесспорно добрых начинаний. Уже вечером после кончины Елизаветы ее наследник приказал освободить

Лесток, вскоре ко двору возвратились Миних^[14] и герцог Бирон^[15]. «Граф Лесток в свои семьдесят четыре года, из коих четырнадцать лет провел он в тюрьме и ссылке, обладает живостью молодого человека, — сообщал 12 февраля Кейт. — ...Герцог Курляндский и супруга его возвращены из ссылки. Он явился ко двору в голубой ленте ордена Святого Андрея, пожалованной ему императором, который удостоил особого своего внимания всё его семейство. Вчера после полудня я был у... фельдмаршала Миниха, который только что приехал в отменном здравии и ничуть не повредившихся умственных способностях, хотя и провел он более двадцати лет в ссылке, а вернее тюрьме... Оба сына герцога Курляндского сделаны генерал-майорами, а граф Миних назначен первым фельдмаршалом»³⁷.

Надо признать, что на первых порах инициатива постоянно оставалась в руках у нового монарха, вернее, у тех, кто подсказывал ему удачные шаги. Однако не следует думать, будто политических амнистий было так уж много. Елизаветинское царствование отнюдь не изобиловало опальными. Источники тасуют три имени: Лесток, Миних, Бирон. К ним следует прибавить семейство Лопухиных, также возвращенное из ссылки, но не приглашенное в Петербург и потому не попавшее на глаза иностранным наблюдателям. Остальные «птенцы» были просто выпущены из тюрем. Прощение части уголовных «сидельцев» считалось делом богоугодным и ознаменовывало начало каждого царствования.

Еще С. М. Соловьев указывал на то, что сложно оценить число амнистированных, поскольку перед самой кончиной Елизавета даровала свободу семнадцати тысячам преступников. Они, без сомнения, смешались с новой волной отпущенных на волю и часто принимались иностранными авторами за представителей собственно петровской амнистии. Около пятнадцати тысяч ссыльных находились в Сибири за корчемство, но и их освободила еще Елизавета. К моменту восшествия Екатерины II на престол в тюрьмах оставалось около восьми тысяч колодников³⁸. Если учесть, что в 1740-х годах прусские дипломаты сообщали Фридриху II о сорока тысячах преступников, которых императрица употребляла в работы, не желая прибегать к смертной казни, то сам собой напрашивается вывод, что число прощенных Петром III уголовников не могло быть особенно велико. Внимание следует сосредоточить именно на политических амнистиях.

Характерно, что среди возвращенных из ссылки не оказалось канцлера Бестужева. Своих врагов Петр помнил хорошо. «Он подозревает его в тайном соумышлении с его супругой против него, — писал Штелин, — и ссылается в этом на покойную императрицу, которая предостерегала от

него». Амнистия не коснулась также никого из окружения Бестужева. Ни Ададуров, ни Елагин из ссылки не приехали.

Подданные же заметили, что из всех опальных прощения не удостоился единственный русский. Будь Петр дальновиднее, он не допустил бы подобного промаха. Но государь даже не задумался об этой тонкости. Его иностранное окружение — тоже.

Штелин с умилением писал: «Император примиряет герцога Курляндского с фельдмаршалом Минихом: при первом их свидании при дворе они целуются, пожимают друг другу руки и должны обещать императору, что забудут... что было прежде между ними»³⁹. Не оставила равнодушным эта сцена и Кейта: «Сколь трогательно было видеть двух знаменитых мужей, переживших тяжкие и долгие несчастья и явившихся вновь в преклонных уже летах к тому самому двору, где когда-то играли они столь выдающиеся роли, да еще встретившихся друг с другом через долгие годы с таковым любезным обхождением и без какой-либо обоюдной враждебности, которая послужила когда-то причиной всех их несчастий»⁴⁰.

Однако утрата власти, 20 лет ссылки и унижений — возможно ли такое забыть? Рюльер нарисовал психологически точную картину «примирения» давних врагов: «С того момента как Миних связал Бирона, оспаривая у него верховную власть, в первый раз увиделись они в веселой и шумной толпе, окружавшей Петра III, и государь, созвав их, убеждал выпить вместе». В тот момент, когда старики подняли бокалы, императора отозвали, он осушил свой стакан и отошел. «Долговременные враги остались один против другого со стаканами в руках, не говоря ни слова, устремив глаза в ту сторону, куда скрылся император, и думая, что он о них забыл, пристально смотрели друг на друга, измеряли себя глазами и, отдав обратно полные стаканы, обратились друг к другу спиною»⁴¹.

Великодушно было простить опальных. Но возвращать их в Петербург — вовсе не обязательно. Ведь они привезли с собой старую вражду и были способны наводнить двор дополнительными интригами. Каждый из «столпов» минувших царствований льстил себя надеждой сыграть ту же роль при новом государе, зацепиться, оказаться нужным. Бирону повезло меньше, чем Миниху. Судьба его герцогства была решена: Петр хотел отнять Курляндию у принца Саксонского дома и передать своему дяде Георгу. При первой встрече он сказал Бирону: «Утешьтесь и будьте уверены, что вы будете мною довольны. Если вы и не останетесь герцогом Курляндским, то все-таки будете хорошо пристроены».

Штелин без задней мысли передал простоту разговора императора с Бироном. Она напоминает ситуацию с Иваном Шуваловым. То была простота хуже воровства. После переворота Екатерина вернула герцога на курляндский престол, и он еще несколько лет оставался послушным орудием России в Митаве.

Судьба Миниха сложилась иначе. 79-летний фельдмаршал поставил своей целью сблизиться с Петром Федоровичем и остаться в его свите. Ему это удалось. «Видит батальон гвардии, идущий мимо его окон на часы, — записал Штелин, — и марширующий по-новому образцу, и, полный удивления, говорит: «Ей-богу, это для меня новость! Я никогда этого не мог достигнуть!» При первом посещении делает императору комплимент этим признанием. Император берет его с собой в парад, где он дивится еще более»⁴². Нехитрый путь к августейшему сердцу. Победитель турок уверяет, что ему за всю жизнь не удалось добиться того, что за месяц достиг молодой фрунтман. А старый профессор записывает слова льстеца как искреннюю похвалу. Кто кого дурачит?

Во время переворота Миних оставался при Петре III. И хотя потом он принес присягу Екатерине, та уже не прибегала к услугам престарелого фельдмаршала. Для него колесо Фортуны перестало вращаться.

Кроме желания снова пробиться наверх каждый из опальных хотел получить назад конфискованные богатства, что не всегда удавалось. Петр «возвратил из Сибири толпу тех несчастных, которыми в продолжение стольких лет старались населить ее пустыни, — писал Рюльер, — и его двор представлял редкое зрелище... Потеряв всё во время несчастья, сии страдалцы требовали возвращения своих имуществ; им показывали огромные магазины (склады. — О. Е.), где, по обыкновению сей земли, хранились отобранные у них вещи — печальные остатки разрушенного благосостояния... В пыли искали они драгоценных своих приборов, бриллиантовых знаков отличия, даров, какими сами цари платили некогда им за верность, и часто после бесполезных исканий они узнавали их у любимцев последнего царствования»⁴³.

Имелись в виду не только приближенные Елизаветы, но и разом появившиеся многочисленные фавориты самого Петра III. Взаимные претензии семейств друг к другу, притязания на драгоценности, столовые приборы, мебель, кареты, когда-то принадлежавшие одним и оказавшиеся в руках у новых счастливых, порождали распри и дух постоянного беспокойства. А ведь были еще и земли... С этими дрызгами стороны обращались к императору. Он же не знал, как решать подобные дела.

Дополнительная нервозность придворных, упреки и имущественные препирательства стали побочным эффектом такой, казалось бы, беспроектной меры, как амнистия. Петр об этом не подумал. А следовало бы.

«Разве вы были крепостные?»

Через три недели по кончине Елизаветы Петровны молодая императрица, как обычно, направлялась к телу слушать панихиду. В передней ей встретился князь Михаил Дашков, плакавший от радости. На расспросы он отвечал: «Государь достоин, дабы ему воздвигли штатую золотую; он всему дворянству дал вольность». Екатерина удивилась: «Разве вы были крепостные и вас продавали донине?» В чем же эта вольность, недоумевала она. «И вышло, что в том, чтобы служить или не служить по воле всякого. Сие и прежде было, ибо шли в отставку».

Екатерина лукавила. Она прекрасно поняла, что произошло. То был громовой удар. Одним указом Петр купил дворянские сердца. Муж ближайшей подруги императрицы, еще недавно предлагавший возвести ее на престол, теперь рыдал от умиления и благословлял государя. Если самые верные колебались, что же остальные? Сторонникам Екатерины подрезали крылья. «У всех дворян велика была радость о данном дозволении служить или не служить и на тот час совершенно позабыли, что предки их службою приобрели почести и имение, которым пользуются»⁴⁴, — с упреком заключала императрица.

Манифест о вольности дворянства 18 февраля 1762 года — ключевой акт царствования Петра III. Он открывал новую эпоху в жизни благородного сословия, пускал по иному руслу российское законодательство, которое отныне и на протяжении ста лет решало задачу «раскрепощения» различных социальных групп. Он, наконец, ломал старую систему взаимных обязательств, в которой пребывали все слои русского общества по отношению друг к другу.

Эта «стройная неволя» распределяла тяжесть служения на всех. Долгие годы она во многом обеспечивала само существование страны в трудных хозяйственных условиях и в окружении хищных соседей. При том напряжении сил, которое характерно для Московского царства, дворянин обязан был служить столько, тогда и там, сколько, когда и где прикажет государь. Это был ратный труд, исключительно тяжелый и опасный, если принять во внимание постоянные войны. В награду дворянин получал

земельный оклад — поместья с работающими в них людьми. Крестьяне, в свою очередь, служили барину, коль скоро тот отдавал жизнь царю.

При этом важно помнить, что государь осознавался как верховный и единственный подлинный хозяин земли, все остальные на тех или иных условиях лишь удерживали ее за собой. Поместья оставались у дворянского рода до тех пор, пока на царской службе на смену деду приходил отец, а на смену отцу — сын. Такая система при всех издержках — злоупотреблениях бар и крестьянских бунтах — воспринималась жителями страны как справедливая.

Разрыв одного из звеньев цепи грозил привести к нарушению всей совокупности обязательств. Раз дворянин ничего не должен царю, то крестьянин — дворянину. Но в таком случае чья земля? Каждый отвечал на вопрос по-своему. Долговременное пребывание владений в одних руках приводило к тому, что помещики начинали считать землю своей собственностью. При этом сами они находились в вечной службе: не имели права распоряжаться собой, ехать, куда хотят, оставаться дома, выбирать место и срок службы. В известном смысле дворянин был закрепощен за государем так же, как крестьянин за дворянином.

В 1714 году «Указом о единонаследии» Петр I уравнивал в правах боярскую вотчину, передававшуюся аристократами по наследству, и дворянское поместье, получаемое за службу. Тем самым был сделан шаг к превращению русского служилого слоя в благородное сословие по европейскому образцу, располагавшее землей на правах собственности. Однако служба оставалась по-прежнему пожизненной. Если офицер становился стар, увечен, болен, то его могли перевести с военной на гражданскую, отправить в провинцию, но продолжали использовать до последнего вздоха.

В таких условиях подчас некому было приглядывать за хозяйством, и постепенно дворяне выторговывали себе послабления. При Анне Иоанновне в 1736 году срок службы сократился до двадцати пяти лет. Обычай записывать в полк грудных младенцев, так часто высмеиваемый в отечественной литературе, имел целью не только выпустить недоросля из родительского гнезда уже офицером, но и дать ему возможность вернуться домой не глубоким стариком, а мужчиной средних лет, способным обзавестись семьей и заняться имением.

В царствование Елизаветы дворянство уже в голос роптало на свое подневольное положение и желало иметь те же права, которые отличали благородное сословие европейских стран. Проекты зрели в недрах семейств Воронцовых и Шуваловых, но медлительная императрица не

решилась их одобрить. Вместе с тем Елизавета и не «зажимала» дворянство так, как могла бы, а потому положение казалось терпимым — де-факто дворяне пользовались правами, каких не имели де-юре.

С вступлением на престол нового монарха ситуация изменилась. Приближенные боялись его крутого нрава, и настало время зафиксировать в законе права, которые он без такого закона мог нарушить. Это и было искомое ограничение власти Петра III некими «формами» — только не в сфере управления, а в области социальных привилегий. И пришло оно не через Никиту Панина и Сенат, а посредством «дворовых» ухищрений было навязано молодому монарху семейством фаворитки.

Два совершенно разных источника называют имя отца Елизаветы Воронцовой — Романа Илларионовича — как главного подателя мысли. «Воронцов и генерал-прокурор (Глебов. — О. Е.) думали великое дело делать, доложив государю, дабы дать волю дворянству»⁴⁵, — писала Екатерина.

Князь М. М. Щербатов в памфлете «О повреждении нравов в России» нарисовал картину, способную обесценить и не такой важный документ, как Манифест о вольности дворянства. Он тоже поминал Романа Воронцова, хотя называл другого исполнителя — Дмитрия Васильевича Волкова. «Примечательна для России сия ночь, — писал памфлетист. — ... Петр Третий, дабы скрыть от графини Елисаветы Романовны, что он всю ночь будет веселиться с новопривозной [дамой], сказал при ней Волкову, что он имеет с ним всю ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в рассуждении благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошел веселиться с княгиней Куракиной, сказав Волкову, чтобы он к завтраю какое знатное узаконение написал, и был заперт в пустую комнату с дацкою собакою. Волков, не зная ни причины, ни намерения государского, не знал, о чем зачать писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливый, то вспомнил нередкие вытвержения государю от графа Романа Ларионовича Воронцова о вольности дворянства, сяди, написал манифест о сем. Поутру его из заключения выпустили, и манифест был государем опробован и обнародован»⁴⁶.

«Минутная мечта»

После такой карикатуры отпадает всякое желание воспринимать законодательный акт серьезно. Однако прежде всего напомним, что

Щербатов писал памфлет, а значит, намеренно приводил слышанные им анекдоты, в резких чертах рисуящие царствование Петра. Во-вторых, никто не заставлял императора на другой день после куртуазного приключения подписывать столь важный документ, если его содержание не было предварительно согласовано. И наконец, Петр заявил о желании даровать русскому дворянству новые права еще за месяц до обнародования Манифеста — 17 января 1762 года.

«В прошлый вторник, — писал Кейт, — явился он с великою пышностью в Сенат и объявил, что отныне дворянство российское свободно и во всем уравнивается с дворянством всей Европы, в том числе и касательно военной службы, в каковую может поступать по собственному своему желанию без какого-либо принуждения... Нетрудно представить, с каким удивлением и восторгом воспринята была неожиданная сия милость и сколь удовольствованы они, сделавшись вдруг из рабов свободными, то есть воистину благородными людьми»⁴⁷.

Именно в Сенате от лица всех собравшихся Глебов предложил отлить в честь императора золотую статую, но тот благоразумно отказался. Рюльер писал: «Манифест произвел восторги столь беспредельной радости, что легковверная нация предположила вылить в честь его золотую статую. Но сия свобода... была не что иное, как минутная мечта. Воля самодержца, ничем не ограниченная, не переставала быть единственным законом, и народ, неосновательно мечтавший о каком-то благе... огорчился, видя себя обманутым»⁴⁸.

Прислушаемся к мнению дипломата. Пока Петр расширял привилегии дворян, его обожали. Но когда позднее он начал совершать шаги, неприемлемые для русского общества, не нашлось институтов, способных направить деятельность императора в нужное русло. Государя нечем было обуздать, кроме переворота.

Тем не менее Манифест заложил основу того, что позднее можно было бы назвать гражданскими правами. Пока они касались одного сословия и впечатляли только на фоне прежней пустоты. В Манифесте подчеркивалось, что в прежние, варварские времена дворян приходилось принуждать к исполнению обязанностей силой. Теперь же успехи просвещения сделали благородное сословие столь сознательным, что оно само будет добровольно содействовать государству. В мирное время офицеры могли выходить в отставку, испросив разрешение императора. Не достигшим офицерского чина полагалось отслужить 12 лет, после чего они также получали право оставлять службу. Вводился свободный выезд за

границу при условии возвращения по первому требованию. В противном случае эмигрантам угрожали конфискацией имений. Разрешалось домашнее образование. Перечисленные права провозглашались вечными, соблюдение их вменялось в обязанности преемникам Петра III.

Исследователи единодушно, признавая, что Манифест был далек от совершенства, написан торопливо, на скорую руку и с юридической точки зрения оставлял желать много лучшего. Одни называют автором проекта Глебова, другие Волкова. Но куда важнее для нашей темы то, что у Манифеста имелся протограф, не принадлежавший царствованию Петра III. Он возник в недрах елизаветинского двора и не был реализован, как и многие другие начинания.

А. Б. Каменский справедливо обратил внимание на то, что еще с 1754 года в России работала комиссия по составлению нового Уложения. Ее создали по инициативе Петра Шувалова, идеи которого легли в основу проекта Уложения. В последнем уже имелись те нормы, которые позднее были зафиксированы Манифестом 18 февраля 1762 года⁴⁹. Как один из ближайших сотрудников Шувалова, новый генерал-прокурор Глебов не мог пройти мимо такого сокровища и проталкивал идеи бывшего покровителя вкупе со своими собственными.

Несомненно и влияние клана Воронцовых, человеком которых был Волков. Однако в Манифест оказались не включены особенно близкие этому семейству требования — монопольное право дворянства владеть землей с крепостными и свобода от телесных наказаний. Поэтому следует согласиться с И. де Мадариагой, считавшей, что текст нового закона стал компромиссным⁵⁰.

Молодой государь спешил дать ход всему, с чем так долго медлила его тетка. Он противопоставлял свою решительность ее колебаниям и бездействию. Манифест стал первым многообещающим шагом на этом пути. Не оценить такой дар дворянство не могло. В то же время Манифест, подписанный Петром, не учитывал государственного интереса. Он был чисто дворянским — помещики приобретали права и отказывались от обязанностей. Со стороны власти — голая уступка без малейшей выгоды. Елизавета не зря медлила с принятием подобного проекта. Она взвешивала, прикидывала, вела мысленный торг. Петр подмахнул сразу. Наименьшее, что из этого могло получиться, — новые волнения крестьян.

Они не заставили себя долго ждать. Среди крепостных распространились слухи, будто свобода дворян от службы царю означает и свободу земледельцев от обязательств перед помещиками. В начале лета

правительственные войска подавили бунты в Тверском и Клинском уездах. 19 июня император обратился к подданным с новым Манифестом: «С великим гневом и негодованием уведомили мы, что некоторых помещиков крестьяне, будучи прельщены и ослеплены рассеянными от непотребных людей ложными слухами, отложились от должного помещикам своим повиновения... Мы твердо уверены, что такие ложные слухи сами собой истребятся»⁵¹. Помещикам было обещано «ненарушимо сохранять» их «имения и владения», а крестьянам предписывалось «безмолвное повиновение». Тем не менее при восшествии Екатерины на престол «заводские и монастырские крестьяне... были в явном непослушании властей, и к ним начали присоединяться местами и помещичьи». Действия последних во многом были спровоцированы «ложными слухами»⁵².

«Русские старшего поколения, — доносил Бретейль, — не одобряют того, что так радуется молодежь. Они считают, что дворяне будут злоупотреблять свободой больше, чем ранее они злоупотребляли своей властью над крепостными, и что малейшее волнение в империи превратит ее в Польшу»⁵³. Даже самых образованных и по-европейски мыслящих вельмож прежнего царствования пугала перспектива широкого оттока дворян со службы в отставку. Такое уже раз случилось. После указа Анны Иоанновны 1736 года выслужившие 25 лет офицеры поспешили в имения и тем самым вынудили правительство уже в 1740 году под предлогом войны приостановить увольнения. В проекте «Фундаментальных законов», который Иван Шувалов подал Елизавете, речь шла о двадцати шести годах службы, считая от начала действительной, — то есть не ранее реального поступления недоросля в полк⁵⁴.

Предоставление дворянам абсолютного права служить или не служить грозило массовым уходом офицеров и чиновников и, как следствие, коллапсом государственного аппарата. В нем просто некому стало бы работать. Грядущее отчасти подтвердило печальные прогнозы — на 1762–1763 годы пал пик увольнений из армии. Екатерине пришлось очень постараться, чтобы выправить положение и сделать службу престижной.

«Ненавистное выражение»

Провозгласить важнейший акт своего царствования Петр III отправился в парадной карете с короной и гербом. На взгляд современного

человека, именно так и следовало поступить. Но молодой государь вновь не учел национальной ментальности — в тот момент еще очень средневековой и фиксировавшей внимание людей на многозначительных «мелочах». «Сей кортеж в народе произвел негодование, — записала Екатерина, — говорили: как ему ехать под короною? он не коронован и не помазан. Ранновременно вздумал употребить корону»⁵⁵. То был дурной знак.

Кажется, современники Петра III думали и чувствовали в двух разных пластах. Речь не о том, что образованный класс перенимал многие элементы европейского мышления, а простонародье было погружено в суеверия. Архаичные представления перемешивались с просвещенческими в головах у одних и тех же людей. Сторонний наблюдатель, глядя на карету с короной, взятую императором несправедливо — до помазания, в душе отвергал всё, что может проистечь от *такого* государя. Его милосердие таило в себе дьявольский соблазн.

Тем не менее всего через три дня после первого Петр издал новый указ. 21 февраля 1762 года была упразднена Тайная канцелярия — ненавистный сыск, который даже не в насмешку именовали инквизицией. На этот раз в основу указа не были положены прежние «наработки» елизаветинского правительства. Однако и назвать его совсем новым, внезапно зародившимся в голове молодого императора нельзя. Тайная канцелярия вызвала общий страх, раздражение и желание поскорее избавиться от нее. Уничтожая подобный орган, государь мог вызвать только новый всплеск любви.

«Император... оказывает величайшие услуги всему своему народу, — доносил Кейт. — Последним указом он упразднил Тайную канцелярию, иначе говоря, государственную инквизицию. Сие есть вождеденнейшее благо, какового могла бы только желать сия нация»⁵⁶.

Был ли этот шаг со стороны Петра продиктован стремлением завоевать сердца подданных? Вряд ли. Ведь он каждый день совершал множество поступков, способных по капле истощить самую горячую привязанность. Скорее его собственные чувства к Тайной канцелярии были солидарны с чувствами остального общества. В бытность великим князем Петр долгие годы оставался под надзором, о нем наушничали и доносили государыне, в недрах канцелярии более десяти лет велось дело Батурина. Словом, новый император пожил в страхе и на себе испытал железную хватку названного учреждения.

Штелин свидетельствовал, что его ученик говорил о Тайной канцелярии с неприязнью еще наследником. На этот раз Екатерина

подтверждала слова профессора: инквизиция вызывала у великокняжеской четы отвращение, и потому им трудно было сблизиться с Александром Шуваловым после его назначения к малому двору.

Решение уничтожить тайный сыск, ведавший делами об «оскорблении величества», измене и бунте, было во многом чисто эмоциональным, искренним и потому особенно дорогим. Как и предшествующий Манифест, новый начинался ссылкой на варварские нравы, побудившие Петра Великого создать грозный орган. Но теперь, констатировалось в законе, надобность в нем отпала. «Тайная розыскных дел канцелярия уничтожается отныне навсегда, а дела оной имеют быть взяты в Сенат, но за печатью к вечному забвению в архив положатся».

Трудно не оценить значение подобного указа — не столько политическое, сколько нравственное. Он менял климат в обществе, открыто порицал доноительство, называл вещи своими именами. И хотя для усвоения урока потребовались годы стабильного, «кроткого», как тогда говорили, царствования — всё же шаг был сделан. «Ненавистное выражение, а именно «слово и дело», не долженствует отныне значить ничего, и мы запрещаем: не употреблять оного никому; о сем, кто отныне оное употребит в пьянстве, или в драке, или избегая побоев и наказания, таковых тотчас наказывать так, как от полиции наказываются озорники и бесчинники»⁵⁷.

Тем не менее донос по важным государственным преступлениям не уничтожался вовсе. Доноситель должен был обратиться «в ближайшее судебное место или к ближайшему же воинскому командиру». Сведения передавались письменно, за исключением тех случаев, когда доноситель был неграмотен. Если его рассказ оказывался ложью, доносителя два дня держали под арестом на хлебе и воде, затем отпускали. Подобной мягкости прежняя система не знала. Подчас в Тайной канцелярии содержались и истец, и оговоренный, и свидетели. Раз попав в тенета запутанного следствия, никто не мог поручиться, что выйдет потом на волю.

Не упраздняясь полностью и политический сыск. Персонал канцелярии переводился в особый департамент Сената с отделением в Москве⁵⁸. Вместо самостоятельной Тайной канцелярии возникала подчиненная Сенату Тайная экспедиция. Ее создание провозглашалось, но в реальности она была сформирована уже после смерти Петра III. Обратим внимание: при действующей Тайной канцелярии, каким бы отталкивающим и малоэффективным учреждением она ни была (большинство доносов, по мнению специалистов, совершались в пьяном

виде и имели целью сведение личных счетов⁵⁹), Елизавета Петровна царствовала спокойно, а немногие попытки свергнуть ее постигла неудача.

Петр III, упразднив систему, не удержался на троне более полугода. Крайне наивно полагать, будто монарх мог сохранить корону только при помощи репрессивного аппарата и доносительства. Но полицейский сектор — важная часть государственной машины. В том числе и в виде тайной полиции, функции которой не совпадают с функциями полиции гражданской. Передавая дела ненавистной канцелярии в Сенат, Петр как будто понимал это и не прощался с тайным сыском. Но любая перестройка в жизни учреждения на время парализует его деятельность. Благодаря этому сложилась крайне удобная для заговорщиков ситуация.

Мятеж против императора зрел почти открыто, на глазах целого города и при сочувствии населения. Были и доносы, и подозрения близких к Петру придворных. Но гражданской полиции, присматривавшей за порядком, функции тайной не были переданы даже частично. Вместо этого к наиболее рьяным сторонникам Екатерины, вроде Панина, Дашковой и Орлова, были приставлены наблюдатели, которые ничего не смогли сделать в роковой момент. Заговорщиков, используя удачное выражение Александра I, было «некем взять».

Однако сразу после провозглашения двух важнейших манифестов в обществе всколыхнулась волна благодарности к молодому государю. Петру просто некого было опасаться. Он и позднее, когда тучи сгустились над головой, уверял обеспокоенного Фридриха II, что любим подданными. «Если бы русские хотели мне зла, они бы давно могли его сделать, видя, что я не берегусь, предаваясь всегда Божьей воле, хожу по улицам пешком... Когда умеешь обращаться с ними, можно на них положиться»⁶⁰.

Страшные слова.

Примечания к разделу

¹ *Ассебург А. Ф.* Записка о воцарении Екатерины II // *Екатерина. Путь к власти.* М., 2003. С. 293.

² *Фавье Ж.-Л.* Русский двор в 1761 году // Там же. С. 198, 200.

³ Там же. С. 197.

⁴ *Мыльников А. С.* Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2002 (серия «ЖЗЛ»). С. 140.

⁵ *Шумахер А.* История низложения и гибели Петра III // *Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России.* М., 1991. С. 273.

⁶ *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 136.

⁷ *Каменский А. Б.* «Под сению Екатерины...» СПб., 1992. С. 81.

⁸ *Екатерина II.* Сочинения. М., 1990. С. 463.

⁹ *Дневник статского советника Мизере* // *Екатерина. Путь к власти.* М., 2003. С. 55.

¹⁰ *Екатерина II.* Сочинения. М., 1990. С. 465.

¹¹ *Головина В. Н.* Мемуары. М., 2005. С. 140—142

¹² *Тургенев А. И.* Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 198.

¹³ *Крылов-Толстякович А.* Поцелуй Психеи: Александр I и императрица Елизавета. М., 2005. С. 80–81.

¹⁴ *Тургенев А. И.* Указ. соч. С. 208.

¹⁴ *Дашкова Е. Р.* Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 22.

¹⁶ *Крылов-Толстякович А.* Указ. соч. С. 81.

¹⁷ *Штелин Я.* Записки // *Екатерина. Путь к власти.* М., 2003. С. 32.

¹⁸ *Дашкова Е. Р.* Указ. соч. С. 21.

¹⁹ *Письма Петра III к Фридриху II* // *Екатерина. Путь к власти.* М., 2003. С. 211.

²⁰ *Шумахер А.* Указ. соч. С. 272.

²¹ *Штелин Я.* Указ. соч. С. 33, 34.

²² *Тургенев А. И.* Указ. соч. С. 206.

²³ *Екатерина II.* Сочинения. М., 1990. С. 470, 471.

²⁴ Там же. С. 464.

²⁵ *Тургенев А. И.* Указ. соч. С. 198.

²⁶ *Шумахер А.* Указ. соч. С. 272.

- ²⁷ Штелин Я. Указ. соч. С. 34.
- ²⁸ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 464–466.
- ²⁹ Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 58, 59.
- ³⁰ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 464, 465.
- ³¹ Там же. С. 466.
- ³² Штелин Я. Указ. соч. С. 36.
- ³³ Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»). С. 410.
- ³⁴ Звягинцев А. Г, Орлов Ю. Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. М., 1994. С. 91.
- ³⁵ Там же. С. 103–105.
- ³⁶ Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 230–231.
- ³⁷ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 199, 201, 202.
- ³⁸ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIII. Т. 25. М., 1994. С. 282.
- ³⁹ Штелин Я. Указ. соч. С. 38.
- ⁴⁰ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 202.
- ⁴¹ Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 274.
- ⁴² Штелин Я. Указ. соч. С. 38.
- ⁴³ Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 275.
- ⁴⁴ Екатерина II, Сочинения. М., 1990. С. 470.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // Столетие безумно и мудро. Век XVIII. М., 1986. С. 374.
- ⁴⁷ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 200.
- ⁴⁸ Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 58.
- ⁴⁹ Каменский А. Б. Указ. соч. 79.
- ⁵⁰ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 52.
- ⁵¹ ПСЗ. Т. XV. № 11577.
- ⁵² Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 471–472.
- ⁵³ Черкасов П. П. Указ. соч. С. 274.

- ⁵⁴ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 14.
- ⁵⁵ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 470.
- ⁵⁶ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 201.
- ⁵⁷ ПСЗ. Т. XV. № 11445.
- ⁵⁸ Мадариага И. де. Указ. соч. С. 50.
- ⁵⁹ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 60–61.
- ⁶⁰ Письма Петра III к Фридриху II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 211.

Глава десятая

КАМЕНЬ ВЕРЫ

В первые месяцы царствования подданные, как обычно, тешили себя надеждами на лучшее. Казалось, молодой монарх оправдывает их ожидания. «Ныне все дела исполняются быстрее, нежели прежде, — доносил Кейт 26 января. — Император сам во всё вникает и в большинстве случаев делает необходимые распоряжения... Также интересуется он и делами иностранными, где ничего не делается без его ведома»¹.

Штелин не уставал умиляться своим учеником: «Каждое утро он вставал в семь часов и во время одевания отдавал генерали флигель-адъютантам свои повеления на целый день. В 8 часов сидел в своем кабинете, и тогда к нему являлись с докладами сперва генерал-прокурор Сената, и так один за другим президенты Адмиралтейской и Военной коллегий: он разрешал и подписывал их доклады до 11 часов. Тогда отправлялся он на дворцовую площадь на смотр парада при смене гвардии, а оттуда в час к обеду.

Почти каждый день по утрам приходила к нему в кабинет императрица, но к обеду никогда. При обеденном столе его участвовали... лица, с которыми он хотел подробно говорить... Однажды в первые дни своего царствования сказал он за столом: «Штелин! Я очень хорошо знаю, что и в вашу Академию наук закралось много злоупотреблений и беспорядков. Ты видишь, что я занят теперь более важными делами, но как только с ними управлюсь, уничтожу все беспорядки»².

Трогательная мечта молодого государя — искоренить зло, накопившееся в предыдущее царствование. Однако описание Штелина выглядитстораживающе гладким. Что в нем опущено? Обратим внимание: Екатерина никогда не оставалась к обеду. По ее словам, муж вставал из-за стола «без ног» и «без языка». Это суждение подтверждается многими свидетелями. Например, А. Т. Болотовым, в тот момент полицейским чиновником, часто посещавшим дворец: «Не успеют, бывало, сесть за стол, как загремят рюмки и покалы и столь прилежно, что, ставши из-за стола, сделаются иногда все как маленькие ребяточки, и начнут шуметь, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущие... у иного наконец и сил не было выйтить и сесть в линию, а гренадеры выносили туда на руках своих»³. Это высказывание

незаинтересованного лица мало чем отличается от слов пристрастного Бретейля, доносившего 18 января в Париж: «Император ведет самый постыдный образ жизни. Целые вечера просиживает он за трубкой и кружкой пива, иногда до пяти или шести часов утра, и почти всегда мертвецки пьян»⁴.

Таким образом, во второй половине дня Петр работать уже не мог. Практически каждый вечер он посещал театр, потом уединялся с женщинами. А утром трудился с 8 до 11 — три часа. Затем два часа тратил на параде. Подобную работу сложно назвать «неутомимой».

А. С. Мыльников предположил, что после позднего ужина, на который созывалось иногда до сотни персон, император вместе со своими советниками вновь до глубокой ночи занимался государственными делами⁵. Однако слишком много свидетельств говорят, что с обеда царь начинал налегать на горячительные напитки, ужин был кульминацией, и после него Петр уже не вязал лыка. Есть мнение, будто многие несообразности в политике молодого государя объяснялись именно его пьянством — он подчас не сознавал, что делал⁶. Не абсолютизируя высказывания Н. Н. Фирсова о «поступках пьяного человека», мы все-таки с большой долей сомнения относимся к утверждению о ночном труде Петра III.

Несложно понять, зачем оно понадобилось. Без дополнительной «порции» времени, потраченного на государственные дела, невозможно объяснить интенсивный график работы правительства. Судя по числу законодательных актов, оно работало, как в лихорадке. Январь — 39, февраль — 23, март — 35, апрель — 32, май — 33, июнь 25⁷. А ведь были еще и устные распоряжения, и вал сугубо делопроизводственных бумаг, связанных с пожалованиями и решением имущественных вопросов. Казалось бы, такая интенсивность говорит сама за себя. Ведь Петр должен был хотя бы прочитывать то, что подписывал. Неужели на это шли только утренние часы? А ведь именно по утрам, до вахтпарада, император посещал правительственные учреждения и казенные мануфактуры. Воистину, неутомимый внук великого деда!

Ларчик открывался просто. Учрежденный в мае Совет при императоре получил право публиковать указы от имени Петра III⁸. Позволим себе предположить, что основной удар законодательной деятельности приняли на себя сановники, вошедшие в этот орган и еще прежде подготавливавшие для государя проекты реформ.

Сложилась любопытная ситуация: пьяным императора наблюдали

только приближенные, а февральские благодеяния были налицо. «Так как все видели, как был неутомим этот молодой монарх в самых важных делах, — заключал Штелин, — как быстро и заботливо он действовал с утра и почти целый день в первые месяцы своего правления... то возлагали великую надежду на его царствование и все вообще полюбили его». В другом месте сказано: «Везде его принимают с восторгом».

«Православными владычествовать восхотел»

Но вскоре картина резко изменилась. Император совершил серьезный промах. Между первым и вторым знаменательными манифестами поместился Сенатский указ 19 февраля о секуляризации церковных земель. Этот акт весьма осмотрительно исходил не от государя, а от высшего правительственного органа, и как бы завершал начинание Елизаветы 1757 года.

Непосредственным разработчиком указа стал Глебов, которому не откажешь в политической осторожности. Он сумел не подставить императора под удар критики, а, напротив, прикрыть авторитетом благочестивой тетушки. Причем поместил закон в обрамлении двух важнейших актов, которыми Петр даровал подданным новые свободы, а не отнимал имущество. На волне общей благодарности указ не вызвал особых толков, ибо дело было далеко не новое и, как все понимали, рано или поздно должно решиться.

Церковь обладала большими земельными богатствами, на которые время от времени пытались посягнуть и Петр I, и Анна Иоанновна, и даже богобоязненная Елизавета. Благо поводы имелись в изобилии. С середины XVIII века монастырские крестьяне находились в беспрестанных волнениях и успешно действовали даже против правительственных войск. Так, в 1740-х годах отец знаменитых братьев генерал-майор Г. И. Орлов был послан привести к покорности взбунтовавшихся крестьян Троицкого монастыря под Москвой. Поселяне ретировали его полк, а самого захватили в плен и даже, по уверению Штелина, связанного посадили в хлев, над чем позднее потешался Петр III⁹. История не подтверждается другими источниками, однако она красноречиво свидетельствует о ситуации, сложившейся вокруг монастырских владений.

На снаряжение военных экспедиций против церковных крестьян тратились немалые средства. К концу царствования Елизаветы монастыри не могли самостоятельно удерживать за собой земли, и правительство

готово было этим воспользоваться. Истощенная казна требовала пополнения, особенно в годы Семилетней войны, когда содержание армии за границей влетало в копеечку.

30 сентября 1757 года Елизавета Петровна на заседании Конференции распорядилась: назначить в церковные имения офицеров-управителей; приравнять повинности монастырских крестьян к повинностям крестьян помещичьих (первые были выше); ввести штатное содержание монастырей — установить для каждой обители определенное число монахов и отпускаемых на них средств; взыскивать с духовных вотчин деньги на содержание отставных офицеров и солдат и учредить на эти деньги инвалидные дома¹⁰.

По сути, это была программа секуляризации. В позднейших документах и Петра III, и Екатерины II содержались сходные требования. Но Елизавета не перевела монастырские и архиерейские земли в казну, а только изъяла их из управления Церкви. Указом 19 февраля 1762 года дело было доведено до логического конца. Создавалось специальное учреждение — Коллегия экономии — для управления бывшими церковными имениями. В сами имения, наконец, отправились государственные управляющие. Крестьяне (более двух миллионов душ) освобождались от барщины и обязаны были платить казенный оброк. В их пользовании оказалась земельная запашка, на которой они прежде работали во благо монастырей, что существенно увеличило размер наделов. Само по себе это улучшало положение земледельцев, а разбогатевшие могли свободнее записываться в купцы и перебираться в города¹¹.

Штелин подчеркивал прямую связь между замыслами Петра I и секуляризацией, к которой приступил его ученик: «Император... трудится над проектом Петра Великого об отобрании монастырских поместий и о назначении особенно Экономической коллегии для управления ими. Генерал-прокурор Александр Иванович Глебов сочиняет об этом Манифест... Он (Петр III. — О. Е.) берет этот Манифест к себе в кабинет, чтобы еще рассмотреть его и дополнить замечаниями»¹².

Если бы император ограничился документом Глебова, то при известном ропоте духовенства он все-таки не вызвал бы религиозной ненависти населения. Но Петр не мог не перегнуть палку. Секуляризация земель превратилась в изъятие церковных ценностей. Армейские офицеры врываются в монашеские кельи и дома священников и забирали оттуда золотые сосуды, кресты с драгоценными камнями, оклады богослужебных книг... 15 апреля последовал указ, запрещающий подобную практику¹³. Но

она уже успела разозлить верующих.

Теперь каждый шаг государя в духовной сфере воспринимался как заведомое зло. Если 9 марта Кейт сообщал вполне нейтральные сведения: «Император присоединил к коронным землям монастырские владения, а взамен назначил для архиепископов и игумнов определенное жалование», то к началу мая британскому послу пришлось признать, что Петр возбудил «превеликое неудовольствие по всей империи». А 7 июня он уточнял: «Жалобы по поводу объединения коронных и монастырских земель всё усиливаются, особливо после того, как император повелел брать в военную службу сыновей священников. Всё духовенство, и белое и монахи, единодушны в своем недовольстве»¹⁴.

Среди священнослужителей не было ни одного слоя, который новый государь не обидел бы чем-нибудь. У крупных иерархов забрали земли, сельские батюшки испугались солдатчины для детей, столичным попам запретили устраивать домовые церкви в богатых усадьбах, чем лишили серьезного дохода. А ведь все эти люди имели возможность жаловаться прихожанам на проповедях.

Рюльер отлично разобрался в ситуации: «Петр III приближал свое падение поступками, в основании своем добрыми; они были губительны для него по его безвременной торопливости и впоследствии совершены с успехом и славою его супругою... Небесполезно было для блага государства отнять у духовенства несметные богатства, и Екатерина, по смерти его, привлекая на свою сторону некоторых главнейших [иерархов] и одарив их особенными пансионами... без труда осуществила сию опасную реформу. Но Петр III своею чистотою деспотизма, приказав сие исполнить, возмущил суеверный народ и духовенство... Оно возбуждало их (прихожан. — О. Е.) к мятежу и льстило их молитвами и отпущением грехов»¹⁵.

Мемуары Болотова показывают, что в обществе намерения Петра воспринимались однозначно как желание заменить православие лютеранством: «Он вознамерился было переменить совершенно религию нашу, к которой оказывал особенное презрение. Он призвал первоприсутствующего [Святейшего синода] архиерея новгородского Дмитрия Сеченова и приказал ему, чтобы в церквях оставлены были иконы только Спасителя и Богородицы, а других бы не было, также чтоб священники обрили бороды и носили платье, как иностранные пасторы... И хотя дело на этом до времени остановилось, однако произвело во всем духовенстве сильное неудовольствие, содействовавшее потом очень много перевороту»¹⁶.

Любопытно, что эти меры Штелин назвал «веротерпимостью»¹⁷. Однако не стоит думать, что все шаги Петра в духовной сфере клонились к оскорблению подданных. Начал он действительно с просвещенческих мер: 7 февраля, еще до секуляризации, последовал сенатский же указ «О защите раскольников от чинимых им обид и притеснений». Штрафы, взимаемые со старообрядцев, снизились; им стало гораздо легче возвращаться в Россию¹⁸. Этот акт предварял екатерининскую политику в данной сфере.

Однако личное поведение очень вредило царю. Не желая посещать православные храмы, Петр III часто присутствовал на богослужениях в католических и лютеранских. Были выделены средства на строительство кирхи, что разозлило петербуржцев. Шумахер сообщал: «Когда распространился слух, что император собирается сделать лейб-гвардией несколько своих голштинских полков и один прусский и выстроить для них в Санкт-Петербурге лютеранскую кирху напротив русской церкви св. Исаакия, сломанной за ее ветхостью, то их (гвардейцев. — О. Е.) ненависть к нему достигла крайности»¹⁹.

Здесь уже все недовольства слились воедино: церковь ломают, кирху строят, русских в гвардии заменяют немцами... Создается впечатление, что единственные, к кому Петр не желал быть веротерпим, — его православные подданные. А. Б. Каменский точно заметил: «Символом всего того, что он так не любил в России, стала для Петра III православная церковь»²⁰.

Таким образом, наследник Елизаветы не принимал саму сердцевину своей новой родины, ее душу. А значит, не мог быть принят сам. Шутовство и кривляние в храме, так забавлявшее императора, воспринималось прихожанами как признак одержимости. Показывать язык, глядя на иконы, а потом приказать вынести их — достойное деяние для православного царя!

Настораживал и упорный отказ от миропомазания. По христианскому учению, через миропомазание на правителя нисходят особые дары Святого Духа, которые должны помочь ему царствовать. Поэтому миропомазание вовсе не тождественно коронации и в глазах верующих не может быть заменено ею. Петр считал такой подход суеверием, а в результате не признавался значительным числом подданных как в полной мере законный государь.

Здесь, как и во многом другом, дурную службу сослужил ему пример Фридриха II. Последний тоже не принял миропомазания перед коронацией. Чем вызвал осуждение со стороны благочестивой Елизаветы Петровны.

Кроме того, Фридрих был известным масоном. В частности, он являлся великим мастером ложи «Трех Глобусов», которой подчинялась ложа «Трех Корон» в Кёнигсберге, куда вступили многие русские офицеры. Таинственная атмосфера, в которой проводились орденские работы, внушала сторонним наблюдателям подозрения. Поэтому Петру III очень повредили слухи о масонской ложе, заседавшей в Ораниенбауме. По некоторым данным, император оказался посвящен еще за границей, то есть совсем мальчиком. Ложа «Постоянство», членом которой был также Д. В. Волков, находилась в загородной резиденции и, вероятно, совпадала с иностранной петербургской ложей под тем же названием²¹. Подражая своему кумиру, Петр III объявил себя покровителем «вольных каменщиков», подарил «Постоянству» дом в столице и сам руководил масонскими работами²². Нетрудно догадаться, сколько толков это вызывало у простонародья.

Отец фаворитки императора Роман Илларионович Воронцов был крупным орденским функционером. В 1756–1759 годах он отдал дань французскому рыцарскому обряду в качестве мастера стула и «гранметра». В 1770-х трудился великим провинциальным наместным мастером Великой Английской (Провинциальной) ложи в Петербурге, куда записал двоих сыновей — Александра и Семена. Вместе с первым посещал ложу «Урания»²³. В невидимой орденской иерархии Роман Воронцов стоял значительно выше своего брата-канцлера Михаила. С 1750-х годов он возглавлял ложу «Молчаливость», членом которой был и Петр III²⁴. Благодаря этому Воронцов оказывался как бы духовным отцом императора.

25 июня 1762 года, всего за три дня до переворота, вышел новый императорский указ, уравнивавший в правах все религии²⁵. В отличие от предыдущих — сенатских этот акт имел более высокий статус, поскольку был издан самим государем. Подобный шаг в просвещенческом ключе можно было бы назвать проявлением «веротерпимости», если бы не волна религиозного озлобления, которую он вызвал и которую нетрудно было предвидеть.

Петр лишал православие, исповедуемое подавляющим большинством его подданных, господствующего положения. Именно о таком поведении мужа Екатерина писала в Манифесте 6 июля: «Он возмечтал о своей власти монаршей, якобы она не от Бога... Не имев, как видно, он в сердце своем следов Веры Православной Греческой, коснулся древнее православие в народе искоренить своим самовластием... И сим образом православными владычествовать восхотел»²⁶. Так Петр Федорович постепенно стал

восприниматься как «враг рода человеческого».

«Все бездельники»

Особое раздражение подданных вызвал приезд многочисленных родственников государя. Буквально на другой день по воцелествии Петр послал курьера за своим двоюродным дядей принцем Георгом Людвигом Голштинским, генералом прусской армии. Молодой император прочил его в герцоги Курляндские. Принц отличался крутым нравом и чисто семейной склонностью к фрунту. Петр проявлял к нему чрезвычайную привязанность: ведь этот человек досконально изучил прусскую школу муштры. Штелин, склонный в дурных поступках ученика видеть стороннее влияние, отмечал, что после приезда принца Георга Петр стал меньше заниматься государственными делами, слишком много времени «употребляя на военное дело, в особенности на его внешнюю сторону: перемену формы гвардейских и полевых полков»²⁷.

Принц Георг был пожалован в фельдмаршалы и полковники лейб-гвардии Конного полка с содержанием 48 тысяч рублей в год. Его дурное обращение с подчиненными немало способствовало перевороту. Другой дядя, Петер Август Фридрих Голштейн-Бок, также получил фельдмаршальский чин и стал генерал-губернатором Петербурга, командовавшим всеми полевыми и гарнизонными полками, расквартированными в столице, Финляндии, Ревеле, Эстляндии и Нарве²⁸. Поспешил Петр облагодетельствовать и женскую половину Голштинского дома. «В новом дворце император поместил молодую принцессу Голштейн-Бок, дочь фельдмаршала, — писал Штелин, — ...она получила орден Св. Екатерины, также и молодая вдова... принца Карла Голштейн-Бок... и еще супруга принца Георгия. Остальные принцессы и родственницы Голштинского дома, жившие тогда в Кёнигсберге... должны были также получить пенсию».

Эти люди плотным кольцом окружили молодого императора, оттесняя тех из русских советников, кто на первых порах поддерживал Петра. Они претендовали на влияние и крупные денежные пожалования, а сам государь охотно шел им навстречу, ибо то было его сокровенным желанием. Петр оказался на удивление семейным человеком. Долгие годы он чувствовал себя оторванным не только от родины, но и от родных — сиротой, лишенным кровного участия и тепла. Елизавета, помимо прочего,

была слишком русской, чтобы племянник всерьез воспринимал родство с ней. Не нашел он близости и у жены, которая всеми силами старалась стать именно тем, что ему не нравилось, — православной царевной. Многочисленные дядя, их жены и дети создавали у Петра иллюзию долгожданной семьи, огромной фамилии. Теперь он мог им благодетельствовать, выступать в роли сильного и щедрого покровителя. В новом положении Петр чувствовал себя уютно и не задумывался, что фактически платит за любовь чужим людям. Ведь прошло слишком много времени с тех пор, как принц-епископ Любекский представлял своего девятилетнего воспитанника семье.

Между тем в России были лица, которые со своей стороны претендовали на роль «семьи императора». Родственники его официальной фаворитки. Поначалу Петр сделал Воронцовым щедрые дары. Благодаря супруге канцлера — двоюродной сестре покойной государыни — он именовал их родственниками императрицы, то есть подчеркивал близость к августейшей фамилии. Отец фаворитки Роман Илларионович получил графский титул. Воронцовы заметно потеснили Шуваловых и готовились, после брака Елизаветы Романовны, навсегда утвердить за собой первенствующее место.

Петр поначалу поощрял эти упования. Во время первого же приезда Дашковой ко двору 30 декабря 1761 года он сообщил ей, что намерен сделать ее сестру императрицей. «Когда я вошла в гостиную, — вспоминала княгиня, — Петр III сказал мне нечто, что относилось к моей сестре и было так нелепо, что мне не хочется повторять его слова. Я притворилась, что не поняла их»²⁹. В другой редакции мемуаров сказано еще откровеннее: «Он говорил шепотом, полунамеками, но ясно, что он намерен был лишить Екатерину трона и возвести на ее место *Романовну*, то есть мою сестру». Княгиню же Петр предостерег: «Если вы, дружок мой, послушаетесь моего совета, то дорожите нами немного побольше; придет время, когда вы раскаетесь за всякое невнимание, показанное вашей сестре... вы не иначе можете устроить вашу карьеру в свете, как изучая желания и стараясь снискать расположение и покровительство ея»³⁰.

Однако государь был слишком ветрен и влюбчив, чтобы долго наделять одну Елизавету Романовну своим вниманием, когда все женщины двора были к его услугам. Он не отказывался от женитьбы, но считал себя вправе повеселиться на стороне. «Император еще более умножил знаки внимания к девице Воронцовой, — доносил 11 января Бретейль. — Он назначил ее старшей фрейлиной, у нее собственные апартаменты во

дворце, и она пользуется всевозможными отличиями... Императрица с превеликим трудом переносит таковое отношение к ней императора и надменность девицы Воронцовой».

Последняя уже примеряла корону, как вдруг... «Порыв ревности девицы Воронцовой за ужином у великого канцлера, — сообщал 15 февраля Бретейль, — послужил причиной для ссоры ее с государем в присутствии многочисленных особ и самой императрицы. Желчность упреков сей девицы вкупе с выпитым вином настолько рассердили императора, что он в два часа ночи велел препроводить ее в дом отца. Пока исполняли сей приказ, к нему опять возвратилась вся нежность его чувствований, и в пять часов всё было уже снова спокойно. Однако четыре дня назад случилась еще более жаркая сцена при таких выражениях с обеих сторон, каковые и на наших рынках редко услышишь. Досада императора не проходит, равно как и знаки его внимания к девице Шаликовой, тоже придворной фрейлине. Ей семнадцать лет, она довольно хороша собой, но, к сожалению, горбатенькая»³¹.

Минутную неверность императора еще можно было перенести. Но каждая новая пассия метила в фаворитки и всячески подчеркивала оказанное ей внимание. Щербатов нарисовал характерную сценку. «Княгиня Елена Степановна Куракина была привождена к нему (Петру III. — О. Е.) на ночь Львом Александровичем Нарышкиным, и... бесстыдство ее было таково, что когда по ночевании он ее отвозил домой поутру рано и хотел, для сохранения чести ее, и более чтобы не учинилось известно сие графине Елизавете Романовне, закрывши гардины ехать, она, напротив того, открывая гардины, хотела всем показать, что она с государем ночь провела»³².

Ни по уму, ни по характеру, ни по железной воле «Романовна» не годилась в русские графини Помпадур. Но какой бы «трактирной служанкой» она ни выглядела в глазах Бретейля, эта простая, грубая женщина любила Петра III, а он всегда возвращался именно к ней. У ссоры, которую нарисовал французский дипломат, было продолжение. Его описала императрица: «На другой день после обеда часу в пятом она (Воронцова. — О. Е.) прислала ко мне письмо... что она имеет величайшую нужду говорить со мной... Я пошла к ней и нашла ее в великих слезах; увидя меня, долго говорить не могла; я села возле ее постели, зачала спросить, чем больна; она, взяв руки мои, целовала, жала и обмывала слезами. Я спросила, об чем она столь горюет?... Она посвободнее стала от слез и начала меня просить, чтоб я пошла бы к императору и просила бы... чтоб

он ее отпустил к отцу жить, что она более не хочет во дворце оставаться... понеже все бездельники, а одна я, на ком она полагает свое упование»³³.

Екатерина передала просьбу, но приближенные устроили поссорившимся любовникам примирение. Сцены ревности, конечно, не прибавляли спокойствия дворцовой жизни. И не укрепляли положения клана Воронцовых. В любую минуту фаворитка из-за своей вспыльчивости могла потерять благоволение государя. Видимо, родные объяснили девице, что в надежде на будущее полезнее смириться с мимолетными изменами императора. Судя по поведению «Романовны» в летних резиденциях, куда Петр уезжал в окружении целого букета красавиц, она научилась сдерживаться и даже стала чем-то вроде предводительницы этого «летучего отряда».

«Царство безумия»

Тем временем у родных дела складывались совсем не так хорошо, как мечталось. Да, Петр давал Воронцовым ответственные поручения. Так, Роман Илларионович возглавил комиссию по составлению нового Уложения, но неизменно встречал здравые возражения императора при попытке внести в проект пункты о монополии дворянства на владение землей и содержание промышленных предприятий³⁴. Брат фаворитки Александр Романович был назначен полномочным министром в Лондон. По дороге молодой камергер должен был заехать в Пруссию, и царь писал Фридриху II: «Он умен и полон усердия и доброй воли, и я думаю, что он сделает всё, чтобы хорошо исполнить мои приказания»³⁵. Вот ключевые слова. Петр хотел приказывать, а не советоваться.

Канцлер Михаил Илларионович Воронцов, заболевший накануне кончины Елизаветы, вернулся ко двору 8 января. Когда переход власти в руки Петра совершился без ожидавшихся эксцессов, в его недуге наступил «спасительный перелом»³⁶. Однако тут ему предстояло узнать о курьере, которого император отправил в Берлин еще 25 декабря, едва Елизавета испустила дух. Старый дипломат был потрясен, он попытался отговорить Петра от немедленного мира с Пруссией, но, видимо, с самого начала не уповал на успех. «Сегодня хозяин — император, — сказал он Бретейлю 11 января, — мне неизвестны его затаенные взгляды и намерения... Поверьте, если я сохраню мой пост, то сделаю всё для блага наших дружеских отношений»³⁷.

Слова, слова... Воронцов как никто другой понимал катастрофичность царского шага для международного авторитета России. Но желание не потерять должность заставило его смириться. Щербатов в насмешку писал, что «тихой обычай» не позволял Михаилу Илларионовичу «оказывать разум»³⁸. Именно эта «тихость» характера и помогла канцлеру остаться на плаву. Однако в связи с пропрусскими шагами императора он попал в очень сложное положение.

20 мая вместо Конференции при высочайшем дворе был создан Совет, первое заседание которого состоялось через четыре дня. Его членами стали оба голштинских принца, дяди императора, Миних, старик Трубецкой (тот самый, кого Дашкова застала затянутым в военную форму), канцлер Воронцов, генерал-фельдцейхмейстер Вильбоа, князь Волконский, Мельгунов и Волков.

Любопытно, что в состав Совета не вошли ни Глебов, ни Иван Шувалов. Последний сосредоточил в своих руках управление Сухопутным, Морским и Артиллерийским шляхетскими корпусами, одновременно оставаясь куратором Московского университета — то есть исполнял роль министра просвещения. Но он претендовал на большее со своим проектом «Фундаментальных законов» и идеей присоединения Восточной Пруссии.

Однако в окружении Петра всё большее место занимали люди пустые и не сведущие в делах. Император тяготился теми, кому был обязан. Новые друзья буквально закружили его в вихре развлечений, оторвав от работы и заслонив собой тех вельмож, кто на первых порах подстраховывал шаги молодого монарха. «Доброму императору не хватало умных и верных советников, — рассуждал Шумахер, — а если и было сколько-нибудь таких, что желали добра ему и стране и имели достаточно мужества, чтобы ясно объявить ему последствия его непродуманных действий, то их советы выслушивались редко и еще реже им следовали. Его всегда окружали молодые, легкомысленные и неопытные люди, равнодушные к судьбе страны... но их советам, никогда не противоречащим его склонностям, император всегда оказывал предпочтение»³⁹.

Одним из таких приятелей был шталмейстер Нарышкин, чьи слова Екатерина привела как бы в насмешку над мужем: «Это царство безумия, всё наше время уходит на еду, питье и на то, чтобы творить сумасбродства»⁴⁰.

Уже после переворота Кейт доносил: «К сожалению, отвращение его (Петра. — О. Е.) от дел вследствие дурного влияния недостойных фаворитов привело к всеобщему расстройству. Ошибочно почитая себя

любимым всей нацией за совершенные им при восшествии на престол великие благодеяния, впал он в пагубные для него беспечность и нерадение»⁴¹.

Совет или Сенат

За два дня до переворота — 26 июня — государь подписал 14 указов, весьма разных по содержанию. Его «стремительная законодательная деятельность, — отмечает А. С. Мыльников, — ...оборвалась буквально на полуслове — ни о каком ее спаде говорить нет оснований»⁴². Действительно, количество появлявшихся ежемесячно указов стабильно. Но не качество. После февральского «залпа» тремя важнейшими актами правительство занималось в основном частными вопросами, откликаясь на повседневные запросы. О направлении дополнительных рабочих в Адмиралтейство, о кладбищах Немецкой слободы в Москве, о запрете строить деревянные дома в центре Петербурга. То есть тем, что во времена министерств назовут «трясянкой» или «вермишелью».

Таких дел много при каждом государе, но они далеко не всегда оформляются указами — их категория ниже. Иногда было бы достаточно распоряжения, записанного в журнал. Зачем же понадобилось повышать делопроизводственный статус подобных решений? Как мы уже говорили, Совет получил право публиковать от имени Петра III указы по второстепенным вопросам. Так и набрались многочисленные «законодательные акты» о праздном шатающихся солдатских женках и ремонтных работах по Московскому тракту. Раньше этим занялся бы Сенат. Но с 1 июня ему было запрещено обнародовать указы без утверждения государя. Первый шаг вел к сосредоточению власти в узком кругу приближенных императора. Второй был наступлением на права высшего государственного учреждения.

В Совете главную роль быстро стал играть Волков — наиболее одаренный и расторопный из чиновников этого органа. По удачному выражению Миниха, Волков «водил рукой и был ушами государя»: «то, с чем соглашался Волков, и составляло образ правления при императоре Петре III»⁴³. Екатерина писала об этом человеке: «Про него тогда думали, что главу имеет необыкновенную, но оказалось после, что хотя был быстр и красноречив, но ветрен до крайности, и понеже писал хорошо, то более писал, а мало действовал, а любил пить и веселиться»⁴⁴. Но именно

такой характер больше всего подходил к нравам императора — золотое перо и удалой собутыльник. Волков сумел потеснить Глебова, слишком плотно связанного с Шуваловыми.

Запрещение Сенату самостоятельно издавать указы было серьезным ударом по положению генерал-прокурора. В то же время Совет, где всем заправлял Волков, получил от Петра возможность бесконтрольно пользоваться его именем. Такой шаг был бесполезен ввиду чаемого отъезда императора на театр военных действий с Данией. Но прежде, например при Петре I, в подобных случаях правление сосредоточивалось в руках Сената. Переноса тяжесть решения дел на Совет, Петр показывал, что не доверяет почтенным сановникам. Отсюда проистекли обиды, и в конце концов высший государственный орган поддержал Екатерину.

Оттеснение от реальной власти двух виднейших кланов, и шире — отказ от опоры на Сенат имели самые пагубные последствия для Петра. Пока он подписывал проекты, выработанные опытными советниками, его популярности ничто не грозило. Как верно заметил А. Б. Каменский: «Важнейшие реформы Петра III были, по сути, лишь реализацией задуманного и разработанного до него»⁴⁵. Стоило императору сойти с проторенной дороги, и государственная телега забуксовала.

«Найдите денег, где хотите»

Одной из важных причин переворота была финансовая. Хотя ее обычно забывают указать в списке претензий населения к новому монарху. Куда более броские — измена православию, мир с врагом, оскорбление бранной славы России — затмевают скучный меркантильный интерес. Но как-никак жалованье хотели получать каждый чиновник и офицер, а любая торговка на рынке желала, чтобы ей платили полновесной монетой.

В момент смерти Елизаветы Петровны финансы страны находились в плачевном положении. Казна была опустошена войной, займы потрачены. Армии не плачено более чем за полгода. В записке «О собственном царствовании» Екатерина вспоминала: «Блаженной памяти государыня... во время Семилетней войны искала занять два миллиона рублей в Голландии, но охотников на тот заем не явилось, следовательно, кредита или доверия к России не существовало»⁴⁶.

Если стабильно царствовавшей 20 лет монархине не одолжили денег, то ее племянник, едва вззошедший на престол и начавший с разрыва

международных обязательств, тем более не вызывал доверия. Займов не предвиделось. Однако был иной способ. Заехав однажды в Петропавловскую крепость, император осмотрел Монетный двор и, увидев чеканку новых рублей, воскликнул: «Эта фабрика мне нравится более многих других. Если б она прежде принадлежала мне, то я умел бы ею воспользоваться»⁴⁷.

На первых порах кое-какие средства у государя все-таки имелись благодаря неожиданному «наследству» тетки. В последние годы у Елизаветы развились странные склонности: она копила и припрятывала драгоценности, золото, серебряные рубли. После ее смерти в кабинете нашли 600 пудов серебра, 67 пудов золота, полтора миллиона имперIALов и на два миллиона неотчеканенной монеты, всего денег от трех до четырех миллионов. Таким образом, замечает Е. В. Анисимов, в кабинете императрицы воюющей уже пять лет державы лежали средства годового бюджета⁴⁸. Но она считала их как бы не государственными, а своими собственными.

Екатерина по этому поводу писала: «В конце своей жизни императрица Елисавета скопила, сколько могла, и держала свои деньги при себе... Петр III поступал приблизительно так же. Когда у них просили на нужды государства, они гневались, отвечая: «Найдите денег, где хотите, а отложенные — наши». Между тем «армия была в Пруссии, и платы не хватало уже восемь месяцев; цена хлеба в Петербурге поднялась вдвойне против обычной стоимости»⁴⁹.

Необходимы были срочные меры. Еще в январе, благодаря смене генерал-прокурора Сената, удалось запустить проект П. И. Шувалова, который двумя годами ранее не прошел из-за противодействия Я. П. Шаховского. Будучи начальником экспедиции по переделке медных денег, Шувалов предлагал перечековать всю медную монету так, чтобы из пуда выходило не 16 рублей, а 32. После чего всю полученную сумму пустить на займы по 4 процента под залог недвижимого имущества, главным образом имений. Идея привлекла сенаторов, но Шаховской добился личной аудиенции у Елизаветы Петровны и постарался доказать ей: мелкоковесная дешевая монета вызовет в стране инфляцию. В результате императрица не утвердила проект⁵⁰.

Теперь к идее решили вернуться. 17 января последовал указ о чеканке новой, облегченной монеты. Не стоит путать процесс облегчения медных денег с выпуском тогда же новых серебряных монет. Появление серебряного рубля с профилем взошедшего на престол монарха лучше

любых манифестов оповещало жителей громадной страны о важной перемене. «Художник, долженствовавший вырезать новые монеты, — писал Рюльер, — представил рисунок императору. Сохраняя главные черты его лица, старались их облагородить. Лавровая ветвь небрежно украшала длинные локоны распущенных волос. Он, бросив рисунок, вскричал: «Я буду похож на французского короля!» Он хотел непременно видеть себя во всем натуральном безобразии, в солдатской прическе и столь неприличном величию престола образе, что сии монеты сделались предметом посмеяния и, расходясь по всей империи, произвели первый подрыв народного почтения»⁵¹.

Француз, без сомнения, пристрастен, тем более что оказался задет его повелитель. Но Петр действительно выглядел на рублях очень просто: с длинной косицей, прилизанными волосами, вытянутым вперед носом и маленьким, скошенным подбородком. «Враг всякой представительности», как называл его Фавье, он и здесь не изменил себе, не пожелав даже на портрете превратиться в некое мифологическое существо. Любопытная деталь: отказавшись подражать Людовику XV, Петр фактически скопировал облик своего кумира Фридриха II с прусских серебряных денег.

Однако королям — в лавровых ли они венках или «в натуральном безобразии» — очень нужны те самые монеты, на которых они могли бы оттиснуть свой профиль. Кое-какие средства должны были дать откупа. Екатерина вспоминала: «Почти все отрасли торговли были отданы частным людям в монополии. Таможни всей империи Сенатом даны были на откуп за два миллиона»⁵². Купцы Шемякин и Савва Яковлев обратились в Сенат с просьбой отдать им таможенные сборы на откуп сроком на десять лет, что и было сделано. Однако тут же император распорядился вывозить беспрепятственно хлеб из всех портов, собирая половинную пошлину. Второй шаг был и разумнее, и полезнее для развития торговли, чем первый. Но купцы, вступившие в сделку с государством, оказались внакладе, поскольку их августейший партнер поменял правила игры. Вряд ли это могло вызвать к нему доверие у крупных дельцов. Рассчитывать на долгосрочные проекты с государством становилось невыгодно.

23 мая Сенат поставил Петра в известность о состоянии казны. Это была умная попытка без навязчивых уговоров, одними цифрами объяснить невозможность новой войны. Доход состоял из 15 350 636 рублей. Расход — 16 502 660 рублей. На войско шло 10 418 747 рублей. На личные расходы государя — в «комнату его величества» — 1 150 000 рублей. На содержание двора — 603 333 рубля. На нужды Малороссии

непосредственно в руки гетману — 98 147 рублей. На чрезвычайные расходы, включающие покрытие прежних долгов, — 4 232 432 рубля. Таким образом, дефицит бюджета составлял 1 152 023 рубля. Сенаторы возлагали надежду, что сборы с винных откупов, соляных промыслов, налог с черносошных крестьян (всё это в годы войны шло на содержание заграничной армии) вернутся в отечество, и недостаток будет восполнен⁵³. Прозрачнее намекнуть невозможно.

Но в том-то и беда, что Петр не собирался отзывать войско из Европы. Напротив, для приведения его в лучшую боевую готовность перед новой войной требовались дополнительные средства. Не случайно еще в начале мая Сенату пришлось отложить на неопределенный срок давно задуманное строительство канала от Рыбной слободы до реки Волхов. Тогда же, 7 мая, Сенат принял решение, чтобы поступающие в казну серебряные ефимки (иоакимс-талеры) в оборот не выдавались. Они переплавлялись в отечественные монеты и оседали в казне, «ради умножения серебра в государстве»⁵⁴. Благородный металл требовалось скопить и придерживать. Шумахер сообщал, что для войны с Данией планировалось «прибегнуть к сокращению обращения серебряной монеты при удвоении медной и удержанию двух третей жалованья у всех гражданских служащих»⁵⁵. Последнее не имело большого значения, так как денег и так не платили.

11 мая император, впервые после Петра I, приказал остановить каменное строительство и любые денежные раздачи «сверх штатной суммы». Последнее выглядело издевательством, поскольку жалованья никто не видел. Причиной было названо «великое число доставляемых к армии» денег⁵⁶. После такого заявления даже слепой должен был понять, что Россия вновь вступает в войну.

Вместо серебра подданным предлагалась не то что медь — бумага. 25 мая последовал именной указ императора об учреждении банка. «...Не перестаем мы помышлять, — было сказано в документе, — о изобретении легчайшего и надежнейшего средства хождение медных денег облегчить и в самой коммерции удобным и полезным сделать. Учреждение знатного государственного банка, в котором бы все и каждый по мере своего капитала... за умеренные проценты пользоваться могли, и хождение банковых билетов представилось тотчас яко самое лучшее и многими в Европе примерами изведенное средство». В банк было положено сначала два миллиона, а в течение трех лет государь сулил положить еще три.

Надлежало «наделать как наискорее банковых билетов на пять миллионов рублей на разные суммы, а именно на 10, 50, 100, 500 и 1000».

Эти билеты направлялись в правительственные учреждения, «откуда наибольшая выдача денег бывает», чтобы их «употребляли в расход как самые наличные деньги, ибо мы хотим и сим повелеваем, чтобы сии билеты и в самом деле за наличную монету ходили». Государь обнадеживал подданных, что банк в любую минуту и без всякой проволоочки будет обменивать бумажные деньги на серебро и медь, а последние — на билеты «на равную сумму». Но для того, чтобы жители страны согласились на подобный шаг и понесли свои капиталы в банк, требовалось доверие к государству. А его не было.

Точно так же, как царь «надул» купцов, взявших таможенные сборы на откуп, он мог поступить с теми, кто поместил в банк полновесную монету, а получил бумажные билеты. Даже в сравнительно благополучное царствование Екатерины II, все-таки сумевшей внедрить бумажные деньги, курсы серебра, меди и банковских билетов были различны. Они колебались в зависимости от войны и мира, неурожая, засухи, и в худшие времена при расчетах 15 копеек серебра «променивались» на один бумажный рубль.

Устанавливать же равенство серебряного рубля бумажному, как это было сделано в указе 25 мая, значило либо сильно обольщаться, либо стремиться к отъему благородного металла у населения. Последнее намерение указ просто выбалтывал в заключительных строках: «Передел медных денег в легчайшую монету из тяжелой по прежнему плану неотменно продолжать, но... оной в казну не брать, а велеть, чтоб заводчики отпускали оной больше за море и продавали на ефимки»⁵⁷. Итак, государство не хотело принимать налоги медью. По крайней мере владельцы крупных предприятий должны были позаботиться об обмене ее за границей на серебряные деньги, кои и привезти в отечество. Хлопотное, не всегда прибыльное и неудобное к исполнению силами самих «заводчиков» дело.

По иронии судьбы первые бумажные билеты появились как раз в канун переворота, и часть их была употреблена на раздачу жалованья гвардейцам. В письме 2 июля из Ропши Алексей Орлов сообщал Екатерине: «У нас здесь было много смеха над гренадерами от червонных: когда они у меня брали, иные просили для того, чтоб не видывали, и опять их отдавали, думая, что они ничего не стоят»⁵⁸.

Венцом деятельности Петра III было его «миротворчество». Выход из Семилетней войны, заключение союза с Пруссией, переориентация внешней политики России и подготовка нападения на Данию. Эти шаги настолько ярки, что, говоря о причинах переворота, авторы нередко ограничиваются рассказом именно о них. И недаром. Разрыв Петербурга с альянсом противников Фридриха II в мгновение ока изменил расклад сил в Европе, сделав побежденного едва ли не победителем. А экстравагантная манера нового императора вести переговоры заставила задуматься о его здравомыслии.

Между тем Петр Федорович, как всегда, хотел лишь добра. Война с Фридрихом II была тяжелой, а тезис о ее пользе для страны весьма спорным. Казалось так естественно прекратить кровопролитие и протянуть противнику руку. Тем более когда противник уже повержен. Этот жест самому императору представлялся рыцарством. Советникам и иностранным дипломатам — безумием. Совсем как 40 лет спустя, когда Павел I будет вести переговоры с Наполеоном...

Россия одержала победу, ее войска заняли большие территории, которыми предстояло или пожертвовать, получив контрибуцию, как настаивали союзники, или присоединить к империи, как хотела Елизавета. И в том и в другом случае выгода была очевидна — контрибуция спасла бы казну от банкротства, а размен земель с Польшей привел бы в состав империи огромные православные территории.

От всего этого Петр III благородно отказался. Он действовал с ошеломляющим бескорыстием. 25 декабря 1761 года, когда тело Елизаветы, в прямом смысле слова, не успело остыть, император отправил к Фридриху II в Бреславль своего любимца камергера Андрея Гудовича, чтобы немедленно заключить перемирие и начать переговоры.

Приезд русского посланца застал Фридриха II врасплох. Король находился на грани полного разгрома, и смерть такого непримиримого врага, как Елизавета Петровна, была для него манной небесной. Несчастья приучили прусского монарха не обольщаться. Он предполагал, что новый царь пойдет ему навстречу, однако притязания его были очень скромны. В инструкции своему эмиссару полковнику Бернгарду Гольцу, посланному в Петербург с миссией мира, король писал: «Доброе расположение русского императора позволяет надеяться, что условия [мира] не будут тяжки... 1) Они (русские. — О. Е.) предложат... возвратить нам Померанию, но захотят удержать Пруссию или навсегда, или до заключения общего мира. На последнее вы соглашайтесь. Но 2) если они захотят оставить за собой Пруссию навсегда, то пусть они вознаградят меня с другой стороны». То

есть отдадут земли, равные владениям Бранденбургского дома. Король сам указал в инструкции желанный куш — Силезию. Таким образом, поставленный в трудное положение Фридрих готов был пожертвовать, ради заключения мира, половиной королевства.

Полцарства за договор! Однако вскоре оказалось, что Петр мыслит иными категориями. «На каком основании можно было предположить, что переговоры в Петербурге примут благоприятный оборот? — рассуждал король. — Дворы версальский и венский гарантировали Пруссию покойной императрице; русские спокойно владели ею; молодой государь, вступивший на престол, откажется ли сам собою от завоевания?...Для кого и для чего, по какому побуждению? Все эти трудные вопросы наполняли дух неизвестностью. Но исход дела был более счастлив, чем можно было ожидать... Оказалось, что Петр III имел превосходное сердце и такие благородные и возвышенные чувства, каких обыкновенно не бывает у государей. Удовлетворяя всем желаниям короля (Фридрих писал о себе в третьем лице. — О. Е.), он пошел даже далее того, что можно было ожидать»⁵⁹.

Уже 29 декабря 1761 года были отпущены все прусские пленные. «Я не замедлил ни минуты отослать нужный приказ, чтобы пленные Вашего величества, находящиеся у меня, были выпущены на свободу и как можно скорее выданы»⁶⁰, — писал Петр III 15 февраля 1762 года. 12 февраля появилась официальная декларация о намерениях России, а 18 февраля последовал прямо-таки донкихотский шаг — иностранным послам в Петербурге была вручена декларация, призывавшая их дворы последовать примеру России, установить в Европе общий мир и отказаться от любых завоеваний. Годами Фридрих II не желал вернуть Австрии отторгнутые территории, но теперь все державы — победительницы в Семилетней войне должны были, подобно России, не претендовать на прусские земли. Это было поистине благородство за чужой счет.

Нельзя отказать Фридриху II в знании человеческих душ. Он прекрасно выбрал посланца к будущему союзнику. 26-летний Гольц, адъютант короля и камергер, красивый и общительный малый, был прусской копией Гудовича. Вероятно, король присмотрелся к эмиссару Петра и понял, какие люди тому нравятся. Гольц годился не только для переговоров, но и мог на дружеской ноге войти в близкое окружение русского монарха. Фридрих угадал. Без Гольца не обходились ни пирушки Петра III, ни загородные путешествия, включая последнее в Ораниенбаум.

21 февраля новый посланник прибыл в Петербург, а через три дня

получил официальную аудиенцию. Прием, оказанный ему, мог вызвать зависть более опытных коллег. Гольц только открыл рот, чтобы выговорить поздравления с восшествием на престол и заверить в дружеских чувствах своего повелителя, а Петр уже сошел с трона, обнял посланца и осыпал его любезностями. После аудиенции Гольц удостоился долгого разговора, который происходил в церкви во время обедни, но Петр не следил за службой. Он расспрашивал камергера о своем кумире и о прусской армии, входя в тончайшие подробности, знаниями которых поразил Гольца. Недаром Штелин отмечал, что ум его воспитанника цеплялся за мелочи. Петр помнил названия всех полков, имена их шефов в четырех «поколениях», основной офицерский состав. Если бы подобный интерес он проявил к собственным войскам, возможно, его участь была бы иной. Но в том-то и беда, что Петр только-только начинал переделывать русскую армию «под себя», на прусский манер, и изменения, которые он вводил, большинству не нравились.

Гольц провел в обществе молодого царя весь день. Они обедали вместе под портретом Фридриха II, на пальце Петра красовался перстень с изображением кумира, а сам государь рассказывал, сколько бед претерпел от тетки за преданность Пруссии. Точно так же будет действовать Павел I, везде развесив портреты покойного родителя и беспрестанно говоря о нем. Поведение сына помогает понять маниакальную привязанность Петра III к прусскому королю. Рано оставшись сиротой, мальчик заместил образом Фридриха II образ отца, его считал своим покровителем, мечтал о встрече и защищал от нападок. Это болезненное чувство играло на руку прусской стороне. 2 марта император предложил Гольцу, чтобы его государь сам сочинил проект мирного договора.

В ответ Фридрих писал: «Ваше величество превзошли все мои ожидания... Вы хотите, чтобы я послал вам проект мира... но я вполне полагаюсь на вашу дружбу. Располагайте, как хотите, я подпишу всё: ваши выгоды — мои выгоды, у меня нет никаких других»⁶¹. Король понял характер своего партнера: не требуя ничего и отдавая себя полностью в руки Петра, он играл на благородстве будущего союзника.

Получив такое послание, император рассыпался в самых искренних заверениях: «Я был бы величайшим ничтожеством, если бы, имея союзником благороднейшего государя в Европе, не постарался сделать всё на свете, чтобы доказать ему, что он не доверился лжецу... Гольц мне говорил, что Ваше величество желали бы... чтобы я вам обеспечил Силезию и графство Гляц и, кроме того, все завоевания, которые вы можете сделать у Австрии... Я очень этому рад и согласен на всё. Но, со своей

стороны, я бы желал, чтобы вы соизволили сделать то же относительно датских владений, обеспечив мне Голштинию со всем потерянным мною в Шлезвиге, другую половину датской Голштинии в вознаграждение за столько лет неправого пользования ею... Я просил бы Ваше величество... обеспечить мне завоевания, которые я бы сделал в Дании, чтобы мы могли заключить прочный и славный мир для моей Голштинской династии. Я уверен, что вы этому никак не станете противиться, будучи... истинным немецким патриотом»⁶².

Сначала Фридрих думал, что «дела голштинские так же близки сердцу императора, как дела русские». Однако вскоре он понял, что первые совершенно затмевают вторые, Петр не может соразмерить величины, Россия представляется ему громадным, ненужным и обременительным довеском к милой маленькой родине. Точнее, ей отводилась роль инструмента, с помощью которого Шлезвиг возвращался в состав герцогства.

При этом император был глубоко убежден, что именно русские подданные станут презирать его, если он не отправится на войну с Данией за родовые владения. «А что бы подумали эти же русские обо мне, — писал он Фридриху 15 мая, — видя, что я остаюсь дома во время войны в родной стране?...Они бы всю жизнь упрекали меня в низкой трусости, от чего, конечно, я бы умер с горести»⁶³.

Подобный пассаж наводит на мысль о неадекватном восприятии Петром окружающей реальности. По сведениям более чем доброжелательного Кейта, именно предстоящее нападение на Данию стало катализатором переворота: «Противу сей войны была вся нация, поелику вовлекалась она от сего в новые расходы и новые опасности, ради завоевания герцогства Шлезвигского, каковое почитали здесь совершенно ничтожным и ненужным для России, тем паче что император уже пожертвовал ради своей приязни к королю Прусскому завоеваниями российской армии, весьма для империи существенными»⁶⁴.

Английскому дипломату вторил Шумахер: «Из всех причин недовольства самой важной было решение о войне против Дании.... Нация устала от войн вообще, но с особым отвращением относилась к предстоящей, которую пришлось бы вести при нехватке провианта, магазинов, крепостей, флота и денег в столь удаленных краях из-за чужих, не касавшихся России интересов против державы, жившей с незапамятных времен в добрососедстве с Россией»⁶⁵.

По сведениям Шумахера, «министры, генералитет», «военный совет, к

которому пригласили канцлера графа Воронцова», и даже прусский король — все уговаривали императора отказаться от конфликта. В мае Совет передал на высочайшее имя записку, в которой просил отсрочить боевые действия хотя бы до весны следующего года. Ее подписало правительство в полном составе.

Несмотря на столь ясно выраженное желание подданных, Петр так и остался в уверенности, что его станут презирать, не начни он войну. 1 марта появился рескрипт об отношениях с Данией, в котором император потребовал от соседей вернуть Шлезвиг. В тот же день Адмиралтейство получило приказ вооружить весь имеющийся флот для похода⁶⁶. 28 июня, в день переворота, русский посланник в Копенгагене вручил Дании ноту об объявлении войны.

Среди советников молодого государя практически все понимали, что сепаратные переговоры с противником подрывают международный авторитет страны. 29 января Воронцов прямо писал императору: «Генеральные дела Европы в такую теперь кризу пришли»⁶⁷. Этот авторитет был куплен не умелым руководством и не разумной дипломатией, а кровью и потом армии. Удивительно ли, что именно офицерский корпус почувствовал себя оскорбленным? Кроме того, контрибуция сулила какое-никакое вознаграждение. Но теперь его не предвиделось. Второй после духовенства влиятельный слой общества оказался обижен императором⁶⁸.

24 апреля с Пруссией был подписан мирный трактат, за которым 8 июня последовал договор о союзе. Секретарь французского посольства Лоран Беранже доносил в Париж о праздновании мира: «Мы видели российского монарха, утопшего в вине и лишившегося употребления ног и языка. С превеликим трудом, как заправский пьяница, бормотал он прусскому посланнику: «Пьем здоровье короля, нашего повелителя. Он сделал мне честь, доверив целый полк; надеюсь, у него не будет повода прогнать меня в отставку. Заверьте его, стоит ему только приказать, и я пойду войной против самого ада со всей моей империей»⁶⁹.

Раздражение французов можно понять. Есть сведения, что Франция и сама стремилась к сепаратному миру с Пруссией, но измену Петербурга приняла крайне болезненно. Барометром падения веса России на международной арене стал отказ союзников использовать императорский титул по отношению к русскому государю. Этого титула Россия добивалась четверть века, он служил внешним выражением статуса державы. С мая 1762 года во французских дипломатических документах и в периодической

печати вместо слова «император» начали писать: «царь». Петр с крайним негодованием принял демарш Версаля, но на войне как на войне. Рычаги давления на брошенных союзников у Петербурга отсутствовали.

Примечания к разделу

- ¹ Тургенев А. И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 200.
- ² Штелин Я. Записки // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 34.
- ³ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986. С. 429.
- ⁴ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 203–204.
- ⁵ Мыльников А. С. Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2002 (серия «ЖЗЛ»). С. 134.
- ⁶ Фирсов Н. Н. Петр III и Екатерина II. Пг., 1915. С. 8.
- ⁷ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 136.
- ⁸ ПСЗ. Т XV. № 11538.
- ⁹ Штелин Я. Указ. соч. С. 42.
- ¹⁰ Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...» СПб., 1992. С. 80.
- ¹¹ Комиссаренко А. И. Ликвидация земельной собственности феодального духовенства в России // Феодализм в России. М., 1987. С. 167.
- ¹² Штелин Я. Указ. соч. С. 38.
- ¹³ ПСЗ. Т. XV. № 11503.
- ¹⁴ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 203.
- ¹⁵ Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 60.
- ¹⁶ Болотов А. Т. Указ. соч. Т. II. С. 171–172.
- ¹⁷ Штелин Я. Указ. соч. С. 35.
- ¹⁸ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 50.
- ¹⁹ Шумахер А. История низложения и гибели Петра III // Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 274–275.
- ²⁰ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 67.
- ²¹ Серков А. И. Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 959.
- ²² Семека А. В. Русское масонство в XVIII в. // Масонство. М., 1991. С. 132.
- ²³ Серков А. И. Указ. соч. С. 959, 965, 973.

²⁴ Мыльников А. С. Петр III и Воронцовы // Воронцовы. Два века в истории России. Вып. 3. Петушки, 1998. С. 133.

²⁵ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 68.

²⁶ Манифесты по поводу восшествия на престол императрицы Екатерины III Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 274.

²⁷ Штелин Я. Указ. соч. С. 40.

²⁸ Соловьеве. М. Сочинения. Кн. XIII. Т. 25. М., 1994. С. 10.

²⁹ Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 21.

³⁰ Записки княгини Е. Р. Дашковой. Лондон, 1859. С. 29.

³¹ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 206–207.

³² Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // Столетие безумно и мудро. Век XVIII. М., 1986. С. 374.

³³ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 466–468.

³⁴ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 145.

³⁵ Письма Петра III к Фридриху II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 209.

³⁶ Штелин Я. Указ. соч. С. 55.

³⁷ Черкасов П. П. Указ. соч. С. 231.

³⁸ Щербатов М. М. Указ. соч. С. 358.

³⁹ Шумахер А. Указ. соч. С. 273–274.

⁴⁰ Екатерина II. Анекдоты об этом событии // Со шпагой и факелом. М., 1991. С. 347.

⁴¹ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 223.

⁴² Мыльников А. С. Указ. соч. С. 137.

⁴³ Миних Б. К. Записки. СПб., 1874. С. 95.

⁴⁴ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 468.

⁴⁵ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 80.

⁴⁶ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 471.

⁴⁷ Штелин Я. Указ. соч. С. 34.

⁴⁸ Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»). С. 410.

⁴⁹ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 478.

⁵⁰ Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. М., 1994. С. 82.

⁵¹ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 59.

⁵² Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 478.

- ⁵³ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 22–23.
- ⁵⁴ ПСЗ. Т. XV. № 11529.
- ⁵⁵ *Шумахер А.* Указ. соч. С. 275.
- ⁵⁶ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 25.
- ⁵⁷ ПСЗ. Т. XV. № 11581.
- ⁵⁸ Письма графа А. Г. Орлова к Екатерине II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 270.
- ⁵⁹ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 31.
- ⁶⁰ Письма императора Петра III к прусскому королю Фридриху II. С. 207.
- ⁶¹ Письма Фридриха II к Петру III // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 216.
- ⁶² Письма императора Петра III к прусскому королю Фридриху II. С. 208–209.
- ⁶³ Там же. С. 211.
- ⁶⁴ *Тургенев А. И.* Указ. соч. С. 222.
- ⁶⁵ *Шумахер А.* Указ. соч. С. 275.
- ⁶⁶ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 25.
- ⁶⁷ Архив князя Воронцова. Кн. VII. М., 1875. С. 537.
- ⁶⁸ *Мадариага И. де.* Указ. соч. С. 53.
- ⁶⁹ *Тургенев А. И.* Указ. соч. С. 217.

Глава одиннадцатая

ЗАГОВОР

Екатерина приводила слова одного из своих сторонников, П. Б. Пассека, о Петре III: «У этого государя нет более жестокого врага, чем он сам, потому что он не пренебрег ничем из всего, что могло ему повредить»¹. В этом отзыве есть резон, ибо для грядущего переворота император сделал едва ли не больше, чем заговорщики. Он создал политическую ситуацию, а его противники лишь воспользовались ею. Причем среди врагов Петра непримиримых было не так уж и много, основная масса оказалась просто раздражена его поведением.

Такой конец полугодового пребывания у власти тем более странен, что направление реформ было избрано Петром верно. Император дал ход давно назревшим преобразованиям, и даже во внешней политике — ахиллесовой пяте его царствования — союз с Пруссией в перспективе сулил много выгод. Но воспользоваться ими сумела Екатерина II, как и плодами других преобразований мужа. Важно отметить последовательность, даже преемственность их действий. На словах всячески отکرещиваясь от нелепых предприятий супруга, императрица двинулась в ту же сторону, умело обходя препятствия, о которые споткнулся ее предшественник.

Значит, выбора у монархов не было. Но в тогдашней русской действительности важнее оказалось не *что*, а *как* делать. На одной и той же дороге можно забрести в грязь, а можно благополучно пройти по бровке, не замочив ног. При единстве стратегии разные полководцы используют разную тактику.

Именно тактически начинания Петра вели его к гибели. Наивно предполагать, будто узкая группа «друзей Екатерины» могла вызвать такую волну возмущения, которая захлестнула Петербург в июне 1762 года, накануне новой войны. В свержении Петра III были заинтересованы самые влиятельные слои тогдашнего общества: духовенство, армейское офицерство, гвардия, столичное чиновничество и даже заметная часть двора. В таких условиях молодая государыня могла либо стать надеждой оппозиции, либо самоустраниться и разделить участь мужа. Она выбрала первое.

«Не восхотел объявить его наследником»

Лишив супругу всяческого влияния, Петр не переставал третировать ее. Устраивать каверзы. Например, встретив во дворце ювелира Иеремию Позье, шедшего от императрицы, Петр настрого запретил «бриллиантщику» принимать от нее заказы. Садовнику в Петергофе государь не разрешил отпускать жене любимые фрукты². Такие мелочные поступки были в характере Петра. Они проявлялись и по другим поводам. Штелин описал случай, как на прогулке в Летнем саду императору встретился француз, не поприветствовавший его поклоном. Петр приказал адъютанту догнать наглеца, «влепить ему в спину палахом 20 фуктелей и сказать: «Так его величество учит вежливости невоспитанных французов»³. В этот момент уже было ясно, что Франция окажет Дании военную помощь. Император собирался скрестить с французами клинки на поле боя, а вышло — выдрал одного невежу да выслал из столицы французскую оперную труппу.

После похорон свекрови Екатерина, казалось, отдалилась от всего. Ссылаясь на недомогание, она предпочитала оставаться в своих покоях и не показываться на глаза мужу, чтобы не навлекать на себя его гнев. «День рождения императора праздновался с изрядной пышностью, — доносил Кейт 23 февраля. — Императрица на сем торжестве не присутствовала». Скупой на детали Штелин отметил в марте: «Весь этот месяц императрица не выходила по причине боли в ноге и других болезней»⁴. О нездоровье Екатерины знали при дворе и приписывали его глубокой тоске⁵.

Между тем шел последний месяц беременности Екатерины. 11 апреля она произвела на свет сына от Григория Орлова. Роды были тайными. Чтобы отвлечь внимание императора, преданный камердинер государыни Василий Шкурин поджег собственный дом на другом конце города. Петр III обожал пожары, не пропускал ни один, всегда приезжал и распоряжался тушением. Толпа придворных во главе с самодержцем-пироманом отправилась поглазеть на пламя, а Екатерина разрешилась от бремени. Мальчик получил имя Алексея Бобринского и первые годы жизни провел в семье Шкуриных.

Любопытно, знал ли Петр о случившемся? Его собственные дела с наследником обстояли самым плачевным образом. В Манифесте от 13 июля Екатерина II писала о муже: «Имея он единого Богом дарованного Нам Сына, Великого Князя Павла Петровича, при самом вступлении на Всероссийский Престол не восхотел объявить его наследником престола... а вознамерился... Отечество в чужие руки отдать»⁶. Что здесь правда? Петр III официально не признал Павла наследником, а в частных беседах не

признавал и своим сыном. Ни в Манифесте о вступлении на престол, ни в присяге новому императору имя Павла не упоминалось. Крест целовали нынешнему государю и «по высочайшей его воле избранным и определяемым наследникам». Последние не назывались⁷.

Такой поступок в отношении сына говорил о многом. Ведь речь шла об официальных документах. Остальное — сведения из дипломатических источников. Вездесущий Бретейль успел сунуть нос и в эту кастрюльку на дворцовой кухне. 15 февраля он писал: «Со дня своего воцарения император всего один раз видел сына своего. Многие не усомнятся в том, что, ежели родится у него дитя мужского пола от какой-нибудь любовницы, он непременно женится на ней, а ребенка сделает своим наследником. Однако те выражения, коими публично наградила его девица Воронцова во время их ссоры, весьма успокоительны в сем отношении».

Вероятно, хлебнув лишку, «Романовна» высказала в лицо любовнику горькую правду о его мужских достоинствах. Несмотря на долгую связь, у Воронцовой не было от Петра детей; о других побочных младенцах императора тоже неизвестно. Такое положение заставило бы здравомыслящего государя дорожить имеющимся наследником. Но Петр, будучи импульсивным человеком, игнорировал препятствия на своем пути. Он страстно хотел развязаться с Екатериной и смотрел на признание сына незаконным как на средство достижения этой цели.

Через месяц, 14 апреля, Бретейль снова вернулся к больной для императорской семьи теме: «Истинным отцом молодого великого князя является г-н Салтыков, коего царь возвратил сразу же после восшествия на престол и весьма милостиво с ним обошелся. Говорят, что по приезде Салтыкова из Парижа император неоднократно и подолгу беседовал с ним у себя в кабинете. И, как полагают приближенные царицы, старался вынудить у него признание в благосклонности к нему Екатерины»⁸. Считается, что Салтыков отклонил требования императора. Рюльер передавал по этому поводу: «Он (Петр. — О. Е.) вызвал из чужих стран графа Салтыкова... и принуждал его объявить себя публично отцом великого князя, решившись, казалось, не признавать сего ребенка».

Рюльеру же принадлежит еще одно весьма смелое предположение насчет намерений Петра III: «Известнее всего то, что он хотел даровать свободу несчастному Иоанну и признать его наследником престола, что... приказал он привезти его в ближайшую к Петербургу крепость и посещал его в тюрьме»⁹. На первый взгляд абсурдность идеи очевидна. Но еще пару месяцев назад выход России из антипрусской коалиции, возврат Фридриху

II завоеванных владений и союз с ним показались бы любому здравомыслящему человеку абсурдом.

22 марта молодой император действительно отправился в Шлиссельбург, чтобы лично повидать Ивана Антоновича, и взял с собой... Екатерину. Надо думать, она весьма неохотно покинула свои покои за две с половиной недели до родин, когда внешний вид женщины, сколько ни затягивайся в корсет и ни надевай широкие платья, выдавал ее с головой. Встреча с узником проходила в глубочайшей тайне. Почему Петр повез с собой жену? Объяснение А. Б. Каменского: «Поездка в Шлиссельбург была совместной, ведь речь шла о сугубо семейном, династическом деле»¹⁰, - не кажется достаточным. Император всячески подчеркивал, что Екатерина — уже не часть его семьи. И вдруг привлек ее к делу, о котором не сказал даже дяде принцу Георгу¹¹.

Как и многие люди с нервными расстройствами, Петр был удивительно скрытен, хитер и склонен к символическим жестам. Без лишних слов он демонстрировал Екатерине крепость. То была недвусмысленная угроза. Что же до Ивана Антоновича, то решение вопроса с престолонаследием по Рюльеру — на грани гениальности. Многолетний страх перед Брауншвейгским домом, интриги иностранных дворов, тайные терзания о законности прав узника — всё уходило в прошлое. Петр сам около двадцати лет прожил при Елизавете почти под стражей. Что мешало ему столь же пристально наблюдать за другим человеком?

Такую перспективу можно было бы рассмотреть, окажись бедный узник в здравом уме. Но пленный принц не производил впечатление вменяемого. Кейт, с которым Петр поделился своими впечатлениями, доносил 16 апреля: «Император видел Ивана и нашел его уже сложившимся мужчиной, однако же с поврежденным рассудком. Разговор его странен и беспорядочен, и между прочими словами сказал он, что сам он отнюдь не тот, за кого его почитают, что настоящий принц уже давно взят на небо, но, тем не менее, намерен он защищать права той особы, чье имя ему приписывают»¹².

Что касается Екатерины, то, взяв ее с собой, Петр показывал жене: без наследника он не останется, даже если у него лично и не будет детей.

Всё сказанное отнюдь не означает, что к маленькому Павлу венценосный отец относился плохо. Первое время после восшествия на престол он просто не помышлял о нем. Но Панин не оставлял стараний обратить внимание императора на своего воспитанника. Ему это удалось.

«Панин... попросил принца Георгия Голштейн-Готторпского и другого принца Голштинского предложить государю присутствовать при экзамене великого князя, — писала Дашкова. — Император склонился только на их усиленные просьбы, ссылаясь на то, что он ничего не поймет в экзамене. По окончании испытания император громко сказал своим дядям: «Кажется, этот мальчуган знает больше нас с вами»¹³.

Видимо, экзамен действительно произвел на Петра впечатление, поскольку на следующий день он захотел наградить Панина чином генерал-аншефа. Дашкова описала смятение дяди: «Он был слаб здоровьем, любил покой, всю свою жизнь провел при дворе, очень изысканно одевался... ненавидел солдатчину и всё, что отдавало кордегардией». В ответ на «милость» государя Никита Иванович заявил, что «если ему нельзя будет уклониться от своей новой карьеры, он скорее решится дезертировать в Швецию». Император был озадачен: «Мне все твердили, что Панин умный человек. Могу ли я теперь этому верить?» Тем не менее Петр дал Никите Ивановичу гражданский чин действительного тайного советника, а в указе по этому случаю отзывался о ребенке с заметным чувством: «Воспитание нашего сына великого князя Павла Петровича... такой важный пост, от которого много зависит будущее благосостояние Отечества... наипаче в такое время, когда нежное его высочества сердце и дарованный от Бога разум и понятия питаемы быть имеют»¹⁴.

Из текста вроде бы следует, что «будущее Отечества» соединено с Павлом, но наследником мальчик опять не назван. Вряд ли стоит обольщаться и сценой из «Записок» Штелина: «Навещает великого князя Павла Петровича, целует его и говорит: «Пусть пока он останется под прежним своим надзором, но я скоро сделаю другое распоряжение и постараюсь, чтобы он получил другое, лучшее воспитание (военное), вместо женского»¹⁵.

Эта зарисовка тоже не говорит о намерении императора сделать сына наследником. Дав мальчику военное воспитание, вовсе не обязательно надевать на него корону. Применительно к Ивану Антоновичу австрийский посол граф Мерси д'Аржанто передавал 14 апреля слова государя: тот якобы нисколько не заботится «о его мнимых правах на русский престол, потому что он, император, сумеет заставить его выбросить все подобные мысли из головы; если же найдет в поименованном принце природные способности, то употребит его с пользой на военную службу»¹⁶. Такую же судьбу Петр мог готовить и Павлу.

Повисший в воздухе вопрос о наследнике, так же как и промедление с коронацией, давали богатую пищу для неблагоприятных толков и, в конечном счете, расшатывали власть молодого монарха. Одной из причин переворота было неумение наладить контакт с гвардией. Той самой силой, которая уже на протяжении четверти века держала судьбу престола в своих руках.

Следует помнить, что недовольство армейских и гвардейских слоев — суть разные вещи. В первом случае, лишив войска надежды на щедрые пожалования после контрибуции, Петр залез армии в карман. Однако он совершил и давно ожидаемые шаги, которые не могли не обрадовать офицерский корпус. Император отодвинул на второй план елизаветинских назначенцев, людей придворных, штатских, ничего не понимавших в войне. Вместо них командование получили представители молодого поколения, хорошо показавшие себя в минувших сражениях.

Так, Захару Чернышеву, герою взятия Берлина, император поручил присоединиться с корпусом к войскам Фридриха II, чтобы оказать тому помощь против австрийцев. Командующим армии против Дании был назначен П. А. Румянцев, истинный победитель при Гросс-Егерсдорфе. За собой на серьезные должности они должны были потянуть способных молодых офицеров среднего звена. Этому обстоятельству можно было только радоваться.

8 июня Румянцев писал из Кольберга Волкову: «Я уже от-чаял вовсе быть для меня делу какому-либо... Вы знаете, что всякий ремесленник работе рад... В полковники и штаб-офицеры я доклад подал... разбор мой велик был... Я тех, кои не из дворян и не из офицерских детей, вовсе не произвел: случай казался мне наиспособнейший очиститься от проказы, через подлые поступки вся честь и почтение к чину офицерскому истребились»¹⁷. Задержимся на этих словах. В феврале Румянцев побывал в столице, вызванный императором, и уехал обратно в Померанию в начале марта. Письмом Волкову он докладывал об исполнении распоряжений государя. Среди прочего было и пожелание избавиться от офицеров, выслужившихся из солдат и солдатских детей. Оно может показаться нелогичным в условиях, когда после Манифеста о вольности дворянства многие офицеры стремились в отставку, и на повестке дня вставал вопрос о заполнении вакантных мест. Однако Петр III видел дело иначе. Надеясь русских дворян правами европейских благородных сословий, он

рассматривал их как своего рода замкнутую касту: не офицерские дети не могли претендовать на офицерские чины. Тем самым нарушался один из основополагающих принципов, введенных Петром Великим, — принцип выслуги, гарантировавший социальную мобильность в империи, то есть возможность подняться по лестнице чинов на высокие ступени «Табели о рангах». Конечно, стать канцлером бывший солдат мог только теоретически, а вот получить за храбрость личное дворянство и пробиться в капитаны, командиры полка, коменданты крепости — такие примеры имелись в изобилии. Многих дворян тревожило проникновение простолюдинов в благородную среду. Иначе Румянцев не назвал бы подобных сослуживцев «проказой». Но император обязан был думать не о сословных предрассудках, а о бесперебойной работе государственного механизма. Видимо, он искренне считал, что офицеры должны пребывать на службе из чувства долга, как сказано в Манифесте. Оставляем реалистичность подобного взгляда без комментария.

В армии, как и везде, Петр портил свою репутацию сам. Ведь подчинение вчерашним побежденным унижало русских. Нужен был большой такт, чтобы не задевать самолюбия победителей. Фридрих II им обладал, недаром он устроил в Потсдаме прекрасный прием для Румянцева с маневрами в его честь и совершенно очаровал будущего фельдмаршала. А вот император был лишен способности понимать чужие чувства. Раз он восхищался Пруссией, то как другие могли не делать того же самого?

27 апреля 1762 года Петр писал королю: «Я повелел генералу Чернышеву... подойти к вашей армии с 15 000 правильного войска и тысячью казаков, приказав, по мере возможности, исполнять приказания Вашего величества. Это лучший наш генерал после Румянцева... Но если бы Чернышев и ничего не умел, он бы не мог дурно воевать под предводительством такого великого генерала, как Ваше величество»¹⁸. Захар Григорьевич недолго продержался в чести. Щербатов писал: «Похвала прусскому королю и унижение храбрости российских войск составляли достоинство приобрести любление государево; и граф Захар Григорьевич Чернышев, при бывшей пробы российской и прусской взятой в плен артиллерии, за то, что старался доказать, что российская артиллерия лутче услужена, не получил за сие андреевской ленты, которые тогда щедро были раздаваемы»¹⁹.

Знаменитые «шуваловские» гаубицы действительно и стреляли дальше, и взрывались реже. Но Петр не желал признавать очевидного — и тем обижал подданных. «В шуме праздников и даже в самом коротком

обхождении с русскими, — писал Рюльер, — он явно обнаруживал к ним свое презрение беспрестанными насмешками»²⁰. Штелен даже не замечал, как режут ухо его слова о благих начинаниях ученика: «Рассматривает все сословия в государстве и имеет намерение поручить составить проект, как поднять мещанское сословие в городах России, чтоб оно было поставлено *на немецкую ногу...* Разослать немецких ремесленников по русским городам, чтоб они... обучали русских мальчиков и заставляли их работать *на немецкий образец...* Послать в Германию, Голландию и Англию несколько даровитых купеческих сыновей, чтоб изучить бухгалтерию и коммерцию и устроить русские конторы *на иностранный образец*»²¹.

Все эти начинания были и своевременны, и полезны. Приток европейских специалистов в Россию при Екатерине II несказанно возрастет, государство будет тратить большие суммы на содержание пансионеров за границей и перенос на русскую почву западных технологий. Эти шаги воспринимались обществом как продолжение курса Петра I и вызывали похвалу. Почему же отвергались начинания внука великого преобразователя? Что он делал не так?

Рискнем сказать: то, что Екатерина предпринимала для блага России, совершалось Петром из презрения к своей стране. И это все замечали. Императрица умела щадить национальное самолюбие, даже когда искореняла глубоко въевшиеся пороки, такие, например, как грубость семейных нравов. Ей были за это благодарны. Рюльер привел полулегендарное свидетельство о попытке молодого императора одним наскоком изменить «варварское» отечественное законодательство. То, над чем Екатерина работала 34 года, приноравливая иностранный опыт к местным понятиям и уровню развития, потребовало от ее мужа совсем простого шага. Он взял кодекс Фридриха II и прислал в Сенат. «Был приказ руководствоваться им во всей России. Но по невежеству переводчиков или по необразованности русского языка, бедного выражениями в юридических понятиях, ни один сенатор не понимал сего творения, и русские в тщетном опыте сем видели только явное презрение к своим обыкновениям и слепую привязанность к чужеземным нравам»²².

В шагах Петра проглядывало какое-то поспешное насилие. Характерно стремление императора заменить названия коренных русских полков. Прежде они именовались по городам страны, теперь — по именам шефов, в значительной части немцев. Так разрывалась связь с землей, неприятной для Петра. Его армия пестрела не только другой формой, но и откликалась на другой язык. Чисто психологически государю было так уютнее. Что до

остальных, то кто спрашивал их мнения? У многих имелись и более приземленные поводы для неудовольствия.

«Фельдмаршалы и прочие генералы, которые были вместе полковниками, подполковниками и майорами гвардейских полков, должны были лично командовать своим полком, когда при дворе сменялась стража, и стоять перед фронтом во время парада, — сообщал Штелин. — Это исполняли: фельдмаршалы граф Миних, князь Никита Юрьевич Трубецкой, гетман граф Разумовский и другие, которые до этого... не только не брали в руки эспадрона, но и не учились новой экзерциции... Каждый из них держит у себя в доме молодого офицера... и раза по три-четыре в день берет у него уроки».

Вспомним, как Панин отреагировал на желание государя пожаловать его званием генерал-аншефа. Казалось бы, что тут дурного? Получи высокий чин и продолжай карьеру воспитателя наследника. Не тут-то было. Вслед за военным званием последовали бы прикомандирование к реальной части и ежедневные экзерциции. Между тем большинство новоиспеченных «полковников» были людьми придворными, носившими списочные чины. Их до крайности обременяла повседневная служба. А император не мог отказать себе в удовольствии поиздеваться на плацу над толстыми, старыми генералами или молодыми, но совершенно негодными к строю, такими, например, как гетман Разумовский, вызывавший особый смех Петра²³.

Показателен случай с Иваном Шуваловым. 24 апреля Петр назначил его «главноначальствующим» Шляхетского корпуса. Эта должность предусматривала участие в экзерцициях. Старинный приятель Шувалова И. Г. Чернышев писал бывшему фавориту: «Простите, любезный друг, я всё смеюсь, лишь только представлю вас в гетрах, как вы ходите командовать всем корпусом и громче всех кричите: на караул!»²⁴.

А. Т. Болотов описал забавную сценку, увиденную им на улице: «Шел тут строем деташемент гвардии, разряженный, распудренный и одетый в новые тогдашние мундиры, и маршировал церемонию. Но ничто меня так не поразило, как идущий перед первым взводом низенький и толстенький старичок со своим эспадронам и в мундире, унизанном золотыми нашивками...» «Это что за человек?» — спросил я. «Как! Разве вы не узнали? Это князь Никита Юрьевич Трубецкой!» — «Как же это? Я считал его дряхлым и так болезнью ног отягощенным... что он за тем и во дворец, и в Сенат по несколько недель не ездил...» «О! — отвечали мне. — Это было во время оно; а ныне... больные, и не больные... поднимают ножки и топчут грязь, как солдаты»²⁵.

Казалось, император с такой преобладающей склонностью к военным маневрам — тренировочным лагерям, игрушечным крепостям, учебной пальбе, парадам, разводам, караулам должен был стать любимцем гвардии. Однако вышло наоборот.

Гвардия оказалась той частью войска, которая раньше всех, на своей шкуре почувствовала руку нового самодержца. Штелин приписывал ученику следующие слова: «Называл он янычарами гвардейских солдат, живущих на одном месте в казармах с женами и детьми, и говорил: «Они только блокируют резиденцию... и всегда опасны для правительства»²⁶.

Справедливость этого мнения подтверждают многие наблюдатели. Так Шумахер писал о гвардейцах: «В правление императрицы Елизаветы они привыкли к безделью. Их боеготовность была очень низкой, за последние двадцать лет они совершенно разленились, так что их скорее стоит рассматривать как простых обывателей, чем как солдат. По большей части они владели собственными домами, и лишь немногие из них не приторговывали, не занимались разведением скота или еще каким-нибудь выгодным делом. И этих-то изнеженных людей Петр III стал заставлять со всей мыслимой строгостью разучивать прусские военные упражнения. При этом он обращался с пропускавшими занятия офицерами почти столь же сурово, как и с простыми солдатами. Этих же последних он часто лично наказывал собственной тростью из-за малейших упущений в строю»²⁷.

Ассебург добавлял: «Случалось, что на ежедневных учениях солдаты падали от изнеможения, и Петр приказывал их убирать, а на их место ставить других»²⁸. Точно люди были заводными куклами. Если бы не приведенные отзывы, слова Екатерины II о рукоприкладстве мужа на парадах можно было бы счесть очередным «преувеличением»: «Часто случалось, что этот государь ходил смотреть на караул и там бил солдат или зрителей или же творил сумасбродства со своим негром или со своими любимцами, и это — зачастую в присутствии бесчисленной толпы народа»²⁹.

Пример «сумасбродства» привела княгиня Дашкова. Негра звали Нарциссом, и однажды во время учений Измайловского полка он подрался с полковым профосом (экзекутором). Сперва эта сцена позабавила императора, но когда ему сказали, с кем произошла потасовка, Петр крайне огорчился. «Нарцисс потерян для нас! — воскликнул он. — ...Уж ни один военный не может терпеть его в своем обществе, так как тот, к кому

прикоснулся профос, опозорен навсегда». Шеф полка Кирилл Разумовский в шутку предложил накрыть негра полковым знаменем и тем смыть с него позор. Идея так понравилась государю, что тот расцеловал гетмана. Во время «очистительного обряда» Петр приказал уколоть негра пикой, «которой заканчивалось знамя, чтобы он кровью смыл свой позор. Нарцисс кричал и бранился, а офицеры испытывали настоящие муки, не дерзая смеяться, так как император смотрел на эту шутовскую сцену» совершенно серьезно³⁰.

Можно сказать, что княгиня слишком строга и предает простой шалости больше значения, чем та заслуживала. Но дело в несовпадении реакции государя и окружающих на одни и те же события. В психологическом барьере, который существовал между Петром и подданными. Когда им хотелось смеяться, он оставался торжественно серьезен, а когда сам умирал от хохота, у других навертывались слезы. Впрочем, «невероятные выходки» императора далеко не всегда были столь безобидны. Дашкова привела случай, произошедший с ее мужем.

«Однажды, в первой половине января, утром, в то время как гвардейские роты шли во дворец и на вахтпарад и на смену караула, императору представилось, что рота, которой командовал князь, не развернулась в должном порядке. Он подбежал к моему мужу, как настоящий капрал, и сделал ему замечание. Князь... ответил с такой горячностью и энергией, что император, который о дуэли имел понятие прусских офицеров, счел себя, по-видимому, в опасности и удалился так же поспешно, как и подбежал»³¹.

Как видим, Петр не был готов к тому, что офицер станет себя защищать. Слово «дуэль» возникло не зря. Пытаясь «подтянуть» гвардию, похожим образом будут себя вести и Павел I, и его сыновья великие князья Константин, Николай и Михаил, распекавшие подчиненных и, случалось, замахивавшиеся на них то эскадром, то шпагой. Это не раз ставило царевичей на грань дуэли. Но во времена Петра III понятия о дворянской чести в России еще только формировались. Князю Дашкову они были уже свойственны. Но в большинстве случаев император скорее рисковал получить кулаком в ухо, чем поднять перчатку.

Вернемся к Шумахеру. «Вместо удобных мундиров, которые действительно им (гвардейцам. — О. Е.) шли, он велел пошить им короткие и тесные, на тогдашний прусский манер. Офицерам новые мундиры обходились чрезвычайно дорого из-за золотого шитья... а рядовым слишком узкая, тесная форма мешала обращаться с ружьями»³². Новую

форму не ругал только ленивый. Даже Штелин не смог обойти этого больного момента: «Когда он уничтожил мундиры гвардейских полков, существовавшие со времен Петра Великого, и заменил их короткими прусскими кафтанам, ввел белые узкие брюки, тогда гвардейские солдаты и с ними многие офицеры начали тайно роптать и дозволили подбить себя к возмущению»³³.

Конечно, причиной переворота стали не белые штаны, а целая совокупность неудобств и раздражающих нововведений. Роль привилегированных полков Петр решил отдать своим голштинским войскам, увеличив их за счет иностранных подданных. Вербовщиков направили в Лифляндию и Эстляндию, где им было приказано выбирать солдат не из русских подданных. Другие поехали в Малороссию, имея предписание не вербовать православных украинцев, а искать волохов и поляков³⁴. Конечно, у Петра не было ни малейших оснований доверять русским. Но он действовал слишком демонстративно.

Самой ненадежной частью гвардии Петр считал Лейб-компанию — своего рода гвардию в гвардии, созданную Елизаветой Петровной в память о перевороте 1741 года. Эти преданные покойной императрице и обласканные ею люди были особенно недовольны. В 1758 году Екатерина рассчитывала на них. Петр этого не забыл. Лейб-компания была распущена, и, по верному замечанию И. де Мадариаги, ее солдаты сеяли теперь недовольство в других полках³⁵.

Ропот мог продолжаться долго и даже постепенно сойти на нет, если бы Петр сам не поднес спичку к пороховому погребу. Гвардии предстояло покинуть Петербург и двинуться в Германию. Не стоило оставлять в столице войска, склонные к мятежу. Но совершенно правильные на первый взгляд шаги императора каким-то роковым образом вели его к гибели.

Г. Р. Державин, служивший в Преображенском полку, вспоминал, что накануне переворота «один пьяный из его сотоварищей солдат, вышед на галерею, зачал говорить, что когда выйдет полк в Ямскую (разумеется... поход в Данию), то мы спросим, зачем и куда нас ведут, оставя нашу матушку Государыню, которой мы рады служить»³⁶. Таким образом, гвардейцы были готовы начать мятеж на марше.

«Больно было всё то видеть»

Состояние подданных хорошо передал Болотов, негодовавший на

императора, но не примкнувший к заговорщикам. Андрею Тимофеевичу приходилось в числе других адъютантов бывать во дворце и наблюдать государя во время «пиршеств» с «итальянскими театральными певицами, актрисами, вкупе с их толмачами», где тот разговаривал «въявь, обо всем и даже о самых величайших таинствах и делах государственных... Скоро дошло до того, что мы желали уже, чтобы таковые разговоры до нашего слуха и не достигали, — писал мемуарист, — ибо как редко стали уже мы заставлять государя трезвым и в полном уме... а чаще уже до обеда несколько бутылок аглицкого пива... опорожнившем... Он говаривал такой вздор и такие нескладницы, что при слушании оных обливалось даже сердце кровью от стыда перед иностранными министрами, видящими и слышащими то и, бесспорно, смеющимися внутренне... Бывало, вся душа так поражается, что бежал бы неоглядно от зрелища такового: так больно было всё то видеть и слышать».

Однажды Болотову пришлось наблюдать, как пьяные гости императора, выйдя на балкон, а оттуда в сад, начали играть на усыпанной песком площадке. «Ну все прыгать на одной ножке, а другие согнутым коленом толкать своих товарищей» под зад. И это на глазах у «табуна» трезвых «адъютантов и ординарцев». «А по сему судите, каково ж нам было... видеть первейших государственных людей, украшенных орденами и звездами, вдруг спрыгивающих, толкающихся и друг друга наземь валяющих».

Стыд, жгучий стыд за происходящее стал одним из катализаторов переворота. «Отваживались публично и без всякого опасения... судить все дела и поступки государевы. Всем нам тяжелый народный ропот и всеобщее час от часу увеличивающееся неудовольствие на государя было известно... Нередко, сошедшись на досуге, все вместе говаривали мы о тогдашних обстоятельствах и начали опасаться, чтоб не сделалось вскоре бунта... от огорченной до крайности гвардии»³⁷.

В данном случае «мы» — сослуживцы Болотова. Те же разговоры шли и в кругу друзей князя Дашкова. Заговору *действий* предшествовал заговор *мнений*. Настоящий комплот зрел под рукой Екатерины³⁸. Только при благосклонном замечании полиции можно было проводить агитацию в городе. Начальник Болотова генерал-полицмейстер Н. А. Корф тесно общался с Орловым и часто бывал в покоях императрицы³⁹. Лично не входя в заговор, он покрывал его участников.

После родов Екатерина посчитала нужным выйти из тени. 21-го числа «день рождения Ея императорского величества отпразднован с

поздравлениями, — писал Штелин. — Большой стол в покоях императрицы. Вечером концерт, на котором играл Его императорское величество в продолжение 3 часов без перерыва»⁴⁰. Профессор не уточнил любопытную деталь: вечером на празднике в покоях императора Екатерина «так и не появилась»⁴¹. Зато на это обратили внимание иностранные послы. Государыня приняла поздравления днем, на своей половине. Она повела себя в отношении Петра III как конкурент, открыто показывая свою оппозицию. 24 апреля был подписан трактат о мире с Пруссией, и час для агитации пробил.

Заговорщики разделялись на четыре «фракции», вместе встречались только вожаки. О группе Дашковой Шумахер писал: «Замысел состоял в том, чтобы 2 июня старого стиля, когда император должен был прибыть в Петербург, поджечь крыло нового дворца. В подобных случаях император развивал чрезвычайную деятельность, и пожар должен был заманить его туда. В поднявшейся суматохе главные заговорщики под предлогом спасения императора поспешили бы на место пожара, окружили Петра III, пронзили его ударом в спину и бросили тело в одну из объятых пламенем комнат. После этого следовало объявить тотчас о гибели императора при несчастном случае и провозгласить открыто императрицу правительницей»⁴².

Рюльер приписывал сторонникам Дашковой не менее кровавые планы: «Если бы желали убийства, тотчас было бы исполнено, и гвардии капитан Пассек лежал бы у ног императрицы, прося только ее согласия, чтобы среди белого дня в виду целой гвардии поразить императора. Сей человек и некто Баскаков, его единомышленник, стерегли его (Петра III. — О. Е.) дважды подле того самого пустого домика, который прежде сего Петр Великий приказал построить на островах... Это была уединенная прогулка, куда Петр III хаживал иногда по вечерам со своей любезною (Елизаветой Воронцовой. — О. Е.) и где сии безумцы стерегли его из собственного подвига. Отборная шайка заговорщиков под руководством графа Панина осмотрела его комнаты, спальню, постель и все ведущие к нему двери. Положено было в одну из следующих ночей ворваться туда силою, если можно, увезти; будет сопротивляться, заколоть и созвать государственные чины, чтобы отречению его дать законный вид»⁴³.

Медлительного Никиту Ивановича трудно представить во главе «шайки» заговорщиков осматривающим место грядущего преступления. А Екатерина Романовна, какой она предстает в мемуарах, мало напоминала образ, годом позднее нарисованный английским послом лордом Д. Г.

Бёкингхэмширом: «Если бы когда-либо обсуждалась участь покойного императора, ее голос неоспоримо осудил бы его, если бы не нашлось руки для выполнения приговора, она взялась бы за это»⁴⁴. Мы привели эти свидетельства для того, чтобы показать: в первое время после переворота в дипломатической среде вовсе не исключали причастности представителей партии знати к устранению Петра.

Но на этапе складывания заговора до роковой развязки было еще далеко. Панин, несмотря на пожалованный чин и внешнее благоволение Петра, серьезно задумывался о своем будущем. Видимо, государь действительно хотел поменять систему воспитания сына на военную. Это значило, что Никита Иванович должен расстаться с местом воспитателя потенциального наследника. 30 марта Гольц доносил Фридриху II, что император планирует послать Панина в Стокгольм, чтобы провести переговоры о включении Швеции в мирный договор между Россией и Пруссией⁴⁵. Швеция нужна была Петру как союзник против Дании, и он всерьез рассчитывал на ее флот. Подобная миссия отрывала Никиту Ивановича от Павла. Между тем именно возможность представлять интересы цесаревича давала наставнику большой политический вес.

«Он стоял за соблюдение законности и за содействие Сената», — писала Дашкова о дяде и приводила свой ответ: «Я согласна с вами, что императрица не имеет прав на престол и по закону следовало бы провозгласить императором ее сына, а государыню объявить регентшей до его совершеннолетия»⁴⁶. Таким образом, партия знати стояла только за передачу Екатерине прав регентства до совершеннолетия Павла. «Я действительно предложила заговорщикам провозгласить великого князя императором, — заключала княгиня, — но Провидению не угодно было, чтобы удался наш самый благоразумный план»⁴⁷.

Это описание не противоречит собственному рассказу воспитателя в беседе с Ассебургом. «За несколько недель до переворота Панин вынужден был вступить с солдатами гвардии в объяснения и обещать перемену, лишь бы воспрепятствовать немедленному взрыву раздражения»⁴⁸. Со своей стороны Екатерина не слишком доверяла вельможе да и вообще заговорщикам из числа придворных. Этому ее научил горький опыт опалы Бестужева. В 1758 году ни Алексей, ни Кирилл Разумовские, в отличие от канцлера, не пострадали. Но гетман пережил немалый страх. Тем не менее он пересилил себя, вновь примкнул к мятежникам и даже распорядился о печатании в подведомственной ему типографии Академии наук Манифеста о восшествии Екатерины на престол.

У Кирилла Григорьевича, как и у Панина, имелись личные причины присоединиться к заговору. То, что император издевался над ним на плацу, — еще полбеды. Но Петр захотел передать гетманство своему любимцу Андрею Гудовичу⁴⁹, а это значило потерю очень высокого положения и очень солидного дохода.

Императрица очень осторожно упоминала о разногласиях в стане ее сторонников. «Не все были одинакового мнения: одни хотели, чтобы это совершилось в пользу его сына (Павла. — О. Е.), другие — в пользу его жены»⁵⁰. Вопрос о том, кто наденет корону после Петра, пока оставался открытым.

Презренный металл

Переворот, как и любое дело, требовал денег. Эта мысль почему-то вызывает стыдливое неприятие у одних ученых и злорадное торжество у других: подкуп солдат — первый признак неискренности их намерений, вместо патриотических чувств — звонкая монета. Между тем гвардия уже полгода не получала жалованья, но должна была на что-то жить. Если об этом не подумал император, то подумали его противники.

У французских авторов, писавших по горячим следам о «петербургской революции», мелькают сообщения, будто государыня «раздала золото, деньги и драгоценности, которыми обладала»⁵¹. Прусский посланник Гольц в конце августа 1762 года доносил Фридриху II, что «Панин... давно уже снабжал императрицу суммами, которые были употреблены на подготовку» переворота⁵².

Негодование служивых против Петра Федоровича только усиливалось тем, что материальную помощь они получали не от законного государя, а от его жены. 25 июня, за три дня до переворота, французский поверенный в делах Лоран Беранже доносил в Версаль: «Весьма ощущается недостаток в средствах. Никто не получает причитающегося ему жалованья, и ропот недовольства возрастает с каждым днем... Уверяют, что мятежный дух распространился уже до Казани. Но это не мешает царю находиться в самой надежной безопасности. Он проводит время в Ораниенбауме, окруженный своими солдатами, дает балы и посещает оперные представления. С ним самые красивые женщины, мужей которых я вижу грустно прогуливающимися в городских садах»⁵³.

Обратим внимание на последнюю деталь. 28 июня окажется, что

многие мужья — офицеры, чиновники и придворные — примкнули к Екатерине, а их жены остались в свите Петра III. Бедняжкам пришлось пережить и плавание в Кронштадт, и угрозы императора сделать их заложницами, чтобы заставить взбунтовавшихся супругов сложить оружие... Что ж, и такие причины бывают у переворотов.

Вернемся, однако, к презренному металлу. Екатерина ясно сознавала нехватку денег. Ей последовательно отказали в помощи британский, французский и австрийский послы. Управляющий имениями Екатерины Джованни Микеле Одар обратился к представителям английской торговой колонии и занял 100 тысяч у купца Фельтена⁵⁴.

Приготовления заговорщиков не могли не вызывать беспокойства у тех, кто догадывался, куда клонится дело. Самые далекие от Komplota люди ощущали тревожную обстановку. Придворный ювелир Иеремия Позье однажды, присутствуя на ужине в Ораниенбауме и наблюдая за поведением императора, с тревогой сказал своей соседке, супруге канцлера Анне Карловне Воронцовой: «Что вы обо всем этом думаете? Я очень боюсь, как бы не случилось чего-нибудь ужасного». В ответ почтенная дама залилась слезами: «Я имею повод быть еще менее спокойна, чем вы»⁵⁵.

Британский посол Кейт тоже замечал неладное. «Он часто говорил в интимном кругу, что император точно намеренно старается навлечь на себя всеобщее неудовольствие, а может быть, и презрение, — вспоминала Дашкова. — ...Однажды он мне сообщил, что в городе распространились слухи, что в гвардии готовится бунт и что главной причиной его была нелепая война с Данией»⁵⁶.

Оба приведенных разговора относились к началу июня 1762 года. До развязки оставалось совсем немного. Надо отдать Кейту должное: он все-таки сквозь зубы цедил в Лондон тревожную информацию. 6 июня дипломат высказался прямо: «Ныне Его величество попал в руки наихудших людей»⁵⁷. Позднее даже Гольц признавал, что именно принц Георг, дядя императора, «много споспешествовал к возбуждению народной ненависти против немцев и ускорил падение своего повелителя», чему помогло «дурное обращение этого принца с... войском»⁵⁸.

Переписка русского императора с Фридрихом II показывает, что Петр был готов облагодетельствовать кумира, но не прислушивался к его советам. Даже на расстоянии Фридрих чувствовал накалявшуюся атмосферу. Двадцатью годами ранее, в декабре 1741 года, он писал по поводу переворота, возведшего на престол Елизавету Петровну: «Единственное, что может встревожить тех, кто ставит на Россию, есть

мысль, что гвардейцы русские, постепенно войдя в роль римской преторианской гвардии, пристрастятся к перемене своих государей, отчего никто на добрые отношения с Россией полагаться не сможет, ибо во всякую минуту ожидать придется нового переворота»⁵⁹.

Теперь доверенные лица короля Бернгард Вильгельм Гольц и прибывший ему на помощь флигель-адъютант Фридрих Вильгельм Шверин доносили об обширном заговоре, зревшем под боком у беспечного императора: «Первый и самый опасный человек здесь, — писал Шверин 8 апреля, — это Иван Иванович Шувалов, фаворит покойной императрицы. Этот человек, живущий интригами, так хорошо умел уладить свои дела... что государь поручил ему Кадетский корпус и главный надзор за дворцом... Я пространно говорил об этом с императором и даже назвал имена опасных лиц, но Его величество отвечал, что... он дал им столько занятий, что у них нет досуга думать о заговорах»⁶⁰.

Над предупреждением Шверина относительно Шувалова принято потешаться. После переворота Фридрих II с раздражением писал Гольцу: «Лица, на которых смотрели как на заговорщиков, менее всего были замешаны в заговоре. Настоящие заговорщики работали молча и тщательно скрываясь от публики»⁶¹. Однако, может быть, параллельно вызревало два заговора, об одном из которых мы почти ничего не знаем?

В начале мая Фридрих счел долгом лично объясниться с Петром. «Ваше императорское величество спросите меня, во что я вмешиваюсь, и будете правы, — писал он. — ...Признаюсь, что мне было бы весьма желательно, чтобы вы были уже коронованы, так как эта торжественная церемония внушает сильное почтение народу, привыкшему видеть своих государей коронованными. Скажу откровенно Вашему величеству: я не доверяю русским. Всякая другая нация благословляла бы небо, имея государя, обладающего столь дивными качествами... но сознают ли русские это счастье?» Далее король давал весьма здравые советы, как избежать заговора: «Следует взять в свою свиту всех ненадежных личностей, могущих злоумышлять против вас... Следует обязать всех иностранных министров сопровождать Ваше величество [в поход]; этим путем можно отвлечь из России все семена возмущения и интриг»⁶².

Петр ответил 15 мая, что короноваться он не может, поскольку спешит на войну⁶³. Впрочем, с легкомыслием император всегда сочетал подозрительность. Поэтому при встрече сказал Шувалову: «Прусский король мне пишет, что ни один из подозрительных мне людей не должен оставаться в Петербурге в мое отсутствие». Вслед за чем прислал к Ивану

Ивановичу приказ следовать за ним в армию волонтером⁶⁴.

«Да здравствует царко Петр Федорович!»

В самом начале 1762 года герцог Шуазель из Парижа советовал французскому послу вести себя с Петром III «как с больным ребенком, стараясь ничем не раздражать его». Судя по письмам, именно так держался по отношению к корреспонденту Фридрих II. Только потакая императору, можно было чего-то добиться. Заверения в самой чистосердечной дружбе соединялись с потоками лести.

«В то время как меня преследует вся Европа, в вас нахожу я друга, — писал он 20 марта, — нахожу в вас государя, у которого сердце истинно немецкое, который не хочет способствовать тому, чтобы Германия была отдана в рабство Австрийскому дому и который протягивает мне руку помощи, когда я нахожусь почти без средств»⁶⁵.

Первые шаги были очень осторожными. Фридрих нащупывал почву. 6 февраля он писал: «Никто, как я, не хочет установить между двумя государствами старинное доброе согласие, нарушенное усилиями моих врагов, что выгодно только для посторонних»⁶⁶. Многозначительные слова. Они как бы вводили Петра III в круг «своих», немецких государей, оставив за бортом общих врагов — Австрию и Францию. 15 февраля Петр ответил, что жаждет установить «союз дружбы, давно уже соединивший нас двоих и долженствующий вскоре соединить наши народы»⁶⁷.

Король тут же поймал брошенный волан и сообщил 3 марта, что желал бы преподнести молодому монарху прусский орден Черного Орла, которым некогда владела императрица Елизавета. То была тайная мечта Петра, а угадывать желания будущего союзника на полгода стало главным занятием короля. «Еще раньше воцарения Вашего императорского величества я был многим обязан вам... Кто совершает поступки столь благородные и столь редкие... должен ожидать выражения удивления... Да будет ваше правление продолжительно и счастливо!»⁶⁸

Прочитав подобные слова, Петр смутился. Со всем тщеславием и бахвальством он был простым малым. «Ваше величество желаете насмехаться надо мной, расхваливая так мое царствование», — отвечал он 15 марта и заверил, что считает корреспондента «одним из величайших в свете героев»⁶⁹.

Но Фридрих знал: лести не бывает много. «Вы подаете пример

добродетели всем властителям, что должно привязать к вам сердца всех честных людей, — настаивал он 23 марта. — ...Я потерял за эту войну 120 генералов, 14 генералов в плену у австрийцев; в результате наше положение ужасно. Я мог бы прийти в полное отчаяние от него, но я нахожу верного друга в лице великого, одного из самых великих государей Европы, который чувства чести предпочитает всяким соображениям политики. Ах, не считайте странным, Ваше величество, что все мои упования на вас»⁷⁰.

Другой чувствительной ноткой, на которую откликалось сердце Петра, были прямота и искренность. «Я чрезвычайно счастлив, что Гольц удостоился вашего одобрения, — рассуждал Фридрих 4 апреля, — я ручаюсь за него как за честного человека... Я горько упрекал бы себя, если бы послал к вашему двору кого-нибудь, чтобы двоедушничать... Перед отъездом Гольца я сказал ему: «Не пускайте в ход ни хитростей, ни каверз; обращайтесь прямо к императору, пусть искренность и правдивость единственно руководят вами. Государь этот — тот же я; такой счастливый союз не должен быть осквернен двоедушием и тайными происками»⁷¹.

Существует мнение, будто прусский король рекомендовал Петру III сблизиться с женой и прислушиваться к ее словам. В 1773 году французский посол Дюран де Дистроф привел цитату из якобы виденного им письма Фридриха II: «Советуйтесь с императрицей, она даст вам только добрые советы, и я призываю вас следовать им»⁷². Это дипломатическая легенда, не раз повторенная историками. В письмах прусского короля 1762 года Екатерина не упомянута ни разу. Смеем утверждать: и не могла быть упомянута, исходя из всего строя отношений корреспондентов. Фридрих старался ничем не вызвать неудовольствия Петра. Слишком многое для него было поставлено на карту.

Другое распространенное мнение касается войны с Данией. Принято считать, что Фридрих отговаривал русского императора начинать ее. Однако письма рисуют совсем иную картину. Еще в апреле король рассуждал о предполагаемом противнике: «Это слабое правительство боится действовать и равным образом боится разоружиться. Ваше величество сможет делать с этими людьми всё, что вам будет угодно»⁷³. Через 20 дней он развил свою мысль: «Ваше императорское величество имеете неоспоримые права на владения, отнятые у вашего дома во время смут. Вы имеете право требовать их обратно; война дарует вам право победы... Я горю желанием содействовать всем вашим предприятиям... Пусть Ваше величество укажет количество войск, которое ему угодно,

чтобы я присоединил к его войскам... Как бы стар и дряхл я ни был, я сам пошел бы против врагов Вашего величества»⁷⁴. О себе король не забывал и тут же попросил у союзника 14 тысяч регулярного войска и тысячу казаков, чтобы справиться с австрийцами.

Петр был потрясен благородством своего друга. «Ваше величество... предлагаете корпус из своего удивительного войска, — писал он 27 апреля, — и свою гавань в Штеттине, говоря мне, чтобы я отнюдь не стеснялся и действовал в его стране как бы в своей собственной. Но каково же было мое приятное изумление, когда я прочел ваше предложение самому идти против моих врагов»⁷⁵.

Тем временем в Берлине шел мирный конгресс, и Петр чрезвычайно хотел, чтобы в договоре было прописано требование к шведам подкрепить Россию флотом против датчан. Однако здесь Фридрих не сумел помочь или не захотел настаивать. Стокгольм находился под полным контролем Парижа и ни при каких условиях не стал бы в теперешних обстоятельствах отряжать свой флот в подкрепление русскому.

Ситуация с кораблями и иностранной помощью прекрасно иллюстрирует, как мало замыслы Петра III соприкасались с реальностью. Ему воображалось, что можно рассчитывать на английский флот, коль скоро Россия вошла в союзнические отношения с Пруссией. Канцлеру пришлось буквально разжевывать государю несостоятельность его требований. «Что же касается до данного мне вчера повеления говорить английскому министру Кейту о присылке нынешним летом в диспозицию вашу английского флота, я при первом свидании с Кейтом говорить буду, — писал Воронцов 12 апреля, — токмо Ваше величество с английским двором союзного трактата не имеете, и что Англия, будучи ныне в двойной войне против Франции и Гишпании, не в состоянии, да и без взаимных себе авантажей не похочет прислать некоторое число кораблей... сие требование может подвержено быть неприятному отказу»⁷⁶.

В том же положении — учителя при великовозрастном ученике — оказался и Фридрих II. Из Петербурга его просили растолковать императору элементарные правила, исполнение которых необходимо для начала военной операции. Всё, что писал прусский король, могли бы сказать государю собственные генералы. Но Петр не всякого хотел слушать. «Вам не стоит ожидать добровольной уступки со стороны датчан, — писал Фридрих 1 мая, — необходимо будет вести войну с ними, чтобы получить ее (датскую часть Голштинии. — О. Е.)... Я буду говорить об этой войне с такой откровенностью, с какой я делал бы это, если бы был

генералом на службе Вашего величества... Первое условие... это кормовые запасы... фураж начинается лишь в конце июня, хлеб новой жатвы можно собирать лишь в сентябре, если желают его иметь в виде муки... это затянется еще на лишний месяц. Сообразуясь с силами неприятеля, я думаю, что армия, предназначенная для Голштинии, была бы достаточно сильной, если бы состояла из 46 000 регулярного войска и 4000 казаков. Съестные припасы для этих войск можно доставить из России, или из Ливонии, Курляндии и Данцига... Это составит около 2000 пудов муки в месяц и 8000 пудов овса на два месяца — май и июнь». При этом Фридрих заклинал корреспондента «не начинать действовать, пока всё не будет заготовлено»⁷⁷.

О том же самом предупреждал государя канцлер Воронцов, но вызвал негодование и вынужден был оправдываться: «...Не могу надлежаще должность мою исправлять и принужден через пересылки и через третьи руки Вашему величеству доклады чинить, подвергаясь тем неприятному истолкованию и гневу... якобы я предприятия ваши против Дании химерическими поставлял, когда я говорил, что ранновременным походом нашей армии без заготовления довольных магазинов... и без готовых в наличии великих сумм денег, без подкрепления сильного флота и без помощи короля прусского... сей поход был бы совсем бесплоден»⁷⁸.

Рассуждения канцлера казались докучными. А вот Фридрих знал, где добыть средства. «Датчане отпустили на выкуп город Гамбург и взяли с него 1 200 000 экю, — писал он. — Ваше императорское величество имеете тоже право. Город Любек мог бы вам доставить... 100 000 экю, и никто не нашел бы возможным упрекнуть вас за такой способ действий. Деньги — нервы войны»⁷⁹.

15 мая Петр заверил корреспондента: «Ваше величество пишете мне о запасах. Я уже всем разослал приказы и надеюсь, что всего будет довольно»⁸⁰. Как будто приказы волшебным образом исполняются только потому, что разосланы! В том же послании император отверг и возможность заговора. Больше настаивать Фридрих не мог. Чтобы сгладить возникшую шероховатость, он удвоил излияния в преданности. «Если бы я был язычником, я воздвиг бы храмы и алтари Вашему императорскому величеству как существу божественному»⁸¹; «Я смотрю на Ваше величество как на Бога-покровителя, доброго и благосклонного ко мне гения»⁸²; «Сердце мое — владение, завоеванное Вашим императорским величеством»⁸³.

Как замечала Екатерина, император был «предан своим прихотям и

тем, кто рабски ему льстил»⁸⁴. Проницательный король хорошо ухватил эту особенность характера Петра и не спорил с ним. «Присутствие Вашего императорского величества будет не только ободрять ваши войска, но и придаст еще большую живость военным действиям»⁸⁵, — писал он 8 июня.

Но Петр уже почувствовал, что его пытались отговорить от личного участия в походе, и решил схитрить. 21 мая Румянцеву был отправлен указ считать войну с Данией «действительно объявленной» и утвердиться в Мекленбурге, прежде чем туда войдут датчане⁸⁶. Такое повеление вызвало шок «честного человека» Гольца: «Император утаил от меня это приказание... При всех милостях и доверии императора ко мне противная партия может заставить его скрыть от меня самые важные дела, которые Ваше величество должны знать прежде всякого другого».

Принц Георг умолял посланника еще раз попросить Фридриха II отсоветовать государю поход, ссылаясь на плохое состояние войска, недостаток денег и припасов. «Два месяца я толкую с вами и с самим императором, — не выдержал Гольц. — ...Нечего грозиться задавить датчан, если еще нет уверенности, что всё готово; мне постоянно отвечали, что все приготовления сделаны, тогда как я хорошо знал, что нет... Теперь, зная дурное состояние дел, надобно обречь себя на неудачную войну, которой можно было избежать переговорами»⁸⁷.

Больше Фридрих ни на чем не настаивал. Он и так был в неоплатном долгу. Уже отгремел переворот, уже Петра не было на свете, а король, еще не получив об этом известия, писал 14 июля: «Я часто говорю солдатам: «Да здравствует царко Петр Федорович!» Это первые слова, которые я выучился лепетать на русском языке и которые я буду произносить... до последних дней моей жизни»⁸⁸.

Но благодарность и политика совмещаются плохо. После гибели Петра отзывы Фридриха звучали иначе: «Бедный император хотел подражать Петру I, не имея его гения»; «Отсутствие мужества... погубило его: он позволил свергнуть себя с престола, как ребенок, которого отсылают спать»⁸⁹.

На последней прямой

Петр сам подтолкнул роковое развитие событий. Государыня не присутствовала на торжественном обеде по случаю подписания мирного трактата с Пруссией 24 апреля. Такой шаг не мог остаться незамеченным.

Из всех «неприсутствий» Екатерины на праздниках мужа это было самым громким. Становилось ясно, что она не одобряет новой политики. Разразился скандал.

9 июня император устроил очередной праздничный обед в честь заключенного с Фридрихом II союза. «Императрица заняла свое место посреди стола, — вспоминала Дашкова, — но Петр III сел на противоположном конце рядом с прусским министром. Он предложил под гром пушечных выстрелов с крепости выпить за здоровье императорской фамилии, его величества короля Пруссии и за заключение мира». Екатерина выпила первый тост, но, как видно, само присутствие жены раздражало государя, он прицепился к пустяку. Гудовичу, стоявшему за его стулом, было велено пойти и спросить императрицу, почему она не встала, когда пила. Та отвечала, что «так как императорская фамилия состоит из его величества, его сына и ее самой, она не предполагала, что ей нужно встать». Эти слова, видимо, показались Петру намеком на его желание обзавестись новой семьей. И вызвали еще больший гнев.

Государь велел Гудовичу передать императрице, что она «дура»: ей следовало знать, что в августейшую семью входят еще и его дяди принцы Голштинские. Боясь, как бы адъютант не смягчил выражения, Петр вскочил и прокричал жене оскорбление через весь стол. «Императрица залилась слезами и... попросила дежурного камергера графа Строганова, стоявшего за ее стулом, развлечь ее своим веселым, остроумным разговором... Все эти события сильно взволновали общество»⁹⁰. По словам самой императрицы, соединению ее сторонников «удивительно помогло то оскорбление, которое супруг нанес ей публично».

Произошедшее за обедом, видимо, не на шутку задело и Петра. В тот же вечер он устроил ужин в Летнем дворце в кругу «нескольких городских дам», «своих любимых генералов» и «прусского министра». Напившись так, что «его в четыре часа утра вынесли на руках, посадили в карету и увезли домой во дворец», он перед отъездом наградил Елизавету Воронцову орденом Святой Екатерины.

По статуту орден Святой Екатерины полагалось носить только членам императорской фамилии и дамам, оказавшим огромные услуги отечеству. Награждая Воронцову, Петр как бы вводил ее в круг августейшей семьи. А вот Екатерине предстояло исчезнуть. «Он хотел жениться на Воронцовой, — писала она о муже, — и в тот самый вечер, когда возложена была на графиню Екатерининская лента, приказал адъютанту своему князю Барятинскому арестовать императрицу в ее покоях. Испуганный Барятинский медлил исполнением... когда в прихожей повстречался ему

дядя императора, принц Георгий Голштинский. Барятинский передал ему, в чем дело. Принц побежал к императору, бросился перед ним на колени и насилиу уговорил отменить приказание»⁹¹. Но никто не гарантировал, что завтра Петр не повторит приказ.

Император пересек черту. У его супруги больше не оставалось надежды, «что дело не дойдет до крайностей»⁹². По верному замечанию А. Б. Каменского, и в случае поражения, и в случае бездействия Екатерину ждала гибель⁹³. Панин предложил приурочить решительные действия ко дню возвращения императора из загородных резиденций. Петр намеревался присутствовать при отправлении гвардии на войну, а возможно, отбыть вместе с ней. Это должно было произойти в первых числах июля⁹⁴.

В столице волнами стали распространяться слухи, будто Екатерина уже арестована. Тем временем она с маленькой свитой из шести камер-фрау и двух камер-юнкеров находилась в Петергофе. 26 июня императрица навестила мужа. В Японской зале Ораниенбаумского дворца был устроен большой обед, а вечером — маскарад в театре. 27 июня августейшая чета со свитой посетила Гостилицы, где Алексей Разумовский устроил в их честь великолепный праздник с итальянской музыкой. Здесь супруги виделись в последний раз. После торжества каждый поехал к себе: император в Ораниенбаум, императрица в Петергоф. По свидетельству анонимного автора, близкого к гетману Разумовскому, эта встреча не была приятной, поскольку государь «крепко досадовал» на жену за то, что она, «оставив сына в Петербурге, приехала одна».

В мемуарах современников встречаются утверждения, что Петр хотел арестовать Екатерину и Павла за городом, подальше от чужих глаз, и отправить в крепость. Так, Н. А. Саблуков писал: «Петр III намеревался... заключить и мать, и сына в Шлиссельбург на всю жизнь. С этой целью был уже составлен манифест, и лишь накануне его обнародования и ареста Екатерины и ее сына начался переворот... До сих пор можно видеть в Шлиссельбурге помещение, для них приготовленное»⁹⁵. А. С. Мыльников утверждает, что комнаты в Шлиссельбурге, которые действительно начали отделяться летом 1762 года, предназначались для Ивана Антоновича⁹⁶. Теперь уже трудно сказать, кого ожидали тюремные покои. Был момент, когда Екатерина обдумывала, не поместить ли туда самого Петра...

Примечания к разделу

¹ *Екатерина II. Анекдоты об этом событии // Со шпагой и факелом.* М., 1991. С. 347.

² *Брикнер А. Г. История Екатерины Второй.* М., 1991. С. 102.

³ *Штелин Я. Записки // Екатерина. Путь к власти.* М., 2003. С. 49.

⁴ *Дневник статского советника Мизере // Там же.* С. 59.

⁵ *Русский двор сто лет тому назад.* СПб., 1907. 131.

⁶ *Манифесты Екатерины II // Екатерина. Путь к власти.* М., 2003. С. 274.

⁷ *Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой.* М., 2002. С. 57–58.

⁸ *Тургенев А. И. Российский двор в XVIII веке.* СПб., 2005. С. 210.

⁹ *Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение.* М., 1996. С. 64.

¹⁰ *Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...»* Л., 1992. С. 59.

¹¹ *Мыльников А. И. Петр III. Повествование в документах и версиях.* М., 2002 (серия «ЖЗЛ»). С. 162.

¹² *Тургенев А. И. Указ. соч.* С. 210.

¹³ *Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810.* Л., 1985. С. 25.

¹⁴ *Мыльников А. С. Указ. соч.* С. 178.

¹⁵ *Штелин Я. Указ. соч.* С. 37.

¹⁶ *Сб. РИО. СПб., 1867–1911. Т. XVIII.* С. 272.

¹⁷ *Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIII. Т. 25.* М., 1994. С. 73.

¹⁸ *Письма императора Петра III к Фридриху II // Екатерина. Путь к власти.* М., 2003. С. 210.

¹⁹ *Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // Столетие безумно и мудро.* М., 1986. С. 373–374.

²⁰ *Рюльер К. К. Указ. соч.* С. 62.

²¹ *Штелин Я. Указ. соч.* С. 38.

²² *Рюльер К. К. Указ. соч.* С. 61.

²³ *Соловьев С. М. Указ. соч.* С. 66.

²⁴ *Анисимов Е. В. Иван Иванович Шувалов — деятель русского Просвещения // Вопросы истории.* 1985. № 7. С. 96.

- ²⁵ Болотов А. Т. Записки. Т. 2. СПб., 1871. С. 178.
- ²⁶ Штелин Я. Указ. соч. С. 40.
- ²⁷ Шумахер А. История низложения и гибели Петра III // Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 274.
- ^{тм} Ассебург А. Ф. Записки о воцарении Екатерины II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 294.
- ²⁹ Екатерина II. Анекдоты об этом событии. С. 347.
- ³⁰ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 38–39.
- ³¹ Там же. С. 26–27.
- ³² Шумахер А. Указ. соч. С. 275.
- ³³ Штелин Я. Указ. соч. С. 35.
- ³⁴ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 25.
- ³⁵ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 55.
- ³⁶ Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984. С. 34.
- ³⁷ Болотов А. Т. Указ. соч. С. 179.
- ³⁸ Понятовский С. А. Мемуары. М., 1995. С. 167.
- ³⁹ Мадариага И. де. Указ. соч. С. 62.
- ⁴⁰ Дневник статского советника Мизере. С. 60.
- ⁴¹ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 24.
- ⁴² Шумахер А. Указ. соч. С. 276–277.
- ⁴³ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 75.
- ⁴⁴ Бёкингхэмшир Д. Г. Первый год правления Екатерины II // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 123.
- ⁴⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 79.
- ⁴⁶ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 35.
- ⁴⁷ Там же. С. 36.
- ⁴⁸ Ассебург А. Ф. Записки о воцарении Екатерины II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 294.
- ⁴⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 80.
- ⁵⁰ Екатерина II. Анекдоты об этом событии // Со шпагой и факелом. М., 1991. С. 337.
- ⁵¹ Плугин В. А. Алехан, или Человек со шрамом. Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. М., 1996. С. 54.
- ⁵² Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии

на престол Екатерины Великой // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 259.

⁵³ Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 257.

⁵⁴ Бильбасов В. А. История Екатерины. СПб., 1890. Т. 2. С. 8.

⁵⁵ Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...» Л., 1992. С. 91.

⁵⁶ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 23, 32.

⁵⁷ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 204.

⁵⁸ Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии на престол Екатерины Великой. С. 238.

⁵⁹ Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 112.

⁶⁰ Русский архив. 1867. № I. С. 92.

⁶¹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 77.

⁶² Письма Фридриха II к Петру III // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 222–223.

⁶³ Там же. С. 211.

⁶⁴ Русский архив. 1867. № 1. С. 92.

⁶⁵ Письма Фридриха II к Петру III. С. 216.

⁶⁶ Там же. С. 214.

⁶⁷ Там же. С. 207.

⁶⁸ Там же. С. 215.

⁶⁹ Там же. С. 208.

⁷⁰ Там же. С. 217.

⁷¹ Там же.

⁷² Тургенев А. И. Указ. соч. С. 205.

⁷³ Письма Фридриха II к Петру III. С. 218.

⁷⁴ Там же. С. 219.

⁷⁵ Там же. С. 209–210.

⁷⁶ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 60.

⁷⁷ Письма Фридриха II к Петру III. С. 220–221.

⁷⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 59.

⁷⁹ Письма Фридриха II к Петру III. С. 231.

⁸⁰ Письма императора Петра III к прусскому королю Фридриху II. С. 211.

⁸¹ Письма Фридриха II к Петру III. С. 224.

- ⁸² Там же. С. 226.
- ⁸³ Там же. С. 227.
- ⁸⁴ *Екатерина II. Анекдоты об этом событии // Со шпагой и факелом.* М., 1991. С. 336.
- ⁸⁵ Письма Фридриха II к Петру III. С. 228.
- ⁸⁶ *Щебальский П. К. Политическая система Петра III.* М., 1870. С. 179.
- ⁸⁷ *Соловьев С. М. Указ. соч.* С. 72.
- ⁸⁸ Там же. С. 231.
- ⁸⁹ *Черкасов П. П. Указ. соч.* С. 258.
- ⁹⁰ *Дашкова Е. Р. Указ соч.* С. 28.
- ⁹¹ *Русский архив.* 1878. Т. II. С. 288.
- ⁹² *Екатерина II. Анекдоты об этом событии.* С. 336.
- ⁹³ *Каменский А. Б. Указ. соч.* С. 90.
- ⁹⁴ *Екатерина II. Анекдоты об этом событии.* С. 337.
- ⁹⁵ *Саблуков Н. А. Записки // Русский архив.* 1869. С. 1890–1891.
- ⁹⁶ *Мыльников А. С. Петр III.* М., 2002. С. 165.

Глава двенадцатая

ПЕРЕВОРОТ

Выступление было приурочено ко дню отбытия Петра III на театр военных действий с Данией. Но, как часто случается, в самый ответственный момент цепь непредвиденных обстоятельств вывела события из-под контроля, и они покатались по новому руслу. Накануне переворота был арестован один из заговорщиков, капитан Петр Богданович Пассек — руководитель одной из «фракций», знавший имена всех вожаков мятежа.

Его арест точно подтверждал народную поговорку: шила в мешке не утаишь. Слишком много нижних чинов оказалось уже посвящено в секрет, и рано или поздно кто-то неизбежно проболтался бы. Так и произошло.

После угрозы ареста императрицы среди гвардейских солдат распространились слухи об опасности, в которой находится Екатерина. Высказывались предложения двинуться на Ораниенбаум спасти «матушку». 27 июня один из встревоженных капралов нашел Пассека и сообщил, будто императрица исчезла. Капитан попытался его успокоить, тогда недоверчивый солдат направился к другому офицеру, чтобы поделиться новостью. Поручик П. И. Измайлов, к которому обратился служивый, в заговоре не состоял. Он немедленно донес о случившемся майору П. П. Воейкову, тот — полковнику Ф. И. Ушакову. Последний направил сообщение императору в Ораниенбаум, а пока, от греха подальше, посадил изобличенного Пассека под арест.

Таким образом, Петр III был предупрежден. Но не попытался подстраховаться. Он приказал отложить допрос Пассека до своего возвращения в столицу. По сведениям Рюльера, император отвечал приближенным, настаивавшим на скорейшем дознании: «Это дураки»¹. Нетрудно представить, как развернулись бы события, будь один из главарей мятежников вовремя приведен к ответу. Последовали бы аресты, на которые гвардия могла ответить открытым выступлением. Пролилась бы кровь. Но Провидение хранило заговорщиков. Легкомыслие, в котором Екатерина так часто обвиняла мужа, победило наследственную подозрительность императора, и он решил, что заговор подождет.

Тише едешь...

Точно так же думал и Панин. Его вообще часто обвиняли в медлительности. Никита Иванович предпочитал сперва всё обмозговать, семь раз отмерить... Черпавший сведения в его окружении Рюльер так воспроизводил логику вельможи: «Если бы и успели взбунтовать весь Петербург, то сие было бы не что иное, как начало междоусобной войны, между тем как у императора в руках военный город, снаряженный флот, 3000 собственных голштинских солдат и все войска, подходившие для соединения с армией... Императрица не может приехать прежде утра... и не поздно было бы условиться в исполнении заговора на другой день»².

Панин мыслил как истинный елизаветинский вельможа — тише едешь, дальше будешь. Но одно дело дипломатическая сфера, а другое — заговор. Здесь выигрывал тот, кто быстрее ориентировался в менявшейся обстановке. Поэтому Орловы, поспешившие за Екатериной в Петергоф, действовали верно. Задним числом Дашкова постаралась приписать инициативу их отправки за подругой себе. Но сама она оставалась в русле приготовлений дяди и называла Екатерину «главой империи», а не «самодержицей». То есть разногласий между племянницей и воспитателем Павла не было.

В Петергофе императрица занимала маленький павильон Монплеизр под тем предлогом, что большой дворец нужно готовить к празднованию дня Петра и Павла. Ее обязанностью было устройство торжеств по случаю именин супруга. Впервые предстояло отметить тезоименитство нового императора как государственное событие. Петр в сопровождении фаворитки и целой толпы «прекраснейших женщин» собирался приехать из Ораниенбаума к уже накрытым столам.

Как обычно, Екатерина припасла для мужа сюрприз. Самый удивительный за их долгую семейную жизнь. Впрочем, есть смысл предположить, что и Петр готовил своей благоверной подарок. Он отказался от ее ареста накануне праздника, но тем эффектнее стало бы взятие под стражу на самом торжестве — государь любил театральные сцены. Однако сторонники могли уговорить его действовать тихо и совершить желаемое после именин. В любом случае отправляться в поход против Дании, оставив Екатерину в столице, было неразумно. Ее участь предстояло решить до отъезда к армии.

Императрица успела быстрее. Брат ее фаворита, Алексей Орлов, прибыл в Петергоф в шестом часу утра 28 июня. Он отвез Екатерину в Измайловский полк. Очень быстро к измайловцам присоединились Семеновский и Преображенский полки, затем уже к Казанскому собору явилась Конная гвардия. «Она была в бешеном восторге, плакала, кричала

об освобождении Отечества»³, — вспоминала царица. Именно здесь, в плотном окружении гвардейских полков, Екатерина и была «выкрикнута» самодержавной государыней. Ни о каком регентстве гвардейцы и слышать не хотели.

Панин, всю ночь проведенный подле своего воспитанника в Летнем дворце, попросту проспал начало переворота. Он намеревался вместе с мальчиком явиться к собору, но не успел. Присягу принесли императрице, а не великому князю Павлу. По пути процессия пополнялась военными и чиновниками. Молебен вел архиепископ Новгородский Дмитрий Сеченов, давний сторонник Екатерины, не раз возмущавшийся действиями Петра III. Именно он возгласил во время ектеньи «самодержавную императрицу Екатерину Алексеевну и наследника великого князя Павла Петровича»⁴. Наконец царевич обрел статус, в котором ему отказывал отец.

Из Казанского собора путь лежал в Зимний. «Я отправилась в Новый Зимний дворец, где Синод и Сенат были в сборе, — писала Екатерина. — Тут на скорую руку составили манифест и присягу. Оттуда я спустилась и обошла войска пешком. Было более 14 000 человек гвардии и полевых полков... Мы держали совет, и было решено отправиться со мною во главе в Петергоф, где Петр III должен был обедать»⁵. Сюда же, наконец, привезли из Летнего дворца маленького наследника, и Екатерина вышла с ним на балкон, показав сына собравшимся внизу гвардейцам.

Однако единокровные войска, расквартированные в Петербурге, не было полным. Наиболее преданным императрице считался Измайловский полк. Но измайловцы уступали старшинство двум первым созданным в России гвардейским полкам — Семеновскому и Преображенскому. Между ними неизбежно должно было начаться соперничество. Сама Екатерина так описывала присягу Преображенского полка. «Мы направились к Казанской церкви, где я вышла из кареты. Туда прибыл Преображенский полк... Солдаты окружили меня со словами:

— Извините, что мы прибыли последними, наши офицеры арестовали нас, но мы прихватили четверых из них с собой, чтобы доказать вам наше усердие!»⁶.

Этими офицерами были С. Р. Воронцов, брат Дашковой, П. И. Измайлов, П. П. Воейков и И. П. Озеров. Княгиня Екатерина Романовна обошла молчанием судьбу восемнадцатилетнего брата Семена. Между тем его история довольно драматична. Семен служил поручиком в первой гренадерской роте и был любим Петром III за «неодолимый порыв к военному ремеслу». Накануне переворота он испросил разрешения

отправиться «охотником» в армию П. А. Румянцева, уже выступившую в поход против Дании, и получил согласие государя, но не успел покинуть столицу. Воронцов уже садился в дорожную карету, когда ему сообщили, «что императрица находится в Измайловском полку, который шумно окружает ее с радостными кликами, провозглашая Государыней, и что ей присягают; что целые толпы Семеновского полка бегут к тому же месту». Семен поспешил вернуться: «Я пришел в невыразимую ярость при этом известии... Полагаясь, однако же, на верность Преображенского полка, я не думал, чтоб мятежники могли иметь перевес».

Когда Воронцов прискакал, преображенцы уже выстроились перед казармами и готовились выступать. Возле своей роты он встретил нескольких офицеров, среди которых были Бредихин, Баскаков и князь Федор Барятинский. «Я... высказываю им о поступке мятежников всё, что крайняя раздражительность моего характера внушает мне в эту минуту, причем выражаю уверенность, что они, и вместе с ними весь наш полк, мы подадим пример верности прочим войскам». Трое заговорщиков ничего не ответили ему, «бледные, расстроенные».

«Я принял их только за трусов... Отвернувшись от них, я поспешил обнять моего капитана, Петра Ивановича Измайлова, одного из храбрейших и вернейших слуг нашего несчастного государя... Он надеялся, так же как и я, что полк не увлечется». Вместе они начали обходить ряды гренадер, увещевая их, «что лучше умереть честно, верным подданным воином, чем присоединиться к изменникам, которые будут побеждены». Им навстречу проскакал секунд-майор Петр Петрович Воейков, восклицая: «Ребята, не забывайте вашу присягу!» Вместе они склонили гренадер на сторону императора, и те даже закричали: «Умрем за него!»

Воейков повел солдат к Казанскому собору, чтобы воспротивиться приносимой там присяге. «Мы надеялись... что, по первом выстреле на нас со стороны мятежников... ударим на них в штыки всей тяжестью нашей колонны, сомнем их и уничтожим: ибо они толпились в расстройстве, без рядов и линий, как мужики, собранные случайно и большей частью в пьяном виде; мы же были в стройном порядке», — писал Воронцов.

Если бы преображенцы послушались офицеров, приверженцев Петра III, произошло бы кровопролитие. Но, на счастье заговорщиков, сзади к колонне гренадер присоединился премьер-майор князь А. А. Меншиков и крикнул им в спины: «Vivat императрица Екатерина Алексеевна, наша самодержица!» И вдруг вся колонна повторила этот призыв. «Это было электрическим ударом». Воейков бросил шпагу со словами: «Ступайте к

черту, каналы, е. м., изменники! Я с вами не буду!» — повернул лошадь и ускакал. «Я не знаю, как и почему случилось, что нас не убили», — признавал Воронцов. Он кинулся к реке искать лодку, чтобы плыть в Ораниенбаум, предупредить императора, но был схвачен. «Я вынул шпагу из ножен, обернулся и нанес удар, который скользнул по шляпе и по плечу моего дерзкого противника... Меня окружили и задержали». Схваченных офицеров преображенцы притащили к собору в числе других арестованных как доказательство своей преданности новой самодержице. Об этом позоре Семен Романович умолчал в мемуарах.

Затем пленных посадили на гауптвахту Зимнего дворца. «Я не упал духом и начал говорить унтер-офицеру и шести мушкетерам как человек, уверенный в том, что их предприятие окончится дурно и что законный государь останется победителем». Но агитация не удалась, и арестанта перевели в дом дворцового ведомства «напротив старого деревянного дворца». Семен оставался под арестом 11 дней и был выпущен только 8 июля, спустя несколько суток «после кончины императора»⁷.

Рядовой Преображенского полка Г. Р. Державин, в заговоре не участвовавший, но разделивший с товарищами «измену» 28 июня, не помнил уговоров Воронцова. По его словам, в полку было беспокойно с ночи. В 12 часов разнесся слух об аресте Пассека. «Собралась была рота во всем вооружении сама собою, без всякого начальничья приказанья, на ротный плац; но, постояв несколько во фрунте, разошлась». Около восьми утра преображенцы увидели скакавшего мимо рейтара конной гвардии, который что есть мочи кричал, чтобы все «шли к Матушке в Зимний каменный дворец... Рота тотчас вышла на плац. В Измайловском полку был слышен барабанный бой, тревога, и в городе всё суматошилось». Державин заметил, что в роте были люди «некоторые равнодушные, будто знали о причине тревоги». Однако они молчали, и без всякого понуждения с их стороны рота, заряжая на ходу ружья, помчалась к полковому двору. Солдат попытался остановить штабс-капитан Нилов, но его не послушались. По двору в задумчивости расхаживал майор Текутьев, «его спрашивали, куда прикажет идти, но он ничего не отвечал».

Тут служивые увидели марширующую по Литейной улице гренадерскую роту своего полка — ту самую, которую подбивал на сохранение присяги Петру III Семен Воронцов. Однако к моменту встречи с державинской третьей ротой гренадеры уже сделали выбор. «Невзирая на воспрещения майора Воейкова, который, будучи верхом и вынув шпагу, бранил и рубил гренадер по ружьям и по шапкам, — вспоминал Гавриил Романович, — вдруг, рыкнув, [рота] бросилась на него с устремленными

штыками». Воейков поскакал прочь, преследуемый собственными гренадерами, и, боясь, как бы те не захватили его на Семионовском мосту, «въехал в Фонтанку по груди лошади». Тут гренадеры от него отстали.

«Третья рота, как и прочие Преображенского полка, по другим мостам бежали одна за одной, к Зимнему дворцу. Там нашли Семеновский и Измайловский уже пришедшими...»⁸

Тем не менее в городе еще оставались войска, верные Петру III. Особенное беспокойство вызывали кирасиры. «Дело дошло почти до драки между созданным императором лейб-кирасирским полком, очень ему преданным, и конной гвардией, — сообщал Шумахер. — Командующий этим полком подполковник Фермойлен и другие немецкие офицеры хотели захватить Калинкин мост, через который шла дорога на Петергоф и Ораниенбаум, но их быстро отделили и взяли в плен... На Васильевском острове располагалось два пехотных полка — Ингерманландский и Астраханский. Вторым командовал генерал-майор Мельгунов, фаворит императора, так что этим войскам не очень доверяли. На случай, если они проявят враждебность, был выделен один отряд с пушкой, которому следовало отстаивать от них мост через Неву. Но и там полковника, заявившего о своей верности государю, взяли под арест собственные же солдаты»⁹.

По другой версии, кирасиры не пытались захватить мост, а просто были обмануты вестью о гибели императора. «Явился кирасирский полк, — рассказывал придворный ювелир Иеремия Позье, — состоявший из трех тысяч самых лучших солдат, какие только имелись в войске, которому император послал приказание отправиться к нему в Ораниенбаум; но императрица послала одного из своих придворных вельмож воротить полк... Офицер, командовавший полком, по всей вероятности, не знал, в чем дело, и я сам видел, как он чуть не подрался с караулом из конногвардейцев, которые стерегли мост... Они, как бешеные, бросились с ружьями и штыками наперевес... Несколько гвардейских офицеров подошли, чтобы остановить этих сумасбродов, и что-то сказали на ухо кирасирскому офицеру, который тотчас же усмирился... Если бы этот полк остался верен императору, то он мог бы перебить всех солдат, сколько их ни было в городе»¹⁰. Но судьба распорядилась иначе. Кирасир привели к присяге без сопротивления. Хотя никакого энтузиазма они не выражали. «Один полк явился печальным, — описывал их Рюльер. — ...Офицеры отказались идти и были все арестованы, а солдаты, коих недоброхотство было очевидно, были ведены другими из разных полков»¹¹.

Между тем следовало подумать о Кронштадте, куда мог податься свергнутый государь, о флоте и об армии, находившейся за границей. Заговорщики — люди сухопутные — о морской твердыне вспомнили только около полудня и пришли в ужас. «Не представлялось понятным, чтобы император не подумал об этом порте и крепости, — писала Екатерина. — Надо было сделать водою только одну милю от Ораниенбаума, тогда как от города было четыре»¹². В Кронштадт отправился вице-адмирал Иван Лукьянович Талызин, которого за глаза «считали погибшим». Однако ему удалось арестовать присланного от Петра III генерал-аншефа П. А. Девьера и привести гарнизон к присяге Екатерине.

Одновременно рескрипт получил генерал-поручик П. И. Панин, находившийся в Кёнигсберге. Ему надлежало сменить П. А. Румянцева в качестве командующего Померанским корпусом, поскольку последний был обласкан Петром Федоровичем и мог выступить на его стороне¹³.

«Она способна на всё!»

Низложенный государь далеко не сразу узнал о происходящем. «Утром, как только собрались гвардейцы, — доносил в Лондон Кейт, — несколько отрядов были посланы на Петергофскую дорогу, дабы никакое известие не могло достигнуть императора»¹⁴.

Штелин записал в своем дневнике под 28 июня: «В час по полудни Его величество со свитой... отправился в Петергоф, чтобы присутствовать там при всенощной праздника святых Петра и Павла. В два часа... мы прибыли туда и с изумлением узнали, что императрица отбыла в 5 часов утра одна... оставя нас в неведении обо всем, равно как и всех своих придворных дам и кавалеров. Тогда начались совещания о мерах, которые нужно было принять. Начались замешательства, от часу увеличивавшиеся, пока, наконец, в 9 1/2 вечера Его императорское величество и весь двор сели на галеру и яхту, чтобы отплыть в Кронштадт»¹⁵.

Действительно, путешествие из Ораниенбаума в Петергоф было и приятным, и веселым. Гофмаршал двора Михаил Михайлович Измайлов, на которого император возложил почетную обязанность приглядывать за Екатериной, до середины дня не знал о ее исчезновении. Служанки уверяли, что государыня еще поживает; когда же гофмаршал заподозрил неладное и все-таки заглянул в комнату, было уже поздно. «Измайлов, как

был — при полном параде, в башмаках и белых шелковых чулках... влез на скверную крестьянскую лошадь... и сломя голову помчался навстречу императору», — сообщал Шумахер. Бедняга застал государя в пяти верстах от резиденции в открытом фаэтоне в обществе «пруссского посланника фон Гольца и некоторых дам». Отдувающийся и вспотевший гофмаршал выглядел жалко и был встречен насмешками.

Правда, желание Петра Федоровича шутить сразу пропало, когда Измайлов сообщил ему на ухо неприятную новость. По словам датчанина, Петр «был совершенно ошеломлен». Фаворит государя генерал-адъютант Андрей Гудович, фон Гольц и присоединившийся к ним вскоре фельдмаршал Миних советовали «повернуть назад и обеспечить за собой кронштадтскую гавань». Но император не мог ни на что решиться; он продолжал бесполезный уже путь в Петергоф, теряя драгоценное время. Ему словно нужно было своими глазами удостовериться в отсутствии супруги.

На пороге дворца он встретил канцлера и спросил «испуганным голосом»: «Где Екатерина?» А получив ответ, что, по всем сведениям, уже в городе, «на мгновение глубоко задумался и тихо сказал с сильным чувством: «Теперь я хорошо вижу, что она хочет свергнуть меня с трона. Всё, чего я желаю, — это либо свернуть ей шею, либо умереть прямо на этом месте». В гневе он стукнул тростью по полу». Потом приказал слугам принести ему русскую гвардейскую форму «вместо прусской с орденом Черного Орла, которую он до тех пор носил постоянно».

Слишком поздно! Если бы император показал гвардии свое уважение раньше, всё могло бы сложиться иначе.

Рюльер добавил к рассказу несколько ярких штрихов. Узнав о бегстве императрицы, Петр воскликнул: «Что за глупость!» Потом потребовал выпустить его из коляски вон, некоторое время оставался на дороге, с горячностью расспрашивая «адъютанта». Наконец велел всем дамам выйти из экипажей и добираться в Петергоф по аллеям парка, а сам вскочил в карету с несколькими приближенными и погнал лошадей.

Оба мемуариста — и Рюльер, и Шумахер — независимо друг от друга зафиксировали один и тот же порыв государя: своими глазами убедиться в исчезновении супруги. «Приехав, он бросился в комнату императрицы, заглянул под кровать, открыл шкафы, пробовал своею тростью потолок и панели и, видя свою любезную (Елизавету Воронцову. — О. Е.). бежавшую к нему... кричал: «Не говорил ли я, что она способна на всё!»¹⁶. Рюльеру можно было бы не поверить, но Екатерина, со слов своих слуг — свидетелей сцены, подтверждала, что муж «искал ее всюду, даже под

кроватью»¹⁷. Курьезное поведение для человека, который должен думать о спасении своей власти.

Переодевшись в комнате сбежавшей императрицы, Петр потребовал, чтобы фельдмаршал князь Трубецкой и граф Александр Шувалов, которых он назначил полковниками Семеновского и Преображенского полков, отбыли в столицу: «Вам нужно быть в городе, чтобы успокоить свои полки и удержать их в повиновении мне. Отправляйтесь немедленно и действуйте так, чтобы вы могли когда-нибудь ответить перед Богом». Оба заверили государя в преданности, но «не успел Петергоф скрыться из виду, как они приказали кучерам ехать тихим шагом, полагая, что особых причин торопиться нет»¹⁸.

Поведение вельмож показательно: их, списочных генералов, носивших почетные военные чины, император превратил в действительных командиров полков, да еще и приходил поразвлечься, наблюдая, как немолодые, обремененные брюшком или слабыми подагрическими ногами придворные тянут носок и учат этому рядовых. Никаким авторитетом в полках эти люди не обладали и даже рисковали разделить участь избитого конногвардейцами принца Георга, сунься они в город и начини призывать солдат к порядку. Для них безопаснее было пустить лошадей шагом и подождать развития событий. Фортуна явно не улыбалась Петру.

Тем временем Екатерина принимала уже не присягу, а поздравления с «благополучным восшествием на престол». Во дворце царил толчея. Ювелир Позье прибыл одновременно с канцлером Воронцовым, присланным от императора разузнать, как обстоят дела в столице. «Я еще стоял за стулом императрицы, когда явился великий канцлер Воронцов... Она спросила его, затем ли он пришел, чтобы присягнуть ей». А услышав отрицательный ответ, сказала: «В таком случае вы не прогневайтесь, если я вас посажу под домашний арест»¹⁹.

У Шумахера эта сцена полна драматических подробностей: «В Петербурге... канцлер вынужден был, как все, не исключая даже дам, вылезти из экипажа и пешком идти во дворец, где застал [Н. Ю.] Трубецкого и [А. И.] Шувалова. Они прибыли за несколько минут до него и теперь с язвительными усмешками рассказывали императрице о задании, данном им императором».

Из трех эмиссаров Петра III только канцлер обратился к мятежнице с увещательной речью. «Он сказал, что послан императором, чтобы дружески, но со всей серьезностью призвать Ее величество пресечь восстание немедленно, пока оно еще в самом начале, и воздержаться

впредь, как подобает верной супруге, от любых опасных предприятий. В этом случае не будет препятствий для полного примирения... Императрица и граф Воронцов стояли как раз у окна, и вместо ответа она предложила ему бросить взгляд» на площадь, запруженную народом, «и убедиться собственными глазами, что всё произошедшее есть выражение единодушной воли всей нации»²⁰.

Екатерина хотела защитить своего дядю, принца Георга, от разгневанных конногвардейцев, но не успела. Принцу крепко досталось. Он был излишне строгим командиром, палочные удары сыпались направо и налево, но наступил день, когда, по народной поговорке, отлились кошке мышкыны слезки. «Я видел, как мимо проехал в плохой карете дядя императора, принц Голштинский, — сообщал Позье. — Его арестовал один гвардейский офицер с двадцатью гренадерами, которые исколотили его ружейными прикладами»²¹.

Рюльер подтверждал ожесточение восставших, тем более что они уже хлебнули лишку: «Солдатам раздавали пиво и вино, они переоделись в прежний свой наряд, кидая со смехом прусские мундиры, в которые одел их император, оставлявшие солдат почти полуоткрытыми в холодном климате, и встречали с громким смехом тех, которые по скорости прибегали в сем платье, и их новые шапки летели из рук в руки, как мячи, делаясь игрою черни»²².

Следует помнить, что солдатская шапка, как любой предмет амуниции, должна была внушать уважение. Глумление над ней — акт сознательный, выражавший ненависть не просто к новой форме, а к императору и всему немецкому. Екатерина вспоминала, что после присяги «один из офицеров вздумал сорвать свой золотой знак и бросил его своему полку, думая, что они обратят его в деньги; они его с жадностью подхватили и, поймав собаку, повесили его ей на шею; эту собаку, наряженную таким образом, прогнали с великим гиканьем»²³.

Своим неумеренным пруссачеством Петр III разжег ксенофобию в городе, населенном множеством иностранцев. Слова Екатерины в письме Понятовскому: «Знайте, что всё решилось на основе ненависти к иноземцам — ведь Петр III слыл за одного из них»²⁴ — на фоне приведенных рассказов не кажутся преувеличением.

«Один заслуживающий доверия иностранец рассказывал мне, — сообщал Шумахер, — как какой-то русский простолудин плюнул ему в лицо со словами: «Эй, немецкая собака, ну где теперь твой бог?»... Многие отправлялись по домам иностранцев... и требовали себе денег. Их

приходилось отдавать безо всякого сопротивления. У других отнимали шапки, так что тот, кто не был хотя бы изруган, мог считать себя счастливым»²⁵.

«Охотно ли мы пошли?»

Тем временем Петр III всё еще был на свободе и мог предпринять ответные действия. Например, послать гонца в армию П. А. Румянцева, уже вышедшую в поход против Дании. Никто не гарантировал, что обласканный милостями государя командующий примкнет бы к заговорщикам. Скорее наоборот. Можно было предположить, что и союзник Петра Фридрих II присоединит часть своих войск к армии Румянцева.

Для всей России, исключая Петербург, Петр III был законным государем, не вызвавшим пока никакого ропота. Только очень близкая ко двору гвардия и горожане успели узнать привычки нового императора и разозлиться на них. А, например, в Москве ни войска, ни чиновничество, ни простой люд не были довольны переворотом. Сенатор Я. П. Шаховской писал о состоянии «ужаса и удивления», которые охватили дворянство Первопрестольной при известии о смене власти²⁶. Он лично несколько дней не решался выходить из дому и не принимал записок от друзей с уведомлением о перевороте, пока точно не стало известно, кто победил.

Шаховской был краток, а вот Рюльер подробно описал обстановку в Москве: «Пять полков составляли гарнизон. Губернатор приказал раздать каждому солдату по 20 патронов (вероятно, для торжественного залпа. — О. Е.). Собрал их на большой площади перед старинным царским дворцом... Он пригласил туда и народ». После прочтения манифеста губернатор закричал: «Да здравствует императрица Екатерина II!» «Но вся сия толпа и пять полков хранили глубокое молчание»²⁷. Итак, народ безмолвствовал...

Учитывая разницу настроений в столице и провинции, заговорщики должны были действовать быстро. Их мизерные шансы окупались скоростью смены декораций. «Одни слабоумные нерешительны», — скажет позднее Екатерина. Ее слова в полной мере относились и к ней самой, и к ее несчастному супругу, который в роковой час проявил колебания и слабость. Пока несколько гвардейских полков дружными рядами выступали из столицы в поход на Петергоф, сам Петр расхаживал по берегу канала, не

зная, что предпринять.

Штелин по часам вел дневник всего, что происходило в Петергофе. «4 часа... Один из предстоящих предлагает государю ехать с небольшою свитою из нескольких знатнейших особ прямо в Петербург, явиться там перед народом и гвардией... Можно быть уверенным, говорит этот советник, что личное присутствие государя сильно подействует на народ и даст делу благоприятный оборот, подобно тому, как внезапное появление Петра Великого неоднократно предотвращало точно такие же опасности...

7 часов...Государь посылает ораниенбаумским своим войскам приказание прибыть в Петергоф и окопаться там в зверинце, чтоб выдержать первый натиск.

Штелин изображает фельдмаршалу Миниху и принцу Гольштейн-Бекскому ужасные последствия, которые могут произойти из такого... сопротивления, если бы... была выпущена против ожидаемой гвардии хотя бы даже одна пуля. Оба соглашаются с его мнением, и все вместе представляют о том государю; но он не хочет их слушать...

8 часов. Мы повторяем наше представление, но столь же безуспешно»²⁸.

Обратим внимание на описание Штелиным поведения фельдмаршала Б. Х. Миниха. В исторических исследованиях часто повторяется мнение, будто Миних предлагал Петру III действовать решительно и самому отправиться навстречу мятежным войскам — де один вид государя приведет их в повиновение. Невольно вспоминаются гоголевские строки о картузе капитана-исправника, который достаточно показать взбунтовавшимся крестьянам, чтобы их разогнать. Штелин, постоянно находившийся возле императора и прекрасно знавший Миниха, подобные предложения вкладывает в уста неизвестного «предстоящего советника». Фельдмаршал же дважды уговаривал императора отказаться от сопротивления в Петергофе и двигаться в Кронштадт.

Вся несостоятельность предложения неизвестного Штелину «советника» становится ясна, если привести характерный эпизод. После ареста Петр III отбыл из Петергофа в местечко Ропша. «По пути, — рассказывал Шумахер, — император едва избежал опасности быть... разнесенным в куски выстрелом из одной из шуваловских гаубиц. Канонир уже совсем собрался выпалить, но в то же мгновение начальник поста артиллерийский старший лейтенант Милессино так резко ударил его шпагой по руке, что тот выронил горящий фитиль»²⁹.

Не остается сомнений, как гвардия встретила бы выехавшего к ней

императора в сопровождении небольшого эскорта знатных лиц. Что касается петербургских горожан, то их поведение также выглядело красноречиво. В то время когда Екатерина двигалась в Петергоф, народ вообразил, что Петр III может вернуться в столицу по воде. Несколько тысяч человек, вооруженных камнями и палками, собрались на Васильевском острове при входе в Неву, намереваясь воспрепятствовать его высадке.

Явление бывшего императора перед мятежными войсками, скорее всего, не успокоило бы их, а привело к гибели Петра. Возможно, именно такого исхода добивался неизвестный Штелину советник. Возможно, он действовал в пользу заговорщиков, провоцируя отъезд государя без голштинской охраны. Такая провокация кажется тем более вероятной, что в столице многие из принявших участие в перевороте солдат считали Петра мертвым.

«Повсюду уже распускали слух, будто император накануне вечером упал с лошади и ударился грудью об острый камень, после чего в ту же секунду скончался»³⁰, — сообщал Шумахер. Его сведения подтверждает Рюльер: «Вдруг раздался слух, что привезли императора. Понуждаемая без шума толпа раздвигалась, теснилась и в глубоком молчании давала место процессии, которая медленно посреди ее пробиралась. Это были великолепные похороны, во время которых гроб пронесли по главным улицам, и никто не знал, кого хоронят. Солдаты, одетые по-казацки, в трауре несли факелы... Часто после спрашивали об этом княгиню Дашкову, и она всегда отвечала так: «Мы хорошо приняли свои меры». Вероятно, эти похороны были предприняты, чтобы между чернью и рабами распространить весть о смерти императора, удалить на ту минуту всякую мысль о сопротивлении»³¹. Штелин приводил слова гусарских офицеров, обращенные 29 июня к арестованным голштинским солдатам: «Не бойтесь: мы вам ничего худого не сделаем; нас обманули и сказали, что император умер»³².

Опасаться серьезного сопротивления со стороны голштинцев не приходилось по причине их крайней малочисленности. Екатерина писала Понятовскому, что Петр III мог противопоставить ее корпусу полторы тысячи голштинцев³³. В записках голштинского офицера Д. Р. Сиверса названа цифра в 800 человек. При этом голштинцы были совершенно деморализованы слухами о скором свержении императора, а наступающая гвардия уже чувствовала себя победительницей.

Сиверс показывает переворот из рядов голштинских войск: «Когда

государь отъехал (из Ораниенбаума. — О. Е.), я пошел к себе на квартиру... Вдруг... слышался барабанный бой и тревога. Мне подумалось, что государь захотел узнать, во сколько минут солдаты могут вооружиться; но скоро сделалось известно, что в Петербурге восстание... С некоторого времени мы уже не переставали ожидать такого несчастья... От Ораниенбаума до Петергофа добрая миля расстояния. В 4 часа мы пришли туда, императору доложили о прибытии этой уже бесполезной защиты... Он меня спросил, охотно ли мы пошли и готовы ли ко всему. Я ответил утвердительно...

Вскоре стали говорить, что поблизости от нас 50 человек русской кавалерии... Каждый начал, улыбаясь, прощаться с товарищами... Так кончилось императорство для нас, голштинцев»³⁴. Страшен, конечно, был не сам передовой отряд, а армия, шедшая за ним. Однако и кавалеристы справились со «злосчастной толпой» на плацу перед дворцом. Штелин описал этот игрушечный бой: «В Петергоф приходит первый авангардный отряд гусар под начальством поручика Алексея Орлова. На плацу ему случайно попадает несколько сот... голштинских рекрут, собранных тут с деревянными мушкетами для учения. Гусары в одну минуту опрокидывают и перехватывают их, ломают их деревянное оружие и сажают всех под сильным караулом в тамошние сараи и конюшни»³⁵.

«У нас нет императора»

Пока Екатерина двигалась к Петергофу, ее супруг все-таки отплыл в Кронштадт. Поначалу он намеревался обороняться в загородной резиденции и упрекал малодушных придворных: нельзя бежать, не увидев неприятеля. Еще никто не знал, увенчалась ли затея Екатерины успехом и сколько с ней войск. Петр даже прикинул, как можно использовать холмы для отражения врага.

Однако когда стало известно от пойманных гусар — сторонников императрицы, посланных на разведку, что Петербург восстал, а Екатерина ведет с собой чуть не 20 тысяч войска, Петр понял, что голштинцы не отобьются. Тем временем возвратился адъютант Девиера с радостным известием: в Кронштадте еще ничего не известно о переменах в столице. Рюльер полагал даже, что крепость встала под знамена Петра: «Гарнизон пребывает верным своему долгу и решился умереть за императора; его там ожидают и трудятся с величайшей ревностью, дабы приготовиться к

обороне».

Фельдмаршал Миних советовал захватить с собой в качестве заложниц придворных дам, мужья которых находились с императрицей в столице. Так и было сделано. Обратим внимание на красноречивую деталь: покидая Петергоф, император не отдал голштинцам никакого приказа; он попросту бросил их, а возможно, забыл о них. У него был такой трудный день! А ведь эти войска Петр особенно любил и баловал, считал родными...

Галера и яхта отплыли от пристани в Петергофе. Но стоило им приблизиться к Кронштадту, как «целый гарнизон», который взбунтовал Талызин, «с заряженными ружьями вылетел на крепостные валы, и 200 фитилей засверкали над таким же числом пушек»³⁶.

Было около полуночи. Петр намеревался высадиться на берег, но был окликнут: «Кто идет?» На слова: «Император!» — прозвучал убийственный ответ: «У нас нет императора. В России благополучно царствует императрица Екатерина Алексеевна». Поскольку с бастионов пригрозили, что откроют огонь, кораблям пришлось отвалить от берега, в спешке обрубив канаты. Предприимчивый Миних советовал немедленно плыть в Ревель, пересечь на военный корабль и достичь Пруссии, где находилась выступившая в поход армия. А потом, имея 80 тысяч войска, привести столицу к покорности. Но набившиеся в каюту дамы подняли стон и в конце концов убедили Петра Федоровича вернуться в резиденцию.

Штелин записал, что «галера воротилась в Ораниенбаум, а яхта — в Петергоф в 4 часа утра»³⁷. Путь от Петергофа до Кронштадта занял два с половиной часа. Обратный — четыре. Значит, отплыв, император провел значительное время на воде, размышляя, куда двигаться. Он снова ни на что не мог решиться, застыв между восставшим городом и восставшей крепостью. Снова терял драгоценные минуты и после долгих колебаний склонился к самому простому решению: не делать ничего.

Родись Петр смелым человеком, он бы последовал совету Миниха и на одной яхте добрался до Ревеля. Но то был бы поступок Петра Великого или Екатерины. Несчастному внуку северного исполина хватило приключения с Кронштадтом. Он видел, что его предали все; что те, кто рядом, сопровождают его лишь поневоле. В любимую резиденцию император вернулся готовым пойти на мировую с женой. Измученный и подавленный, он направился в одну из своих «игрушечных» крепостей, там упал на кушетку и около часа пролежал без движения. Потом его удалось привезти во дворец. Слугам Петр бросил: «Дети мои, мы теперь ничего не значим».

Следующий день стал для него еще труднее предыдущего.

Дорогой на Петергоф к Екатерине один за другим присоединялись перебежчики, которых Петр направлял сначала для того, чтобы упрекнуть жену, затем, чтобы увещевать ее и просить мира и, наконец, чтоб предложить отречение. Императрица приняла лишь последнее. «Забыла сказать, — писала она Понятовскому, — что при выезде из города ко мне подошли три гвардейца, посланные из Петергофа, чтобы распространять в народе манифест. Они заявили:

— Вот что поручил нам Петр III. Мы вручаем это тебе, и мы очень рады, что у нас есть возможность присоединиться к нашим братьям»³⁸. О сути манифеста поведал Шумахер: «Нерешительный император... приказал кабинет-секретарю Волкову составить письмо в Петербург Сенату, в котором он строго взывал к его верности, оправдывал свое поведение в отношении супруги и объявлял юного великого князя Павла Петровича внебрачным ребенком. Но офицер, которому повелели доставить это послание, вручил его императрице»³⁹.

Таким образом, несмотря на жалобные письма, приходившие из Ораниенбаума, императрица прекрасно понимала, каким тоном заговорил бы муж, склонись удача на его сторону. Все источники упоминают два послания. В первом Петр предлагал начать переговоры. Ответа не последовало. Во втором обещал отречение, если его отпустят в Голштинию. Екатерина и тут промолчала. Ее устроила бы только безоговорочная капитуляция.

«Тогда этот несчастный государь, — сообщал Шумахер, — отправил с вице-канцлером князем Голицыным письмо к императрице, в котором он просил ее лишь позволить ему уехать в Голштинию. Но вскоре затем он сочинил и второе письмо, еще более унижительное. Он отказывался полностью от своих прав на российский престол и на власть. Он раболепно молил сохранить ему жизнь и единственное, что выговаривал себе, — это позволение взять с собой в Голштинию любовницу Елизавету Воронцову и фаворита Гудовича. Это послание он переслал с генерал-майором Михаилом Измайловым»⁴⁰.

Слова Шумахера подтверждал Беранже: «Император... написал письмо императрице, в коем признавал свои вины, предлагал примирение и совместное правление. На сие императрица ничего ему не ответствовала. Через недолгое время послал он ей второе письмо, где умолял о прощении и просил для себя пенсию и дозволение удалиться в Голштинию.

Императрица отправила ему акт об отречении, который повез генерал Измайлов»⁴¹.

Тот самый гофмаршал, который утром 28-го в испуге сообщил императору об исчезновении жены, теперь предлагал ей понудить Петра к отречению.

«После первого письма, — сообщала Екатерина, — последовало второе, привезенное генералом Михаилом Измайловым, который бросился к моим ногам...

— Император готов отречься. Я привезу его вам после добровольного отречения и тем помогу моей родине избежать гражданской войны...

Петр III отрекся в Ораниенбауме безо всякого принуждения, окруженный 1590 голштинцами, и прибыл с Елизаветой Воронцовой в Петергоф, где для охраны его особы я дала ему шесть офицеров и несколько солдат»⁴².

Текст отречения говорит о том, что императрица старалась предусмотреть все лазейки и лишить свергнутого супруга возможности вернуть престол, ссылаясь на какой-либо плохо продуманный пункт. «Во время кратковременного и самовластного моего царствования, — говорилось в документе, — я узнал на опыте, что не имею достаточных сил для такового бремени, и управление таковым государством, не только самовластное, но какую бы ни было формою превышает мои понятия, и потому и приметил я колебание, за которым могло бы последовать и совершенное оно разрушение к вечному моему бесславию... Я добровольно и торжественно объявляю всей России и целому свету, что на всю жизнь свою отрекаюсь от правления»⁴³. Он обещал «даже не домогаться того никогда посредством какой-либо посторонней помощи». Имелась в виду Пруссия.

Панин сообщил Ассбурггу, что, требуя от мужа формального отречения, Екатерина «указала ему самые выражения, которые следовало употребить. Петр написал акт своею рукой и был препровожден из Ораниенбаума в Петергоф в одной карете с... Воронцовой»⁴⁴. Рюльер добавлял, что, когда экипаж тронулся, слуги кричали: «Батюшка наш! Она прикажет умертвить тебя!» Однако усилия понадобились как раз для того, чтобы защитить свергнутого государя.

По свидетельству Панина, солдаты были так «возбуждены» против Петра, что Никите Ивановичу пришлось самому отбирать наименее озлобленных и составлять «батальон в триста человек, который и был расположен... вокруг павильона, где поместили Петра... чтобы отвратить

пьяных и усталых солдат от возможности покушения». Несчастный монарх «просил как милости, чтоб ему оставили графиню Воронцову». Сцена произвела на Никиту Ивановича тяжелое впечатление. «Я считаю несчастьем всей моей жизни, что принужден был видеть его тогда, — сказал он Ассбург, — я нашел его утопающим в слезах»⁴⁵. Петр старался «поймать руку Панина, чтобы поцеловать ее», а Воронцова «бросилась на колени, испрашивая позволения остаться при нем». Вельможа постарался поскорее уйти и передал ответ императрицы через другое лицо: разрешение дано не было.

В то время, когда низложенный государь «даже не просил о свидании с императрицей», вымаливая себе подругу жизни, солдаты вообразили, что сановники пытаются помирить супругов, и подняли крик. «Они стали приставать ко всем проходившим мимо, — писала Екатерина, — ...заявляя, что помирают со страху... как бы этот старый плут Трубецкой не обманул меня — «...чтобы ты погибла и мы с тобой, но мы его разорвем на куски». Я пошла к Трубецкому... и рассказала ему, что происходит... Он в ужасе умчался в город. После этого я отправила свергнутого императора в сопровождении Алексея Орлова, еще четверых офицеров и отряда солдат... в место, именуемое Ропша... на то время, пока будут готовить соответствующие его положению комнаты в Шлиссельбурге»⁴⁶.

Будь у Петра преданные союзники, они могли бы попытаться сыграть на противоречиях в лагере сторонников Екатерины. Но государь не завоевал себе друзей, и с момента отречения люди из его круга больше не появлялись на сцене. Отныне речь шла только о соперничестве двух влиятельных группировок, приведших императрицу к власти. Они вытеснили остальные силы с придворных подмостков и приковали к себе внимание публики. Их скрытая, но ожесточенная борьба ознаменовала собой почти два десятилетия екатерининского царствования.

Начало ей было положено действиями Орловых, привезших Екатерину в столицу «раньше срока» и спровоцировавших гвардию «выкрикнуть» ее самодержицей. Не стихала эта борьба и в следующие дни переворота. Обратим внимание на характерную форму отречения Петра. Свергнутый монарх отказывался от престола не в чью-либо пользу, а как бы в пространство. К кому после него должна перейти власть, документ не оговаривал. Как мы помним, Панин писал, что Екатерина сама указала мужу, какие выражения использовать. Действительно, словосочетания: «узнал на опыте», «превышает мои понятия», «приметил я», «всей России и целому свету» — характерны для императрицы. Вероятно, существовал

черновик отречения, составленный государыней и посланный в Ораниенбаум вместе с гофмейстером Измайловым.

Текст отречения представлял собой компромисс между сторонниками самодержавной власти Екатерины и теми, кто хотел видеть на троне ее сына. Ни одна из группировок не получила перевеса. Никита Иванович не сумел включить имя своего воспитанника в документ. Но и супруга свергнутого монарха не упомянута в нем. Поле для игры оставалось свободным. Кроме того, свое слово могли еще сказать Сенат и Совет: ведь отречение не оговаривало форму правления, которая установится после Петра III.

Поначалу казалось, что гвардию легко успокоить, отменив нововведения Петра III в области формы и строя. Что Екатерина и сделала 2 июля. Однако этот указ лишь закреплял уже сложившуюся ситуацию — ведь на деле от раздражавших немецких порядков отказались еще 28-го в ходе переворота. Искра мятежа продолжала тлеть во взбудораженной полковой среде.

«Наши общие интересы»

Что касается международной арены, то после свержения Петра III «криза», о которой писал канцлер Воронцов, только усилилась. Сначала Версаль и Вена возликовали, ожидая от России повторного вступления в войну. А Пруссия затрепетала: ведь русская армия находилась на ее территории.

Еще недавно Финкенштейн писал Гольцу о Петре III: «Я желаю одного — чтоб этот государь, которого мы имеем столько причин любить и который, кажется, рожден для счастья Пруссии, жил и держался на русском престоле»⁴⁷. Позднее Фридрих признавал, что весть о перевороте поразила его, как удар грома. «В Берлине и бранденбургских землях... ужас был так велик, — доносил Екатерине русский посланник в Дании барон Николай Корф, — что королевскую казну ночью отвезли в Магдебург»⁴⁸.

Оказалось, что на расстоянии проницательный Фридрих II не так уж хорошо разбирался в людях. Он, например, в первый момент был уверен, что Петр Федорович погиб во время переворота со шпагой в руке, то есть считал императора человеком, возможно, взбалмошным и странным, но никак не трусом. Екатерина же представлялась ему вторым «переизданием» Елизаветы Петровны.

Однако позднее, когда выяснилось, что Екатерина не собирается воевать, а, напротив, настроена на диалог и взаимную выгоду, король не мог не испытать род облегчения. Что ни говори, а вести дела с человеком, чей рассудок взболтали ложечкой, как желток в яйце, трудно. При своеобразном отношении Петра III к своему кумиру на Фридриха ложилось нечто вроде ответственности за вторую державу. Теперь он имел дело с вменяемым собеседником.

Скоро обнаружилось, что новая императрица не намерена во всем следовать примеру августейшей тетки. Ссылаясь на тяжелое внутреннее положение, Екатерина заявила о любви к миру и предложила всем сражающимся державам свое посредничество при заключении договора. Это было совсем не то, чего от нее ждали.

Австрия обнаружила напористость, настаивая на возвращении России к прежним союзническим обязательствам. Мария-Терезия собственноручно написала Екатерине очень сердечное письмо: «После покойной императрицы Елизаветы никто не мог бы быть достойнее престола и никто не мог достойнее заменить ее в моем сердце, как Ваше величество... Я так много полагаюсь на проницательность и взаимную вашу ко мне дружбу, что надеюсь от нее всего, чего только требуют наши общие интересы и чего можно ожидать от вашего великодушия»⁴⁹. Намек совсем прозрачный. Общие интересы, по мнению Вены, требовали возобновления войны. Екатерина тоже отвечала собственноручно и тоже сказала много лестного, но не приняла на себя никаких обязательств.

6 июля австрийский посол Мерси д'Аржанто прямо спросил у канцлера Воронцова, намерена ли Россия и впредь «заботиться о пользе древних союзников». Дипломату ответили, что истощенные ресурсы не позволяют стране вести войну, но императрица уже показала Австрии дружбу, отозвав корпус Чернышева из прусской армии. Этого было недостаточно, и посол продолжал настаивать.

20 августа он даже позволил себе род давления, заявив, что между опубликованным Манифестом о вступлении на престол и нынешними действиями государыни — глубокое противоречие. Там прусский король назван врагом, а теперь императрица подтвердила мир с Фридрихом II, заключенный Петром III. И снова Екатерина через канцлера отвечала очень вежливо, но твердо, что не преминет принять на себя даже «медиацию» между Пруссией и Австрией, но оружия не поднимет⁵⁰.

Кажется, сказано ясно. Но граф с упорством стенобитного орудия продолжал повторять свои запросы до ноября. Что позволяло ему вести

себя подобным образом? Донесения Гольца из Петербурга показывают: у Австрии имелось много сторонников и при дворе, и в армейской среде. Их попытки «втолкнуть» Россию обратно в войну особенно активизировались по получении известия о смерти Петра III, когда и город, и полки оказались взбудоражены новостью. Мерси считал позиции Екатерины уязвимыми и переоценивал степень давления, которую могут оказать на императрицу сторонники Австрии.

10 июля неизвестные пытались задержать прусского курьера, ехавшего к посланнику, и отобрать его документы. Тогда же Кейт по секрету передал Гольцу, что один из его источников сообщил, будто Чернышев получил приказ по пути в Россию захватить город Штеттин. Оба дипломата усомнились в достоверности этой информации и пришли к выводу, что подобные слухи распускаются намеренно, с целью обострить отношения России и Пруссии. Гольц приписывал их «представителям австрийской и саксонской партии», но сомневался, что императрица пойдет у них на поводу.

«Для здешнего двора теперь более чем когда-либо важно вернуть все свои войска вглубь империи, чтобы окончательно утвердить трон против множества недовольных, — рассуждал посланник. — ...Отряд Чернышева на возвратном пути ни в каком случае не будет близко от крепости. Иначе обстоит дело с отрядом Румянцева, и именно на это некто намекал мне вчера... Я опасаюсь, чтобы генерал Панин, который теперь стоит во главе их (русских войск, выходявших с немецких земель. — О. Е.) и который по различным поводам в бытность свою в Пруссии уже выказывал свое недоброжелательство, не допустил бы при отступлении различных насилий». На беспокойства Гольца канцлер отвечал, что командирам даны указания «соблюдать строжайшую дисциплину».

Однако тревожные слухи нарастали. 11 июля посланник получил официальные извинения по поводу самоуправства фельдмаршала Петра Семеновича Салтыкова, «который, не будучи уведомлен о миролюбивых чувствах Ее императорского величества, снова взял в свои руки управление Пруссией, как только до него достигло известие о вступлении на престол» Екатерины II.

Еще никто не знал, как повернется дело. Циркуляр о смерти Петра III был разослан иностранным министрам только вечером 8 июля. Для большинства он оказался неожиданным. Тайну хранили несколько дней, но о случившемся знали слишком многие — ближайшее окружение Екатерины, офицеры и солдаты охраны в Ропше, медики, так что утечка информации не исключена. Любопытно, что именно 6 июля Мерси

обратился к канцлеру Воронцову с запросом о возможности повторного вступления России в войну. Подтекст понятен. В роковой момент Екатерина нуждалась в поддержке на международной арене. Для нее было крайне невыгодно, если бы вчерашние союзники выразили сомнения в официальной версии гибели императора. Мерси подсказывал выход — возобновление союзнических обязательств в полном объеме. То была цена доброжелательного молчания.

23 июля на фоне усиливавшегося «ропота простонародья, солдат и почти всего народа» Гольц продолжал сообщать тревожные новости: «Княгиня Дашкова часто ведет оживленные беседы с венским послом. Однако я не думаю, чтобы врагам Вашего величества удалось принудить здешний двор действовать против Вашего величества. Государыня знает хорошо, что ей, для своей безопасности, необходимо иметь все войска в сердце империи, что финансы расстроены и что всякая война восстановила бы народ против ее правления». Екатерина хорошо понимала состояние русского общества: подданные не просто не хотели войны с Данией, они устали от войны вообще. Возобновление боевых действий было для нового кабинета смерти подобно.

«Между тем противная партия делает всё возможное, чтобы вызвать раздор между обоими дворами», — продолжал Гольц. Он имел в виду партию, «противную» Пруссии, но выразился весьма точно и в ином смысле. Дипломат противопоставил волю самой государыни желаниям некоторых вельмож из ее окружения. Дашкову считали ближайшим доверенным лицом Екатерины, и, конечно, ее разговоры с графом Мерси не воспринимались как частная болтовня. Недоброжелательный к пруссакам генерал Панин — родной брат Никиты Ивановича; следовательно, напрашивался вывод о позиции другого ближайшего к императрице советника.

Донесения Мерси д'Аржанто показывают близость взглядов австрийского посла и представителей вельможной группировки: «Кажется еще сомнительным, не сделала ли новая императрица большой ошибки в том, что возложила корону на себя, а не провозгласила своего сына, великого князя, самодержцем, а себя регентшею империи во время его несовершеннолетия»⁵¹. Так говорили и Панин, и Дашкова. Если граф Мерси действительно узнал о смерти Петра III раньше других дипломатов, то нетрудно догадаться об источнике его сведений.

Провокации продолжались. «Фельдмаршал Салтыков решился на то, что он совершил, под влиянием полученных отсюда писем», — сообщал Гольц. Салтыков задержал депеши Фридриха II к Гольцу в Кёнигсберге и

отослал их своему двору. Был заявлен протест и принесены извинения. «Дружественное отношение императрицы к Вашему величеству должно быть очень неожиданным для всего здешнего двора, — сообщал посланник 31 июля, — так что они едва могут воздержаться от выражения своего удивления... Императрица, отвечая Вашему величеству, не только не советовалась ни с одним из своих министров, но даже никому из них не сообщила этого ответа»⁵².

Шла борьба за повторное вступление России в войну. Ставки были очень высоки. И хотя нам мало известно о конкретных перипетиях этой схватки, можно сказать, что сторонники продолжения конфликта до какого-то момента боялись возвращения Петра III на престол. Недаром они активизировали свои усилия после получения известия о его гибели. Смерть бывшего союзника Фридриха II казалась им достаточной гарантией возвращения России в состав коалиции.

«Припадочные люди»

Всё сказанное свидетельствует о непростой ситуации в окружении Екатерины. Каждый из «друзей» намеревался пожинать лавры, а натолкнулся на непредвиденные препятствия. Безусловно выиграла одна императрица. Вместо регентства она получила корону. Но и ее положение оставалось крайне неустойчивым.

Перед гвардейскими «вожаками» открывалась блестящая будущность. Никто из них прежде не мечтал вступить во дворец, занять высокую должность, обрести богатства и титулы. Однако они в первые же часы после переворота почувствовали, насколько не ко двору знати. Представители вельможной партии ощущали себя в наибольшей степени обманутыми, так как, во-первых, предпочитали сохранить «законность» при передаче короны Павлу, а во-вторых, претендовали на первые места вокруг трона. Они вовсе не жаждали потесниться ради каких-то выскочек.

Прежде Григорий Орлов оставался тайным возлюбленным. Но после победы ему предстояло выйти из тени, стать фаворитом в полном смысле слова. То есть открыть себя для ударов. Это и произошло. Получение «красной александровской ленты» и «камергерского ключа», «что дает чин генерал-майора», как бы обнародовало фавор. Рубеж был пройден.

«На следующий день, — сообщала Дашкова о 1 июля, — Григорий Орлов явился к обедне, украшенный орденом св. Александра Невского. По окончании церковной службы я подошла к дяде и к графу Разумовскому

и... сказала смеясь:

— ...Должна вам сказать, что вы оба глупцы»⁵³.

Очень откровенная сцена. Гетман и воспитатель наследника названы «глупцами» не только потому, что не поверили молоденькой союзнице, будто «Орлов — любовник ее величества». Но и потому, что считали себя первыми лицами в перевороте.

Свои резоны противостоят братьям-заговорщикам имелись у Панина. Он не просто защищал права воспитанника. Его идея состояла в том, чтобы ограничить власть юного монарха при вступлении на престол. Для этого создавался Совет с законодательными функциями. Пока Екатерина соглашалась быть регентом, цель казалась достижимой. Но при взрослом самодержце, с первых шагов показавшем свою самостоятельность, дело обстояло иначе. Влиять на Екатерину до тех пор, пока она опиралась на Орловых, а через них на гвардию, было сложно.

Тем не менее Панин выступил с проектом создания постоянного Совета из несменяемых членов, без которого государь не мог принимать решений⁵⁴. Если вчитаться в текст этого документа, то станет ясно, что самую желчную критику Никиты Ивановича вызывала система фаворитизма. Сказались и его личная неприязнь к Ивану Шувалову, и прошлые унижения. Фавориты — «прихотливые и припадочные люди», как именовал их Панин, — вмешивались в работу государственного механизма и вершили дела по своему произволу. В качестве примера вельможа избрал «эпох Елизаветы Петровны». «Временщики и куртизаны», писал автор, создали собой «интервал между государя и правительства», не считая себя «подверженными суду и ответу перед публикою». Такого положения следовало избегать впредь.

Ныне на смену хищной клике Шуваловых пришли Орловы. Этого умный вельможа не писал, но Екатерина не могла не понять, в кого он целит. В качестве средства, которое оградит государственный аппарат от повторения елизаветинского горького опыта, Никита Иванович и предлагал Совет с законодательными функциями. При этом ловко выставял новый орган защитником власти монарха перед ее похитителями — фаворитами. «Спасительно нашему претерпевшему отечеству... намерение Вашего величества, чтобы Богом и народом врученное вам право самодержавства употребить с полной властью к основанию... формы и порядка». «В сем проекте устанавливаемое формою государственною верховное место... законодания, из которого, яко от единого государя и из единого места, истекать будет собственное монаршее изволение, оградит самодержавную

власть от скрытых иногда похитителей оной»⁵⁵.

Следуя заявленной логике, Екатерина должна была своими руками лишиться себя власти. Для того чтобы умная, волевая императрица, едва получив корону, совершила подобный шаг, требовались экстраординарные обстоятельства.

Примечания к разделу

¹ Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 86.

² Там же. С. 76.

³ Понятовский С. А. Мемуары. М., 1995. С. 163.

⁴ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIII. Т. 25. М., 1994. С. 88.

⁵ Понятовский С. Указ. соч. С. 163.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Воронцов С. Р. Автобиография // Русский архив. 1876. Кн. 1. № 1. С. 34–38.

⁸ Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984. С. 35–36.

⁹ Шумахер А. История низложения и гибели Петра III // Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 281.

¹⁰ Позье И. Записки придворного брильянтика // Там же. С. 324.

¹¹ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 85.

¹² Екатерина II. Анекдоты об этом событии // Со шпагой и факелом. 1725–1725. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 341.

¹³ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 90.

¹⁴ Тургенев А. И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 219.

¹⁵ Дневник статского советника Мизере // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 64.

¹⁶ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 87.

¹⁷ Екатерина II. Продолжение анекдотов // Со шпагой и факелом. 1725–1725. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 343.

¹⁸ Шумахер А. Указ. соч. С. 284–284.

¹⁹ Позье И. Указ. соч. С. 326.

²⁰ Шумахер А. Указ. соч. С. 286.

²¹ Позье И. Указ. соч. С. 325.

²² Рюльер К. К. Указ. соч. С. 85.

²³ Екатерина II. Продолжение анекдотов. С. 343.

²⁴ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 168.

²⁵ Шумахер А. Указ. соч. С. 295.

²⁶ Шаховской Я. П. Записки // Екатерина II и ее окружение. М., 1996.

С. 107–108.

²⁷ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 99.

²⁸ Штелин Я. Записка о последних днях царствования Петра III // Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 316.

²⁹ Шумахер А. Указ. соч. С. 292.

³⁰ Там же. С. 281.

³¹ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 83.

³² Штелин Я. Записки // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 42.

³³ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 164.

³⁴ Сиверс Д. Р. Записки // Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 331–332.

³⁵ Штелин Я. Записка о последних днях царствования Петра III. С. 319.

³⁶ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 91.

³⁷ Дневник статского советника Мизере. С. 64.

³⁸ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 164.

³⁹ Шумахер А. Указ. соч. С. 287.

⁴⁰ Там же. С. 291.

⁴¹ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 224.

⁴² Понятовский С. А. Указ. соч. С. 164–165.

⁴³ Отречение Петра III // Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 269.

⁴⁴ Ассбург А. Ф. Записки о воцарении Екатерины II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 298.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 165.

⁴⁷ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 145.

⁴⁸ Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. М., 1991. С. 270.

⁴⁹ Там же. С. 276.

⁵⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 173.

⁵¹ Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 147.

⁵² Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии на престол Екатерины Великой // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 240–253.

⁵³ Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 53.

⁵⁴ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1967. С. 109.

⁵⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 138.

Глава тринадцатая

ЦАРЕУБИЙСТВО

Мы остановились на внешне-и внутривполитической ситуации после переворота именно потому, что обычно драму в Ропше рассматривают вне контекста сопутствовавших ей событий. Благодаря этому рвутся нити, связывавшие гибель Петра III с конкретной обстановкой, замыкая исследователей в узком ропшинском мирке.

«Великодушные намерения»

29 июня в Петергофе Панин лично отобрал «батальон в триста человек» для охраны свергнутого императора, «чтобы отвратить пьяных и усталых солдат от возможности покушения». Раздавленный, измученный Петр умолял разрешить Елизавете Воронцовой остаться с ним. «Ответ последовал отрицательный»¹.

«Романовну» посадили в дормез с закрытыми окнами и отправили сначала в столицу в дом ее отца, а затем в Москву, дав приказание жить тихо, не обращая на себя внимание. Когда Воронцова вышла замуж, ей разрешили вернуться в Петербург. Наказание более чем мягкое. Однако на дело можно посмотреть и с точки зрения побежденных. Несчастливая пара вызывала жалость. Почему фаворитке не разрешили остаться? Отнимать у поверженного человека утешение жестоко.

Первое, что приходит в голову, — Воронцовой не позволили сопровождать свергнутого императора в Ропшу, чтобы избавиться от лишнего свидетеля. Однако у Екатерины имелись и более тривиальные причины для подобного шага. В письме Понятовскому она сообщала, что муж попросил «лишь свою любовницу, свою собаку, своего негра и свою скрипку; боясь, однако, скандала и недовольства людей, его охранявших, я выполнила только три последние его просьбы»². О каком скандале речь?

Рюльер писал, что в Петергофе при выходе из кареты гвардейцы схватили бедную «Романовну» и оборвали с нее знаки ордена Святой Екатерины. Возможно, это сделали по наущению. Ведь ношение любовницей государя «семейного» царского ордена было оскорбительно для императрицы. Но исходя из настроения войск, подначивать их к

бесчинствам не требовалось. Отправить в Ропшу одну женщину в окружении сотни хмельных солдат и всего четырех офицеров можно было только из мести. Кроме того, пребывание фаворитки на мызе послужило бы поводом для нежелательных сцен между свергнутым императором и его стражами. Таким образом, не примешивая чувств к политике, императрица поступила дальновидно и даже милосердно. Впрочем, возможно, она всё ещё питала к мужу род ревности. Во всяком случае, ей неприятно было всё, касавшееся фаворитки.

Зададимся следующим вопросом. Почему Екатерина не повидалась с супругом перед его отправкой в Ропшу? Что было бы логично. Несостоявшееся свидание — лучший козырь против обвинений императрицы в страсти к мучительству. Она не пришла насладиться унижением врага. А ведь Петр был поражен несчастьем, плакал и валялся в ногах. Для человека, желавшего утолить чувство мести, такое зрелище — бальзам на раны. Но Екатерина не воспользовалась случаем.

Первая причина, удержавшая императрицу отличной встречи, — накаленная обстановка в Петергофе. Солдаты грозились «разорвать на куски» любого, кто попытался бы примирить супругов³. Императрица посчитала угрозу реальной и лично отправилась успокоить полки. Как развивались бы события, узнай гвардейцы, что «Матушка» встречается со свергнутым императором? В августейшей чете еще мог восстановиться мир, и тогда нарушителям присяги пришлось бы заплатить головами. Поэтому одного слуха было достаточно, чтобы спровоцировать «помирающую от страха», хмельную массу на расправу. И кого бы тогда «разорвали на куски»?

Но имелась и другая причина отказа императрицы от встречи с мужем. Перед отречением Петру III были даны некие обещания относительно его будущего. «Петр, отдаваясь добровольно в руки своей супруги, был не без надежды»⁴, — заметил Рюльер. Государь думал, что его отпустят в Голштинию. При отречении присутствовали генерал Измайлов и Григорий Орлов. От имени Екатерины они заверили поверженного монарха, что его желания будут исполнены. Однако сама государыня никаких обещаний не давала. Это было очень умно, потому что выполнить их она бы не смогла. А Екатерина предпочитала держать слово. Извернуться, промолчать, избежать прямого объяснения — но не лгать. Таково было ее кредо, хорошо прослеживаемое по документам.

Если бы императрица встретила с супругом, ей пришлось бы либо подтвердить обязательства, либо отказать. Последнее могло вызвать у

Петра бурю эмоций, а его следовало побыстрее и без скандала отправить из резиденции, где безопасность монарха ничем не гарантировалась. Между тем уже 29-го в Петергофе Екатерина приняла решение не отпускать мужа в Германию, а заключить в Шлиссельбург.

Она отправила приказ генерал-майору Силину^[16] в тот же день собрать «безымянного колодника» — Ивана Антоновича — и отбыть с ним к новому месту заключения в крепость Кексгольм. «А в Шлиссельбурге... очистить внутренней крепости самые лучшие покои и прибрать... которые изготовив, содержать до указа»⁵. Бросается в глаза поспешность действий — сразу же вывезти Ивана, а комнаты для нового узника хотя бы прибрать. Отделать их можно будет и позднее. Мнение, что Екатерина этим указом старалась отвести глаза обществу, а сама втайне готовила убийство мужа, противоречит характеру документа. Приказ был тайным, о нем знали императрица, пара человек из ее окружения — скорее всего, Панин и Орлов, а также адресат генерал-майор Силин. Остальным повеление осталось неизвестным.

Реальность намерений поместить Петра в Шлиссельбург доказывается вывозом Ивана Антоновича. Содержать двух венценосных узников в одной крепости неразумно. Затея императрица хитрую игру, ей незачем было бы трогать «безымянного колодника»: ведь риск при переезде в другую тюрьму весьма высок. Что и подтвердилось историей неудачного путешествия. 4 июля Силин донес, что их с арестантом разбило бурей на озере и теперь они находятся в рыбацкой деревне Мордя, ожидая новых кораблей из Шлиссельбурга. Это был удачный момент для побега или похищения узника. Стоило ли так рисковать без нужды? Ведь у Ивана Антоновича имелось много сторонников, и переворот в его пользу был едва ли не реальнее, чем реванш Петра III. Тем не менее «безымянного колодника» потеснили.

2 июля Екатерина послала в Шлиссельбург приказ обер-коменданту Бердникову принять присланного от нее подпоручика Измайловского полка Плещеева «с некоторыми вещами на шлюпках отправленными». «А вам... повелеваем по всем его Плещеева требованиям скорое и безостановочное исполнение делать»⁶, - заключала императрица. Спешка продолжалась. Покои для свергнутого императора приводились в порядок.

Тем временем сам он находился в крайне тяжелом состоянии в Ропше. События переворота оказали на нервного впечатлительного Петра страшное воздействие. Оно зафиксировано буквально всеми источниками. Никто из наблюдателей, каково бы ни было их отношение к происходившему, не сообщал, что свергнутый император вел себя мужественно или хотя бы достойно. Каждый по-своему передал потрясение и подавленность побежденного.

Мерси д'Аржанто едва ли не со злорадством доносил в Вену: «Во всемирной истории не найдется примера, чтобы государь, лишаясь короны и скипетра, выказал так мало мужества и бодрости духа, как он, царь, который всегда старался говорить так высокомерно; при своем же низложении с престола поступил до того мягко и малодушно, что невозможно даже описать»⁷.

Рюльер сообщал, что по дороге в Петергоф с Петром приключился обморок. «Как скоро увидела его армия, то единогласные крики: «Да здравствует Екатерина!» — раздались с разных сторон, и среди сих-то новых восклицаний, неистово повторяемых, проехав все полки, он лишился памяти»⁸. Для испуга имелись и более веские причины: вспомним слова Шумахера о самовольной попытке артиллериста застрелить узника «из одной шуваловской гаубицы»⁹.

Уже в резиденции солдаты грубо обошлись с Воронцовой, а «любимец его был встречен криком ругательства»¹⁰, — продолжал французский дипломат. Датчанин уточнил, что Гудовича ограбили и «жестoko избили». Такое обращение с близкими людьми не могло оставить Петра равнодушным. Когда император очутился один, ему велели раздеться. «Он сорвал с себя ленту, шпагу и платье, говоря: «Теперь я в ваших руках». Несколько минут сидел он в рубашке, босиком, на посмеяние солдат»¹¹. В отличие от Рюльера, склонного к театральным сценам, Шумахер все-таки облачил Петра перед отправкой в Ропшу в «серый сюртук».

О том, что с бывшим государем обращались плохо, свидетельствовали многие иностранцы. Никто из них не был очевидцем, но город полнился слухами. 10 августа Беранже донес в Париж: «Офицеры, которым было поручено его сторожить, самым грубым образом оскорбляли его. Вид несчастья вообще и особенно Государя в оковах во всяком чувствительном человеке вызывает сочувствие, и несмотря на его унижение, цивилизованные народы не забывают должного почтения к коронованной особе, которую он олицетворял. Но москвиты далеки от проявления жалости, они всегда усугубляют мучения жертв, вверенных их

жестокосердию. Меня уверяют, что разнузданные солдаты с особой злобой вымещали на узнике за все сделанные Петром III глупости и нелепости»¹². Три десятилетия спустя, во время казни Людовика XVI, можно было наблюдать «цивилизованный народ», оказывающий «почтение к коронованной особе» в «оковах».

Итак, с Петром III не церемонились, срывали на нем злость, переходя границы дозволенного. А ведь речь шла о гвардейцах, специально взятых из числа наиболее трезвых. «Я отправила свергнутого императора в сопровождении Алексея Орлова, еще четырех офицеров и отряда солдат, людей выдержанных, тщательно отобранных, за двадцать семь верст от Петергофа в место, именуемое Ропша, уединенное и весьма приятное»¹³, — писала Екатерина Понятовскому. В автобиографической заметке императрица поясняла то, что опустила в письме: «Чтобы предотвратить его (Петра III. — О. Е.) от возможности быть растерзанным солдатами»¹⁴. На фоне истории с «шуваловской гаубицей» этим словам веришь.

Мыза Ропша, выбранная для временного заключения государя, принадлежала Кириллу Разумовскому и находилась на пол пути между Петергофом и Гостиницами. Дом был невелик и представлял собой вытянутую анфиладу комнат по обе стороны от центрального зала. Две из них отвели узнику, поместив в его покоях пару офицеров — по одному у каждой двери. Внешнюю охрану несли солдаты. Под началом Орлова находились камергер Федор Барятинский, преображенцы капитан Петр Пассек, поручик Михаил Баскаков и поручик Евграф Чертков. Кроме того, в распоряжении Алексея был вахмистр конногвардеец Григорий Потемкин. Письма Петра III и Алексея Орлова из Ропши, помимо прочего, показывают, что в помещении дежурили только офицеры, они же ездили в столицу с посланиями императрице. Видимо, Орлов не слишком полагался на рядовых. Заставить дворян соблюдать дисциплину казалось легче. Но в условиях, когда двое постоянно дежурили, а двое находились в разъездах, для управления сотней буйных голов оставался только один старший. Следует согласиться с мнением московского историка К. А. Писаренко: задача, возложенная на горстку офицеров, была непосильной¹⁵.

До места свергнутого императора сопровождали представители Семеновского полка капитан Алексей Щербачев и поручик Сергей Озеров, которые после исполнения приказа отбыли восвояси. Державин вспоминал: «После обеда часу в 5-м увидели большую четырехместную карету, запряженную больше нежели в шесть лошадей, с завешенными гардинами, у которой на запятках, на козлах и по подножкам были гренадеры же во

всем вооружении, а за ними несколько конного конвоя, которые... отвезли отрекшегося императора... в Ропшу»¹⁶. Тот факт, что сравнительно легкую повозку запрягли даже не цугом, а скорее восьмериком, свидетельствует о большой торопливости: Петра спешили увезти из резиденции и хотели, чтобы карета буквально летела. Видимо, за его жизнь действительно опасались.

«Печальная комедия»

Вечером 29-го узник прибыл к месту назначения. С Петром оставался только один камер-лакей Алексей Маслов. Два других русских лакея сказались больными, чтобы не следовать за бывшим господином. Они боялись очутиться в заточении вместе с ним. Император был подавлен, помещение показалось ему тесным, а режим постоянного надзора — тяжелым.

Состояние Петра хорошо передают записки, отправленные Екатерине. Возможно, первая возникла еще в Петергофе, так как озвучивает просьбу царя, переданную через Панина устно. «Ваше величество, если вы решительно не хотите уморить человека, который уже довольно несчастлив, то сжальтесь надо мною и оставьте мне единственное утешение, которое есть Елизавета Романовна. Этим вы сделаете одно из величайших милосердных дел вашего царствования. Впрочем, если бы Ваше величество захотели на минуту увидеть меня, то это было бы верхом моих желаний. Ваш нижайший слуга Петр. 29 июня 1762 года».

Это письмо, написанное по-французски, на наш взгляд, еще не демонстрирует полной подавленности. Именно в Петергофе решался вопрос о Воронцовой (ведь Петр просит «оставить» ему возлюбленную, а не «вернуть»), и Екатерина могла увидеть мужа «на минуту». Если мы правы, то Панин в рассказе Ассебургу слукавил, заявив, будто Петр не просил о встрече с женой. Вероятно, ту же информацию вельможа передал и императрице. Однако если судить по самому факту подачи и сохранения записки, у победительницы имелся и другой канал связи с Петром — минуя Никиту Ивановича.

Почему воспитатель великого князя хотел избежать краткого randevu между супругами? Возможно, он тоже опасался их примирения. Желанная цель — провозглашение Павла императором при регентстве матери — казалась еще достижимой. А вот если бы Петр и Екатерина договорились о какой-либо форме соправительства, притязания наследника повисли бы в

воздухе.

Вторая записка куда примечательнее. После мытарств целого дня, угроз жизни, солдатских издевательств император совсем пал духом. Вечером он написал Екатерине по-русски, сбивчиво, с повторами, ошибками и почти без знаков препинания:

«Ваше величество. Я еще прошу меня которой ваше воле исполнял во всем, отпустить меня в чужие краи стеми которые я Ваше Величество прежде просил и надеюсь на ваше великодушие что вы меня не оставите без пропитания верный слуга Петр. 29 июня 1762 года»¹⁷.

У этого документа, судя по сгибу, отрезан низ, возможно, содержащий постскриптум. Когда такое случилось — неизвестно. Вообще материалы начала царствования Екатерины, и в особенности ропшинские, сильно пострадали. Нет рескриптов императрицы Алексею Орлову, нет списка его команды, хотя в письме 2 июля он оповещает, что выслал таковой. Известно, что Павел I сразу после смерти матери сжег ряд бумаг из ее архива. Отсутствует, например, подлинник отречения Петра III¹⁸. Специальным указом от 26 января 1797 года новый император повелел изъять из всех государственных учреждений и уничтожить Манифест Екатерины от 6 июля о ее вступлении на престол¹⁹.

Павел упрямо истреблял тексты, хотя бы косвенным образом свидетельствовавшие, что он не являлся наследником Петра III. Отсутствие имени Павла в отречении, рассказ в Манифесте о том, как отец «не восхотел объявить его наследником», стали достаточными основаниями для их уничтожения. Возможно, и отрезанный постскриптум как-то касался Павла. Достаточно было повторить, что, уехав в Голштинию, государь ничего «против Вас и сына Вашего» не сделает, чтобы текст исчез.

Остаток дня Петр провел в слезах. «По прибытии в Ропшу император почти непрерывно плакал и горевал о судьбе своих бедных людей, под которыми он разумел голштинцев»²⁰, — сообщал Шумахер. Беспокоиться действительно стоило. Любимые войска Петра не оказали сопротивления, но натерпелись страха. Посланный в Ораниенбаум генерал-поручик Василий Иванович Суворов, отец будущего фельдмаршала, оставил у голштинцев самые тяжелые воспоминания. Штелин негодовал: «Изверг сенатор Суворов кричит солдатам: «Рубите пруссаков!» и хочет, чтобы изрубили всех обезоруженных солдат»²¹.

Полковник Давид Сиверс, упорно путавший Василия Суворова с его сыном, тоже не остался в долгу и описал зверства: «В два часа по полудни [29 июня] произошла между нами, бедными воинами, печальная комедия.

Прибыл русский генерал Суворов... с конногвардейцами и гусарским отрядом и потребовал, чтобы сдано было всё вооружение... Всё голштинское войско было согнано в крепостицу Петерштадт, откуда уже никого не выпускали. Этот жалкий Суворов держался правил стародавней русской подлой жестокости. Когда обезоруженных немцев уводили в крепостицу, он развлекался тем, что шпагою сбивал у офицеров шапки с голов, и при этом еще жаловался, что ему мало оказывают уважения...

Беспомощно провели мы целую ночь. Снова явился Суворов и начал распределять людей. Русским подданным велено оставаться, а Кронштадт назначен иностранцам, и каждому из них, в особенности пруссакам, досталось от Суворова по удару и толчку в затылок. Когда это кончилось, русские подданные должны были идти в церковь для присяги... а затем офицеры отпущены... по своим квартирам... В то время как все мы находились в крепостице под стражею, воришки-гусары и кирасиры опустошили наши помещения, так что у иного оставалось только, в чем он был»²².

Неприглядная картина. Но надо признать, что при настроениях, царивших в полках и городе, голштинцы еще дешево отделались. Их унизили и обобрали, а могли убить.

«Урод наш очень занемог»

30 июня у свергнутого императора на нервной почве начались геморроидальные колики, которыми он страдал давно. К ним прибавилось расстройство желудка. Накануне Петр практически не ел. В Петергофе, по сведениям Шумахера, выпил только стакан вина, смешанного с водой. «При своем появлении в Ропше он уже был слаб и жалок, — писал датчанин. — У него тотчас же прекратилось сварение пищи, обычно проявлявшееся по несколько раз на дню, и его стали мучить почти непрерывные головные боли»²³. Спал государь плохо — кровать оказалась неудобной, и на следующий день ему доставили другую, из Ораниенбаума. При высоком росте арестанту подошло бы не всякое ложе.

Режим содержания крайне стеснял Петра: ему не позволяли ни гулять по саду, ни даже выглядывать во двор. Окна оставались завешанными. Выход в смежную комнату также возбранялся. Даже справлять нужду узник вынужден был в присутствии часового, что при поносе оказалось особенно тяжело и унижительно. Ужас собственного положения заставил

бывшего императора написать еще одно письмо Екатерине:

«Государыня. Я прошу Ваше величество быть во мне вполне уверенною, и благоволите приказать, чтобы отменили караулы у второй комнаты, ибо комната, где я нахожусь, до того мала, что я едва могу в ней двигаться. Вы знаете, что я всегда прохаживаюсь по комнате, и у меня вспухнут ноги. Еще я вас прошу, не приказывайте офицерам оставаться в той же комнате, так как мне невозможно обойтись с моей нуждой. Впрочем, я прошу Ваше величество обходиться со мной, по крайней мере, не как с величайшим преступником; не знаю, чтобы я когда-либо вас оскорбил. Поручая себя вашему великодушному вниманию, я прошу вас отпустить меня скорее с назначенными лицами в Германию. Бог, конечно, вознаградит вас за то, а я ваш нижайший слуга Петр.

PS. Ваше величество может быть во мне уверенной: я не подумаю и не сделаю ничего против вашей особы и против вашего царствования»²⁴.

Это письмо снова было написано по-французски. Узник немного пришел в себя и выражался с бóльшим достоинством. Он свергнутый государь, а не «величайший преступник», и ничем не заслужил сурового обращения. Вопрос с отъездом в Голштинию казался ему решенным, раздражало только промедление. При этом в простоте душевной Петр не помнил обид, причиненных жене. В некоторых местах его тон насмешлив и даже требователен, несмотря на «нижайшие» просьбы и наименование себя «*valet*», что, как отмечали многие публикаторы, скорее «холоп», чем «слуга».

С письмом в столицу отправился Петр Пассек. Судя по тому, что позднее узник все-таки выходил в смежную комнату, где играл с караульными в карты, режим его содержания был смягчен. Об этом же говорит другой факт: 1 июля арестант обратился к Екатерине с новой просьбой — доставить ему из Ораниенбаума негра Нарцисса, любимого мопса и скрипку.

Шумахер, среди многочисленных информаторов которого явно имелись и лица, присутствовавшие в Ропше, описал стесненное положение узника: «Окно его комнаты было закрыто зелеными гардинами, так что снаружи ничего нельзя было разглядеть. Офицеры... не разрешали ему выглядывать наружу, что он, впрочем, несколько раз украдкой делал. Они вообще обращались с ним недостойно и грубо, за исключением одного лишь Алексея Григорьевича Орлова, который еще оказывал ему притворные любезности. Так, однажды вечером... он играл в карты с Орловым. Не имея денег, он попросил Орлова дать ему немного. Орлов достал из кошелька империял и вручил его императору, добавив, что тот

может получить их столько, сколько ему потребуется. Император... тотчас же спросил, нельзя ли ему немного погулять по саду, подышать свежим воздухом. Орлов ответил «да» и пошел вперед, как бы для того, чтобы открыть дверь, но при этом мигнул страже, и она тут же штыками загнала императора обратно в комнату. Это привело государя в такое возбуждение, что он проклял день своего рождения и час прибытия в Россию, а потом стал горько рыдать»²⁵. Из приведенного описания следует, что Алексей Орлов при всей «притворной любезности» издевался над арестантом не хуже остальных.

1 июля новый курьер Евграф Чертков известил Екатерину о просьбе Петра прислать ему скрипку, негра и мопса. На этот раз личной записки Петра к жене не было. Что можно объяснить ухудшением его здоровья. Вероятно, он не вставал. Императрица отправила приказ Василию Ивановичу Суворову: «Извольте прислать, отыскав в Ораниенбауме или между пленными, лекаря Людерса, да арапа Нарцисса, да обер-камердинера Тимлера; да велите им брать с собою скрипицу бывшего государя, его мопсинку собаку»²⁶. Ни о своем лейб-медике Иоганне Готфриде Лидерсе (Людерсе), ни о камердинере Тимлере Петр не просил. Но раз ему прислуживал всего один лакей, то посылка второго естественна. Что же касается врача, то он необходим был с самого начала. Уже из письма мужа 30 июня императрица должна была понять: начался приступ колик.

Курьер остался в Петербурге, чтобы забрать с собой в обратный путь доктора, негра и камердинера с вещами. Однако, прибыв в столицу, Лидере наотрез отказывался ехать. На его уламывание ушли сутки. «Согласно устному докладу о болезни императора Людерс выписал лекарства, но их не стали пересылать, — сообщал Шумахер. — Императрица стала уговаривать Людерса и даже велела ему ехать к своему господину... Людерс же опасался оказаться в совместном с императором продолжительном заключении и потому некоторое время пребывал в нерешительности. Только 3 июля около полудня ему пришлось волею-неволей усесться с мопсом и скрипкой в скверную русскую повозку, в которой его и повезли самым спешным образом»²⁷.

Почему лекарства не стали пересылать? Возможно, положение Петра до записки Орлова от 2 июля не считали особенно серьезным. А возможно, напротив, не хотели оказывать медицинской помощи, рассчитывая на летальный исход. Есть и третья вероятность: Екатерина надеялась быстро заставить Лидерса вспомнить о долге: сначала попросила, потом приказала. На третий раз могли и силой отвезти упрямого эскулапа к пациенту. Что,

судя по описанию Шумахера, и произошло. Лидере был личным врачом императора и хорошо знал болезни Петра, поэтому его приезд считался предпочтительным. Но пока он препирался, Екатерина подстраховалась, и в Ропшу отправили другого — лейб-медика Карла Федоровича Крузе.

Обвинить правительство в промедлении нельзя. Первое письмо Орлова из Ропши, где говорилось о болезни императора, появилось вечером 2 июля. Поручик Баскаков привез его в столицу ночью. Утром в Ропшу поспешил Крузе. А Лидере, судя по описи Медицинской канцелярии, был вызван к действительному статскому советнику Г. Н. Теплову для внушения²⁸. Откуда, надо полагать, его и отправили «около полудня» на «скверной русской повозке» с «мопсом и скрипкой» в Ропшу.

Итак, 2 июля, глядя на состояние императора, Алексей Орлов понял, что тот плох. «Матушка милостивая Государыня, — писал он, — здравствовать вам мы все желаем несчетные годы. Мы теперь по отпуске сего письма и со всею командою благополучны, толко урод наш очень занемог и схватила ево нечаянная колика. И я опасен, штоб он сиводнишнюю ночь не умер, а болше опасаюсь, штоб не ожил. Первая опасность для того, што он всюо здоров гаварит и нам ето несколько весело, а другая опасность, што он действительно для нас всех опасен для того, што он иногда так отзывается, хотя в прежнем состоянии быть»²⁹.

Грубая казарменная шутка об «урode», за которого боятся, как бы он не помер, а еще больше — как бы не ожил, конечно, задевает чувствительные сердца. Но следует обратить внимание на другие слова: «так отзывается, хотя в прежнем состоянии быть». Орлова пугало, что император иной раз забывался, начинал говорить в приказном тоне или грозить своим обидчикам карами, когда вернет корону. Из этого командир охраны делал резонный вывод: «он действительно для нас всех опасен».

Вспомним историю с просьбой Петра прогуляться и каверзой, которую устроил Орлов. Вот за карточной игрой узник заговаривается, принимает высокомерный вид. Вот охрана напоминает ему его место. Нет оснований не замечать: Алексей предпочел бы, чтобы свергнутый царь отошел в мир иной, и отдавал себе отчет в опасности «урода», если тот окажется «в прежнем состоянии».

2-го же июля в Ропшу привезли полугодовое жалованье для отряда охраны, за что Орлов поблагодарил государыню: «В силу именнова Вашего повеления я солдатам денги за полгода отдал... И солдаты некорые сквозь слезы говорили про милость Вашу, што оне еще такова для Вас не заслужили за штоб их так в короткое время награждать».

Сам по себе привоз денег — факт настораживающий. Возможно, солдатам платили не за то, что они уже сделали, а за то, что должны сделать? Или о чем должны промолчать? Однако в названные дни обещанное полугодовое жалованье раздали всем полкам. В Петербурге командиры получали деньги для своих подчиненных так же, как Орлов в Ропше. Например, вернувшись с мызы в столицу, вахмистр Потемкин принял 14 014 рублей для раздачи его 1085 нижним чинам³⁰. Так что если ропшинский отряд и подкупали, то вместе с остальной гвардией.

Ночь на 3 июля прошла тревожно. «Урод» не умер, но и не ожил. Ему становилось всё хуже, и Алексей наконец испугался по-настоящему. Шутки в сторону, свергнутый император готовился отдать Богу душу на его руках, а рядом не было ни врача, ни хотя бы человека, готового подтвердить, что не караульные извели августейшего арестанта.

Утром Орлов написал Екатерине тревожное письмо, адресовав его «Матушке нашей Всероссийской»: «Матушка наша милостивая государыня. Не знаю, што теперь начать, боюсь гнева от Вашего величества, штоб вы чево на нас неистоваго подумать не изволили и штоб мы не были притчиною смерти злодея вашего и всей Роси, также и закона нашего. А теперь и тот приставленной к нему для услуги лакеи Маслов занемог. А он сам теперь так болен што не думаю штоб он дожил до вечера и почти совсем уже в беспаметстве, о чем уже и вся команда здешняя знает и молит Бога штоб он скорей с наших рук убрался. А оной же Маслов и посланной офицер может Вашему величеству донести в каком он состоянии теперь ежели вы обо мне усумнится изволите. Писал сие раб ваш...»³¹ Далее подпись, дата и, вероятно, приписка оторваны.

К последнему факту мы еще вернемся, а пока отметим, что Орлов испугался не зря. Екатерина действительно могла подумать на охрану «чево неистоваго». В письме к Понятовскому она озвучила свои мысли: «Я боялась, что это офицеры отравили его, приказала произвести вскрытие, но никаких следов яда обнаружено не было»³².

Алексей правильно угадал ход рассуждений государыни и, чтобы подтвердить свои слова, отправил вместе с офицером лакея Маслова. Причем последнего довольно грубо затолкнули в карету. Шумахер сообщал: «Когда император немного задремал, этот человек вышел в сад подышать свежим воздухом. Не успел он там немного посидеть, как к нему подошел офицер и несколько солдат, которые тут же засунули его в закрытую русскую повозку. В ней его привезли в Санкт-Петербург и там выпустили на свободу. Людерс встретил его по дороге»³³.

Если бы Маслова сразу отвели к императрице, его увоз из Ропши не выглядел бы как устранение ненужного свидетеля.

«Подробности этих ужасов»

Поскольку Лидере, встреченный Масловым по дороге, направлялся в Ропшу 3 июля, то письмо Орлова с упоминанием камер-лакея нетрудно датировать, несмотря на оторванный край. Авторство документа в данном случае определяется по почерку. А вот с припиской дело обстоит куда загадочнее.

В 1830 году министр Д. Н. Блудов, по приказу Николая I, разбирал документы, касавшиеся царствования Екатерины II. Составляя опись, он пометил, что в Пакете «Секретные письма первых дней июля 1762 г.», кроме прочего, содержались «два письма графа А. Г. Орлова к императрице Екатерине II-й, в последнем он ей объявляет о смерти Петра III»³⁴. Итак, согласно блудовской описи, Алексей ставил Екатерину в известность о гибели мужа именно вторым письмом. А не третьим, как долгое время было принято считать.

К записи Блудова архивист советского времени сделал сноску и уточнение: «о внезапной болезни и ожидаемой его смерти. 1926 ноября 12». Конечно, в современном виде письмо говорит именно об «ожидаемой смерти». Но во времена Блудова имелся ныне утраченный фрагмент. Кто и зачем оторвал его между 1830-м и 1926-м годами, сейчас установить трудно. Но ряд исследователей склоняются к вполне обоснованному выводу, что известие о смерти Петра III содержалось именно в приписке к письму Орлова 3 июля.

Оторванный фрагмент невелик. Но, как верно заметил московский историк О. А. Иванов, много ли нужно места, чтобы написать: «Он умер»; «Всё кончено»; «Его больше нет»? Шумахер утверждал, что убийцы вошли в комнату Петра III сразу после увоза слуги из Ропши. Это вступает в противоречие с письмом. Ведь его — вместе с уже имевшейся припиской — повезли в Петербург одновременно с Масловым. Значит, смерть постигла узника, когда лакей еще был в Ропше, и ощущение, будто его арестовали и втолкнули в карету, не обманчиво. Только так можно объяснить, что по приезде в столицу Маслова отпустили в город, а не доставили к Екатерине. Весь основной текст письма, где Орлов ссылаясь на лакея как на свидетеля болезни императора, потерял смысл. Важным стало только сообщение в приписке.

Ситуацию проясняет донесение Беранже 10 августа, где, рассказывая об убийстве, дипломат замечал: «Подробности этих ужасов известны, главным образом, от русского камер-лакея, верного Петру III в его опале, который по возвращении в Петербург признался своему ближайшему другу о своих сожалениях от потери своего хозяина и об истории его злосчастий. Этот самый камер-лакей был схвачен и препровожден ко Двору, где священник с крестом в руке заставил его поклясться, что он сохранит тайну того, чему он был свидетелем»³⁵. Таким образом, Маслов покинул Ропшу уже после гибели господина. О ее подробностях мы поговорим ниже, а пока остановимся на дате.

Злополучная приписка заставляет сдвинуть кончину императора с официального 6 июля на более ранний срок. Чему источники немедленно дают множество подтверждений.

Так, Штелин в своем дневнике отметил: «5-го кончина императора Петра III-го»³⁶. Объяснить эту фразу ошибкой или опiskeй нельзя, потому что далее следуют записи за 6,8,9 июля. Официальный Манифест о кончине государя опубликовали только 7 июля, но в город, где находился профессор, проникали слухи, и, видимо, 5 июля они достигли его ушей.

5-м же числом датирован секретный приказ В. И. Суворова майору А. Пеутлингу «немедленно вынуть из комнат... бывшего государя мундир голстинский кирасирский, или пехотный, или драгунский, который только скорее сыскать сможете... и прислать оный мундир немедленно». Генерал предписывал «стараться», чтобы «онный мундир... видеть ниже приметить кто [не] мог, и сюда послать, положи в мешок и запечатать, и везен бы был оный сокровенно»³⁷. Таким образом, 5 июля уже были предприняты тайные приготовления к погребению Петра.

Когда в столицу просочились первые слухи о случившемся? Позье писал по этому поводу: «После заарестования Петра III императрица, возвратившись в город, распустила все войска, до тех пор стоявшие шпалерами вдоль улиц, и все избавились от страха. Три дня спустя мы узнали о смерти несчастного императора, описывать подробности которой я не стану»³⁸. Екатерина вернулась в Петербург 30 июня. «Три дня спустя» — это 3-го или 4 июля. Если ювелир не ошибся, то он получил новость с пылу с жару, что при его широких знакомствах вполне возможно.

В уже цитированном донесении Беранже 10 августа дипломат сообщал, что «через четыре или пять дней после свержения» к Петру отправился некий таинственный Тервю (Tervu), «заставивший его силой глотать микстуру, в которой он растворил яд, коим хотели убить его... Яд

не произвел скорого действия, и тогда решили его задушить»³⁹. Под Тервю некоторые исследователи предлагают понимать Г. Н. Теплова, действительно участвовавшего в ропшинской драме. Но сейчас нас интересует дата. 29-е, 30-е, 1-е, 2-е, 3-е — это и есть «четыре или пять дней после свержения», смотря от какого числа считать и на каком остановиться.

Рюльер, рассказывая о событиях в Ропше, писал: «Уже прошло 6 дней поле революции»⁴⁰. То есть — 28-е, 29-е, 30-е, 1-е, 2-е, 3-е — если дипломат считал собственно от переворота. Если от отречения Петра, то надо начать с 29-го и окончить 4 июля. Дата 6 июля никак не следует ни из одного источника.

3 июля прямо названо у Шумахера, чья версия в настоящий момент вызывает наибольшее доверие специалистов: «Удушение произошло вскоре после увоза Маслова — это следует из того, что как придворный хирург Людерс, так и отправленный в тот же день в Ропшу придворный хирург Паульсен застали императора уже мертвым. Стоит заметить, что Паульсен поехал в Ропшу не с лекарствами, а с инструментами и предметами, необходимыми для вскрытия и бальзамирования мертвого тела, вследствие чего в Петербурге все точно знали, что именно там произошло»⁴¹.

Русское издание «Записок» Ассебурга, появившееся в «Русском архиве» в 1879 году, имеет по сравнению с берлинской публикацией 1842 года ряд небольших сокращений. Так, в перевод не попало примечание посла к топониму Ропша. Датчанин писал: «Известно, что государь погиб там 3/14 июля 1762 г.»⁴². А ведь дипломат прямо ссылался на Панина, с которым был очень дружен еще со времен дипломатической службы Никиты Ивановича в Стокгольме.

Мы помним, что последнее приказание в Шлиссельбург было отправлено императрицей 2 июля. Подпоручик Плещеев повез туда вещи для обустройства нового узника и должен был остаться до следующего указа. Но никаких распоряжений не последовало. Приготовление крепости к приему Петра с 3-го замерло. А 10 июля на место вернулся «безымянный колодник» Иван Антонович. Охлаждение к Шлиссельбургу также свидетельствует в пользу более ранней даты смерти императора.

Учитывая приведенные свидетельства, прочтем новыми глазами описание смерти Петра III в письме Екатерины Понятовскому: «Страх вызвал у него боли в животе, длившиеся три дня и разрешившиеся на четвертый. Он пил в этот день непрерывно, ибо у него было всё, чего он желал, кроме свободы... Геморроидальная колика вызвала мозговые явления, он пробыл два дня в этом состоянии, последовала сильнейшая

слабость и, невзирая на все старания врачей, он отдал Богу душу»⁴³. Как видим, Екатерина нигде не назвала конкретной даты, более того — даже не сказала, что перечисленные дни шли друг за другом. Сначала три дня болей в животе, потом четвертый — пьянство и еще два дня неких «мозговых явлений». Текст позволяет считать и иначе. Трое суток желудочных болей с поносом — 30-е, 1-е, 2-е. Шумахер отмечал, что с самого приезда, то есть параллельно с резью в животе, у императора болела голова. Страдания накладывались друг на друга, а с ними и дни. В письме от 2 июля Орлов сообщил о геморроидальной колике. Два дня болезни как раз и занимают 2 и 3 июля. Недаром императрица проронила, что беды разрешились «на четвертый», и таким образом, все-таки отметила день смерти мужа.

Если это рассуждение кажется натянутым, вчитаемся в Манифест. Там тоже удивительным образом отсутствует дата смерти. Екатерина говорит только: на седьмой день после «принятия престола» — то есть 4 июля — получила известие, что бывший император «обыкновенным и прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим впал в престоковую колику». Такое утверждение не исключает получения ею других, более ранних сведений. Фраза: «Тотчас повелели отправить к нему всё, что потребно было» — тоже не говорит точно о времени отъезда врачей. Единственная отсылка к дате: «Вчерашнего дня получили Мы другое [известие], что он волею Всевышнего Бога скончался»⁴⁴ — не сообщает главного: когда.

Из всей совокупности источников прямо день смерти Петра — 6 июля — не указан ни в одном. Его путем подсчетов выводили из Манифеста, но конкретных чисел там нет. Повторенная в сотнях научных работ дата воспринимается как несомненная. Между тем ее нечем подтвердить.

«Не было коварства»

Уточненная дата гибели Петра III — последняя информация, которую можно проверить путем сопоставления источников. Далее мы вступаем в сферу гипотез. Их нельзя подтвердить, и выбор часто зависит от субъективных исторических симпатий и антипатий автора. Добросовестный исследователь должен признать, что в настоящий момент невозможно с точностью сказать, что именно произошло в Ропше. Основных версий три. На наш взгляд, предпочтительнее познакомить читателя со всеми, чем отводить страницы под вольную реконструкцию

размышлений Екатерины и Орловых⁴⁵ или Панина⁴⁶. Без опоры на документы подобные упражнения — интеллектуальная игра. Не более.

Официальная версия случившегося была изложена в Манифесте 7 июля 1762 года. Удивительно, но причина смерти императора там тоже не названа, как и дата. Текст сообщает, что Петр заболел геморроидальной коликой. А отчего умер — умалчивает. Логически можно сделать вывод, что смерть — результат болезни. Но логика читающего и логика пишущего — разные вещи. Причина болезни и причина смерти не всегда совпадают, особенно если предполагается насильственный уход из жизни.

В письме Понятовскому Екатерина добавила информации, но поступила с ней так же, как в Манифесте, — выпустив важный фрагмент. Говоря о результатах вскрытия, она сообщала: «Его желудок был здоров; его унесло воспаление кишок и апоплексический удар. Его сердце оказалось на редкость крошечным и совсем слабым»⁴⁷. В другом переводе: «крайне мало и совсем сморщено»⁴⁸. Здесь же вместо «мозговые явления» уточнено: «геморроидальные колики вместе с приливами крови к мозгу». Одно вовсе не обязательно вызвано другим, скорее оба симптома — параллельны.

К несчастью, протокол вскрытия отсутствует. Возможно, он вовсе не составлялся, учитывая экстраординарные обстоятельства. Но маленькое сморщенное сердце — деталь, которая появилась в письме не случайно. Как отметил А. Б. Каменский, она представляет собой отпечаток некой непридуманной информации. Крошечное сердце означает нарушение кровообращения, которым Петр III страдал из-за своего чрезмерно высокого роста, как впоследствии его внук Николай I, также жаловавшийся на желудочные колики, а временами — на адские мигрени, заставлявшие императора по несколько часов лежать без движения⁴⁹. Эти болезни суть семейные. И зная, как они протекали у внука, можно кое-что предположить и о деде.

Одновременно с болями в кишечнике и расстройством желудка у узника начались приливы крови к мозгу, результатом которых стал апоплексический удар. Последний возможен как результат нервного потрясения и душевных переживаний, ежедневно усугублявшихся условиями содержания и грубостью охраны. Петр еще в бытность великим князем не терпел принуждения, даже сравнительно мягкий елизаветинский надзор вызывал в нем гнев и раздражение. Теперь же он — всегда рвавшийся на свободу — оказался в настоящем заключении: втиснут в маленькую комнатку, ограничен запретами, изводим издевками. При

имевшейся предрасположенности вполне достаточно для инсульта — «мозгового удара». Внезапное кровоизлияние в мозг проявляется как раз головной болью, рвотой, расстройством сознания, которые, судя по описаниям, у Петра были.

В письме Понятовскому пропуск информации сделан в совсем короткой фразе: «Его унесли воспаление кишок и апоплексический удар». Опущена причина удара. До тех пор пока третье письмо Алексея Орлова из Ропши считалось подлинным, оно удачно закрывало эту брешь.

«Матушка милостивая Государыня. Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты немилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась беда. Мы были пьяны, и он тоже. Он заспорил за столом с князем Федором, не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хотя для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил, прогневили тебя и погубили души на век»⁵⁰.

Очень эмоциональное письмо. Кажется, что оно имело реальный протограф, потому что переданные в нем чувства — подлинные. Только очень предвзятый взгляд видит в корявых выражениях Алексея пьяные излияния. После того как на ваших глазах, или лучше — в ваших руках — умер император, поневоле протрезвешь. Потрясение, растерянность, непонимание, как могло случиться то, что случилось, — вот что сквозит в строках записки. Безоговорочное признание вины — нам доверили караулить, нам и отвечать — очень по-русски и в характере знаменитых братьев. Страх и просьба о помиловании — одному себе, что малодушно, учитывая общую вину. Намек на фавор брата — вещь немыслимая, объяснить которую можно только крайним расстройством чувств. Наконец, «свет не мил», «прикажи скорее окончить», «погубили души на век» — точно пойманное ощущение: тошно жить после содеянного.

Недаром В. А. Плугин, посвятивший Алексею Орлову книгу, был так привязан к этому письму и отстаивал его психологическую достоверность⁵¹. Выводы ученого фактически смыкались с выводами биографа Екатерины II А. Б. Каменского о непреднамеренности убийства.

Ведь если взять текст Орлова отдельно от рассказа Рюльера, где нарисована красочная картина удушения, то окажется, что Алексей

настаивал на несчастном случае и явно недопонимал, как тот произошел. Третью записку рано начали называть признанием в убийстве, что подтверждала и Дашкова. Их с Алексеем разделяла вражда, но, сказать по чести, после гибели Петра III брат фаворита очутился в положении, какого и врагу не пожелаешь. Комментарий Екатерины Романовны на приведенный документ лишен тени сочувствия: «Он писал как лавочник, а тривиальность выражений, бестолковость, объясняемая тем, что он был совершенно пьян, его мольбы о прощении и какое-то удивление, вызванное в нем этой катастрофой, придают особенный интерес этому документу для тех людей, кто пожелал бы рассеять отвратительные клеветы, в изобилии возводимые на Екатерину II... Пьяный, не помня себя от ужаса, Алексей отправил это драгоценное письмо Ее величеству тотчас же после смерти Петра. Когда, уж после кончины Павла я узнала, что это письмо не было уничтожено... я была так довольна и счастлива, как редко в моей жизни»⁵².

Что заставило княгиню радоваться? Доказательство вины старого врага? Подтверждение невинности подруги? Или чувство облегчения, ведь ее собственное имя тоже косвенным образом связывали с событиями в Ропше? Загадка состоит в том, что Павел I наказал Дашкову за участие в перевороте куда строже, чем Орлова — предполагаемого убийцу. Екатерину Романовну отправили в дальнюю бессрочную ссылку, в глухую деревню, под надзор полиции. А Алексею после участия в торжественном перезахоронении останков Петра III, где он нес корону, позволили уехать с официальной любовницей и дочерью в заграничное путешествие «на лечение». Орлов даже не потерял чинов. Странная избирательность. Похоже, сын убитого знал больше, чем современные исследователи.

Если вчитаться, то записка Алексея снимала вину не только с Екатерины, но отчасти и с караульных офицеров. Преступная халатность — вовсе не то злодеяние, которое возлагают на них вот уже более двух с половиной веков.

А. Б. Каменский так реконструировал ход событий: во время обеда между подвыпившими караульными и узником возникла ссора и драка. По природе Петр был трусом. Нападение на него дюжих гвардейцев должно было его смертельно испугать, результатом чего стал апоплексический удар⁵³.

У приведенной реконструкции есть ряд черт, делающих ее очень правдоподобной. Мы помним, что Петр Федорович любил пить не только со своими голштинскими офицерами, но даже со слугами, и те, случалось, теряли к господину всякое уважение. Екатерине приходилось напоминать

им о прямых обязанностях. Такая потеря уважения за хмельной трапезой фиксируется и запиской. Из предыдущих писем Орлова известно, что Петр раздражал офицеров, говоря «здор», а иногда и пугал, «отзываясь» как настоящий император. Смесь панибратства с угрозами — прямая дорога к кулачному выяснению отношений. Узник чем-то задел Барятинского, они сцепились, остальные ринулись разнимать, «а его уже и не стало».

Судя по всему, Екатерина внутренне придерживалась именно этой версии. Заметим — не официальной, а той, что как бы подложена под официальную. В письме Понятовскому она говорит, что на четвертый день Петр III «пил непрерывно, ибо у него было всё, кроме свободы». Возможно, гневные жалобы на заключение, а затем нападки на офицеров: зачем не дают ему гулять и притесняют — и послужили поводом к драке. Характеризуя в письме Дени Дидро свое отношение к книге Рюльера, Екатерина писала в 1768 году: «Во всем этом не было коварства, а всему причиною дурное поведение известной личности, без чего, конечно, с ним ничего не могло бы случиться»⁵⁴.

Однако есть момент, который не укладывается в данную картину. Из второго письма Орлова видно, что Петр уже не вставал: «А он сам теперь так болен, что не думаю, чтоб он дожил до вечера, и почти совсем уже в беспамятстве». Это написано утром 3 июля. И вдруг застолье, «непрерывное» питье. С человеком в беспамятстве?

Законен вопрос: а была ли трапеза?

«Они употребили насилие»

Тут на помощь приходит услужливая версия Рюльера. Она всё расставляет на свои места. Всему дает объяснение.

Согласно рассказу секретаря французского посольства Алексей Орлов и статский советник Григорий Николаевич Теплов (тот самый, чью жену соблазнил Петр III), приближенный гетмана, сначала попытались отравить императора, а потом удушили его. Они «пришли вместе к несчастному государю и объявили, что намерены с ним обедать. По обыкновению русскому перед обедом подали рюмку с водкою, и подставленная императору была с ядом. Потому ли, что они спешили доставить свою новость, или ужас злодеяния понуждал их торопиться, через минуту они налили ему другую. Уже пламя распространилось по его жилам, и злодейство, изображенное на их лицах, возбудило в нем подозрение — он отказался от другой; они употребили насилие, а он против них оборону. В

сей ужасной борьбе, чтобы заглушить его крики, которые начинали раздаваться далеко, они бросились на него, схватили его за горло и повергли на землю. Но он защищался всеми силами, какие предает последнее отчаяние, и они... призывали к себе на помощь двух офицеров, которым поручено было его караулить и которые в сие время стояли у дверей вне тюрьмы. Это был младший князь Барятинский и некто Потемкин, 17-ти лет от роду... Они прибежали, и трое из сих убийц, обвязав и стянувши салфеткою шею сего несчастного императора (между тем как Орлов обеими коленями давил ему на грудь и запер дыхание) таким образом его душили, и он испустил дух в руках их.

Нельзя достоверно сказать, — продолжал Рюльер, — какое участие принимала императрица в сем приключении; но известно то, что в сей самый день, когда сие случилось, государыня садилась за стол с отменною веселостью.

Вдруг является тот самый Орлов — растрепанный, в поте и пыли, в изорванном платье, с беспокойным лицом, исполненным ужаса и торопливости, его сверкающие и быстрые глаза искали императрицу. Не говоря ни слова, она встала, пошла в кабинет, куда и он последовал; через несколько минут она позвала к себе графа Панина, который был уже наименован ее министром. Она известила его, что государь умер, и советовалась с ним, каким образом объявить о его смерти народу. Панин советовал пропустить одну ночь и на другое утро объявить сию новость, как будто сие случилось ночью. Приняв сей совет, императрица возвратилась с тем же лицом и продолжала обедать с тою же веселостью. Наутро, когда узнали, что Петр умер от геморроидальной колики, она показалаась орошенная слезами, и возвестила печаль своим указом»⁵⁵.

Это описание хрестоматийно. Оно стало известно раньше других и использовалось гораздо чаще. Большинству авторов, касавшихся смерти Петра III мимоходом, не углубляясь в детали, хватало цитаты Рюльера и третьего письма Орлова из Ропши, чтобы представить полную картину преступления. Многочисленные французские и немецкие авторы, писавшие о перевороте 1762 года, — Корберон, Кастера, Гельбиг, Массон и т. д. — основывались главным образом на рассказе Рюльера. Перед дипломатами и путешественниками, посетившими Россию позднее, секретарь имел большое преимущество — он находился в Петербурге в момент событий и собирал информацию с пылу с жару. Те, кто приехал позже, тоже могли подцепить любопытные детали, ведь действующие лица были еще живы. Однако сейчас трудно сказать, что в рассказах поздних авторов — эпигонов Рюльера — новые факты, а что игра живого

воображения.

Дотошное сопоставление вариантов этой истории дано в работе В. А. Плугина. Ученый показал, что все они восходят к тексту Рюльера. Именно его следует считать протографом — материковой плитой, на которую вырос слой осадочных отложений. Поэтому будет справедливо называть рассказ об удушении Петра III Алексеем Орловым версией Рюльера.

В Европе она стала использоваться сразу, поскольку не подпадала под цензурные ограничения и хорошо ложилась в канву памфлетной литературы. К ней прибегали не только иностранные, но и русские авторы, публиковавшиеся за границей. Ее не обошли вниманием А. И. Герцен и А. И. Тургенев, принимая как единственно возможный вариант развития событий⁵⁶.

В России историки, касаясь событий 1762 года, обычно ограничивались простой констатацией факта смерти Петра III, не вдаваясь в подробности. Так, С. М. Соловьев позволил себе лишь уточнить, что кончина была «насильственной», а В. О. Ключевский кратко пересказал события по третьей записке Орлова.

Первым проговорил версию Рюльера В. А. Бильбасов, издавший свою книгу о Екатерине II сначала в Берлине в 1900 году, а затем в России в момент ослабления цензуры в 1905-м. Публикатор и знаток источников Екатерининской эпохи, Бильбасов обладал солидным авторитетом и одним своим именем придавал вес приводимым фактам. Возможность, наконец, сказать в России прямо то, что в течение долгих десятилетий находилось под запретом, настолько очаровала автора, что он пренебрег свидетельствами, не укладывавшимися в концепцию. Бильбасов реконструировал ход размышлений Екатерины и Орловых, отталкиваясь от убеждения в их виновности. Этот публицистический пассаж оказал основополагающее влияние на дальнейшую отечественную литературу. Повторить за Бильбасовым значило повторить за мастером. Между тем ученому были известны и «Записки» Шумахера, назвавшего других убийц, и сообщение Панина об обстоятельствах смерти Петра III, записанное его родственницей фрейлиной В. Н. Головиной.

Но вернемся к существованию версии Рюльера. Мы не раз говорили, что секретарь французского посольства являлся очень осведомленным собирателем информации. Не будучи непосредственным свидетелем событий, он тем не менее «снял сливки» в беседах высокопоставленных лиц и не раз попадал в десятку. Хотя случались и промахи. Они особенно заметны в том, что касалось гвардейских заговорщиков, — вероятно, у дипломата не было информаторов из этой среды.

В настоящий момент узнать всех осведомителей Рюльера невозможно. Многие француз почерпнул в общении с Дашковой. В ее «Записках» приведен любопытный парижский эпизод: «Когда Дидро был у меня вечером, мне доложили о приезде Рюльера... Он бывал у меня в Петербурге, а в Москве я его видела еще чаще... По возвращении своем из России он составил записку о перевороте 1762 года и читал ее повсюду в обществе». Княгиня хотела принять дипломата, но Дидро остановил ее: «Принимая Рюльера у себя, вы тем самым санкционировали бы сочинение, внушающее беспокойство императрице и очень известное в Париже». В результате этого предупреждения, заключает Дашкова, «я закрыла свою дверь перед старинным знакомым, оставившим во мне самые приятные воспоминания»⁵⁷.

В целом текст «Анекдотов» не противоречил тому представлению о перевороте и тем характеристикам главных действующих лиц, которые сложились в кругу Дашковой. Более того — был во многом спровоцирован разговорами с нею. Именно Екатерина Романовна после кончины свергнутого царя назвала Алексея Орлова виновным: «Когда получилось известие о смерти Петра III, я была в таком огорчении и негодовании, что хотя сердце мое и отказывалось верить, что императрица была сообщницей преступления Алексея Орлова, я только на следующий день превозмогла себя и поехала к ней... Вечером в апартаментах императрицы я имела неосторожность выразить надежду, что Алексей Орлов более, чем когда-либо, почувствует, что мы с ним не можем иметь ничего общего, и отныне не посмеет никогда мне даже кланяться»⁵⁸.

Рассказ Панина о перевороте, переданный Ассбургом, обрывается на встрече Никиты Ивановича и Петра III в Петергофе. Остается сожалеть, что осторожный вельможа ничего не поведал дальше. Однако нужный фрагмент — как бы окончание повести — содержится в мемуарах Варвары Головиной.

«Решено было отправить Петра III в Голштинию, — писала фрейлина. — Князю Орлову и его брату, графу Алексею, пользовавшимся в то время милостью императрицы, поручили увезти его. В Кронштадте подготавливали несколько кораблей. Петр должен был отправиться с батальоном, который он сам вызвал из Голштинии. Последнюю ночь перед отъездом ему предстояло провести в Ропше, недалеко от Ораниенбаума... Приведу здесь достоверное свидетельство, слышанное мною от министра графа Панина... Как воспитатель Павла, он надеялся забрать в свои руки бразды правления во время регентства Екатерины, но его ожидания не

сбылись... и он всю свою жизнь не мог забыть этого. Однажды вечером, когда мы были у него вместе с его родственниками и друзьями, он рассказывал множество интересных анекдотов и так незаметно дошел до убийства Петра III: «Я находился в кабинете у Ее величества, когда князь Орлов явился доложить ей, что всё кончено. Она стояла посреди комнаты; слово «кончено» поразило ее. «Он уехал?» — спросила она вначале, но, услышав печальную новость, упала в обморок. Потрясение было так велико, что какое-то время мы опасались за ее жизнь... Надежда на милость императрицы заглушила в Орловых всякое чувство, кроме одного безмерного честолюбия. Они думали, что если уничтожат императора, князь Орлов займет его место и заставит государыню короновать себя»⁵⁹.

Корабли, о которых вспоминала Головина, готовились для отправки в Германию голштинских гвардейцев Петра III. Возможно, на первых порах среди заговорщиков витала мысль отпустить на родину и свергнутого государя. Но она, как мы видели, отпала уже 29 июня, когда Екатерина приказала привести в порядок комнаты в Шлиссельбурге.

Простим фрейлине мелкие неточности, неизбежные в мемуарах человека, который сам не был свидетелем событий. Из ее текста следует важная информация: обвинения в адрес Орловых распространял именно Панин, причем делал это методично — как сразу после убийства Петра III, так и по прошествии многих лет. Надо отдать графу должное: он сумел вплавить выгодную трактовку событий в сознание современников. Рассказ Рюльера — эхо разговоров в кругу Никиты Ивановича и Екатерины Романовны.

«Всё сделали Орловы»

Следует понимать, в чем именно состоял интерес каждого из участников драмы. Такой хладнокровный, расчетливый политик, как императрица, не мог не задумываться о дальнейшей судьбе Петра III. Однако современники в один голос *не винили* ее в злодеянии. Фридрих II, вначале назвавший императрицу новой Марией Медичи, намекая на сговор королевы с убийцей ее мужа Генриха IV, позднее пришел к иному выводу. «Всё сделали Орловы, — сказал он графу Луи Сегюру. — ...Императрица не ведала об этом злодеянии и известилась о нем с неподдельным отчаянием; она верно предчувствовала тот приговор, который ныне изрекает против нее весь свет»⁶⁰.

С отзывом Фридриха совпадают история женева Пикгэ, много лет прослужившего в доме Г. Г. Орлова сначала в качестве учителя французского языка, затем доверенного лица. В 1776 году новый французский посол М. Д. Корберон записал разговор с ним: «Рассказывая о кончине Петра III, он уверял меня, что императрица никогда не замышляла его убийства и узнала о нем только после его совершения. Орловы взяли на себя задачу заставить государя так рано покончить счеты с жизнью и царствованием... Это единственное преступление, в котором можно упрекнуть Орлова, и притом необходимое, так как в противном случае неизбежная гибель грозила как Орлову, так и императрице»⁶¹. Если в сообщении женева содержится доля правды, то вот слова, которыми Петр III мог вывести офицеров охраны из себя. Дайте срок, я верну корону, и тогда ни Екатерине, ни Орлову не жить.

Однако бояться восстановления свергнутого самодержца на троне и отдать приказ о его убийстве — разные вещи. «Я не верю, — писал Беранже 23 июля, — что принцесса сия столь злосердечна, чтобы быть причастной к смерти царя. Но поелику глубочайшая тайна всегда будет скрывать от общества истинного вдохновителя ужасного сего покушения, подозрения так и останутся на императрице, которой достался плод от содеянного»⁶². Золотые слова.

Шумахер попытался намекнуть на «вдохновителя»: «Нет, однако, ни малейшей вероятности, что это императрица велела убить своего мужа. Его удушение, вне всякого сомнения, дело некоторых из тех, кто вступил в заговор против императора и теперь желал навсегда застраховаться от опасностей, которые сулила им и всей новой системе его жизнь, если бы она продолжалась»⁶³.

Мы согласны с подобными утверждениями. Однако найдется немало людей, думающих иначе. Разброс суждений современников заставляет нас исходить не из моральных качеств Екатерины, а из соображений выгоды. Именно они, по мысли многих, красноречивее отсутствующих источников свидетельствуют в пользу виновности императрицы.

Гибель Петра снимала вопрос о возможном перевороте в его пользу. Наиболее простой и безопасный способ уничтожить бывшего императора представлялся в ходе переворота, особенно 29 июня, после отречения, по прибытии в Петергоф. Здесь пьяная толпа солдат могла разорвать царя, к чему не раз показывала охоту. Винить было бы некого: подданные восстали и растерзали тирана. Расследование ограничилось бы наказанием некоторого числа нижних чинов.

Почему же такой удобный случай был упущен? Видимо, в тот момент Екатерина считала отправку в Шлиссельбург лучшим решением проблемы. Что касается ее оппонентов, обсуждавших способы устранения царя еще до переворота — сторел на пожаре, заколот на прогулке, — то для них мгновенная смерть врага не представляла выгоды. Если бы император погиб 29-го, это укрепило бы позиции Екатерины — она осталась бы невиновной, ее нечем было бы шантажировать, вымогая ограничения власти в пользу сына или Совета.

Приемлемой являлась и смерть Петра в отдаленной перспективе — спустя несколько месяцев, год, два. Столько, сколько потребуется для укрепления на престоле. Петр отличался слабым здоровьем, его кончина в крепости никого бы не удивила. Переворот давно миновал, войска успокоились. Чтобы вызвать новый взрыв, нужно много агитировать и дорого заплатить. Это совсем не то же самое, что будоражить полки еще в процессе бунта.

Екатерина II была очень терпеливым человеком. Обычно вспоминают, что Елизавета Петровна в течение двадцати лет не посягала на жизнь Ивана Антоновича. У Екатерины под боком находился целый букет претендентов. До 1764 года тот же «безымянный колодник», что и у тетушки. После его смерти — двое братьев и две сестры Ивана — Брауншвейгское семейство, которое имело на престол не меньше прав, чем несчастный император-младенец. Много лет в московском монастыре проживала молчальница, которую принято считать настоящей дочерью Разумовского и Елизаветы — Августой Таракановой. Наконец, 34 года рядом с матерью находился Павел — самый опасный претендент на корону. Заговор в его пользу существовал постоянно. На этом фоне можно было какое-то время потерпеть и Петра III в Шлиссельбурге.

Шумная, скандальная гибель свергнутого царя — убийство едва ли не при всем честном народе — налагала на Екатерину несмываемое пятно. И могла спровоцировать ее свержение. Гвардия, город, армейские полки — всё пока бурлило. В мгновение ока императрица из «Матушки» превращалась в «поганую», как назовут ее солдаты во время одного из ночных возмущений. Вся с таким трудом завоеванная популярность оказалась пущена по ветру.

Голландский резидент Мейнерцгаген сообщал в Гаагу, что 31 июля, во время очередных ночных волнений, Алексей Орлов, вышедший успокаивать солдат, был изруган и едва не побит. Его называли «изменником и клялись, что никогда не допустят, чтобы он надел на себя царскую шапку»⁶⁴. Здесь голландец, вероятно, ошибся — брак и корона

предназначались Григорию. Возможно, именно он и вышел к толпе семеновцев и преображенцев: братьев часто путали в депешах иностранных дипломатов. Но суть произошедшего передана верно: из вчерашних кумиров Орловы превратились в «изменников».

Примечания к разделу

¹ *Ассебург А. Ф.* Записка о воцарении Екатерины II // *Екатерина. Путь к власти.* М., 2003. С. 299.

² *Понятовский С. А.* Мемуары. М., 1995. С. 165.

³ Там же.

⁴ *Рюльер К. К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. // *Екатерина II и ее окружение.* М., 1996. С. 95.

⁵ *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. XIII. Т. 25. М., 1994. С. 125.

⁶ *Писаренко К. А.* Несколько дней из истории «уединенного и приятного местечка» // *Загадки русской истории. XVIII в.* М., 2000. С. 386.

⁷ *Брикнер А. Г.* История Екатерины Второй. СПб., 1885. Т. I. С. 128.

⁸ *Рюльер К. К.* Указ. соч. С. 96.

⁹ *Шумахер А.* История низложения и гибели Петра III // *Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России.* М., 1991. С. 292.

¹⁰ *Рюльер К. К.* Указ. соч. С. 96.

¹¹ Там же.

¹² Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 637.

¹³ *Понятовский С. А.* Указ. соч. С. 165.

¹⁴ *Екатерина II.* Продолжение анекдотов // *Со шпагой и факелом.* М., 1991. С. 339.

¹⁵ *Писаренко К. А.* Указ. соч. С. 342.

¹⁶ *Державин Г. Р.* Сочинения. М., 1984. С. 36.

¹⁷ Три письма Петра III из Ропши к Екатерине II // *Екатерина. Путь к власти.* М., 2003. С. 268.

¹⁸ *Иванов О. А.* Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // *Московский журнал.* 1995. № 11. С. 18.

¹⁹ ПСЗ. Т. XXIV. № 177759.

²⁰ *Шумахер А.* Указ. соч. С. 292.

²¹ *Штелин Я.* Записки // *Екатерина. Путь к власти.* М., 2003. С. 42.

²² *Сиверс Д. Р.* Записки // *Со шпагой и факелом.* М., 1991. С. 334–335.

²³ *Шумахер А.* Указ. соч. С. 298.

²⁴ Три письма Петра III из Ропши к Екатерине II. С. 269.

²⁵ *Шумахер А.* Указ. соч. С. 298.

- ²⁶ Сб. РИО. СПб., 1873. Т. VII. С. 107.
- ²⁷ Шумахер А. Указ. соч. С. 298.
- ²⁸ Писаренко К. А. Указ. соч. С. 349.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 1. № 25. Л. 7.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. № 1229. Л. 446.
- ³¹ РГАДА. Ф. 1. № 25. Л. 8.
- ³² Понятовский С. А. Указ. соч. С. 165.
- ³³ Шумахер А. Указ. соч. С. 298.
- ³⁴ Иванов О. А. Указ. соч. // Московский журнал. 1995. № 11. С. 18; № 12. С. 15, 16.
- ³⁵ Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 638.
- ³⁶ Штелин Я. Записка о последних днях царствования Петра III // Со шпагой и факелом. М., 1991. С. 320.
- ³⁷ Иванов О. А. Указ. соч. // Московский журнал. 1995. № 11. С. 17.
- ³⁸ Позье И. Записки // Со шпагой и факелом. М., 1991. С. 331.
- ³⁹ Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 637.
- ⁴⁰ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 99.
- ⁴¹ Шумахер А. Указ. соч. С. 299.
- ⁴² Иванов О. А. Указ. соч. // Московский журнал. 1995. № 9. С. 19.
- ⁴³ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 165.
- ⁴⁴ Манифесты по поводу восшествия на престол императрицы Екатерины II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 279.
- ⁴⁵ Бильбасов В. А. История Екатерины II. Берлин, 1900. Т. 2. С. 124–129.
- ⁴⁶ Писаренко К. А. Указ. соч. С. 332–333.
- ⁴⁷ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 165.
- ⁴⁸ Екатерина II — С. А. Понятовскому // Со шпагой и факелом. М., 1991. С. 311.
- ⁴⁹ Выходчиков Л. В. Николай I. М., 2006 (серия «ЖЗЛ»). С. 492–497.
- ⁵⁰ Письма графа А. Г. Орлова Екатерине II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 271.
- ⁵¹ Пругин В. А. Алехан, или Человек со шрамом. Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. М., 1996. С. 122.
- ⁵² Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 55–56.
- ⁵³ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 137.

- ⁵⁴ Сб. РИО. СПб., 1876. Т. XVII. С. 44.
- ⁵⁵ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 100.
- ⁵⁶ Тургенев А. И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 227.
- ⁵⁷ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 81–82.
- ⁵⁸ Там же. С. 55.
- ⁵⁹ Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 113–114.
- ⁶⁰ Русский архив. 1890. Кн. III. № 12. С. 553.
- ⁶¹ Корберон М. Д. Интимный дневник // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 126–127.
- ⁶² Тургенев А. И. Указ. соч. С. 228.
- ⁶³ Шумахер А. Указ. соч. С. 299.
- ⁶⁴ Исторический вестник. 1884. № 10. С. 11.

Глава четырнадцатая

НА ПОРОГЕ СМУТЫ

Появление копии третьего письма Орлова через 40 лет после событий, ее внедрение в оборот рукописных материалов по истории России, которыми, минуя цензуру, обменивались образованные соотечественники, закрепляло одну версию убийства Петра III. На протяжении двух столетий исследователи считали источник достоверным, а отсутствие его подлинника и несколько странные обстоятельства обнаружения никого не смущали.

«Памятник невинности»

Между тем сама история копии вызывает сомнения. Приближенный императора Павла I Федор Васильевич Ростопчин сообщал, что после смерти Екатерины II ему и генерал-прокурору Сената А. Н. Самойлову велено было запечатать кабинет государыни. «Через три дня по смерти императрицы поручено было великому князю Александру Павловичу и графу [А. А.] Безбородке рассмотреть все бумаги. В первый самый день найдено это письмо графа Алексея Орлова и принесено к императору Павлу; по прочтении им возвращено Безбородке, и я имел его с четверть часа в руках. Почерк известный мне графа Орлова. Бумага — лист серый и нечистый, а слог означает положение души сего злодея и ясно доказывает, что убийцы опасались гнева государыни, и сим изобличает клевету, падшую на жизнь и память сей великой царицы. На другой день граф Безбородко сказал мне, что император Павел потребовал от него вторично письмо графа Орлова. Прочитав в присутствии его, бросил к камин и сам истребил памятник невинности Великой Екатерины, о чем и сам чрезмерно после соболезнавал»¹.

Дашкова, передавая ту же историю со слов посещавшего ее Ростопчина, приписала Павлу восклицание: «Слава Богу! это письмо рассеяло и тень сомнения, которая могла бы еще сохраниться у меня». Если император испытал радость и облегчение, то зачем было сжигать письмо? Возможно, подлинник содержал нечто большее, чем копия, и Павел не хотел, чтобы неудобные строчки сохранились? Можно ли без санкции

государя скопировать такой источник, не опасаясь опалы? Вопросов история Ростопчина порождает множество.

До работы О. А. Иванова о письмах Орлова из Ропши в самом факте существования третьего письма никто не сомневался. Однако исследователю удалось выдвинуть весомые аргументы в пользу того, что перед нами — фальсификация. При этом созданная умело, которую за «четверть часа» сочинить нельзя. Так, Ростопчин был хорошо знаком с первыми двумя письмами Орлова и должен был держать их перед глазами, составляя третье. Сходны титулования Екатерины в начале записок и обороты речи. В то же время имелись и бросающиеся в глаза различия. В подлинных письмах Орлов обращался к императрице на «вы», в копии — на «ты». Язык копии заметно грамотнее, чем оригиналов. Петр III назван «государь», вместо «бывший государь»².

Копия Ростопчина получила хождение уже после смерти Павла I. Чего он добивался, снимая вину с Екатерины II? Расположения нового императора Александра I, обещавшего править «по уму и сердцу своей бабки»? Доверия Дашковой? Благогосклонности великой княгини Екатерины Павловны, интересовавшейся историческими документами? Иванов показал, что до появления копии, с которой Ростопчин стал вхож к влиятельным лицам, забавляя их любопытным свидетельством старины, он пребывал в опале. Александр I не благоволил к бывшему сотруднику отца. Однако постепенно, благодаря любимой сестре царя Екатерине Павловне, дела Федора Васильевича пошли на лад: она «буквально вырвала для него место московского генерал-губернатора». А сблизил Ростопчина и великую княгиню именно общий интерес к недавнему прошлому. Он стал завсегдатаем ее салона в Твери и пленял слушателей живым, артистическим пересказом анекдотов минувших царствований.

Но существуют и контраргументы. Грамотность языка копии сравнительно с оригиналами можно объяснить именно фактом переписывания. Обращение на «ты» и наименование Петра III «государем» без добавки «бывший» — волнением автора. Странную историю с сожжением письма — импульсивностью Павла I или его злонамеренностью по отношению к матери. Тот факт, что краткое сообщение о смерти императора имелось во втором письме, не исключает возможности написания третьего — более пространного. Таким образом, ставить точку в расследовании рано.

Кроме того, отсутствие «признательного» письма из Ропши еще не снимает подозрений с Орлова. Оно лишь показывает, что события развивались не так, как описано в этом источнике. Пока письмо считали

подлинным, оно служило главным аргументом, затмевая собой слова, сказанные Алексеем Григорьевичем в Вене в 1771 году о том, что его вынудили пойти на преступление. Но коль скоро первый источник утратил доверие ученых, естественным образом повысилось внимание ко второму.

Весной 1771 года на пути из Петербурга в Ливорно, где стоял русский флот, граф Орлов остановился в Вене. Здесь, обедая у посла Дмитрия Михайловича Голицына, в присутствии иностранных гостей он вдруг коснулся Ропшинской драмы. 4 мая французский поверенный в делах Франсуа-Мари Дюран де Дистроф донес в Париж из Австрии: «Без какого-либо побуждения с чьей-либо стороны граф Алексей Орлов по собственному желанию не раз вспоминал об ужасной кончине Петра III. Он говорил, сколь жаль ему такого доброго человека, с коим принужден он был совершить требовавшееся от него. Сему генералу, обладающему чрезвычайной телесной силой, поручили удавить государя, и теперь, судя по всему, его преследуют угрызения совести»³.

Нетрудно отделить слова самого Орлова от комментария слушателя: «Он говорил, сколь жаль ему такого доброго человека, с коим принужден он был совершить требовавшееся от него». Возникает вопрос: кем требовавшееся? Екатериной? Паниным? Приехавшим в Ропшу Г. Н. Тепловым от имени императрицы? Орлов намеренно не уточнил. Но сбрасывать его свидетельство со счетов нельзя. Остроумное замечание В. А. Плугина о том, что признание обвиняемого еще не доказательство вины, справедливо. Однако граф обнародовал свое откровение не под пыткой в инквизиционном трибунале, а за столом посла, в окружении иностранцев. Голицын обязан был доложить о его высказывании в Петербург, а остальные дипломаты поспешили уведомить свои дворы. Алексей Григорьевич был человеком хитрым, хотя умел казаться простодушным, открытым и даже недалеким. Подобное заявление один из первых российских вельмож мог сделать только намеренно.

Справедливо мнение тех ученых, которые видят в неожиданной откровенности Орлова форму давления на императрицу⁴. В 1771 году дела орловской партии в Петербурге становились всё хуже. Григорий Григорьевич терял политический вес. После неудачных переговоров с турками в Фокшанах он утратил пост фаворита. Его заметно потеснила группировка Панина, выдвинувшая нового любимца — А. С. Васильчикова. Никита Иванович, а с ним и Екатерина считали, что войну с Портой необходимо закончить поскорее. Орловы же стояли не только за продолжение конфликта, но и за поход на Константинополь. Острая

политическая конфронтация заставила Алексея прибегнуть к «запретному» методу борьбы — упомянуть события, которых старались не касаться. Граф показывал: еще немного, и он станет откровеннее.

Однако мы не можем утверждать, что намек героя Чесмы предназначался только Екатерине. Панин также, если не в первую очередь, являлся его адресатом. 18 марта 1774 года Дюран, уже находившийся в Петербурге в качестве посла, сообщил без пояснений, что именно Васильчиков задушил Петра III, а Алексей приехал, когда всё было уже кончено⁵. Дипломат передал не сами слова, а суть сказанного, причем так, как он ее понял. Фаворит не мог участвовать в Ропшинской драме, и, называя его, Алексей указывал на покровителей нового любимца — группировку Панина.

«Швед из бывших лейб-кампанцев»

В науке, как и в обыденной жизни, случаются алогичные вещи. Копия третьего письма Орлова не подкрепляла, а скорее опровергала версию Рюльера. Дипломат называл Алексея убийцей, к тому же посылал его — «растрепанного, в поте и пыли» — с известием к императрице. Сам же Орлов настаивал на случайности и делал это письменно. Не имело смысла сначала составить признание, а потом с ним в руке скакать в столицу.

Однако подрыв доверия к письму Орлова ударил и по версии Рюльера, до того считавшейся незыблемой. Сразу обнаружилось, что исследователи сами надели себе шоры. Имеются и другие заслуживающие внимания источники. Один из них — «Записки» Андреаса Шумахера.

Книга Шумахера вышла сравнительно поздно — в 1858 году в Гамбурге на немецком языке. Рукопись хранится в Королевской библиотеке в Стокгольме. К тому времени, когда работа увидела свет, описываемые события потеряли остроту, а ключевая версия сложилась. Поэтому в дискуссиях ученых книге Шумахера долгое время отводилась вспомогательная роль. Между тем она обладает самостоятельной ценностью.

Секретарь датского посольства, точно так же, как и Рюльер, находился в Петербурге в момент переворота. Он тоже собирал сведения о случившемся, но, по-видимому, круг его информаторов был шире, включая и безымянных солдат в Ропше, поскольку некоторые запечатленные им детали можно было подглядеть, только находясь рядом с императором. При этом плотность «второстепенных» подробностей в описании Шумахера

очень высока — в какой карете привезли, сколько окон имелось в комнате, какого цвета гардинами она была зашторена, какой именно мундир надели на покойного, как ему скрестили руки... Источниковеды знают, что такой характер текста объясняется обычно не пристрастием автора к мелочам, а стремлением как можно точнее передать сторонний рассказ об увиденном. Для сравнения — взгляд Рюльера всё время скользит по поверхности. Француз рассказывает о главном, почти не вдаваясь в красноречивые детали. Это передача слухов со слухов, если можно так выразиться.

Шумахер не помещал ни театральных сцен, ни выпренных заявлений. Его книга предназначалась для ознакомления узкого круга друзей и родных, ею, как памфлетом Рюльера, не развлекали публику в парижских салонах. Русское правительство не пыталось перекупить рукопись и, похоже, вообще не знало о ней. Однако авторское самолюбие было и у датчанина. Он писал для потомства, удивленный и обиженный легковесностью уже вышедших брошюр о перевороте.

«Чтобы по мере сил... не остаться в долгу перед грядущими веками, — торжественно сообщал Шумахер, — я желаю выдавшиеся мне теперь часы досуга использовать для записи всего того, что сам я видел и слышал либо же узнал от людей, которые являлись... свидетелями той или иной сцены. Эти показания... я самым тщательным образом сличил между собою и счел возможным использовать лишь те из них, которые полностью согласовывались друг с другом. Надеюсь, что страстная любовь к истине воодушевит и других сочинителей, которые, как и я, будут просто писать для потомков, не прибегая к искажениям и выдумкам».

Так и представляешь себе достойного джентльмена, скрипящего пером у горящего камелька, в кабинете собственного дома, где из шкафов темного дерева на него глядят кожаные переплеты старинных книг, тисненые золотом...

Шумахер настаивал на том, что убийство произошло после увоза лакея Маслова. Тогда «один принявший русскую веру швед из бывших лейб-компанцев — Швановиц (Шванович, Шванвич. — О. Е.), человек очень крупный и сильный, с помощью еще некоторых других людей жестоко задушил императора ружейным ремнем. О том, что этот несчастный государь умер именно такой смертью, свидетельствовал вид бездыханного тела, лицо у которого было черно, как это обычно бывает у висельников или задушенных... Можно уверенно утверждать, что были использованы и другие средства, чтобы сжить его со света, но они не удались. Так, статский советник доктор Крузе приготовил для него отравленный напиток, но император не захотел его пить. Вряд ли я заблуждаюсь, считая этого

статского советника и еще нынешнего кабинет-секретаря императрицы Григория Теплова главными инициаторами этого убийства... 3 июля этот подлый человек поехал в Ропшу, чтобы подготовить всё к уже решенному убийству императора. 4 июля рано утром лейтенант князь Барятинский прибыл из Ропши и сообщил обер-гофмейстеру Панину, что император мертв. Собственно убийца — Швановиц — тоже явился к этому времени, был произведен в капитаны и получил в подарок 500 рублей. Такое вознаграждение за столь опасное предприятие показалось ему слишком малым, и он пошел к гетману, как для того, чтобы сделать ему о том представление, так и пожаловаться, что ему дают весьма отдаленную часть в Сибири. Тот, однако, не вдаваясь в рассуждения, весьма сухо ответил, что отъезд его совершенно необходим, и приказал офицеру сопровождать его до ямской станции и оставить его, лишь убедившись, что он действительно уехал»⁶.

Долгое время фамилия Шванвича мелькала в связи с историей Пугачевского бунта. А после включения «Записок» Шумахера в активный научный оборот вызвала дискуссию. Александр Мартынович был сыном ректора гимназии при Академии наук Мартына Мартыновича Шванвича, приехавшего в Россию еще при Петре I. Он начал службу в 1740 году «артиллерии кондуктором инженерного корпуса», но вскоре перешел в так называемую Лейб-компанию — отряд личной охраны императрицы, образованный из гренадерской роты Преображенского полка, с которой Елизавета участвовала в перевороте. По непроверенным, но часто встречающимся в литературе данным, Шванвич был крестником государыни, приняв православие уже в зрелом возрасте, что и позволило ему перевестись в привилегированную часть. Более того, Елизавета якобы крестила и его сына Михаила — впоследствии перешедшего на сторону Пугачева.

В гвардии Шванвич дослужился до чина поручика. Он отличался не только силой Геркулеса, но и буйным нравом. В бытность лейб-компанцем на него завели два дела: одно о драке с купцами Воротниковыми, другое о краже легавого щенка у своего же полкового товарища Петра Кузьмина, который надопросе объяснил свое паническое бегство от обидчика: «Знаем, сколько он шпагою многим людям вреда причинил и порубил». Последняя характеристика прибавляет правдоподобности слуху, будто именно Шванвич в драке раскроил Алексею Орлову щеку.

Оба дела остались недоследованными. Нравы Лейб-компании нельзя назвать образцовыми, пьянство и драки случались часто. Но даже на этом фоне Шванвич выделялся. Ничего удивительного, что его постарались

сбыть на сторону. В 1760 году буян был «выключен из Лейб-компании» и «определен в Оренбургский гарнизон». Шванвич успел отправить к новому месту службы жену и детей, но за непутевого брата вступилась сестра Елена, бывшая замужем за камердинером великого князя Стефаном Карновичем. Благодаря его протекции Александр Мартынович оказался переведен «в голштинский полк ротмистром». Таким образом, в момент переворота Шванвич принадлежал к голштинцам.

Само упоминание версии Шумахера об убийстве Петра III Шванвичем вызвало на первых порах горячий протест. Так, специалист по истории Пугачевского бунта Р. В. Овчинников в рецензии на книгу Н. И. Павленко «Страсти у трона» писал: «Поручик Александр Мартынович Шванвич никак не мог участвовать в этой акции. За неделю до того... 28 июня 1762 г. Шванвич, по недоразумению заподозренный в приверженности к Петру III, был арестован и заключен в крепость, где и содержался около четырех недель. По повелению Екатерины II Военная коллегия указом от 24 июля 1762 г. освободила Шванвича из заключения и предписала ему отправиться из Петербурга на службу в один из армейских полков, расквартированных на Украине. Об ошибочном аресте и заключении в Петропавловскую крепость поведал и сам Шванвич в челобитной, поданной на имя Екатерины II в ноябре 1763 г. Эти документальные свидетельства, бесспорно опровергающие версию Шумахера относительно причастности Шванвича к убийству Петра III, были приведены в статье, опубликованной за несколько лет до появления книги «Страсти у трона»⁷.

Для ученого нет ничего более, чем игнорирование коллегами его вклада в копилку знаний. В своей статье Реджинальд Васильевич привел перечисленные документы⁸, но из них вовсе не следует столь категоричный вывод: ведь дата ареста Шванвича не названа ни в одном. Анализ и сопоставление этих источников по архивным материалам осуществил К. А. Писаренко.

В челобитной Шванвича сказано: «Во время вступления Вашего императорского величества на всероссийский императорский престол находился при Вашем императорском величестве... а по несчастью моему безвинно крепким арестом заключен был и... из оного заключения освобожден по сообщению... графа Кирилла Григорьевича Разумовского присланном в Государственную Военную коллегия о пожаловании меня капитанским чином и о определении в украинской корпус».

25 июля 1762 года Разумовский послал Военной коллегии объявление, касавшееся некоторых сотрудников Петра III и офицеров, считавшихся его

сторонниками. Этот список начат фамилией Мельгунова. Среди прочих: «Ингерманландского поручика Александра Швановича... определить... капитаном в украинские полки». Этот документ вообще не упоминал об аресте и даже принадлежности Шванвича к голштинцам. Он и сам в челобитной опустил данный факт, ставший после переворота неудобным.

Где же «бесспорное» опровержение версии Шумахера? Или хотя бы данные о времени и продолжительности заключения? В 1792 году сын Александра Мартыновича — Николай сочинил краткий мемуар об отце под красноречивым заглавием «Памятная записка о любимце Петра Третьего». Этот документ, составленный по воспоминаниям старшего Шванвича, давно известен историкам и содержит откровенные «неточности». Так, Николай утверждал, что его отец получил от императора 300 душ, но, поскольку Петра вскоре свергли, так и не смог вступить во владение. Во время переворота его якобы захватили и увезли в Шлиссельбург, где содержали полгода. Ни тот ни другой факт не подтверждается ни собственной челобитной Шванвича, ни объявлением Разумовского.

Однако в памятной записке есть любопытная информация, пересекающаяся с текстом Шумахера о посещении раздосадованным Александром Мартыновичем гетмана. Правда, сын облагородил мотивы этого визита, но в целом картина сходная: «Пошел к одному великому вельможе и говорит ему: «Я просил Государыню не о принятии меня в службу, а о пожалованных мне... деревнях... Я не знаю, кто и за что мне в том злодействует». Вельможа с грозным видом, однако же отступая назад, сказал: «...Ты и то доволен ее милостью»...Потом вельможа скрылся, а через два часа моего отца заключили в Петропавловскую крепость, из коей через три недели отправили за караулом уже в полк, квартировавший в Оренбурге»⁹. На самом деле Шванвич поехал в Оренбург за женой и детьми, а оттуда уже отбыл на Украину.

Сопоставив данные челобитной, объявления и памятной записки, где сказано, что заключение в Петропавловской крепости длилось три недели, К. А. Писаренко предложил примерную дату ареста Шванвича, последовавшего не ранее встречи с «великим вельможей». Три недели — 21 день — отнимаются от 25 июля, когда Разумовский отправил в Военную коллегия объявление. Выходит 4 июля¹⁰. Около этой даты Александра Мартыновича и взяли под стражу. Таким образом, Шванвич имел шанс принять участие в убийстве Петра III.

На наш взгляд, рассказ сына Николая о деревеньке в 300 душ и о заключении в Шлиссельбурге имеет некую основу. Голштинцев, как мы помним, задержали, а потом начали отпускать, приведя православных к присяге. Это краткое пребывание в земляной крепостице и могло стать основой для преувеличения — полгода в одной из самых страшных тюрем империи.

Согласно воспоминаниям Сиверса, офицерам разрешили разойтись по своим квартирам. Среди них, вероятно, был и Шванвич. Чтобы склонить человека к убийству, нужны веские доводы. Перевод из далекого холодного Оренбуржья на Украину — один из них. Ходатаем выступил сам гетман. Вероятно, обещаны были и иные награды. Недаром Шванвич почувствовал себя обманутым. Если при жизни Петр III обмолвился ротмистру о деревеньке, но не успел выполнить слово, то вожделенные 300 душ тоже легли на чашу весов. Вряд ли покровители отказали в них из жадности. Просто такое пожалование человеку, внешне ничем в перевороте не отличившемуся, обращало на него внимание. А внимания как раз следовало избежать. Шванвич проявил жадность и не захотел сидеть тихо. Поэтому его арестовали, подержали в крепости — для вразумления — и выслали из города под караулом. Такое развитие событий правдоподобно.

Однако швед необычайной силы — не единственный убийца, названный Шумахером. Его, шведа, провел к жертве действительный статский советник Григорий Николаевич Теплов — личность весьма примечательная. Один из самых одаренных людей своего времени: администратор, писатель, музыкант, естествоиспытатель, философ, автор многих политических проектов и... совершенно беспринципный человек. Он напоминал яблоко, сердцевина которого сгнила раньше, чем бока налились соком. Сын придворного истопника, ученик Феофана Прокоповича, Теплов рано обратил внимание высоких особ на свои способности — и рано, еще во времена Анны Иоанновны, начал писать доносы.

Возвышение Григория Николаевича началось после того, как в 1743 году Алексей Разумовский выбрал его из числа академических переводчиков в качестве наставника для брата Кирилла. Во время поездки за границу Теплов сумел завоевать доверие подопечного. После назначения Кирилла президентом академии его бывший ментор стал членом Академического собрания и фактически осуществлял руководство академией вместо молодого, не склонного к наукам вельможи. Он пользовался безусловным покровительством гетмана, распоряжаясь даже в его доме¹¹. Заведуя гетманской канцелярией, Теплов держал в своих руках

и малороссийские дела. При Петре III его ненадолго заключили в крепость за нелестные отзывы об императоре, но вскоре выпустили по недостатку улик. Вместе со своим высоким патроном Теплов принял участие в заговоре и стал составителем первых манифестов Екатерины II, за что был пожалован в статс-секретари.

Однако вернувшийся из опалы старый канцлер А. П. Бестужев-Рюмин затребовал свое следственное дело и на основе его материалов пришел к выводу, что предателем был именно Теплов. Тот донес о тайной переписке Екатерины с гетманом. «О сем секрете никому известно быть не могло, кроме Теплова»¹², — рассуждал Алексей Петрович. Позднее Теплов старался очернить своего благодетеля Кирилла Разумовского в глазах молодой императрицы. По выражению Григория Орлова: «лобзая, его же предал»¹³.

Мы не знаем, любил ли Григорий Николаевич свою жену, но ее краткий роман с императором тоже, вероятно, имел значение.

Вот такой человек, по словам Шумахера, прибыл утром 3 июля в Ропшу вместе с Шванвичем и Крузе. Если под загадочным «Тервью» из донесения Беранже скрывается именно Теплов и перед нами не более чем неудачная расшифровка скорописи, то рассказ французского дипломата мало чем отличается от рассказа Шумахера. «Вершиной гнусности и злодейства стал Тервью, отправившийся к нему (Петру III. — О. Е.) через четыре или пять дней после свержения, заставлявший его силой глотать микстуру, в которой он растворил яд, коим хотели убить его. Государь долго сопротивлялся приему микстуры, выражая сомнение в том, что содержимое бокала — лекарство, и полагают, что он уступил только силе и угрозам. Добавляют, что после этого он попросил молока, в чем ему бесчеловечно было отказано, и что яд не произвел скорого действия, и тогда решили его задушить... Врач Крузе, которого он ненавидел и которого послали к нему, подозревался в приготовлении этого яда»¹⁴.

Шумахер не назвал имена тех высоких персон, которые стояли за спиной Теплова, Шванвича и Крузе. Он лишь поведал о конфликте шведа с Разумовским и тем намекнул на суть дела. Близость Теплова к Разумовскому была известна всем. После находок Бестужева отношения Григория Николаевича с благодетелем ухудшились. Зато он обрел нового покровителя в лице Панина. Дашкова настаивала, что именно она обратила внимание дяди на этого человека и убедила Никиту Ивановича, как важно иметь Теплова «на нашей стороне». С воспитателем наследника статс-секретарь вел почти дружескую переписку, оказывал ему услуги

административного свойства, передавая императрице те или иные бумаги. Когда Панин ненадолго уехал в конце августа, Теплов рассказывал Никите Ивановичу петербургские новости в тоне едва прикрытой оппозиционности, а себя называл «человеком без кредита».

29 августа он писал: «Я теряю терпение, но я привожу себе на память, что... два месяца недостаточны, чтоб сказать, что имеешь довольно опытности при дворе. Императорский совет решит всё... Верно то, что не станут удерживать силой того, от кого хотят отделаться. Служить, не имея доверенности государя, всё равно что умирать от сухотки»¹⁵. Что следует из этого письма? Принадлежность Теплова к кругу Панина. Сочувствие проекту Совета. И уловимое разочарование. Чувство утраты внимания императрицы. Причем не им одним, что легко объяснить обвинениями Бестужева, а всей партией сторонников Панина. Отсюда размышления об отставке и упования на Совет.

Какое это имеет отношение к убийству? Как будто никакого. Однако связи — тонкие ниточки между разными участниками событий — становятся яснее.

«Все покойны, прощены...»

После того как мы познакомили читателей с имеющимися версиями, позволим себе высказать некоторые соображения. Инструкции по содержанию Петра III не сохранились или были уничтожены. Однако подобные документы тогда создавались по аналогии с предшествующими сходного содержания. Единственным царственным узником до Петра был Иван Антонович. Поэтому указы Екатерины II Алексею Орлову относительно арестанта в Ропше должны были хотя бы отчасти повторять предписания по пригляду за «безымянным колодником».

Последние были достаточно суровы. Именной указ Петра III капитану князю Чурмантееву прямо говорил о возможности покончить с Иваном при попытке его захвата: «Буде сверх нашего чаяния кто б отважился арестанта у вас отнять, в таком случае противиться сколько можно и арестанта живого в руки не отдавать»¹⁶.

Условия содержания самого Петра показывают, что относительно него были даны весьма жесткие инструкции. Среди них пункт о возможном захвате свергнутого императора противниками следовало предусмотреть. Тем более что он имелся в документах, с которыми неизбежно сверялись,

составляя инструкции для команды Орлова. При попытке освободить Петра начинал действовать пункт: «живого в руки не отдавать». А. Б. Каменский рассуждал: «Убивать его... имело бы смысл лишь в одном случае — в случае острой опасности контрпереворота, но такой опасности явно не было»¹⁷.

Позволим себе усомниться во второй части этого утверждения. Волнения среди полков продолжались и порой принимали угрожающие формы. Рюльер писал: «Уже прошло 6 дней после революции: и сие великое происшествие казалось конченным так, что никакое насилие не оставило неприятных впечатлений... Но солдаты удивлялись своему поступку и не понимали, что привело их к тому, что они лишили престола внука Петра Великого и возложили его корону на немку. Большая часть без цели и мысли были увлечены движением других, и когда всякий пришел в себя и удовольствие располагать короной миновало, то почувствовали угрызения. Матросы, которых не прельщали ничем во время бунта, упрекали публично в кабаках гвардейцев, что они на пиво продали своего императора, и сострадание, которое оправдывает и самых величайших злодеев, говорило в сердце каждого... Одним словом, пока жизнь императора подавала повод к мятежам, то думали, что нельзя ожидать спокойствия»¹⁸.

О несогласии в гвардейских частях еще в процессе переворота сообщал и Шумахер: «Между Преображенским и Измайловским полками уже царило сильное соперничество»¹⁹. Вернувшись в столицу, многие охолонули. А иные опомнились, устыдились своей пассивной роли и обрели голос. В 1770 году Дашкова рассказывала Дидро о перевороте: «Это было делом непонятного порыва, которым все мы бессознательно были увлечены... В заговоре было так мало единства, что накануне самой развязки ни я, ни императрица, никто другой не подозревал ее близкого результата. За три часа до переворота можно было подумать, что он отстоит от нас несколькими годами»²⁰.

Если сами участники жаловались на скорость произошедшего, то перед горожанами и гвардейцами «маленькая петербургская революция» промелькнула, как калейдоскоп картинок. Переворот совершился *слишком быстро*. Никто толком не успел опомниться. Порыв прошел, и запоздалые мысли стали появляться в головах людей, прежде захваченных общим воодушевлением. По возвращении гвардии в Петербург выяснять отношения было всё равно что махать кулаками после драки. Но в том-то и дело, что для многих драка только начиналась.

Преображенский полк обнаружил себя отодвинутым от привычного первенства. Армейские части, Морской экипаж и, как вскоре оказалось, Артиллерийский корпус вообще не высказались. Ситуация была чревата непредсказуемыми последствиями.

Рюльер связал решение участи свергнутого императора именно с волнениями полков. В ночь с 30 июня на 1 июля измайловцы требовали Екатерину, и, возможно, у них были причины подозревать противников в злом умысле против «Матушки». Следующей ночью, с 1 на 2 июля толпа вооруженных людей снова раскачивала дворец. 3-го Петра не стало.

Беранже в донесении 10 августа сообщал: «Это последнее решение было принято по причине раскрытия заговора и особенно потому, что Преображенский полк должен был вызволить Петра III из тюрьмы и восстановить его на престоле»²¹. Мы не знаем, до какой степени сведения дипломата соответствовали реальности, но нам известно: столицу продолжало лихорадить. Одного подозрения преображенцев или иного полка в намерении освободить императора было достаточно для решения его участи.

Возможно, соратники решили дело между собой, не привлекая императрицу. Налицо было волнение в полках. На руках инструкция. Теплов отправился с Крузе и Шванвичем в Ропшу. Сообщил Орлову о положении в Петербурге. Алексей, как видно из его подлинных писем, и сам считал, что свергнутый император опасен. Ситуация соответствовала пункту «живого в руки не отдавать». Слова о том, что Преображенский полк якобы готов освободить государя, подтолкнули к развязке. Однако офицеру благородного происхождения поднимать руку на царя не годилось. Алексей должен был спросить, кто исполнит дело. Крузе и Шванвич были наготове. Алексей пропустил их к арестанту. В этом и состояла его вина. О ней он и говорил в Вене.

Практически все источники фиксируют сначала попытку отравить императора, а затем удушение. При расстроенном желудке Петра яд мог подействовать не сразу. К тому же узника рвало. Просьба принести молока указывает на то, что несчастный догадался о яде: ведь молоко смягчает кишечные рези. Со стороны убийц было бы проще дать арестанту медленно действующий яд под видом лекарства, а самим уехать, оставив Алексея расхлебывать последствия. Но, видимо, они спешили, потому что когда не подействовал мгновенный яд, задушили императора. Такая поспешность говорит об угрозе. Возможно, опасность нападения на Ропшу представлялась им реальной.

Но почему было не увезти узника в более безопасное место?

Например, в тот же Шлиссельбург? Из подлинных писем Орлова следует, что Петр практически не вставал. Вероятно, он был нетранспортабелен. В любом случае насилие совершилось над тяжелобольным человеком.

Беранже считал, что Екатерина не знала о случившемся 24 часа. Шумахер — трое суток. Однако если Алексей сообщал о смерти государя в приписке ко второму письму, то известие было направлено сразу же. Другое дело, когда передано. Определенная пауза, очевидно, имела место. Сразу после возвращения из Петергофа государыня каждый день присутствовала на заседаниях Сената: 1, 2, 3, 4, а затем 6 июля. Возможно, лакуна в одни сутки и показывает, когда императрица известилась об ударе. 4-го она должна была узнать и 5-го не нашла в себе сил предстать перед Сенатом. 5-м же июля помечен приказ о доставке голштинской формы покойного императора из Ораниенбаума.

4 июля Разумовский был назначен командовать Петербургским гарнизоном. И этот шаг — прямая реакция на случившееся. Екатерина продолжала считать Кирилла Григорьевича надежным, преданным лично ей человеком. Для нас важно, что она не увидела в действиях своих сотрудников заговора. В письме Понятовскому 9 августа императрица сообщала о новых статс-секретарях: «Теплов хорошо мне служит», а 12 сентября о Разумовском и Никите Ивановиче: «Гетман всё время со мной, а Панин — самый ловкий, самый рассудительный, самый усердный мой придворный». И тут же мельком: «Все покойны, прощены, выказывают свою преданность родине»²².

Можно было не касаться роковых имен, но государыня написала то, что написала. Значит, она не считала Теплова, Разумовского и Панина злонамеренными негодяями. Ситуация оправдывала их действия. Остается вопрос: была ли угроза действительной? Или вельможная партия только воспользовалась волнениями в столице, чтобы надавить на Орлова? Сам Алексей стал считать себя виновным сразу, поскольку по возвращении из Ропши подал в отставку. По мнению Плугина, у него произошел нервный срыв²³. Но развитие событий и, вероятно, просьбы Екатерины заставили Алексея вернуться. 29 июля ему был пожалован чин секунд-майора Преображенского полка. Да, в сущности, он никуда и не уходил. Победители пребывали во дворце, как в осаде: еженощные тревоги, необходимость уговаривать гвардейцев разойтись, плевки и оскорбления от них. Судя по сообщениям дипломатов, Орловы и гетман, которых считали виновниками смерти Петра, пережили страшные дни.

Прощание

Теперь с шаткой почвы гипотез можно вернуться к тверди исторического факта. Ночью 8 июля тело Петра III привезли из Ропши в Александро-Невский монастырь. Столица была охвачена слухами, и, видимо, еще до появления печальной процессии в городских домах, кабаках и на улицах бурно обсуждали произошедшее.

Никакой «тишины» сохранить не удалось. Хотя, похоже, в первый момент иностранные дипломаты не увидели в случившемся ничего неожиданного и не бросились сообщать своим дворам страшные подробности. 10 июля Гольц просто констатировал факт смерти императора и издание Манифеста. А голландский резидент Мейнерцгаген донес на родину о приватной беседе с доктором Карлом Федоровичем Крузе, полностью подтверждавшей правдивость официальных сообщений: «Я знаю из уст самого лейб-медика, который видел бывшего императора в живых, а затем вскрывал его тело, что Петр скончался от апоплексического удара. Быть может, его спасли бы, если бы вовремя пустили ему кровь»²⁴.

Однако почти сразу же появились и настораживающие ноты. Тот же Гольц в другом донесении, датированном тем же 10 июля, сообщал о «множестве недовольных», число которых «возрастает со дня на день с тех пор, как стало известно, что внук Петра Великого свергнут с престола и что его заменила иностранка, если и имеющая какое-либо право царствовать, то только по мужу или по сыну»²⁵.

Вид покойного императора способен был подлить масла в огонь. Шумахер писал: «Бездыханное тело... выставили на обозрение в том же самом низком здании, где за несколько лет перед тем выставлялись останки его дочери принцессы Анны, а также регентины Анны [Леопольдовны]... В указанном здании были две обитые черным и лишенные каких бы то ни было украшений комнаты. В них можно было различить только несколько настенных подсвечников, правда, без свечей. Сквозь первую черную комнату проходили во вторую, где на высоте примерно одного фута от пола в окружении нескольких горящих восковых свечей стоял гроб. Он был обит красным бархатом и обит широким серебряным позументом. По всей видимости, он был несколько коротковат для тела, поскольку было заметно, что оно как-то сжато. Вид тела был крайне жалкий и вызывал страх и ужас, так как лицо было черным и опухшим, но достаточно узнаваемым, и волосы, в полном беспорядке, колыхались от сквозняка. На покойнике был старый голштинский бело-голубой мундир, но оставались видны только

плечи, грудь и руки... Остальную часть тела скрывало старое покрывало из золотой парчи... Никто не заметил на нем орденской ленты или еще каких-либо знаков отличий. Всем входившим офицер давал два приказания — сначала поклониться, а затем не задерживаться... Наверное, это делалось для того, чтобы никто не смог рассмотреть ужасный облик этого тела. Комнаты, где выставляются тела уважаемых Санкт-Петербургских горожан, выглядят куда представительнее»²⁶.

Рассказ Шумахера совпадал со словами Рюльера, но последний поместил несколько важных суждений: «Тело покойного было привезено в Петербург и выставлено напоказ. Лицо черное, и шея уязвленная. Несмотря на сии ужасные знаки, чтобы усмирить возмущения, которые начали обнаруживаться, и предупредить, чтобы самозванцы под его именем не потрясли бы впредь империю, его показывали три дня народу в простом наряде голштинского офицера. Его солдаты, получив свободу, но без оружия, мешались в толпе народа и, смотря на своего государя, обнаруживали на лицах своих жалость, презрение, некоторый род стыда и позднего раскаяния»²⁷.

Правительство опасалось слухов, будто государь не умер, а его скрыли, увезли, спрятали... Основания для тревоги были. Гольц отметил разговоры, что император «куда-то запрятан»²⁸. Демонстрацией останков старались убедить население в действительной смерти Петра III. Однако только подкрепили догадку, что государь убит. Обратим внимание: светильники на стенах остались пустыми, а вокруг гроба стояли высокие свечи, хотя рассеянный свет в черных комнатах был бы предпочтительнее. В бедности обстановки, в неубранных волосах императора, в его неестественной позе на смертном ложе трудно не увидеть чего-то нарочитого, выставленного напоказ. Неужели народ раздражали намеренно?

В то же время Гольц зафиксировал странное «легкомыслие» вельмож, стремление не погасить, а раздуть слухи: «Удивительно, что очень многие лица теперешнего двора, вместо того, чтобы устранять всякое подозрение, напротив того, забавляются тем, что делают двусмысленные намеки на род смерти государя. Никогда в этой стране не говорили так свободно, как теперь. Имя Ивана [Антоновича] на устах народа, и теперь, когда первый взрыв и первое опьянение прошли, сознают, что только покойный император имел право на престол и что он никому не делал зла. Распущенность гвардии невообразима. Всякие насилия они совершают безнаказанно; офицеры и не пытаются удерживать их, довольные уже тем,

что солдаты не оскорбляют их самих»²⁹.

Возмущение населения могло быть и преувеличено специально для давления на императрицу. Так, Сенат по инициативе Панина обратился к ней с просьбой отказаться от посещения тела супруга, поскольку в городе неспокойно. В экстракте протокола 8 июля записано: «Сенатор и кавалер Никита Иванович Панин собранию Правительствующего Сената предлагал: Известно ему, что Ея императорское величество... намерение положить соизволила шествовать к погребению бывшего императора... но как великодушное Ея величества и непамятозлобивое сердце наполнено надмерною о сем приключении горестью... то... он, господин сенатор... обще с господином гетманом... представляли, что Ея величество, сохраняя свое здравие... для многих неприятных следств, изволила б намерение свое отложить; но Ея величество на то благоволения своего оказать не соизволила... Сенат... тотчас выступя из собрания, пошел во внутренние Ея величества покои и... раболепнейше просил, дабы Ея величество шествие свое в Невский монастырь... отложить соизволила. Ея величество долго к тому согласия своего не оказывала, но напоследок... благоволила».

Очень любопытная картина. Сначала Панин вместе с Разумовским обратились к Екатерине от себя, а когда она отказала, Никита Иванович организовал шествие сенаторов с той же просьбой. При этом он выступал как первый среди них, способный выразить общее мнение. Это была своеобразная демонстрация силы, только не вооруженной, а административной, чисто государственной.

Сообщение о случившемся было помещено в петербургских газетах, чтобы оправдать тот факт, что государыня-вдова не плакала над телом мужа. «Когда Сенат представил императрице вышеизложенный доклад, — писал Шумахер, — она не только залилась слезами, но даже стала горько раскаиваться в шаге, который она предприняла. Она упрекала [сенаторов], что весь свет будет недоволен ею, если она не будет даже присутствовать при погребении своего супруга. Сенат, однако, повторил свое представление и добавил... что по дороге ее собственная жизнь не будет в безопасности»³⁰. Императрицу могли забросать камнями. При наличии в городе двух враждующих партий среди гвардейских полков одни могли напасть на нее, а другие — попытаться защитить. Это стало бы причиной кровавого столкновения.

Голландский резидент Мейнерцгаген доносил 2 августа в Гаагу, что «третьего дня», то есть 31 июля, «ночью возник бунт среди гвардейцев», охвативший два старших полка — Семеновский и Преображенский.

Солдаты «кричали, что желают видеть на престоле Иоанна [Антоновича], и называли императрицу поганюю». «Майора Орлова» (Алексея), который пытался их успокоить, они именовали «изменником». Спустя два дня беспорядки возобновились, теперь «гвардейцы требовали выдать им гетмана»³¹.

Гольц подтверждал, что положение Орловых и Разумовского было крайне незавидным: «Братья Орловы едва смеют теперь показываться перед недовольными. Нет таких оскорблений, которых не пришлось бы выслушать Орлову-камергеру (Григорию. — О. Е.) в одну из тех ночей, когда императрица посылала его успокаивать собравшихся. Одинаково ненавидят они гетмана. К нему всегда относилась с презрением вся здешняя знать за его низкое происхождение; недовольные же говорят теперь, что во время переворота он предал государя, обращавшегося с ним как с братом, только затем, чтобы воспользоваться беспорядками в государстве и самому захватить престол, но что эти замыслы не удались ему»³².

Как видим, возмущенные гвардейцы искали виновного и чаще других повторяли имена Орловых и Разумовского, не щадя при этом императрицу. Единственный, кто остался чист от подозрений, — Панин. Ему не пенял никто, хотя Теплов в тот момент был связан с Никитой Ивановичем куда крепче, чем с преданным им гетманом.

Откладывая обнародование смерти Петра III, правительство рассчитывало, что город успокоится — тогда и можно будет сообщить роковую весть. Но вожделенной тишины не наступало. Напротив, раздражение росло. Кейт доносил лорду Г. Гренвиллю 9 августа: «Между гвардейцами поселился скрытый дух вражды и недовольства. Настроение это, усиленное постепенным брожением, достигло такой силы, что ночью на прошлой неделе оно разразилось почти открытым мятежом. Солдаты Измайловского полка в полночь взяли за оружие и с большим трудом сдались на увещевания офицеров. Волнения обнаружились, хотя в меньшем размере, две ночи подряд, что сильно озаботило правительство»³³.

31 июля в полках был обнародован собственноручный приказ императрицы, в котором «гвардии солдатам» повелевал ось воздержаться «от происходимого ими слышенными безбыточными внушениями беспокойства». Мейнерцгаген сообщал, что результатом волнений стали «аресты и высылка множества офицеров и солдат из столицы»³⁴. Информацию об арестах подтверждал и Кейт.

Награды

Отчасти погасить пламень недовольства призваны были награды за участие в перевороте. Сообщение о них опубликовали в «Санкт-Петербургских ведомостях» 9 августа, в самый разгар брожений. Пожалованными оказались 454 человека. Общая сумма раздач достигла миллиона рублей. Разумовский, Волконский, Панин получили пожизненные ежегодные пенсии в 5 тысяч рублей, Дашкова — 24 тысячи рублей единовременно, Теплов — 20 тысяч рублей³⁵.

Многие заговорщики вместе с военными были пожалованы и придворными чинами. Этим шагом Екатерина старалась разбавить вельможное окружение за счет выходцев из гвардии и приобрести дополнительную опору при дворе. Кроме того, производились награды населенными имениями, что было особенно важно для небогатых заговорщиков — опять же для полковой, гвардейской среды. В зависимости от вклада они получали по 800, 600 и 300 душ.

Особо обсуждались награды Орловых: Григорий — камергер, Алексей — секунд-майор Преображенского полка, Федор — капитан Семеновского. Двое старших также стали кавалерами ордена Святого Александра Невского. Каждый получил по 800 крестьян³⁶.

Черновик этого документа весьма отличался от окончательного варианта. В нем на первом месте были перечислены фамилии гвардейских заговорщиков: Григорий, Алексей, Федор Орловы и Пассек, Бредихин, Барятинский³⁷. Затем шли остальные. В опубликованном варианте вельможи выступили вперед, что соответствовало их официальным чинам и не нарушало субординацию. Но запись, сделанная Екатериной для себя, точно показывает, кого она считала творцами победы.

Однако пока принятые правительством меры по «утушению» волнений не приносили плодов. 10 августа Гольц подробнейшим образом описал Фридриху II обстановку в Петербурге: «Волнения... далеко не успокоены, а напротив, постоянно усиливаются. Не проходит почти ни одной ночи, чтобы толпа недовольных не являлась ко дворцу и не требовала бы разрешения видеть императрицу. Она иногда является лично, иногда посылает успокаивать их кого-нибудь другого, давая денежные подачки мятежникам.

Так как Измайловский гвардейский полк и конная гвардия... в день переворота всецело предалися императрице, то к обоим этим полкам относятся теперь с презрением и вся остальная гвардия, и полевые

гарнизонные полки, стоящие здесь, и кирасиры покойного императора, и флотские.

Не проходит дня без столкновений этих двух партий. Артиллерийский корпус до сих пор еще не принял ничьей стороны. Двор, дойдя до крайности, роздал Измайловскому полку патроны, что встревожило остальную гвардию и гарнизон. Мятежники говорят, что императрица, захватив власть без всякого права, извела мужа... что они желают иметь своим монархом Ивана. Все эти разговоры ведутся открыто»³⁸.

Можно ли считать эти волнения серьезной угрозой власти Екатерины? Обычно историю переворота 1762 года принято излагать, выделяя главные точки: «революция» в столице, поход на Петергоф, убийство Петра III, отъезд императрицы на коронацию. При этом возмущение в городе после известия о смерти государя практически опускается. Благодаря чему создается впечатление, что переворот прошел почти гладко, без риска для Екатерины потерять корону.

Однако нет оснований закрывать глаза на то, что всплески недовольства в гвардии ни на день не утихали и продолжались до самой отправки в Москву. Особенно опасными были первые несколько суток после гибели свергнутого императора. Если принять версию о том, что Екатерина тайно приказала устранить мужа, то придется признать ее недалеким политиком. Ведь риск лишиться престола был весьма велик.

Если же учесть возможность заговора вельмож, то сам собой возникает вопрос: почему он не удался? Несмотря на потерю репутации, Екатерина не отошла в тень, не вернулась к идее регентства и не предоставила престол сыну. Значит, заключает А. Б. Каменский, что-то в данном плане пошло не так³⁹.

Полагаем, *не так* пошли именно народные брожения. Ни разу не всплыло имя великого князя Павла. Вместо него на все лады повторялось другое — Ивана Антоновича. Послы и раньше доносили, что к бедному шлиссельбургскому узнику относятся с особым уважением, даже с любовью. В народе его жалели, считали страдальцем. Что же до маленького Павла, то Петр Федорович сыграл с сыном злую шутку. Он так демонстративно отказывался от мальчика, так старательно исключал его имя из манифестов, что создал ребенку репутацию незаконного. В момент переворота Павел не пользовался ни малейшей популярностью. Горячие головы, склонные продолжить мятеж, выкликали Ивана Антоновича. И обе партии сторонников Екатерины — непримиримые враги между собой — на

время снова оказались в одной лодке. Появление Иоанна VI было невыгодно им в равной мере. Поэтому Панин, Разумовский, Теплое приложили к успокоению солдат столько же усилий, сколько Орловы.

К счастью для них, на сей раз у мятежников не было ни центра, ни руководителя. «Единственное благоприятное для двора обстоятельство, — писал Гольц, — ...состоит в том, что недовольные (в сущности, гораздо более многочисленные, чем остальные) решительно не имеют вождя. Опасаются, особенно за фельдмаршала [Миниха], что солдаты, среди которых он пользуется большим уважением, могут явиться к нему однажды ночью с предложением встать во главе их»⁴⁰.

Миниха спешно отправили инспектировать порт и укрепления в Рогервике. Брожения погасили отчасти раздачами, отчасти арестами. Но они оставались тлеть под спудом до коронационных торжеств, когда в гвардии было открыто несколько локальных заговоров. Недаром Гольц засвидетельствовал, что ушедшие в старую столицу полки унесли с собой и свое раздражение. Екатерина II избавилась от угрозы контрпереворота, но тяжелый осадок, вызванный гибелью Петра III, остался в душе у многих подданных. Он еще даст о себе знать тем легковерием, которое проявит народ в дни Пугачевщины...

Примечания к разделу

¹ Письма графа А. Г. Орлова к Екатерине II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 271.

² Иванов О. А. Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9, 11, 12; 1996. № 1,2,3.

³ Тургенев А. И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 226.

⁴ Плугин В. А. Алехан, или Человек со шрамом. Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. М., 1996. С. 280.

⁵ Тургенев А. И. Указ. соч. С. 274.

⁶ Шумахер А. История низложения и гибели Петра III // Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 299–300.

⁷ Отечественная история. 1998. № 1. С. 195.

⁸ Овчинников Р. В. Из наблюдений над источниками «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» А. С. Пушкина // История СССР. 1991. № 3. С. 146–158.

⁹ Русский архив. 1904. Т. 3. № 11. С. 420–421.

¹⁰ Писаренко К. А. Несколько дней из истории «уединенного и приятного местечка» // Загадки русской истории. XVIII в. М., 2000. С. 290–300.

¹¹ Русская философия второй половины XVIII в.: Хрестоматия / Сост. Б. В. Емельянова. Свердловск, 1990. С. 212–213.

¹² Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIII. Т. 25. М., 1994. С. 119.

¹³ Знаменитые россияне XVIII–XIX вв. СПб., 1996. С. 204–205.

¹⁴ Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 637–638.

¹⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 120.

¹⁶ Там же. С. 73.

¹⁷ Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...» Л., 1992. С. 143.

¹⁸ Рюльер К. К История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 99.

¹⁹ Шумахер А. Указ. соч. С. 291.

²⁰ Записки княгини Е. Р. Дашковой. Репринтное воспроизведение издания 1859 года. М., 1990. С. 373.

- ²¹ Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 638.
- ²² *Понятовский С. А.* Мемуары. М., 1995. С. 171, 173.
- ²³ *Плугин В. А.* Указ. соч. С. 126.
- ²⁴ Исторический вестник. 1884. № 10. С. 8.
- ²⁵ Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии на престол Екатерины Великой // *Екатерина. Путь к власти.* М., 2003. С. 242.
- ²⁶ *Шумахер А.* Указ. соч. С. 300–302.
- ²⁷ *Рюльер К. К.* Указ. соч. С. 101.
- ²⁸ Первые месяцы царствования Екатерины Великой. Из донесений прусского посланника Гольца Фридриху II // *Русский архив.* 1901. № 11. С. 30.
- ²⁹ Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии на престол Екатерины Великой. С. 247.
- ³⁰ *Шумахер А.* Указ. соч. С. 300–302.
- ³¹ Исторический вестник. 1884. № 10. С. 11–12.
- ³² Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии на престол Екатерины Великой. С. 258–259.
- ³³ Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 12. С. 37–38.
- ³⁴ Исторический вестник. 1884. № 10. С. 11–12.
- ³⁵ *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 67–68.
- ³⁶ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 99.
- ³⁷ *Брикнер А. Г.* История Екатерины Второй. М., 1991. С. 135.
- ³⁸ Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии на престол Екатерины Великой. С. 257–258.
- ³⁹ *Каменский А. Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. С. 82.
- ⁴⁰ Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии на престол Екатерины Великой. С. 257–258.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Беспокойный дух

Мы постарались показать, что короткое царствование Петра III — вовсе не досадное недоразумение в русской истории. Оно продемонстрировало необходимость новой волны евро-пеизационных реформ и дало понять властям предрежащим, как их *не надо* проводить. Впереди лежало почти четыре десятилетия долгого, стабильного правления, когда многое удалось сделать.

Стал ли несчастный Петр Федорович жертвой своих поспешных начинаний? Своего трудного характера? Психического расстройства? Всего понемногу. Его гибель в результате переворота — роковая и, к сожалению, неизбежная развязка. Однако, говоря об этом государе, следует избавиться от одного несправедливого мнения.

Часто создается впечатление, будто наследник Елизаветы Петровны стоял особняком в ряду русских монархов и был совершенно чужд им. Перефразируя слова Александра Дюма о Людовике XIII: «Ничего от Генриха IV, ничего от Франции», — можно сказать: «Ничего от Петра Великого, ничего от России». Но это неправда.

Ведь и у Петра I были не только высокие, но и низкие качества, шокировавшие окружающих. Шутовство, стремление издеваться, передразнивать, эскапада, так ярко проявившиеся во «Всешутейшем и всепьянейшем соборе». Не был Петр Великий и прирожденным храбрецом: достаточно вспомнить, как в ночь Стрелецкого бунта 1689 года молодой царь в одном исподнем ускакал в Троице-Сергиев монастырь, бросив в Преображенском мать и жену.

Но, в отличие от внука, Петр I сумел перешагнуть через юношеский страх. Недаром 28 июня 1762 года фельдмаршал Миних советовал императору лично явиться перед восставшей гвардией, как делал его дед, одно присутствие которого не раз прекращало брожения в войсках. Победа над собственным страхом — это ли не настоящая смелость? Но Петру Федоровичу не суждено было с честью преодолеть испытание — в роковой день он колебался и пасовал перед опасностью. Много позже его внук великий князь Николай Павлович, составляя ученическое эссе о Французской революции, напишет, что Людовик XVI не исполнил долга

перед подданными, так как «не покусился защитить свою власть». О Петре III можно было сказать то же самое. Император «не покусился» защитить даже самого себя. Почему целая страна должна была рассчитывать на его защиту?

Всё это не исключает семейного сходства. Не принято замечать, но Елизавета Петровна и ее племянник во многом напоминали друг друга. Оба нервные, легковозбудимые, упрямые, придававшие огромное значение мелочам, за которыми терялось целое. Недаром Екатерина писала, что тетка и муж готовы были прицепиться к каждому слову. Отметила она и другое: любовь Петра беспрестанно ходить большими шагами по комнате, отчего во время разговора за ним трудно было поспевать. Эту черту приписывали желудочным коликам. Но тем же свойством обладала и Елизавета: «Во время богослужения она обыкновенно не подолгу стояла на одном и том же месте, а переходила по церкви с одного места на другое»¹.

Пристальное внимание великого князя к малейшим деталям военной формы, так ярко проявившееся впоследствии у Павла I и его сыновей, имело аналог в жестком диктате, который Елизавета установила на дамскую моду. Стремление выговаривать тому или иному придворному за его одежду, срезать ленточки и локоны у фрейлин было сродни придирам к ремешкам, пуговицам, темлякам и офицерским тростям во фрунте. Так находило выход копившееся у монарха раздражение. Страсть распекаль — отличительная черта Елизаветы, Петра Федоровича, а затем Павла I, Константина и Михаила Павловичей и отчасти Николая I, которых боялись как огня.

Эта особенность не свидетельствует в пользу психической уравновешенности. О сходстве характеров Петра III и Павла I сказано немало. В нарочитой живости отца, а затем сына было нечто болезненное, передавшееся и внукам. Наставник великих князей Александра и Константина Цезарь Лагарп писал о последнем: «Редко можно встретить молодых людей до такой степени живых... ни одной минуты покойной, всегда в движении; не замечая, куда идет и где ставит ногу, он непременно выпрыгнул бы из окошка, если бы за ним не следили»². Не таков ли был и Петр?

Лагарп подмечал и другое сходство Константина с дедом — «счастливые задатки», возбуждавшие у окружающих «блестящие надежды», при отсутствии умения «сосредотачивать внимание на известном предмете», и невозможность «побороть упрямство». Но вспомним: Елизавета Петровна при глубоком уме, отмеченном у нее

Екатериной II, тоже не могла долго сосредотачиваться на чем-то и скучала государственными делами. Ее нервозность проявлялась в перескакивании с одной мелочи на другую.

Даже самые недоброжелательные наблюдатели признавали за Петром III остроумие. Весьма остроумен и просто умен был его сын Павел I, в котором, так же как и в отце, а еще раньше в Петре Великом, подмечали «сумасшедшинку». Большим острословом называли великого князя Михаила Павловича. Завидуя успеху брата, Николай Павлович в юности тоже пробовал шутить, но это выходило у него грубо и неудачно. Лучше всего у царевича, как и у деда, получалось передразнивать. Однако Николай вскоре заметил, что его насмешки задевают окружающих, над чем Петр III никогда не задумывался. Усилием воли великий князь заставил себя отказаться от привычки обидно острить. Он вообще сознательно выкорчевывал в себе дедовские черты — упрямство, лень, своеволие, полагая их собственными дурными качествами. Суровые наставники, вроде генерала Ламсдорфа, не сумели сломить подопечного, но тот сломил себя сам. Позднее Николай написал жене, что «много страдал» из-за необходимости менять характер ввиду будущей короны. Именно этого Петр Федорович сделать не захотел.

Еще одна черта, отмеченная Екатериной в ее несчастном муже, — пронизательность (правда, без здравомыслия) — была вместе с наследственной елизаветинской подозрительностью и скрытностью присуща Александру I. Недаром Наполеон назвал его «византийским греком».

Буквально копией деда в поведенческом плане считали Константина Павловича. Он, как и Петр, ставил молодую жену с ружьем на плече на часы у двери. Выкручивал и кусал ей руки, не понимая, что она плачет от боли. Заряжал пойманными крысами пушки и приказывал стрелять ими по стенам, выбирая «побольше и пожирнее»³. Несмотря на эксцентричные выходки, бабушка Екатерина II любила вспыльчивого Константина не меньше, чем кроткого Александра. «Косенька» казался ей прямым, бесхитростным, храбрым... Мало кто знает, что апоплексический удар, постигший императрицу в 1796 году, следует связывать не только с неудачным сватовством шведского короля к великой княжне Александре Павловне, но и с поступком Константина. Буквально за несколько дней до смерти Екатерина узнала, что внук отдал приказ крайне жестоко наказать одного из часовых, отчего последний умер. Императрица была потрясена: она вдруг увидела Константина другими глазами, заметила в нем ненавистные черты Петра III. Можно сказать, что покойный муж отомстил

ей из могилы.

Был и другой потомок, манеры которого через два поколения повторяли Петра III. Зимой 1833 года принц Вильгельм Оранский, женатый на великой княжне Анне Павловне, привез в Петербург своего старшего сына и тезку (будущего короля Нидерландов Вильгельма III). Он был «настоящий остолоп», — писала о кузене дочь Николая I царевна Ольга. «Он был влюблен в Мари (великую княжну Марию Николаевну. — *О. Е.*)... Никто не хотел с ним иметь дела, постоянно приходилось удалять его насильно, и когда его воспитатели брали его под руки, он награждал их пинками ног... Во время игры в серсо он втыкал нам булавки, о которые мы кололись, и когда, утомленные игрой, мы хотели отдышаться, он лил нам воду на затылок»⁴. Это ли не Петр III в лучших проявлениях? Создается впечатление, что беспокойный дух убитого императора, мучивший романовскую родню, ушел в побочную голландскую ветвь.

Легко заметить, что Петр III соединял большинство дурных семейных качеств при крайне скудном запасе добрых. Он словно концентрировал все недостатки в одном лице. Неудивительно, что его стыдились. Но несчастный император был плоть от плоти своих предков и потомков. В каждом из них жил его маленький образ. И каждый должен был либо задушить в себе прашура, как сделал Николай I, либо пойти на поводу у худших наследственных черт, как произошло с Павлом I, цесаревичем Константином, Вильгельмом III...

Всё зависело от личного нравственного выбора.

Примечания к разделу

¹ *Екатерина II. Записки* // «Слово». 1989. № 2. С. 88.

² *Кучерская М. А. Константин Павлович. М., 2005 (серия «ЖЗЛ»).* С. 38.

³ Там же. С. 51–53.

⁴ *Стрижак Н., Соколов А., Раскин Д. Анна Павловна. Русская принцесса на голландском троне. СПб., 2003. С. 47–48.*

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III (КАРЛА ПЕТЕРА УЛЬРИХА ГОЛШТИНСКОГО)

1728, 10(21) февраля — Карл Петер Ульрих родился в Киле, столице Голштинии.

1736 — герцог Карл Фридрих Голштинский отказал требованию императрицы Анны Иоанновны отречься за себя и за сына от потерянного владения — Шлезвига.

Лето — отец берет Карла Петера Ульриха на карательные рейды против цыган (или богемцев), которые наводнили Голштинию.

1738, февраль — отец присвоил Карлу Петеру Ульриху чин секунд-лейтенанта.

1739, 11 июня — смерть герцога Карла Фридриха Голштинского.

1741, 24 ноября — в Стокгольме скончалась королева Ульрика Элеонора из Пфальц-Цвейбрюккенской династии, что открывало Карлу Петеру Ульриху путь к шведскому престолу.

В ночь на 25 ноября — в результате дворцового переворота корону в России захватила Елизавета Петровна, чьим законным наследником мог стать только племянник — юный герцог Карл Петер Ульрих Голштинский.

1741–1743 — Русско-шведская война.

1742, 5 февраля — Карла Петера Ульриха привезли в Петербург.

17 ноября — наследник Елизаветы принял православие, стал именоваться Петром Федоровичем и был провозглашен великим князем.

1743, 7 августа — в Або подписан мирный договор между Россией и Швецией. От имени Петра Федоровича русская сторона передала его права дяде-регенту Адольфу Фридриху, который и стал шведским королем.

Зима — болезнь Петра Федоровича от перенапряжения на занятиях.

1744, декабрь — на дороге из Петербурга в Москву, на станции Хотилово, Петр Федорович заболел оспой.

1745, 21 августа — венчание с великой княгиней Екатериной Алексеевной (урожденной принцессой Софией Августой Фредерикой Ангальт-Цербстской).

1746, февраль — вторая болезнь от перенапряжения, теперь уже в

семейной жизни.

1748, 23 мая — великокняжеская чета едва не погибла из-за обрушения дома в подмосковном Петрове, где императрица Елизавета гостила у братьев Разумовских.

1749, лето — заговор поручика Бутырского полка Иоасафа Батурина с целью возвести Петра Федоровича на престол. Великий князь дает согласие действовать вместе с мятежниками.

Сентябрь — Елизавета Романовна Воронцова, будущая фаворитка Петра III, назначена фрейлиной к малому двору.

1749/50, зима — тяжелая болезнь Елизаветы Петровны, заговор знати в пользу свергнутого императора Ивана Антоновича Брауншвейгского, предложение арестовать и убить великокняжескую чету.

1750, весна — ссора Петра Федоровича с августейшей теткой, закончившаяся угрозой императрицы Елизаветы Петровны поступить с ним так, как Петр I поступил с царевичем Алексеем.

Консультации между Россией, Швецией и Данией о судьбе герцогства Голштинского, на которых русскую сторону официально представляет наследник.

1751, март — Петр Федорович разрывает переговоры с Данией об обмене территории Шлезвига на Ольденбург.

1754, 20 сентября — рождение великого князя Павла Петровича.

1755/56, зима — тяжелая болезнь Елизаветы Петровны, в результате которой она почти не вмешивается в государственные дела.

1756/57, зима — Петру Федоровичу разрешено оставить при себе полк так называемой «голштинской гвардии».

1756–1757 — Петр Федорович — член Конференции при Высочайшем дворе, которую покидает в знак протеста против начала войны с Пруссией.

1756–1763 — Семилетняя война.

1757, 9 декабря — рождение великой княгини Анны Петровны.

1758, 14 февраля — арест канцлера А. П. Бестужева-Рюмина.

13 апреля — Петр Федорович дает Елизавете Воронцовой обещание жениться.

1759, 12 февраля — великий князь назначен директором Сухопутного шляхетского корпуса.

1761, 25 декабря — кончина Елизаветы Петровны, вступление Петра Федоровича на престол.

1762, 17 января — указ о чеканке новой, облегченной монеты.

18 февраля — Манифест о вольности дворянства.

19 февраля — указ о секуляризации церковных земель.

21 февраля — указ о ликвидации Тайной канцелярии.

22 марта — Петр Федорович и Екатерина Алексеевна посещают в Шлиссельбурге Ивана Антоновича.

25 мая — указ об учреждении банка.

25 июня — указ, уравнивавший в правах все религии (так называемый «указ о веротерпимости»).

28 июня — именины Петра и Павла, переворот в пользу императрицы Екатерины II.

28 июня, около 9 часов вечера — Петр III отправляется в Кронштадт, но вынужден вернуться из-за угрозы крепости открыть огонь.

29 июня, 4 часа утра — галера с Петром III на борту возвращается в Ораниенбаум.

Петр III отрекается в Ораниенбауме от престола. Екатерина II принимает решение не отпускать мужа в Германию, а заключить в Шлиссельбург.

29 июня, вечер — Петра III привозят в Ропшу.

30 июня — у свергнутого императора на нервной почве начался приступ геморроидальных колик.

1 июля — арестант обратился к Екатерине II с просьбой доставить ему из Ораниенбаума слугу Нарцисса, любимого мопса и скрипку.

2 июля — первое письмо А. Г. Орлова из Ропши, где говорится о болезни императора.

3 июля — второе письмо А. Г. Орлова из Ропши. Смерть Петра III.

7 июля — Манифест о смерти Петра III с изложением официальной версии случившегося.

иллюстрации

Михаил

Царевна Анна Петровна, мать Петра III.

Н. И. Никитин. Ранее 1716 г.

Талер, чеканившийся в Шлезвиг-Голштейне в годы герцогства Петра Федоровича. 1753 г.

Герцог Карл Фридрих Голштейн-Готторпский, отец Петра III.

Неизвестный художник. Середина XVIII в.

Вид увеселительного дворца в Ораниенбауме.

Н. Ф. Челноков, Ф. Т. Внуков. Гравюра. Середина XVIII в.

Елизавета

Императрица Елизавета Петровна.

Неизвестный художник. Середина XVIII в.

Внизу: собственноручная подпись

Офицерская гренадерская шапка Лейб-кампании.

Середина XVIII в.

Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин.

Л. Токке. 1757 г.

Медаль с профильным портретом императрицы Елизаветы Петровны.

Середина XVIII в.

Портрет великого князя Петра Федоровича на коне.

Г. Х. Гроот. 1740-е гг.

Кубки с изображением Елизаветы Петровны.

Европа. Середина XVIII в.

Семейный портрет великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны.

А. Бреннер. Начало 1750-х гг.

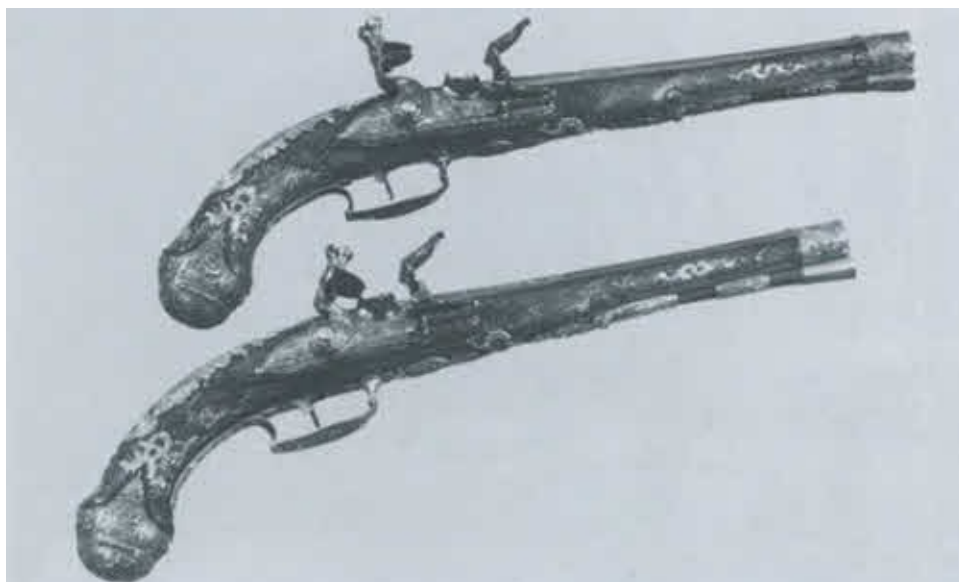
Спальня наследника Петра Федоровича в Ораниенбауме.

Гравюра неизвестного художника

Лейб-медик Иоганн Герман Лесток.

Гравюра неизвестного художника. 1740-е гг.

Охотничьи пистолеты.

Россия. Середина XVIII в.

Граф Алексей Григорьевич Разумовский.

Неизвестный художник. Середина XVIII в.

Золотая табакерка с портретом императрицы Елизаветы Петровны.

1740-е гг.

Граф Петр Иванович Шувалов.

Гравюра Г. Ф. Шмидта. 1760 г.

Гренадерская шапка и унтер-офицерская алебарда.

Россия. Середина XVIII в.

Граф Александр Иванович Шувалов.

Гравюра неизвестного художника. 1750-е гг.

Блюдо и миска для супа.

Петербург. Середина XVIII в.

Портрет великого князя Петра Федоровича.

Неизвестный художник. Середина XVIII в.

Гренадер Лейб-кампании в кавалергардском уборе.

1742–1762 гг. Гравюра

Мушкетерский унтер-офицер.

1756–1761 гг. Гравюра

Чертеж крепости Петерштадт в Ораниенбауме.

П. А. Сент-Илер. 1756–1762 гг.

Штоф зеленого стекла.

Россия. Середина XVIII в.

Великий князь Павел Петрович.

Ф. С. Рокотов. 1762 г.

Сергей Васильевич Салтыков.

Гравюра Л. Бине. 1762–1763 гг.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна.

Г. Х. Гроот. 1754 г.

Фонарь со слюдяными «стеклами».

Россия. Середина XVIII в.

Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны со свитой.

Г. Преннер. 1744–1755 гг.

Портрет императора Петра III.

А. П. Антропов. 1762 г.

Граф Михаил Илларионович Воронцов.

Неизвестный художник. Середина XVIII в.

Тронное кресло императрицы Елизаветы Петровны.

1750-е гг.

Графиня Анна Карловна Воронцова.

Неизвестный художник. Середина XVIII в.

Золотое блюдо. Европа.

Середина XVIII в.

Портрет Елизаветы Романовны Воронцовой в образе «Осени» на придворном маскараде 1756 года. Ж. П. Сампсуа. (Здесь и ниже портреты дам на придворном маскараде 1756 года, нравившихся наследнику Петру Федоровичу.)

Портрет Прасковьи Александровны Брюс в образе «Воды»

Портрет Марии Романовны Воронцовой в образе «Огня»

Портрет Анны Никитичны Нарышкиной в образе «Воздуха»

Подсвечник.

Мейсенская фарфоровая мануфактура. 1744–1745 гг.

Флакон для духов.

Англия. Середина XVIII в.

Граф Александр Романович Воронцов.

Ф. С. Рокотов. Конец 1750-х гг.

Придворный кафтан. 1750-е гг.

Граф Семен Романович Воронцов.

Ж. Вуаль. 1770-е гг.

Офицерская сумка гренадерских полков.

Россия. Середина XVIII в.

Барельеф с изображением Петра III.

1762 г.

Малая форма штаб-офицера лейб-драгунского полка гоштинских войск. Принадлежала Петру III.

1761–1762 гг.

Фридрих Великий.

Гравюра. 1750-е гг.

Медаль за битву при Цорндорфе.

Пруссия. 1758 г.

Елизавета Романовна Воронцова.

А. П. Антропов. 1762 г.

Монета с изображением Фридриха II, которая была взята за основу для чеканки русских монет с портретом Петра III

Граф Иван Иванович Шувалов.

Неизвестный художник. Конец 1750-х гг.

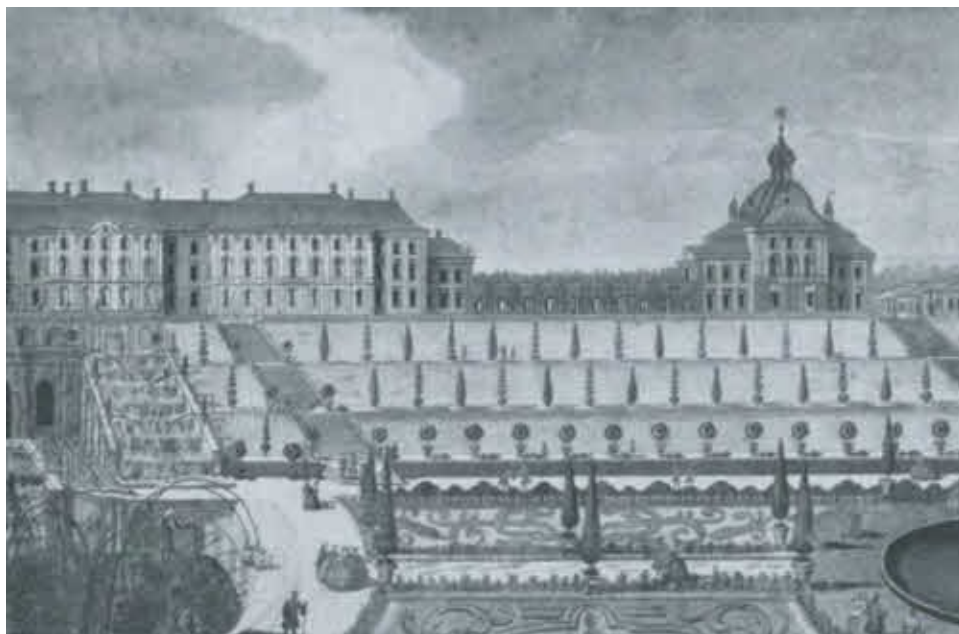
Треуголка Петра III.

1761 г.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

Неизвестный художник. 1762 г.

Петергоф. Большой дворец. Большой каскад.

Раскрашенный офорт. Ш. Нике. 1753 г.

Граф Никита Иванович Панин.

А. Рослин. 1760-е гг.

Офицерская кираса лейб-гвардии Конного полка.

Россия. Середина XVIII в.

Портрет поручика лейб-гвардии Измайловского полка И. П. Озерова, который остался верен Петру III в день переворота 1762 года.

М. Л. Колокольников

Знамя Лейб-компании.

1742 г.

Граф Алексей Григорьевич Орлов.

Неизвестный художник. 1770 г.

Граф Григорий Григорьевич Орлов.

Неизвестный художник. 1760-е гг.

Кафтан обер-офицера лейб-гвардии Семеновского полка со звездой и лентой Святого Андрея Первозванного, в котором Екатерина II возглавила поход гвардии на Петергоф во время переворота 28 июня 1762 года

Неизвестный в красном камзоле (возможно, посмертный портрет Петра III без регалий).

А. П. Антропов. 1766 г.

Елисеева О. И.

Е 51 Петр III / Ольга Елисеева. — М.: Молодая гвардия, 2015. — 379(5) с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1553).

ISBN 978-5-235-03833-2

УДК94(47)(092)"17"

ББК 63.3(2)512

знак информационной продукции 16+

Елисеева Ольга Игоревна
ПЕТР III

Редактор *А. Ю. Карнов*
Художественный редактор *К. В. Забусик*
Технический редактор *В. В. Пилкова*
Корректор *Л. С. Барышникова*

Сдано в набор 14.05.2015. Подписано в печать 22.07.2015.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 20,16+1,68 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1512180.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,

ул. Свободы, 97

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Г. Сухина, В. Ивкин «НЕСТЕРЕНКО»
Л. Юзефович «БАРОН УНГЕРН»
О. Елисеева «РАДИЩЕВ»
В. Полушин «НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ»
О. Киянская «ДЕКАБРИСТЫ»
Е. Глаголева «ЛЮДОВИК XIII»
В. Галедин, А. Щукин «БЕСКОВ»
А. Кокарев «ТИХОН ХРЕННИКОВ»
В. Наумов «ЦАРЕВНА СОФЬЯ»
П. Люкимсон «ЦАРЬ ИРОД»
Е. Трефилов «ПУГАЧЕВ»
Г. Прашкевич, С. Соловьев «ТОЛКИН»

notes

Примечания

Примечания и комментарии находятся в конце каждого раздела.

По отцовской линии Петр приходился Карлу XII внуком.

Переходящая из поколения в поколение страсть к показным, парадным экзерцициям имела формы психического расстройства. Ее отмечали у Павла I и всех его сыновей. Каждый из них был по-своему искалечен фрунтом, каждый искал в нем убежище от внешних невзгод и неурядиц. Николай I признавался, что по-настоящему хорошо чувствует себя только в строю: «Здесь, в армии, порядок, строгая, безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, всё вытекает одно из другого; никто не приказывает прежде, чем сам научится повиноваться, никто без законного основания не становился вперед другого; всё подчиняется одной определенной цели, всё имеет свое назначение». Это был внутренний мирок, очень уютный для мужчин Романовых — большая игра, рассчитанная на участие тысяч хорошо отлаженных автоматов и не имевшая ничего общего с реальной войной. К которой они, кстати, в большинстве питали отвращение. Притягательная сила фрунтomании была настолько велика, что умные, хорошо образованные, одаренные, волевые люди продолжали играть в нее, прекрасно зная: она вызывает озлобление подданных и уже стоила головы двум представителям семейства.

Любопытно, что через сто лет, в 1851 году, точно так же поступил внук Петра III, император Николай I, которого в детстве сурово наказывали за незнание латинских корней. Николай передал из библиотеки Эрмитажа в Публичную все книги на латыни. При этом министр двора П. М. Волконский сказал директору Публичной библиотеки М. А. Корфу: «Государь... не хочет, чтобы в новом музее оставалось что-то на этом ненавистном ему языке». А сам Николай Павлович пояснил Корфу: «Терпеть не могу этой тоски», назвав свое отвращение «врожденным».

Под анекдотом в те времена понимался не смешной случай, а краткая история из жизни того или иного государственного мужа, часто вполне достоверная.

Профессор напрасно горевал о кабинете. Маленький Павел имел нечто подобное. Возможно, к нему перешла старая коллекция отца. Позднее упоминание о богатейшем собрании моделей мелькает уже в николаевской мемуаристике: Инженерный корпус располагал подаренной императором огромной коллекцией русских фортификационных сооружений в миниатюре, которые использовались при обучении кадетов. За три поколения страстно увлеченных инженерным делом государей она должна была несказанно возрасти.

Мысль о том, что сенаторы должны выбрать достойнейшего «между собой», у Нартова отсутствует. Она полностью принадлежала Штелину и отразила политическую конъюнктуру не петровского, а екатерининского времени. Вопрос о престолонаследии оставался острой проблемой русской действительности в течение всего XVIII столетия. Письмо Петра Великого в Сенат создавало прецедент, согласно которому наследник мог быть избран Сенатом из числа его членов. В 1772 году великому князю Павлу Петровичу исполнилось 18 лет. Многие считали, что власть вручена Екатерине II до его совершеннолетия. Поэтому 1770-е годы — время волнений сторонников Павла и неиссякающих печатных провокаций, призванных вновь поднять вопрос о наследнике. Штелин участвовал в этих хлопотах и воевал против Екатерины. На основе подлинного письма он создал документ, якобы относящийся к началу века, а на самом деле крайне актуальный именно после совершеннолетия Павла. Тенью Петра Великого профессор освятил выгодный для сторонников цесаревича политический ход. Книга «Анекдотов» вышла в Лейпциге на немецком языке в 1775 году, а в 1786-м была дважды переиздана в России. Как ее пропустила цензура? Ответ прост — если в 1770-е годы она работала на Павла, то к середине 1780-х ситуация изменилась. Родился великий князь Александр, круг возможных наследников расширился, и подобная публикация напоминала подданным, что преемник монарха может быть избран и переизбран — самим ли государем или Сенатом, в данном случае не важно. Так «Прутское письмо» оказалось обоюдоострым оружием.

То же качество — страх ночного нападения — было присуще внуку Елизаветы императору Павлу I. В последние годы жизни он предпочитал не ложиться одновременно с другими, а расхаживать по пустынным залам дворца в ожидании зари. Чем очень утомлял свою супругу Марию Федоровну, вынужденную ходить вместе с ним. Подобный психоз наблюдался и у Елизаветы. А вот ее подозрительность, скрытность, умение «глядеть с улыбкой на тех, кто более всего противен», унаследовал кроткий государь Александр I.

Ту же логику через много лет воспроизвела и сама Екатерина II, рано женив сына, а потом старших внуков. Но если для Павла Петровича до брака была подобрана сговорчивая вдова, научившая юношу всему необходимому, то Александр и Константин такой школы не прошли — они были чересчур юны и чисты. В результате шестнадцатилетнего Александра, как и деда, постигла неудача. Сохранилось его письмо-отчет воспитателю графу Н. И. Салтыкову, написанное после первой брачной ночи, 28 сентября 1793 года: «Ваше сиятельство, у нас дело изрядно шло. Я пробовал раза три впускать туды, а оно довольно глубоко входило, и ей больно немножко было, но еще не прорвало кожицу». Великий князь описал произошедшее с наивной откровенностью: у него не хватило сил. Примерно так же себя чувствовал и Петр с Екатериной. Разочарование брачной ночи стало серьезной бедой в семье Александра. Его мать Мария Федоровна позднее с гневом пеняла свекрови за столь ранний брак старших сыновей. Статс-секретарь вдовствующей государыни Г. И. Вилламов записал горькие откровения госпожи: «Вот что значит женить детей так рано! Она увещевала в свое время императрицу Екатерину и говорила ей, что это не приведет ни к чему хорошему». И далее: «Если бы императрица Елизавета (супруга Александра I. — О. Е.) вышла замуж не раньше 20 лет от роду, а то и позже, то они были бы оба бесконечно счастливы... Она жестоко оскорбила его... когда он подходил к ней, чтобы обнять или поцеловать, она грубила ему;...безнаказанно нельзя отталкивать своего мужа... Она плохо с ним обращалась, несмотря на то, что они нравятся друг другу... Император был вынужден искать связи на стороне». Если Елизавета Алексеевна, искренне привязанная к Александру, после трудной брачной ночи морщилась и «грубила», чуть только муж пытался приобнять ее, то как же вела себя девушка, не влюбленная в супруга, а только терпевшая его? В лучшем случае покорно.

Вспомним Вилламова. Когда Мария Федоровна сказала ему, что Александр I из-за холодности жены «был вынужден искать связи на стороне, что Елизавета могла этому помешать, что император ей все рассказал», статс-секретарь ответил: «Его откровенность, возможно, имела целью заставить императрицу как-то по-другому реагировать. «О, — воскликнула она. — На нее это никак не подействовало!». Удивительно, что повороты судеб и жизненные ситуации способны повторяться из поколения в поколение.

«При нашем дворе было двое камергеров Салтыковых, сыновей генерал-адъютанта Василия Федоровича Салтыкова, жена которого, Марья Алексеевна... была в большой чести у императрицы за отличные услуги, оказанные ей при вступлении на престол... Младший из ее сыновей, Сергей, недавно женился на фрейлине... — вспоминала Екатерина о своем возлюбленном. — Старшего его брата звали Петром, это был дурак в полном смысле слова, у него была самая глупая физиономия, какую я только видела в моей жизни. Большие неподвижные глаза, вздернутый нос и всегда полуоткрытый рот». Те исследователи, которые убеждены, что отцом великого князя Павла стал Сергей Салтыков, ссылаются на эту строчку из мемуаров императрицы, доказывая внешнюю схожесть «дяди» и «племянника». Однако разрезом глаз Павел повторял мать, вздернутый нос был у Елизаветы Петровны, очень не любившей свои изображения в профиль, а полуоткрытого рта за сыном Екатерины никто не замечал.

Доступ к русским секретам (если такое слово уместно) был при Елизавете Петровне более легким, чем позднее. Если в середине XVIII века послы, передавая информацию, ссылались на очень высокопоставленных конфиденентов — Бестужева, Шуваловых, Воронцова, Трубецкого и т. д., то пару десятилетий спустя, при Екатерине II, начали жаловаться на поведение министров, которые всячески избегали контактов с иностранцами. Повседневный, «бытовой» подкуп опустился из кабинетов вельмож к их секретарям, переводчикам, любовницам и т. д. Резидентам приходилось собирать информацию где только можно, потому ее качество страдало. Получение взятки от иностранной державы начали рассматривать как постыдное деяние. Его совершали втайне, боясь разоблачения.

Близость приведенной легенды к рассказу о том, как после смерти самой Екатерины II А. А. Безбородко вручил Павлу I завещание императрицы, передававшее корону ее внуку Александру, а новый самодержец сжег бумагу, — говорит не в пользу достоверности истории. Перед нами сюжетное клише, характерное для «анекдотов» о смерти монархов.

Буркхард Христофор Миних (1683–1767) — генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии при императрице Анне Иоанновне. Командовал русскими войсками во время войны с Турцией 1735–1739 годов. Именовал себя «столпом империи», поддержал молодую правительницу Анну Леопольдовну и ее годовалого сына императора Ивана Антоновича, способствовал аресту герцога Бирона. После переворота 1741 года, приведшего к власти Елизавету Петровну, сослан.

Эрнст Иоганн Бирон (1690–1772) — герцог Курляндский, фаворит Анны Иоанновны. После ее смерти в 1740 году попытался оттеснить от власти родителей маленького императора Ивана Антоновича и править от его имени. Был схвачен и вместе с семьей отправлен в ссылку.

Имя этого должностного лица С. М. Соловьев прочел как «Силин», а К. А. Писаренко — как «Савин».